

В своем мире он был богом, а в новом наследником падшего Рода... Тьфу, не отсюда. В мир пришла Система, города пали, люди сражаются на остатках цивилизации... Ах, тоже мимо. Черт!

Ай, да пофиг! Простой парень, не инженер и не реконструктор, заснул дома, проснулся в мире с драконами, эльфами и гномами. Правда, властелины неба больше не летают, эльфы корчуют лес на поля, а гномы обживают предгорья. Цели простые: выжить, разбогатеть. А после можно и разобраться, зачем тут нужен попаданец...

Твари пришли в деревню ранним утром, под начавшийся истошный лай собак. Сочащиеся слизью и скверной тела набросились на частокол и ворота. Но подобное происходило не в первый раз в истории поселения, и крепкое дерево створок устояло. Разбуженные тревожным колоколом жители собрались за стенами, натягивая тетиву на луки и надевая броню.

— Что, братцы, опять? — позёвывая и крепко сжимая рогатину, спросил таких же злых со сна мужиков дородный корчмарь.

— Что-то в этот раз собаки совсем с ума сходят, как бы не пришла какая особенная тварь, — хмуро ответил толстяку высокий, худой, но жилистый кузнец, наконец, закончив готовить свой лук к бою. — Надо посмотреть да отстрелять немного.

И, сплюнув на землю, мужчина взбежал по лестнице на вышку, откуда летели меткие стрелы.

Корчмарь проводил его взглядом и, нацепив шлем, отправился к своему месту у ворот. Мужчине больше всего хотелось скорее всё это закончить и отправиться спать. Но кузнец прав — собаки слишком сильно сходят с ума.

За воротами раздался громкий, холодящий кровь в жилах, рёв, а потом с вышки крикнули:

— Это хорса! И огромный!

Обстрел с вышек усилился, гулко разорвали воздух стрелы баллист, и раздался полный боли рёв. Попали!

Ворота сотряс удар, а сверху раздался гул от множества крыльев. Корчмарь поморщился, ловким ударом копья сбивая первую из пикирующих на него изменённых скверной птиц. Летящие твари это всегда плохо, хуже только насекомые.

Ещё несколько ударов в ворота, а на вышке раздались матюки, и вниз, спасаясь от птиц, начали спускаться те, у кого доспех оставлял слишком много уязвимых зон.

— Опять ты броню улучшаешь невовремя? — между тяжёлыми вдохами спросил корчмарь кузнеца, на котором сегодня не было ничего, кроме лёгкого пластинчатого доспеха и шлема.

Встав спина к спине, они отошли под навес, откуда меткими ударами копья и палаша стали сокращать поголовье летающих монстров.

— Сегодня вечером должна была быть готова. Не повезло, — скривился долговязый коваль и, пользуясь короткой передышкой, сняв с пояса флягу, сделал глоток, после чего передал товарищу. Тот благодарно кивнул, жадно поглощая воду.

— Второй раз на моей памяти тебе так не везёт, — закончив пить, хмыкнул в бороду толстяк, отдавая сосуд. — Запасную броню нужно иметь, раз так любишь переделывать!

— А тебе похудеть, — желчно ответил кузнец. — Минута боя, а ты уже дышишь, как загнанная лошадь!

— Зато удар сильный! — усмехнулся корчмарь, лёгким движением копья сбивая изменённого миазмами скверны дрозда.

Поголовье летающих тварей стремительно сокращалось. Их никогда не было слишком много — мутации далеко не всегда сохраняли птицам способность к полёту. На проклятых землях их было не очень много, а те, что жили, обычно скверны избегали, как огня.

Раздался рёв, и ворота содрогнулись от сильного удара, а потом и ещё нескольких, заставляющих трещать крепкое дерево.

— Думаю, сегодня тебе придётся продемонстрировать свой удар на чём-то покрупнее птиц, — нахмурился кузнец и, кивнув товарищу, опять полез на вышку.

А три десятка мужиков у ворот отошли подальше. И не зря, с той стороны раздалась дрожь земли, а потом ворота хрустнули, и в ворохе щепы от них отлетела верхняя часть. Но окованное металлом дерево не сдалось полностью, и огромная туша висела в проёме, ревя и ворочаясь, пытаясь прорваться дальше.

Ударили стрелы, впрочем, безобидно отскочившие от костяных наростов на теле. Те, что смогли попасть в уязвимые места, не прошли далеко, завязнув в толстом слое жира. А глаза ревуший монстр прикрыл лапой. Опытный! Хотя, другой бы до такого размера и не дорос.

На вышке заскрипела взводимая баллиста и великан, бывший когда-то простым медведем, скрипнув деревом створок, отступил назад, спасаясь от грядущего выстрела. В пробитую им дыру рванули твари поменьше. Изменённые волки, лисы и прочая «мелочь», в холке доходящая до середины груди взрослому мужчине.

Ударила баллиста, и огромный волчище, первым полезший в дыру в воротах, так и получил стрелу в грудину. Взвизгнувшего монстра огромной стрелой выкинуло наружу. Но это уже было не важно: прикрывшись щитами, стоящие перед воротами мужчины начали работать копьями.

С вышек их прикрывали стрелами, так что пока отбивались. Но через мгновение остатки ворот рассыпались, и во двор ворвался огромный хорса. Только остатки створок спасли строй защитников от участи быть раскиданными по всей площади у ворот.

Ударили копыя, сверху выстрелила вторая баллиста, попадая великану в бок. А несколько мужчин накинули на монстра сети. Зверь скверны заревел от боли и бросился вперёд, стремясь вкусить крови своих мучителей. Но наткнулся на упёртые в землю длинные копыя и, отступив, запутался в сетях.

Строй защитников сделал шаг назад, продолжая сосредоточенно рубить и колоть тварей. А на башне послышался звук взводимой баллисты. Припавший на землю зверь, только что вырвавший стрелу из своего бока, нашёл взглядом защитников и, разрывая сети, отпрыгнул в сторону, спасаясь от пронёсшегося рядом снаряда.

— Твою мать! — выругался корчмарь. Тварь срочно требовалось придержать хоть как-то. Иначе строй неминуемо будет разрушен, а дальше начнётся резня. Но сам он и его ребята были заняты. Коротким уколом сверху толстяк поразил в голову рычащую тварь, грызущую щит бойца впереди.

Окинув взглядом двор, он увидел в стороне, как сосредоточенно орудующий длинным шестом местный дурачок забивает небольшого изменённого зайца. Свистнув, мужчина привлек внимание парня и кивнул на огромного монстра.

Про себя же толстяк молился всем мёртвым богам, чтобы дурачок всё правильно понял. И тот не подвёл: что-то промычав, парень подбежал к собравшемуся для рывка монстру и вбил в открытую рану на боку шест.

И хорошо так вошло, на руку. Изменённая тварь конвульсивно дёрнулась, и взмахом лапы попыталась отбросить паренька. Попала вскользь, но хватило и этого — тяжёлая лапа прошлась по незащищённой голове, разрывая кожу и круша кости. И деревенский дурачок, который даже говорить толком не мог, рухнул на землю.

Монстру этого было мало, и он протянул к обидчику пасть, намереваясь его окончательно разорвать. Но с вышки, наконец, ударила сначала одна баллиста, а потом и другая. Обе попали. Хрипящая кровью туша дёрнулась от попаданий и завалилась на бок, прямо на парня.

Владелец таверны поморщился, дурачка было жалко. Здоровый уродился, хоть и разумом скуден. Но сейчас было не до того. Даже несмотря на то, что самую здоровую тварь убили, мелочь продолжала напирать на строй и расползаться по деревне.

— Где, мать их, охотники когда они нужны? — сплюнул трактирщик, нанизывая оскаленную пасть на копьё.

— Я видел, — взмах палаша кузнеца, — как команда уходила в лес. Собираются искать шамана.

Толстяк поморщился от попавшей на лицо крови, но больше ничего не сказал. Нападение в любом случае должна координировать разумная воля. Убить этого умника явно лишним не будет.

А тем временем из баронского замка вырвалось два десятка закованных в сталь всадников, устремившихся в сторону. По пути топча копытами и разя копьями бросившихся на них тварей.

Через несколько минут они уже были у ворот деревни, проскочив на полном скаку мимо и, пролетев поля, развернулись на второй заход. Рядом с толстяком выдохнул кузнец, ударом палаша раскраивая череп очередной твари, принял на щит рывок ещё одной и подставил замершего монстра под удар копья трактирщика.

Удар палашом по изменённому зверю слева, закрыться щитом. Привычная, хоть и тяжёлая работа. С вышек продолжали бить лучники и баллисты, и через несколько минут двор был завален порубленными тварями. С теми, что рассредоточились по деревне, разберутся остальные.

Мелькнула пятка копья, опускаясь на треснувший череп пытающегося уползти подранка, корчмарь сипло вдохнул и, поведя вокруг бешеным взглядом и не найдя живых врагов, крикнул, выплёскивая всю скопившуюся ярость боя:

— Бар-р-ра-а-а!

Его крик поддержали остальные осатаневшие, тяжело дышащие мужики. Воинственно подняв бороду, толстяк оглядел людей вокруг, выискивая убитых. Но кроме пары раненых пострадавших бойцов видно не было. И это возле ворот, закрывая самый основной прорыв. Есть повод гордиться односельчанами.

Тяжело вздохнув, он направился к огромной туше убитого великана, из-под которой только и торчали что голые пятки дурачка. Свистнув мужикам, он вырвал кривое копьё из бока зверя и, используя как рычаг, стал поднимать тварь. К нему присоединились остальные, и через минуту извлекли парня.

— Досталось ему, — присвистнул пекарь, снимая шлем и вытирая пот.

— Вроде только голову рассекли, в основном это не его кровь, — покачал головой подошедший кузнец.

Парень и правда был буквально весь залит чужой кровью. Рана на голове выглядела страшно. Это было видно даже сквозь спутанные и залитые кровью волосы. Трактирщик присел рядом и, внимательно оглядев тело, недоверчиво воскликнул:

— Да ведь он ещё жив, братцы!

И действительно, парень слабо, но дышал.

— Ну, глупее он уже точно не будет, если выживет, — хмыкнул кузнец. — Потащили к старухе?

Корчмарь согласно кивнул и, соорудив носилки, они подняли и понесли бессознательное тело к лекарке. Для неё в ближайшие дни будет много работы.

В деревне стали зажигаться факелы, а вылезшие из домов женщины и дети, начали потихоньку потрошить мёртвых тварей. Наступал тот момент, ради которого они все жили на границе проклятых скверной земель, несмотря на огромную опасность для жизни. Только в этот раз добыча пришла к ним сама!

Раны пострадавших были обработаны, а через три дня произошло событие, навсегда изменившее историю планеты. В одном из закутков знахарки, где лежал деревенский дурачок, раздались хриплые слова на языке, не принадлежащему этому миру...

— Твою мать, что же я маленьким не помер-то!

Глава 1

Легче мне стало только на второй день, после того, как я очнулся в первый раз. Перестало тошнить до рвоты, и я хоть как-то стал осознавать окружающее. Иногда заходила незнакомая старуха, перебинтовывала мне голову, давала воды и выносила стоящий рядом с кроватью горшок.

В голове творился полный сумбур. Последнее, что я помнил — это как заснул в своей кровати. И даже не пил ничего, а мирно смотрел видосики перед сном. Одновременно вспоминалась оскаленная пасть какого-то огромного монстра и сильный удар по голове.

Я был бы рад списать всё это на бред, но узнавание старухи мне давал второй набор воспоминаний. Ассоциативный ряд всегда стартовал с травм, боли, а потом переходил на цепкий взгляд, аккуратные прикосновения рук и аромат трав.

Впрочем, я вообще вспоминал что-либо из второго набора ассоциаций, в основном, увидев это. Не было такого что я резко получил второй набор воспоминаний, картинки, образы приходили в процессе взаимодействия с окружением.

Вот и сейчас, раздался скрип петель, и в закуток, вошла всё та же старуха-целительница. Окинув меня уверенным взглядом, она скрипуче что-то спросила на неизвестном языке и, скривившись, бросила взгляд на стоявший возле кровати горшок. Голова заболела ещё сильнее, но общий смысл того, что от меня хотят, я понял.

Медленно кивнул, стараясь не тревожить гудящую голову. И потихоньку, опираясь на неожиданно крепкое плечо женщины, начал вставать с постели. Немного переждав головокружение, мы неспешно вышли наружу.

Большая комната, небольшой предбанник, и мы оказались на озаряемом ярким солнцем дворе. Второй набор ощущений говорил, что всё нормально — я дома. Да и мне было в целом не до отвлечённых размышлений и переживаний — все мои силы оказались отданы, чтобы дойти до туалета.

Старуха не закрывала дверь, смотря на то как я пытаюсь разместиться внутри. И только наткнувшись на мой злой взгляд, усмехнувшись, закрыла дверь и оставила меня в одиночестве.

Обратный путь дался мне ещё тяжелее и, выпив воды, я отключился. В этот раз надолго, но, проснувшись, я чувствовал себя намного лучше. А если лежать и не двигаться — даже голова не болела и появилась возможность подумать о ситуации.

Во-первых, это не моё тело. В этом я полностью убедился ещё во время похода в туалет. Младше, менее тренировано, да и набор шрамов другой.

Во-вторых, чужие воспоминания. Их было не так много, да и то, что было, сложно связать во что-то цельное. В основном, это были голые эмоции и короткие картинки.

Голод, краюха хлеба от бородатого лица, тепло стога сена. И чужая речь, не очень понятная, скорее воспринимаемая эмоционально. И работа, конечно. Много всякой самой простой и грязной работы, которую даже привычный деревенский люд не любит.

При воспоминании о том, как я, задорно помахивая лопатой, вычищаю туалеты, меня чуть не вырвало. Но к моей радости — просто нечем. Одно было понятно кристально точно: я больше не дома.

И пробивающийся в затянутое слюдой окошко свет двух лун этому способствовал. Нет, их было не видно, но в том, что это окажется именно так, я не сомневался. Хоть я и должен

был бы паниковать, метаться, но сил на это у меня никаких не было.

Единственное, о чём я переживал, это о своих родных дома. Как они там, и что случилось со мной? Неожиданно умер во сне? Но от чего? Тромб в сосудах, сердце? Но я проверялся недавно. После того, как коллега по тренировкам Миха слёг в больничку, я изрядно кирпичей отложил и всех врачей прошёл.

Ну да, они там много чего нашли, но с тех пор я стал намного аккуратнее в препаратах и дозировках. Да и больше не тренируюсь для подиума. С чего мне умирать в двадцать три года? Но, так или иначе, заснул дома в своей кровати, а проснулся уже тут. В теле местного дурачка, даже не способного нормально говорить.

— Не видать мне в ближайшее время фитоняшек и подснежников! — тихо прошептал, проговаривая мысль.

Протянув руку, я подхватил небольшой кувшин, стоящий рядом на табуретке, и отпил воды. Меня до сих пор мутило, да и от размышлений голова начала гудеть. Так что я предпочёл откинуться на набитую сеном подушку и отключится. Утро вечера мудренее.

Проснувшись утром, я выпил воды и, аккуратно ступая, вышел наружу. Где, присев на крыльцо, подставил лицо солнечным лучам. Голова не болела и тошнота прошла. И это было само по себе таким кайфом, что думать о каких-либо проблемах не хотелось. Особенно о тех, что я всё равно не могу изменить.

Из дома вышла старуха и что-то недовольно проскрипела, на что я только виновато улыбнулся.

Покачав головой, она бросила короткое слово и поманила меня в дом. Там, на столе, стояла миска жидкой похлёбки, к которой я под звук заурчавшего желудка сразу прикипел взглядом.

Под её разрешающий кивок я подхватил кусок хлеба и заработал ложкой. На что знахарка удивлённо подняла бровь. Но только уже когда я начал скрести по дну миски, до меня дошло. Я взял столовый прибор правильно, пальцами, а не просто схватив ладонью, что диктовали рефлекс тела.

Вот так и палятся попаданцы. На мелочах и несоответствиях. Но не думаю, что сейчас это будет иметь значение. Чувствуя приятную тяжесть в желудке, я отвалился от стола и вопросительно посмотрел на знахарку. Она показала подбородком на кровать и, вздохнув, я отправился отдыхать дальше.

Так следующие дни и прошли: я ел, спал и внимательно слушал, что мне говорит женщина, всё чаще выхватывая смысл слов. Жидкие супчики сменились кашей с несколькими кусочками мяса. Но и всё. Мне этого не хватало категорически, жрать хотелось постоянно. Судя по всему, дело тут было не в больничном режиме, мне просто больше было не положено.

Через три дня целительница протянула мне ветхие штаны да рубаху из грубой ткани и показала на дверь. Поклонившись на прощание, я оказался на улице. Босой, голодный и без малейшего понимания, что делать дальше.

Короткие обрывки воспоминаний привели меня к хлеву с коровами, где, среди сена, обычно парень и спал. Я же постоял, посмотрел на это и, развернувшись, отправился к главным воротам. Находиться в деревне мне некомфортно. Запахи витали далеко не самые приятные для бывшего городского жителя.

Провожаемый неуверенными взглядами пары стоящих на вышке деревенских парней, вышел наружу. Останавливать меня не стали.

Я отправился на протекающую в полукилометре реку. Ноги сами привели меня туда по коротким проблескам воспоминаний. Скинув одежду, я бросил её на берегу и, внимательно оглядевшись, вбежав в воду, наконец, с удовольствием окунулся с головой.

Коротко накатила паника, но явно не совсем моя, до этого моё тело явно плавать не умело. Купался я очень недолго, через полминуты выскочив на мелководье, где как следует потеряв тело песком, вылез обратно на берег. Раскинувшись на траве, уставился в синее небо с медленно плывущими облаками.

В очередной раз заурчало в животе, и я внимательно оглядел берег. Небольшой кусок песчаного пляжа, перевёрнутая вверх дном лодка, с которой местные, видимо, ловили рыбу. Подальше к берегу заросли уже подходили сплошняком и лезть туда не хотелось.

В речке плескалась рыба. Но... У меня нет ни удочки, ни сетей, ни чего-либо подобного. И рыбак я ещё тот, никогда не увлекался подобным. Как и охотой, к слову. Как мне добыть себе пожрать? Возвращаться в деревню очень не хотелось. Хотя, наверное, миску жидкой похлёбки или даже каши мне выделяют, особенно если я немного поработаю сначала.

Но хотелось настоящей еды, мяса или хотя бы рыбы. Ещё раз оглядев реку, вздохнул, и начал собираться обратно в деревню, жалея, что никогда не интересовался азами выживания в дикой природе или изготовления примитивных инструментов. А жрать хотелось сильно.

Через двадцать минут, обвязав лицо рубахой, я уже работал в коровнике, выгребая дерьмо.

Работы там на самом деле было всего на полчаса. А потом, когда я закончил, жена хозяина коровника вынесла мне миску тёплой каши. Которую я там же по-быстрому и съел, не обращая внимания ни на что. Голод — не тётка. И люди вокруг иждивенцев терпеть не будут.

Окатившись водой из колодца, я смыл часть запаха и выдвинулся в сторону местной таверны, расположенной в центре нашей деревни. Привязь для коней, слева от здания проход на конюшню. Внутри меня встретила большая комната с лавками и столами, освещаемая небольшими окнами в самом верху или камином и свечами. Из элементов декора её украшало только несколько оскаленных голов разных тварей на стенах да пара драпировок на бревенчатых стенах.

Дверь на кухню, лестница на второй этаж да стеллаж на входе, вот и всё убранство местного постоянного двора. Из кухни, насколько я знал, был свой выход на конюшню и задний двор. Десяток маленьких комнатшек наверху, пару из которых занимали хозяин с домочадцами.

Окинув взглядом убранство, я прошёл в уголок, где никому не буду мешать, и присел на пол. Удивительно, но ничего, подобного барной стойки, не было. Бородатый хозяин курсировал между кухней и посетителями, чаще всего сам. Бросив на меня острый взгляд, он просто тяжело вздохнул и разрешающе кивнул, не став меня выгонять.

Зал потихоньку заполнялся усталыми мужиками, рассаживающимися за столиками. Перекидываясь редкими словами, они пили своё пиво, а потом трактирщик начал выставлять закуски. Мяса было не много, в основном речная рыба, поджаренный хлеб, каши. Сглотнув слюну, я постарался отстраниться от запахов, внимательно смотря и, главное, слушая окружающих.

Я пришёл сюда учить язык. На меня обращали внимание, что-то эпизодически говорили в мою сторону. Но не выгоняли. Вообще, как я заметил, местные мужики, когда хорошо выпили, оказались на удивление спокойными. Даже голос никто старался не повышать, а те,

кто напивались, в основном спокойно уходили домой.

Из необычного, что я отметил, это поголовная вооружённость. Также стало понятно предназначение полок при входе, на которых местные размещали своё оружие, перед тем как разместиться за столиками. Копья, топоры, большие кинжалы и даже несколько мечей.

Я сидел на месте и за это короткое время, стал значительно лучше понимать, что говорят окружающие. Всё же я оказался не полным нулём в местном языке, какие-то слова сразу давали ассоциативный отклик. Это радует.

— Ешь, — раздался голос бородатого хозяина местной таверны, громко поставившего миску с жареной рыбой на стол.

Выплыв из своих мыслей, я недоумённо посмотрел на мужчину. Поняв, что он это мне, благодарно кивнул, поднимаясь со своего места в углу и пересел за стол. Миска опустела очень быстро, а я расслабленно замер, наконец, ощутив сытость. Впервые с того времени, как очнулся.

Посетители разошлись, и в зале не осталось никого больше. Бородач прошёлся вокруг, туша свечи. Я вздохнул, поднимаясь с лавки, пора и мне было идти, родной стог сена в коровнике ждал меня.

На что бородач усмехнулся и махнул мне рукой, велел следовать за собой. Мы прошли через кухню с погасшей печью и вышли у конюшни. Где мужчина вручил мне тонкое одеяло и показал на конюшню, где на втором этаже у него складировалось сено.

— Спасибо, — коряво произнёс я на местном языке.

Толстяк дёрнулся, окинув меня удивлённым взглядом. А после, качая головой, произнёс длинную фразу, из которой я понял только что-то про удар по голове.

Виновато пожав плечами на его речь, я полез наверх, где стал устраиваться на сене, завернувшись в одеяло. Посмотрев мне в след, бородач недоверчиво покачал головой, и, развернувшись, отправился отдыхать.

А я страдал. Комары, сено колется, да и всяких букашек полно. Но, тем не менее, поворочавшись около получаса, я всё же уснул.

Проснулся утром от женских голосов. Мощно зевая, спустился вниз, где круглолицая жена трактирщика, подождав, пока я умоюсь и выпью воды, практически мгновенно взяла меня в оборот: Поколоть дров, убрать навоз в конюшне и отвести его на компостную яму, натаскать воды.

К лошадям меня не пускали, как и не давали в руки опасный инструмент, кроме колуна. И то, хозяйка сначала смотрела, как я им пользуюсь. Пользовался я им так себе, но стремления отрубить себе ногу не демонстрировал. Одна из дочек трактирщика — полная светловолосая девушка лет пятнадцати — некоторое время всё равно за мной присматривала, что-то бойко лопоча, но потом, видя, что я не очень понимаю, что она говорит, отстала.

На самом деле зря, я выучил ещё несколько слов. Но так или иначе, дел мне хватило до самого вечера. И свою кашу с мясом на обед я точно заработал. Хотя вечером пришлось и побегать, убирая зал после посетителей.

Свой третий день в новом мире я провёл ровно по тому же сценарию, как четвёртый и пятый, молча выполняя указания трактирщика и его жены. Народ тут был простой, не прихотливый. Но вот насчёт того, что бедный, я бы не сказал. Совершенно не разбираюсь в средневековой денежной политике, но не далее, как вчера, мельник праздновал свадьбу сына, решив напоить чуть ли не всех желающих. И платил золотыми монетами.

Хотя стоит сказать, что продукты в селении дорогие. Отдать серебряную монету за хороший ужин и пиво — обычное дело. Кажется, что это всё же не нормально для средневекового поселения.

Днём у меня практически не было времени находиться в зале, трактирщик нагружал меня всё сильнее и сильнее. Но я не в обиде, кормил он меня в местных реалиях от пуза. А дел у мужика, живущего с двумя дочками и женой, накопилось очень много. Мужских рук сильно не хватало в таком большом хозяйстве. Больше десяти дней я просто разгребал залежи того, до чего у него не доходили руки.

— Эй, ты там, вставай! — раздался снизу голосок младшей дочери корчмаря.

Разлепив глаза, я выпутался из одеяла и, почесавшись, высунул голову из своего сенника.

— Ирма? — вяло спросил, отряхиваясь от сена.

— Идём, отец ждёт! — воскликнула рыжеволосая девочка, нетерпеливо стуча ножкой по земле.

Я вздохнул и начал спускаться по лестнице. Девочка, увидев, что я не отлыниваю, развернулась и пулей вылетела из конюшни. Я же умылся из бадьи и через минуту последовал за ней.

Бородач ждал меня в том углу двора, где у него стояли чучела и прочий инвентарь для тренировок. Приветственно кивнув, он кинул мне стоящее у стенки копьё, а потом и щит.

— Смотри. Повторяй, — кратко произнёс мужчина, вооружаясь ровно таким же набором.

И медленно начал мне показывать, как правильно держать копьё, щит, атаковать и защищаться.

— Лапоть, — усмехнулся он, смотря, как я пытаюсь повторить его движения. — Показываю ещё раз. Держи спину ровно.

В его исполнении это выглядело красиво. Мгновенные уколы сбоку от щита, сверху. Экономно и быстро, выдавая огромную практику. У меня же через полчаса от махания копьём начали отниматься плечи. Видимо, вилы и лопата явно не дали этому телу необходимой тренировки.

Я разучивал пока только один удар — боковой от щита. Это сложно. Правильная работа корпусом и ногами, и, что доставляло особую сложность, так это щит. Но потихоньку что-то начало получаться. Отдохнув пару минут и выпив воды, я встал напротив деревянного манекена, изображающего огромного волка.

Короткий выпад в пасть. В ногу. В грудь. Повторить. Выполнял всё очень медленно, стремясь поставить прежде всего правильную технику. А рядом тренировался толстяк. И вот он работал копьём как швейная машинка. Атакуя сразу несколько манекенов в различные зоны. Очень-очень быстро и не промахиваясь. Красиво. А уж когда он начал активно перемещаться, перестав тренировать строевую технику и перейдя на индивидуальный бой...

Меня он, к слову, начал сразу тренировать под строй, судя по всему. Сидя на одном из чучел, я зачарованно наблюдал за тем как он начал демонстрировать работу только копьём.

Кажется, я нашёл себе занятие, которое полностью уничтожит понятие «свободное время». Но мне подобное привычно. Я с юных лет ходил на всякие секции. Несколько лет самбо, потом два года бокса. Даже выступил на соревнованиях, в которых занял последнее место. Тогда и понял окончательно, что, к сожалению, у меня просто плохая реакция. Я медленный. В борьбе это проявлялось не столь сильно, а вот в боксе, на который я пошёл,

желая подтянуть ударку, вылезло очень явно.

Я так хотел выступать в смешанном стиле, что это меня тогда подкосило. Можно тренироваться до посинения, но большим чемпионом мне не стать. Сейчас понимаю, что просто стоило вернуться в борьбу. Но тогда... Я и так плохо учился, мечтая о спортивной карьере, а тут и вовсе плюнул на всё, начал пить с мигом нашедшимися приятелями.

И только через пару лет привычка к тренировкам взяла своё. Я как раз познакомился с Михой, соседом по подъезду, он и привёл меня в качалку. Сначала тренировался натурально, но старший товарищ мне объяснил расклады и перспективы подобных тренировок. Так и началось моё злоупотребление химией. Что привело меня в итоге к паре выступлений на районных соревнованиях и работе инструктора по фитнесу в нашем же зале.

— Продолжай! — скомандовал мне бородач, после того, как немного отдышался, закончив тренировку с копьём.

Я тяжело вздохнул и встал в стойку. Укол. И ещё.

Поняв, что я не своевольничаю и действительно правильно отрабатываю один удар, мужчина кивнул и отправился в конюшню ухаживать за животными. Меня он пока к ним не подпускал. Только если с лопатой вывезти конские каштаны на компостную кучу.

Закончив тренировку, я облился холодной водой из колодца и развалился на лавке, переводя дух. Долго отдыхать не вышло, меня позвали на завтрак, а после всё потонуло в уже привычной рутине. Принести воды, помыть полы и прочее.

На следующее утро, несмотря на то, что болели все мышцы, я опять стоял возле манекена, отрабатывая выученный удар. На что трактирщик одобрительно хмыкнул, немного размялся и показал мне укол сверху щита, а также правильный порядок смены стойки.

Дни летели быстро. Размышлять на посторонние темы было особо некогда, но я с удивлением обнаружил, что восстанавливаюсь невероятно быстро. Даже на самом сильном курсе я так не мог. А тут уже на второй день после первой тренировки я был в полном порядке. Это явно ненормально, но я постарался принять это как данность и просто начал активнее тренироваться.

Может тут все люди такие, кто знает? Да и тренировались тут без скидок на пол и возраст, возле манекенов эпизодически собиралась вся семья трактирщика. Девочки учились копьё, стрельбе из лука и арбалета. И на фоне хотя бы жены бородача мои успехи выглядели довольно бледно.

Но, тем не менее, уже через две недели трактирщик взял меня на общую тренировку. Поутру, коротко размявшись, мы вышли за ворота деревни. Дул ветер и хмурые невыспавшиеся мужики собирались в строй напротив десятка свежих манекенов, изображающих всяких тварей.

— Ты всё же притащил его? — недовольно осведомился кузнец, щеголяющий полным латным доспехом.

— Ещё одно копьё лишним не будет, — равнодушно пожал плечами толстяк.

— Ну-ну, — покачал головой коваль, окинув меня презрительным взглядом, махнул мне рукой на левый фланг и приказал: — В строй!

Меня неделю немного натаскивали трактирщик с женой, но всё равно я чувствовал себя как пятое колесо в телеге. Ну успевал со сменной стоек, перестроениями, ловя на себе злые взгляды кузнеца. Но хуже стало, когда он решил, что нужно поддержать меня и словесно.

— Дурак, спину прямо, щит плотнее. Налево. Ты знаешь слово лево вообще? Дали боги дурака в строю! Ровнее держи, выродок!

Зло сплюнув, он встал рядом, оттолкнув меня плечом. Я сжал зубы, не позволяя себе сорваться на ругань. Я уже выучил достаточно слов и выражений, практически первое, что я выучил в этом наречии, хоть и не всегда понимал все нюансы смысла.

И да, все мужики вокруг здоровее меня. Я же теперь подросток лет пятнадцати, достаточно крепкий для такого возраста, но всё же не набравший до конца рост и массу.

— Густав, оставь парня в покое, — вздохнул трактирщик, которому надоело слушать всё, что начал выплёскивать на меня кузнец во время перерыва в тренировке.

— Как будто он заслуживает другого! — желчно ответил кузнец.

— Какая муха тебя сегодня укусила? — сплюнул толстяк. — Мы обязаны ему в последнее нападение тварей. Если бы не он, все бы там остались. Успокойся!

— Он подкатывал к Фриде, когда та ещё жива была, но та его отшила, — фыркнул седой пекарь, вытирая пот. Мужiku уже было под шестьдесят, тренировки давались ему нелегко.

Я же стоял, пытаюсь отдышаться и вникнуть в их слова. Язык благодаря оставшейся памяти парня мне давался очень быстро. Но всему есть свои пределы. Даже их диалог, я скорее додумал. И то, что я понимал, заставляло беситься всё сильнее и сильнее.

— Парень тут причём? — поднял бровь трактирщик.

— Запала она ему сильно. Красива была, чертовка. Блондиночка, фигурка точёная, как у аристократки. Как глянет своими голубыми глазищами, так сразу за душу брала, — восхищённо продолжил седой пекарь, прищурился глазами.

— И сгорела за месяц, после того, как родила ЭТО, — зло сплюнул в мою сторону кузнец.

— Нахер иди! — с трудом сдерживая подступающее бешенство, процедил я.

Кузнец рассусоливать не стал и с шагом зарядил мне левый прямой в челюсть. Ну и нарвался на правый кросс из-под руки. Бил я от души — один из моих любимых ударов — а после отшатнулся назад, разрывая дистанцию и готовясь к продолжению боя. Но не потребовалось. С хрустом костей здоровый мужик рухнул на землю, потеряв сознание.

— О как! — присвистнул рядом пекарь, а после шагнул к лежащему телу, и нагнувшись, внимательного того осмотрел, после чего констатировал: — Жив! Но, похоже, парень сломал ему челюсть.

Я же стоял, тяжело дыша и пытаюсь унять всплеск адреналина. Где-то внутри меня полыхал огонёк восторга. Дело даже не в самой драке. Удар я нанёс довольно криво, без наработанной телом моторики, и, судя по всему, вывихнул кисть. Дело в другом. Я успел и мужик не показался мне особо быстрым. А значит прозвищу «Улитка» больше не быть!

— Надеюсь, ты сможешь это повторить, когда он очнётся и поправится, — хмыкнул трактирщик. — Иначе быть тебе сильно и часто битым.

Я сжал кулак, поморщившись от прострелившей кисть боли и, смотря на лежащее в пыли тело, уверенно ответил:

— Справлюсь!

А про себя я молился, чтобы его челюсть заживала дольше, чем моя рука, и составлял программу дополнительных тренировок. Пришло время проверить, что может это тело.

Просьпаться с первыми петухами — тяжело. Вечером всё равно приходилось сидеть до заката и дальше, чтобы убраться после посетителей. Тем не менее, бодро слетев по лестнице, я умылся, поелозил зубы веточкой и отправился в уголок для тренировок.

К прочему инвентарю добавилась здоровенная, сделанная из нескольких слоёв грубой ткани и засыпанная песком, боксёрская груша. Сначала, конечно, необходима разминка и растяжка. Стоило бы пробежаться, но сегодня на это нет времени. Энергично помахав руками и ногами, я немного помучил связки, пытаюсь сесть на шпагат, а после забинтовал запястья полосками ткани и подступил к груше.

Начал я с отработки лоукика, постепенно чередуя его с ударами руками. Прямой, крюк, свинг. Повторить. Методично, выстраивая правильное выполнение ударов. Я тренировался, пытаюсь восстановить навыки бокса уже две недели. Сразу после того, как перестала беспокоить рука, что произошло за пару дней. Не знаю, что не так с моим телом, ведь кузнец до сих пор ест только жидкие супчики, не демонстрируя особой скорости восстановления.

— Хорошо бьёшь, правильно, — похвалил меня подошедший трактирщик.

— Стараюсь, мне же ещё отбиваться от господина Густава, — улыбнулся я, стараясь свести всё в шутку. Меньше всего мне нужны лишние вопросы.

— Господин у нас в замке живёт, — скривился мужчина, кивнув в сторону баронского жилища. — А у нас тут все свои. Так что давай без этого, зови просто по имени.

На что я кивнул и, немного замявшись, всё же спросил:

— Скажи, Эрхард, как меня зовут?

— Ты совсем ничего не помнишь? — прищурился трактирщик.

— Картинки, ощущения. Но до удара по голове всё как в тумане. Не помню отца, не помню мать. Даже говорить учусь заново. Только мелькает, что обо мне кто-то долго заботился, девушка. И всё.

— Сестра твоя старшая, Эрна. Она отправилась в столицу учиться три года назад, — вздохнул мужчина. — Тебя зовут Бьёрн.

— Расскажи мне ещё о семье, пожалуйста, — попросил я, сжав губы при звуке имени.

Сразу навалилась череда образов и ощущений. Лицо сестры, кое-какие воспоминания, но как я и сказал трактирщику, ничего конкретного.

— Мать твоя оказалась в нашей деревне ещё маленькая совсем, вместе с отцом. Они северяне, что-то у них там произошло в семье. То ли изгнали его, либо ещё что, но дед твой вспоминать дом сильно не любил. Он тут вполне неплохо устроился, охотником. Жаль только умер ещё до твоего рождения — попытался откусить добычу больше, чем смог.

— А мать?

— Она к тому времени уже миловалась с одним из авантюристов-охотников, тоже северянином. Родилась Эрна, а потом и ты. Роды были очень тяжёлые, она ослабла сильно. А потом практически сразу и отец твой исчез на охоте. Всё одно на другое наложилось и не выдержала она. Умерла. Ты был тогда ещё совсем крошечный, тебя даже кормила Берта, она как раз тогда старшую дочку родила.

— Вот как... — протянул я и, улыбнувшись, добавил: — Значит твои девочки мне молочные сёстры?

— Возможно, — усмехнулся он. — Но будешь на моих девочек хвост поднимать, тебе

это не поможет.

— И не собирался, — защищаясь, поднял я перед собой руки.

Кстати, действительно, и мыслей подобных нет. Я не могу перестроиться на местные понятия красоты и гигиены так быстро. Это сложно после фитоняшки, с которой я эпизодически спал дома. Силиконовые сиськи, курсы препаратов и спорт давали просто идеальное тело. А тут мне предлагают сельских девок с вонючими кустами из подмышек. Бр-р-р. Может когда-нибудь потом встречу ту, ради которой с этим смирюсь. Но явно не сейчас.

— Смотри мне, — погрозил пальцем толстяк. — Ладно, поболтали, время и поработать. Бери копьё и щит, нечего кулаки портить.

— Разумеется, — бодро кивнул я, подхватывая стоящий возле стены тренировочный инвентарь.

Тренировка прошла хорошо, Эрхард даже показал мне пару приёмов для работы только копьём.

Я не фанат холодного оружия, но вроде как то, что он называет копьём, это не совсем оно. По крайней мере, копьём не рубят. А боевое копьё толстяка — там лезвие сантиметров сорок, и рубить или резать им вполне можно.

На самом деле после драки с кузнецом я немного успокоился. До этого меня постоянно бесило окружающее. Вроде никогда не было спонтанных вспышек злости, а тут иногда просто с пустого места. Влияние гормональной системы тела или просто от положения, в котором я оказался, сложно понять.

С одной стороны, жив, здоров. Но очень сильно бесит, что, несмотря на то, что я вроде как дитя более продвинутой эпохи, что-то привнести в этот мир, на чём можно подняться, в голову не приходит. Я хотел, например, «придумать» барную стойку, раз уж работаю в трактире.

Но это не нужно. У нас просто не так всё устроено. Сам Эрхард проводит много времени на кухне, его жена и дочери постоянно при деле. Стеклой посуды не очень много, в основном одинаковые кувшины или бочки. Приходят к нам в трактир чаще всего просто пообщаться, попивая пиво в знакомой компании.

Есть пара местных алкашей, да. Но они обычно сидят в углу, и у них там своя компания. Охотники тоже поодиночке не пьют. Может, в целом, из этой идеи что-то и вырастет, но пока актуальным это не выглядит. Так что не вижу особых для себя перспектив, разве что тоже в охотники идти.

Не самый плохой вариант из возможных в этом мире, как я понял. Очень опасный, да. Но и зарабатывают они очень хорошо, охотясь на местную изменённую фауну. Только и разговоров, кто что добыл и сколько это будет стоить.

— Пошли, покажу тебе, как за лошадьми ухаживать, — произнёс Эрхард, отдышавшись после того, как мы закончили тренировку.

— Конечно! — бодро кивнул я.

Вот тебе и попаданец из продвинутой эпохи компьютеров и машин. Радуюсь, что повышен в ранге до ученика конюха, а не просто подай-принеси, убери-помой.

Хотя подходить к лошадям мне всё равно немного боязно. Здоровая же животина, кто знает, что ей в голову придёт? Местные, вот, им даже копыта чистят совершенно спокойно, а мне боязно.

Тем не менее, под чутким руководством толстяка я вычесал, протёр лошадку и даже

осторожно почистил копыта специальным крючком. Вроде всё получилось. А после как всегда: воды принеси, дров наколи, уберись. Вечером я на кухне и в зале. Принимать простые заказы от постоянных клиентов моего знания языка уже хватает.

Сегодня было довольно тихо. За одним столом сосредоточенно напивалась компания лесорубов, за другим пара охотников. Скрип открывшейся двери, пробившийся даже сквозь пьяный гул, возвестил о новом посетителе. Я в очередной раз скривился от этого звука, смазать нужно и подогнать двери. И ведь не сколько руки не доходят, просто оно специально так сделано, чтобы предупредить о посетителях.

Вошедший высокий старик в плаще из дорогой ткани с парой подпалин окинул взглядом таверну и, тяжело вздохнув, прошёл к дальнему столику. Самому маленькому, что есть у нас в зале. Высунувшаяся с кухни Ирма ойкнула и метнулась обратно. Чтобы через минуту к столику прошёл её отец.

— Господин? — вопросительно произнёс толстяк.

— Вина и твоей коронной курицы. И добавь света, — лениво ответил старик.

Эрхард кивнул и скрылся на кухне. Я только собирался пройти за ним, поинтересоваться новым посетителем, но от столика лесорубов раздалось «пива» и мне стало немного не до того.

Потом пришлось бежать ещё за водой и на ледник. Так что про старика я вспомнил, только когда, проходя мимо, увидел, как он раскрыл на столе книгу, делая пометки на лежащим перед ним листе бумаги. Я не удержался и заглянул ему через плечо на страницы. И завис.

Твою же мать! Меньше всего я ожидал, что в стране, где я пока не видел ни одного азиата, будут писать иероглифами. По крайней мере, сама книга и пометки, что делал старик для себя, были именно такие.

— Любопытно? — вырвал меня из ступора скрипучий голос.

— Так везде пишут? — выпалил вопрос я быстрее, чем успел задумать.

— На всём пространстве бывшей империи, — повернувшись ко мне, с любопытством прищурился старик.

Моя надежда на то, чтобы быстро выучить местную грамоту, после его слов в муках скончалась. Но я всё же спросил:

— А сложно научиться?

— Сложно, — хмыкнул он и, прикоснувшись к высывающемуся из-под рубашки браслету на правой руке, протянул: — Как интересно... Ты тот парень, что искупался в крови умирающей хорсы?

— Наверное. Я почти ничего не помню до того, как очнулся.

— Да, местная знаменитость, дурачок после удара по голове переставший быть дурачком. Это интересно. Приходи ко мне завтра после полудня, — приказал он и отвернулся к своей книге.

Я коротко поклонился и бочком-бочком отодвинулся к кухне. Нужно обсудить с Эрхардом. Лишнего внимания я не хотел, а кто он такой, без понятия. Может мне стоит готовиться уносить ноги из деревни.

— Кто этот старик? — покосившись на дверь, негромко спросил я толстяка, шинкующего овощи.

— Ингельвин. Наш главный алхимик. Все самые лучшие и дорогие эликсиры — это к нему. Как и продать самую дорогую добычу.

— Он заинтересовался мной, приказал завтра зайти к нему. Это опасно?

— Сходи, — равнодушно пожал плечами бородач. — Ты скверны хлебнул порядочно. Что будет, когда она выйдет до конца, тебе у нас только он и скажет. Старуха в тебя много всякого влила, чтобы направить её воздействие на полезный путь. Но это дело такое, до конца никто не знает.

— Это дорого же, наверное, было очень, — нахмурился я, уже наслушавшись про цену местной алхимии.

— Не для нашей деревни, — покачал головой Эрхард. — А ты спас много жизней тогда у ворот, так что требовать с тебя ничего не будут.

Я немного помолчал, обдумывая сказанное. Потратить большие деньги чтобы вытянуть деревенского дурачка с того света... Неожиданно. Такое вот дремучее средневековье, не знающее гуманизма.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

— Ты свой, а за своих нужно стоять до конца. Иначе мы тут не выживем, — бросив на меня острый взгляд, произнёс бородач.

— Я запомню, — серьёзно ответил я. А после, услышав за дверь очередное «ещё пива», начал наполнять кружки. Это стоило обдумать.

Местная алхимия — это что-то близкое, скорее, к настоящей магии, чем к химии. Видеть в темноте, стать сильнее в несколько раз, вылечить серьёзные раны? Легко. Как и много чего ещё, во что не поверю, пока не увижу. И более того, они тут иногда на полном серьёзе обсуждают магию.

Часто упоминают бесполезные игрушки старой империи, а современных магов презрительно обзывают фокусниками. При том, что о «старой магии» говорят то со злостью, то с восторгом. Часто поминаю некую «катастрофу», в контексте, что маги всё же доигрались. Но это всё обрывочно, дело было, судя по всему, довольно давно и не многие знают детали.

Алхимик ушёл после того, как поужинал, и я, замотанный делами, заметил это уже под закрытие. А в полдень следующего дня я был возле его дома. Красивый двухэтажный дом с лавкой на первом этаже, хорошо укреплённый по местным правилам. По крайней мере, с улицы были только глухие стены до второго этажа.

Зайдя внутрь, я огляделся. Чучела тварей на задрапированных красной тканью стенах, полки с различными товарами и экспонатами. И стойка в дальнем конце помещения, за которой стояло пустое сейчас кресло. А на стене, на полках, стояло множество стеклянных, глиняных и деревянных флаконов.

— И кто тут у нас? — всё так же проскрипел алхимик, выходя из задней комнаты и усаживаясь в кресло.

— Вы просили зайти, — пожал плечами, осматриваясь вокруг.

— А, бывший дурачок, — покивал он. — Очень интересный случай, да. Старуха превзошла себя. Работа уровня магистра, не меньше.

— Вы магистр? — поинтересовался, скривившись от покровительственного тона, в котором он отозвался о старухе, спасшей жизнь этому телу.

— Именно. Столичной Академии Алхимии и Магии имени Грегора Огненного.

— Значит госпожа Лидия равна вам по статусу? — едко ответил я.

— Только в практических навыках исцеления. Я всё же лучше разбираюсь в приготовлении декоктов.

Он ответил серьёзно, проигнорировав мою подначку, и, встав с кресла, вышел ко мне. Остановившись напротив, он прикрыл глаза, прислушиваясь к каким-то своим ощущениям, а потом поманил меня пальцем, веля следовать за собой.

Мы прошли в комнату за приёмной, и уже это было похоже на лабораторию алхимика в моём представлении. Два перегонных куба, несколько печей, множество разной посуды, щипцов, зажимов, тиски. В одном углу стояло массивное окованное железом кресло, окутанное мало того, что кожаными ремнями, так ещё и цепями.

— Садись, — велел магистр, указав пальцем на это самое кресло.

— Привязывать не будете, надеюсь? — усмехнулся я, тем не менее, усаживаясь в пыточное приспособление.

— Будем исследовать, что она там с тобой наворотила, после того, как ты искупался в крови сильной твари, — произнёс он, не обратив внимания на мой вопрос.

А после, велел раздеться до пояса, стал наносить на тело мазки различных реактивов, спрашивая мои ощущения. Некоторые из них неслабо так жгли, другие вызывали онемение тела. Он записывал реакцию мелом на небольшую доску-планшет. А после, стерев свои художества с меня, незаметно достав маленький, но острый стилет, ткнул мне в палец.

— Пропасть! Предупреждать же надо, — прошипел я.

— Это долго, — отмахнулся он от моих слов. И, нацедив крови в небольшую колбу, отошёл с ней к столу, начав добавлять кровь в различные вещества. А после, задумчиво хмыкнув, обернулся ко мне.

— Раны быстро заживают?

— Да, — согласился я.

— Ешь много?

— Много.

— Это хорошо, значит используются ресурсы тела, а не подпитка скверной... По методике воздействия, выходит практически как то, что используется в гвардии. Тебе повезло, пацан, в столице подобное стоит огромных денег. Но вот почему это сказалось на когнитивных функциях, да ещё и в лучшую сторону, непонятно...

— Это навсегда? — задал я самый важный для меня вопрос.

— Нет. То количество скверны, что в тебе осталось, хватит на полгода-год в зависимости от того, насколько активно будешь выжигать её. А дальше произойдёт откат.

— Откат? Что со мной будет? Я стану как раньше? — с тревогой спросил я, представив, что вернусь к состоянию овоща, что было до этого. Я же даже не знаю, вылечило ли то, что я оказался в этом теле, его идиотизм. Может это что-то генетическое, и я сейчас держусь только на скверне?

— Не знаю, чем это было вызвано раньше и что действительно повлияло на изменение твоего мышления. Может быть как угодно. А откат? В обычном случае ты пару месяцев будешь себя очень плохо чувствовать: рвота, понос, слабость, головные боли. Начнутся сильные скачки настроения, тяга к прошлой силе.

— Это можно как-то отсрочить?

— Скверна, — пожал плечами магистр. — Ровно отмеренное количество, купируемое эликсирами.

— Последствия?

— Действительно, влияние на когнитивные функции налицо, — хмыкнул алхимик перед тем, как продолжить: — Скачки настроения, итоговое снижение тех самых

когнитивных функций, мутации. И как итог: неизбежное превращение в тварь скверны.

— Но прекратить принимать скверну можно на любом этапе? — поинтересовался я.

— Гвардейцы через десяток активных лет службы отправляются в подвал на несколько месяцев. Не очень добровольно, конечно, у них почему-то всегда находятся причины продолжать принимать препараты, — неприятно усмехнулся он. — Примерно половина всё равно потом оказывается в здешних лесах.

Я скрипнул зубами. Вот тебе и халявная выносливость и регенерация. Или принимай эту дрянь и дальше, чтобы через несколько лет потерять человеческий облик. Или шанс стать опять пускающим слюни дурачком.

— Что вы посоветуете? — подняв глаза на алхимика, спросил я.

— Использовать по максимуму то время, что есть, а потом молиться всем мёртвым богам, чтобы откат не затронул восстановление твоего разума. И, прежде всего, тренировать память и мышление.

— Мышление? У нас в деревне? — грустно усмехнулся, обведя воздух рукой.

— Ты вроде хотел научиться читать? — поднял бровь старик.

— Да. Я и шёл сюда спросить, как я могу отработать обучение.

— Как будто ты можешь предложить мне что-то, что я не могу купить. Моё время стоит слишком дорого. Но тебе повезло, это интересный эксперимент. Я думаю написать по этому поводу работу. Так что, приходи завтра к вечеру, попробуем что-то сделать. И перескажи Эрхарду, о чем мы с тобой говорили, у него может оказаться для тебя сюрприз.

— Спасибо, — поблагодарил я, вставая с кресла.

— Иди уже, — отмахнулся он.

Поклонившись напоследок, я в раздумьях отправился обратно в таверну. Нехорошо выходит. Да, конечно, я, наконец, узнал, что со мной, но легче от этого не стало. Перспективы не особо радужные.

Вернувшись в таверну, я зашёл на кухню, где трактирщик в это время разделявал свинью, эпизодически кидая маленькие кусочки кошкам. Увидев мою хмурое лицо, он веско бросил:

— Рассказывай.

Вздыхнув, я расписал будущие перспективы. Заняло это не так уж и много времени, после чего Эрхард задумчиво меня спросил:

— Чем ты вообще собираешься в жизни заниматься?

— Хочу стать охотником. Я не заработаю подобных денег ничем больше, — пожал я плечами.

— Охотники не живут долго, думаю, ты уже это понял. Тебе так нужны деньги? — хмыкнул толстяк, лёгким движением ножа снимая вырезку.

Я на это только вздохнул. Уже успел послушаться и насмотреться только за то время, что работаю в трактире — приходящие охотники не досчитались нескольких человек. Но успело появиться и несколько новых. Новичков в этом деле всегда очень много, каждый хочет заработать гору денег. Надеюсь, что уж ему-то повезёт, и он разбогатеет, а не останется гнить под корягой или станет кормом очередной твари.

У многих получается, но ещё больше остаются в лесу, особенно в первые выходы. Я не очень жажду рисковать жизнью, но... Увидев тот же перегонный куб у алхимика я, например, вспомнил про керосиновые лампы. И наверняка подобным образом смогу вспомнить много чего ещё.

Но на всё это нужны деньги или связи. Я очнулся не в крупном городе среди десятков ремесленников, а в месте, где зарабатывают деньги. Очень хорошие деньги. Тут я свой, а подайся сейчас в город обрести нужными связями и умениями, это опять всё заново начинать. Меня тут учат сражаться, если алхимик выполнит уговор, натаскают в грамоте. Так что нет, пока никакого города.

— Нужны. И сейчас в том числе. Мне нужно тренироваться, пока действует скверна. И даже на это нужны деньги, хотя бы на еду. А ты знаешь, сколько я ем.

Он пожевал губу и вздохнул, а после негромко бросил:

— Займись дровами, а после сходим в одно место.

Кивнув, я отправился работать. Как ни крути, но кормёжку отрабатывать надо....

Через полчаса я отложил колун и присел на чурбак отдышаться. Колоть дрова не так сложно, а вот пилить намного проблемней. Для этого Эрхард обычно нанимает местных пьянчужек мне в помощь. Глубоко вдохнув пахнувший готовящейся едой и конским навозом воздух, я скинул рубаху и ополоснулся ледяной водой из колодца. Встряхнув отросшие волосы, провёл рукой по голове.

Пальцы прошли по бугру шрама, сейчас уже хоть скрытого причёской, а раньше, наверное, было то ещё зрелище. Накинув рубаху, зашёл обратно в таверну, как раз столкнувшись с хмурым толстяком. Тот кивнул на дверь, и мы вышли на улицу.

Молча, провожаемый взглядами односельчан, он провёл меня мимо десятка домов, и мы подошли к высокому забору.

— Последние полгода, тут не жили. Раньше я сдавал этот дом командам охотников, но в последнее время с желающими не особо, — произнёс Эрхард извиняющимся тоном, открывая калитку, за ней нас ждал совсем небольшой дворик, поросший бурьяном.

Минуя его, мы поднялись по прогнувшимся под его весом ступеньками и, скрипнув дверью, вошли внутрь, оказавшись в просторных сенях, из которых вело две двери и лестница наверх. Место казалось очень знакомым. Открыв правую дверь, я увидел жилую комнату. У дальней стены стояла печь, слева несколько сдвинутых сундуков, а в ближнем правом углу стоял отдельный сундук с соломенным тюфяком сверху.

Подойдя к нему, я провёл ладонью по ткани и повернулся к бородачу.

— Это ведь мой дом, верно?

— Твоей семьи. Ты извини, конечно, но никто не думал, что тебе его можно было доверить. Эрна, когда отправилась учиться, оставила его под мою опеку.

— Она всё же рассчитывает вернуться? — спросил, я повернувшись в дальний угол. А там стояло то, от чего я уже и успел отвыкнуть: настоящая, огромная, двуспальная кровать, и даже с балдахином, сейчас свёрнутым наверх.

— Она учится на алхимика, — хмыкнул трактирщик. — Куда ей потом с такими знаниями, кроме как не к нам?

— Я могу остаться тут? Сейчас ты уверен, что я не испорчу дом?

— Это твой дом. И по поводу денег, я его сдавал, там успела набежать неплохая сумма. Этого бы хватило твоей сестре на часть необходимых инструментов. Но сейчас лучше будет потратить их на тебя, — прищурился он, а после, усмехнувшись, добавил: — Но если ты будешь лениться, мигом вернёшься обратно ко мне на конюшню.

— Тренироваться до тех пор, пока не начнут трещать кости, мне не доставляет сложности, — улыбнулся в ответ я.

— Вот и проверим. А пока пошли обратно, там ещё сундук с кое-какими вещами нужно

принести.

— Конечно!

Сундук мы привезли, поставив на тележку. А после бородач меня покинул, оставив обживать. Первым делом я вышел с другой стороны дома оценить территорию. Небольшой огород, несколько фруктовых деревьев. Одно даже с начавшими наливаться яблоками. Вход в ледник, маленькая баня и слева от дома под навесом горн и каменная наковальня.

— Офигеть, а родители не бедствовали... — протянул я вслух.

Это уже по кровати и печи было понятно, но отдельная баня и тем более кузница — это не для бедных. Открыв сундук, я нашёл там кое-какие инструменты для кузницы, пару одеял, несколько платьев. И что меня сильнее всего поразило, полдюжины книг.

А после оглянулся вокруг и, вздохнув, сходил за водой и начал уборку. Дышать многомесячной пылью не хотелось. Зато через несколько часов, затопив печь, лежал на кровати, прикрытый балдахином от насекомых, и кайфовал. Это была моя первая ночь в этом мире, которую я проводил в относительно нормальных условиях.

Жизнь налаживается!

Боксёрская груша дрожала от тяжёлых ударов. Я бил и бил, полностью сосредоточившись на технике и дыхании. Двойка и прямой удар ногой отбросил от меня набитый песком мешок. Тяжело дыша, я сел на землю, смотря на качающуюся грушу.

Вот уже две недели я живу и тренируюсь в своём новом доме, вымеряя пределы этого тела, усиленного скверной. И это потрясающе. Я начинаю понимать, почему те, кто принимают алхимию, не могут от этого потом отказаться.

Я просыпаюсь утром, делаю пробежку вокруг деревни в максимальном темпе, возвращаюсь, завтракаю и бегу на тренировку с копьем к Эрхарду. Возвращаюсь, перекусываю и начинаю повторять выученное уже дома, чередуя с отработкой ударов. Вот как сейчас.

Немного отдышавшись, я ополоснулся и прошёл в дом. Открыл стоящий на печке котелок и жадно заработал ложкой. Жрать хотелось постоянно. Через десять минут, скушав около килограмма каши с мясом, завалился на кровать. Послеобеденный сон — это лучшее, что случается за день.

Через два часа я проснулся и, открыв глаза, остался лежать, уставившись в потолок кровати. Опять хотелось есть, но при этом я не чувствовал себя уставшим. Бодро соскочив с кровати, я доел последний кусок хлеба и отправился к алхимику.

Скрипнув входной дверью, я прошёл в его рабочий зал, где он суетился возле перегонного куба. Бросив на помеху взгляд, он молча подвинул мне пестик со ступой, а следом небольшой мешок, содержимое которого предстояло перетереть в пыль. Как же мог он не озадачить меня работой вместе с учебным процессом?

— Продиктуй мне, что запомнил, — не отвлекаясь от своей работы, пробурчал магистр.

Пожав плечами, я начал вслух перечислять звуки. Оказалось, что я зря боялся. Основная система письменности оказалась всё же фонетической. Шесть десятков букв и слогов составляли основной алфавит. Было несколько сотен именно иероглифов, обозначающих какое-либо понятие, но всё это можно было передать и слоговой азбукой.

На то, чтобы их выучить, мне потребовалась неделя. Я, конечно, немного облегчил себе задачу, так как, прибегая домой, записывал выученное на специально взятой у магистра доске на русском. Но, всё равно, оказалось неожиданно просто.

— Хватит-хватит, — остановил меня старик. — Это ты выучил. Теперь тебе предстоит более сложная задача. Мы будем изучать правила, используемые при письме. Но за скорость — хвалю.

— Благодарю, — откликнулся я, сосредоточенно работая пестиком. — Но сначала я хотел кое-что спросить. Можно?

— Валяй, — благодушно проскрипел магистр, выхватывая из-под краника перегонного куба стеклянный флакон, наполненный бордовой жидкостью.

— Расскажите про магию и катастрофу, пожалуйста!

В книгах, что у меня дома были, про это ничего не было. Там вообще оказалось всё весьма печально по истории. Три художественных романа, сборник тварей бездны, на котором на каждой странице была куча пометок: «Враньё. Сказка. Не работает». Сборник по травмам, лечебным и не очень. И — самая дорогая — короткая книжка по кузнечному делу.

— Магия... — протянул алхимик, а после на секунду прищурился, и пузырёк в его

ладони поднялся и, пролетев пару метров, оказался на полке.

Я замер, пытаясь осмыслить увиденное. Слышать — это одно, но увидеть...

— Рот закрой, а то муха залетит, — криво усмехнулся магистр.

— Вот это да! И многое вы ещё можете? Этому можно научиться? — начал выстреливать я вопросы, бросив всегдашнюю уже надоевшую маску почтительности. Магия ведь! Настоящая!

— Научиться можно, но опасно и практически бесполезно в бою. Алхимия, основанная на скверне, намного полезнее.

— Почему так произошло?

Смерив меня взглядом, он вздохнул и поманил за собой в другую комнату. Где, кинув взгляд на полный дров камин, взмахом руки поджёг в нём огонь и сел в кресло напротив пламени, кивнув мне на стоящее рядом. Задумчиво смотря в огонь, он начал неспешно рассказывать.

— Не так уж и давно, по историческим меркам, все земли людей были одним государством. Империей. Сейчас многие называют это золотым веком, хотя тогдашние жители человеческих земель очень бы удивились. И в империи магия могла очень многое. Совсем не то, что сейчас.

— Утратили знания или что-то изменилось? — любопытно спросил я, ощущая приятное тепло от камина.

— Изменилось. Но до этого я ещё дойду, не перебивай, — отмахнулся он, достав из-под стоящего рядом столика кувшин с вином и стеклянный стакан.

— Извините.

— Так получилось, что почти все силы уходили на войну. То затухающую — и после этого нам оставались впечатляющие исторические памятники и строения — то яростную, после которой горели города, а области проклятых земель начинали расти.

Это я тоже слышал в таверне. Насколько я понял, люди воевали с другими видами. Этими самыми классическими: эльфами, гномами, и прочими. И долго воевали, десятки поколений.

— Обе стороны использовали все свои наработки, сражаясь преимущественно там, где мы сейчас с тобой живём. В бою сходились даже боги. Не было в этой вечной войне независимых сторон. Так, однажды, со смертью одного из богов, появилась скверна.

Он перевёл дыхание и, отпив вина, продолжил:

— Тогда это было небольшой помехой — просто небольшая область, где магия вела себя странно. Не приближайся, не взаимодействуй и всё будет хорошо. И бои продолжались ещё почти тысячу лет. Заклинания становились разрушительней, и простые бойцы оказывались всё менее важны на поле боя. Золотая эпоха магов, способных в одиночку уничтожить армию.

Последний момент он произнёс мечтательно, с немалой долей тоски по тем временам.

— Выводили десятки тварей, способных помочь в бою, заменив собой простых людей, големы, целые разумные виды в качестве живого оружия. Много чего изобрели люди и наши враги. Особенно выделились в этом плане эльфы. Но конец всему придумали мы. Именно наши теоретики из Академии Магии в бывшей столице Империи.

Налив ещё вина, он ненадолго замолк, смотря на огонь, а я молча подкинул несколько поленьев из стоящей рядом аккуратной стопки.

— Они называли это “Кристаллизация”. По задумке, применение этого заклинания

должно было связать всю свободную ману на огромной территории. Но требовались титанические затраты энергии и сила бога, а эффект был не до конца рассчитан. И так бы это и осталось игрой ума, но мы стали проигрывать в войне. Некоторые созданные твари оказались слишком эффективны, куда там современным мутантам скверны.

Вспомнив некоторые описания, что читал в книгах, я даже хотел поспорить. Но, впрочем, прошло много лет. А магистр, тем временем, продолжил:

— Попытки создать противодействие зачастую приводили к ещё более жутким монстрам. В какой-то момент это начало выходить из-под контроля с обеих сторон. Эльфы создали гоблинов, мы создали вампиров. В итоге, вампиры начали резать кроме эльфов ещё и людей, а гоблины обернулись против гномов.

— Разве маги не могли уничтожить то, что создали, если они были такие сильные? — недоверчиво поинтересовался я.

— В этом участвовали боги. А то, что делают боги, они и сами потом повторить зачастую не могли. Это уже чудеса, а не наука. Убить отдельную тварь, уничтожить их гнездо? Легко. Но они создавались, чтобы наводить ужас на огромных областях. В последние годы войны жизнь стала такова, что выйти за ворота своей деревни — значило умереть.

— Как у нас в деревне, — хмыкнул я.

— Вот только наша деревня еду в основном покупает. Мы не сеем хлеб, а многие не держат хозяйство. А они себе такое позволить не могли. Люди голодали. И тогда в Академии вспомнили о Кристаллизации. На возможные побочные эффекты всем уже было наплевать. Была большая битва, убили кого-то из богов. И заклятье было применено.

— Это и была Катастрофа, да? Использовать непроверенное воздействие с неизвестной степенью распространения? И что же могло пойти не так?

Он криво усмехнулся и кивнул, продолжив:

— Там были ограничения на распространение. Но они не сработали, ведь, в конечном счёте, энергетические линии пронизывают весь мир. И по ним зараза распространилась повсюду за считанные часы. После этого большая часть монстров и выведенных тварей практически сразу умерла. Как и огромное число эльфов, гномов, драконов и прочих магических видов. Так же, как и большая часть человеческих магов. Впрочем, как и множество обычных людей.

Он замолк, думая о чём-то своём, а я представил, каково это было. Хотя о чём говорить, если, как я понимаю, даже сельское хозяйство было сильно завязано на магию? По крайней мере, из разговоров в таверне я достаточно часто слышал тоску по старым временам, когда можно было вызвать мага и решить все свои проблемы на огороде или поле.

— А скверна?

— Скверна стала слабее, но осталась. Это оказалось нечто настолько далеко ушедшее от обычной маны, что пережило даже уничтожение обычной маны. Единственный источник не подверженный кристаллизации, медленно пожирающий наш мир.

— Скверна растёт? Без маны? — поднял бровь я.

— Мана есть, энергетические линии планеты полны кристалла. В свободном состоянии её нет, и чтобы её извлечь из кристаллического состояния — нужно потратить намного больше силы, чем высвободится. Скверна потихоньку переваривает кристалл.

Он вздохнул и, помолчав, добавил:

— Заклинание продолжает работать. Если любой маг накопит маны, произведённой своим собственным телом чуть больше минимума, она начнёт связываться в кристалл. Это к

твоему вопросу про обучении магии.

— Но вы же для чего-то это изучали?

— Для приготовления любого чистого сложного состава требуется сила и даруемое открытым источником ощущение маны и скверны. Без этого выше определённого уровня не подняться. Это выгодно, но менее опасным от этого быть не перестаёт. Ходить по краю всю жизнь мало приятного.

— На краю живут и охотники, когда ходят в лес, — пожал я плечами.

— Только они могут заработать денег и уйти на покой. А маг — это на всю жизнь. Рано или поздно ты не уследишь. Впрочем, тебе всё равно это противопоказано. Даже если у тебя есть способности, скверна вытянет всю ману.

— Жаль.

— Может быть когда-нибудь потом. Но если ты планируешь быть охотником, то не советую. Есть некоторые плюсы, но твари станут тебя чувствовать намного лучше. И если ты не хочешь работать приманкой, то не советую.

Договорив, он встал с кресла и прошёл к книжным полкам, стоявшим вдоль одной стены. Вытащив пару книг, он повернулся и положил их на стол передо мной.

— Тут правила правописания, а вторая книга историческая. Как раз про времена до катастрофы и немного позже. Первую выучить полностью, буду спрашивать. Если испортишь книги, будешь отрабатывать. Они не дешёвые. И пока не выучишь, не приходи.

— Спасибо! — поблагодарил я, бережно поднимая книги.

— Иди, на сегодня всё, — отмахнулся алхимик и уселся обратно у камина с бокалом вина.

Я обернул книги снятой рубашкой и быстро добежал домой, где бережно положил свою ношу в сундук к остальным книгам. Никогда не замечал дома за собой такого трепетного отношения к литературе, как и чтению в целом. Но, честно говоря, тут очень скучно.

Все свои книги я прочитаю не один раз. Мозгам требуется что-то ещё, кроме физической работы и общения. Не хватает информации. Местные могут обсуждать малейшую сплетню неделями, в результате чего она обростёт такими придуманными подробностями, что можно целую книгу написать.

Но мне не интересно, это просто слишком медленно. Тут вообще никто не торопится ни в чём. То, что можно сделать за день, растянут на месяц. Это сильно раздражает, люди вокруг, как варёные, но потихоньку адаптируюсь.

Сейчас же, выкинув все заботы из головы, я передел свою «парадную» одежду на штаны из рваной прохудившейся мешковины и вышел во двор. Копьё в руку. Щит. Удар, ещё один. Смена стойки. Повторять до тех пор, пока не начнут дрожать руки и не начнёт хватать воздуха. Остановиться в стойке, щит, копьё на нём сверху. Перевести дыхание и, через не могу, нанести ещё несколько медленных ударов.

Пару минут походив кругами по двору, я отпил немного водички и начал потихоньку растягивать ноги. Разогревшись, шагнул к груше, где немного поработал руками и ногами. Умение хорошо дать в дыню всяко пригодится. Хотя в применении подобного в бою я вполне разумно сомневался. Против местных монстров это неэффективно, как и против людей, вооружённых холодным оружием.

Уж что-что, а умение соблюдать правильную дистанцию вбивается в любого бойца, и совершенно не важно, меч в его руке или только кулаки. Но случаи бывают разные, в том числе и просто драка без оружия.

Пытаясь отдышаться, я отступил от грюши. И, немного отдохнув, опять взял в руки копьё. Крутнув его вокруг себя, усмехнулся и встал в стойку напротив столба. Укол. Отступить. Парирование воображаемого удара, длинный укол, парирование, рубящий удар. Парирование.

И повторять до полного отупения. Часами. Копьё у меня, к слову, только тренировочное — простая длинная деревяшка. Уколы боевым оружием я тренирую только когда бываю у трактирщика.

Сегодня на небе тучи, так что, когда наступила темнота, я остановил тренировку и зажёл лампадку, распространяющую вокруг запах горящего жира. А после продолжил. Укол. Закрыться щитом. Удар сверху. И ещё.

Не знаю, сколько прошло времени, может два часа, а может все три. Но остановился я только когда уже больше не мог поднять копьё. Трясущимися руками вылил на себя припасённое ведро воды и, пошатываясь, вошёл в дом. Печь уже была благоразумно затоплена, во время одного из коротких перерывов. На ней меня ждала горячая похлёбка и кусок лепёшки.

Три минуты работы ложкой. Мыслей в голове никаких не было, только слабый свет лампы освещал бревенчатые стены вокруг. Я осоловело повёл вокруг пустым взглядом, и, дойдя до кровати, задул светильник, и отключился сразу, как принял горизонтальное положение.

Утром короткий завтрак и бегом на тренировку к Эрахарду. Откуда я приполз через час и принялся повторять то, что он мне показал на тренировке, стремясь как можно быстрее вбить правильное выполнение, пока свежи воспоминания. Потом обед, короткий сон и открыл, наконец, книги.

Полтора часа разучивания правил, немного отдохнул да открыл книгу по истории, начиная продираться сквозь текст, пестрящий множеством непонятных для меня слов. Что-то можно было понять из контекста, увеличивая свой словарный запас, другие я выписывал мелом на доске, рассчитывая потом спросить их значение.

Было неожиданно интересно. Сплошная история сражений и войн, которые давали неплохую картинку того, что представлял этот мир собой раньше. И я был не прав, считая его совсем средневековым. Сейчас — возможно. Но раньше магия сильно облегчала и меняла жизнь общества. Я пока плохо знаю мир за пределами нашей деревни, но, по книге, раньше он был довольно прогрессивен, явственно склоняясь в пользу правления магов.

Но это и неудивительно в условиях постоянной резни с нелюдью. Орки, гномы, эльфы, драконы. Которые тут оказались вполне себе разумным видом, имеющим в своём распоряжении огромный остров на западе.

Через несколько часов, как начало темнеть, я отложил книгу. Читать там ещё было много, но продираться через сложный текст, который приходилось расшифровывать, устал. Открыл художественный роман. А вот приключения Альдомара из Верхних Горок оказались довольно интересны. История, о том как сельский паренёк поднимался до рыцаря, ну и любовная история, конечно.

Причём писалось там о времени сразу после катастрофы, было передано немало моментов тех времён. Герой произведения ушёл из деревни, спасаясь от голода, вызванного неурожаем, встречая на пути множество последствий разрушения привычного уклада жизни. Интересно.

Отвлёкся только когда в лампаде кончилось топливо, и я, чертыхаясь, начал заправлять

её заново. Что действительно раздражало, так это то, что у меня не было часов. Я понимаю, что время около полуночи, но точно не знаю. Раздражает. И будильника нет.

Хотя... У соседей раздался петушиный крик, знаменуя первый час ночи. Я вздохнул и, отложив книгу, отправился спать. Режим ломать не дело. А дочитать я всегда успею. В текущих реалиях лучше смаковать и растягивать каждую страницу.

Утром, короткая разминка у трактирщика переросла в поход на общую строевую тренировку. Она прошла без особых проблем, пока, уже в самом конце, не появился хмурый кузнец. Досмотрев, как распался строй, он молча подошёл и встал напротив меня. Так же, без разговоров, снял с пояса ножны с мечом и кинул их мужикам вокруг.

Вздохнув, я положил тренировочные копьё и щит на землю и, шагнув вперёд, поднял перед собой руки. Стойку я держал подчёркнуто кривоватую. И сразу сдвинулся назад, разрывая дистанцию, уходя от прямого левого, а следом правого. Изобразив неловкий тычок левой в челюсть, я заставил кузнеца отойти назад.

Через десяток секунд он взорвался градом ударов, стремясь если не вырубить, то испугать и заставить паниковать. Я постарался изобразить страх, что оказалось довольно несложно, когда по тебе лупит мужик массой в полтора тебя. Я дёргано уклонялся и, когда он удачно подставился, пробил лоу-кик ему по ноге.

Вроде вышло достаточно органично ситуации, а не как будто я мог пробить его уже давно. Странно будет, если я разделаю его на чистой технике, которой взяться неоткуда. Палево.

Удар заставил его отступить. Бил я жёстко, но всё же в бедро, стараясь просто отбить ему ногу, а не раздробить колено. Да и опасно это без жёсткой обуви, можно и себе сломать ногу.

Он уже начал тяжело дышать, но руки не опускал. Я же, сжавшись, стоял напротив, ожидая следующих ходов Густава. Атаковать не планировал, он тяжелее меня килограммов на тридцать-сорок, и если я пропущу хоть один удар, для меня всё и закончится.

Он глубоко вдохнул и опять пробил свою любимую двойку, в этот раз нарвавшись на встречный удар. Но вместо того, чтобы разорвать дистанцию, поддержал себя криком и бросился вперёд, стремясь обхватить меня и повалить на землю.

И налетел на колено. Я чувствовал, как сломался его нос, но мужик не остановился, и, крепко схватив меня, повалил на землю, желая задавить своей массой. Я не стал сопротивляться превосходящей силе. Хотел провести бросок, но не вышло, слишком тяжёл противник и хорошо тренирован.

Он довольно оскалился, оказавшись сверху. И, заливая нас обоих хлещущей из носа кровью, отвёл кулак назад, собираясь обрушить его на меня.

Я закрылся предплечьем, а через мгновение его шею оплели мои ноги. Отведя его руку, я стал давить. Вышел классический треугольник. Захват моих рук он бы может и смог разжать, пользуясь превосходством в силе. Но не ног. Он зверел, пытался разорвать хват, но через полминуты обмяк.

Отпустив кузнеца, я встал, пытаясь отдышаться. Бой прошёл как должен был. Если бы у него в руках было оружие, у меня бы не было шансов. А так всё вышло немного по-другому, и я вроде даже постарался не слишком палиться. Захват финальный? В борьбе какие только положения не принимают конечности. Всё возможно.

— Случайности — не случайны, — только и произнёс толстяк-трактирщик, осматривая лежащего на земле кузнеца.

Я на это только пожал плечами. Понимаю, что веду себя необычно, но и глотать пыль на земле не хочется. Надеюсь, это удастся спихнуть на усиление скверной. Меня немного выручает, что полноценная одержимость, как реальный возможный диагноз, тут закончилась во времена катастрофы. Скверна работает совсем по-другому.

Вот и сейчас я сел возле Густава и аккуратно выправил ему нос, а после, оглядев переговаривающихся вокруг мужиков, произнёс:

— Если в книгах правильно пишут, то он скоро придёт в себя,

— А хорошо ты его, красиво, уработал, — хмыкнул всё тот же старик-пекарь.

— Так получилось, он был неосторожен. И я готовился!

— Ну да, ну да, ажно целый тренировочный снаряд придумал, — усмехнулся в бороду Эрхард, подразумевая боксёрскую грушу.

— Если бы мы дрались с оружием, я бы точно ничего не мог сделать, — только и ответил я в свою защиту.

— Ещё бы ты смог, пацан, — усмехнулся пекарь.

Я сжал губы, не зная, что бы ответить и не наговорить лишнего в процессе.

— Ладно, пошли домой, возьмишь еды, — выручил меня трактирщик, кивком прощаясь с мужиками.

Я благодарно кивнул бородачу и, подхватив с земли щит с копьём, последовал за ним. Вот понимаю, что нужно было проиграть. Но всё естество бунтует против этого. Не хочу.

Мы молча дошли до трактира, где он вручил мне мешок с крупой, немного сушёного мяса и целую курицу. Поблагодарив, я оттащил всё домой и, растопив печь, принялся за готовку.

Драка не выходила из головы. Не знаю, что будет дальше. Может, в итоге местные решат, что скверна стала работать как-то по-другому и попытаются, тюкнув по голове, решить проблему. Нужно смотреть вокруг, не совершать непонятных местным вещей и быть готовым бежать.

В идеале, стоило бы покинуть деревню уже сейчас, во избежание косых взглядов и пересудов о странном пацане. Но я по-прежнему практически не знаю мир вокруг, так что менять шило на мыло, пытаясь устроиться в другом месте, не собираюсь.

— Да пофиг, пусть будет, что будет, — вздохнул я, закидывая курицу в кашу.

Буду решать проблемы по мере их возникновения. А пока я сходил за водой, порубил дрова и начал раскочегаривать баню. Как раз успел закончить, когда всё было готово. И, смотря в большой котёл, только тяжело вздохнул.

— Как будто и не попадал никуда, всё прямо как дома! Как жить бедному кочке?

Родная гречка с курицей привычно глядела на меня в ответ, задорно поблёскивая кусочками мяса.

Все мои дни проходили в тренировках, и даже привычные к тяжёлой работе руки обросли мозолями от копья и щита. Я полностью втянулся в режим, выкинув из головы всё лишнее. Не знаю, что будет дальше, но чем больше я успею сейчас, тем будут выше мои шансы в новом мире.

Громкий треск вывел меня из размышлений о бренности пути в этой вселенной.

— Тьфу, пропасть! — сплюнул я, смотря на сломанное тренировочное копьё в руках.

Инвентарь не выдержал издевательств и, значит, придётся идти к Эрхарду на поклон за новым копьём. Он, конечно, почти родня, но надоедать лишний раз не хочется. Народ тут суровый, не поймут иждивенчества. Да и не очень хочу с кем-либо общаться, давать лишние поводы для слухов о моей странности. Это кроме того, что мне всегда было проще тягать железки, чем искромётно шутить и быть душой компании, а моё попадание в другой мир и тело этого не изменило.

Ополоснувшись, я поднял книги и отправился к алхимику. Предстояло, наконец, сдать экзамен.

— Пацан? — заспано произнёс старик, дремлющий на кресле за стойкой, стоило мне только скрипнуть дверью.

— Пришёл сдавать экзамен по правилам написания, — отчитался я, взмахнув свёртком с книгами.

— Растопи камин и подогрей воды для отвара. Холодно уже, что-то кости ломит, — зевнув, попросил магистр, удобнее заворачиваясь в одеяло.

Кивнув, я прошёл на небольшую кухню. Удивительно, но у него и правда была отдельная комната под приготовление пищи, где находилась монструозная печь, вокруг которой и был построен дом. Собственно, именно ей он дом и отапливал, камин больше для души.

Подкинув дров, я поставил котелок с водой и прошёл к камину, начиная растопку. Постоянной прислуги старик не держал, просто за отдельную плату соседи помогали ему по хозяйству. Закончив с камином, я сходил за закипевшей водой и, приготовив отвар из трав, капнув туда мёда, как любит алхимик, вернулся к камину.

— Значит уже всё выучил? — задумчиво поинтересовался алхимик, грея ладони об горячую чашку.

— Да, магистр.

Хмыкнув, он начал мне задавать вопросы, как пишутся слоги, сколько и какие модификаторы их значений есть. Кратко прошёлся по иероглифам. Даже не особо меня и мучил, а под конец просто протянул мне дощечку с мелом и стал диктовать текст.

Я прилежно записывал, стараясь не ошибиться. Выходило, конечно, очень медленно, но он оставлял паузы. Много таким инструментом не напишешь, так что через минуту он отобрал у меня дощечку и, придирчиво посмотрев текст, указал на пару ошибок.

— Я пока плох с делением по апострофу, простите, — извинился.

— Нормально, многие делают похожую ошибку, — благодушно отмахнулся старик. — У тебя есть вопросы?

Я развязал свёрток с книгами, аккуратно положив их на стол, и достал со дна несколько исписанных мелом дощечек. Зря, что ли, выписывал все незнакомые слова?

— Много незнакомых слов в книгах. Поможете? — произнёс я, держа дощечки перед собой.

— Я смотрю, ты хорошо подготовился... — протянул магистр, после чего вздохнул. — Давай, зачитывай свои каракули.

Бинго! Понеслась!

Это затянулось надолго, зачастую алхимик давал контекст и краткую справку. Мне пришлось даже приготовить короткий перекус и несколько раз ставить воду. Но вышло очень интересно, теперь можно было читать специальную литературу.

Закончили мы уже после полуночи. После чего уставший алхимик, разрешив мне взять ещё пару книг, охрипшим голосом велел проваливать.

Поклонившись на прощание, я, держа свёрток с книгами под мышкой, рванул домой. Несмотря на глубокую ночь, было довольно светло, всё же две луны — не одна. Уже подбегая к воротам, мне по нервам ударило странное тянущее чувство. У ворот на дрогнувшую землю рухнула человекоподобная фигура.

Два с половиной метра в высоту, в обрывках шкур, тряпок и кусков стального панциря. И со здоровенным топором в руке.

— Тревога! — заорали сверху, а следом раздался набат тревожного колокола.

Я же сглотнул, смотря на тварь передо мной. Вампир, искажённый скверной, и, судя по длинным ушам, из эльфов. Это очень плохо. Тварь была обращена ещё до катастрофы и успела набрать мощи. Неизвестно, сколько разума он сохранил, но, судя по топору, достаточно, чтобы пользоваться оружием.

— Пиздец!.. — выдохнул я, пока в голове проносились суматошные мысли.

Это смерть всей деревне, такую тварь можно остановить в текущих реалиях только магией. И ведь он не один, судя по шуму за воротами, привёл с собой ещё тварей.

Монстр, тем временем, размахнулся и обрушил топор на засов ворот. С гулом лезвие оказалось вбито в дерево почти полностью, но толстенный цельный ствол дерева устоял.

Без усилий выдернув засевший топор, бывший эльф нанёс ещё один удар по брусу. Вот и ответ на границу разумности вампира. Как во сне я отбросил свёрток с книгами и, подхватив с земли камень, сделал несколько шагов, взвешивая свой снаряд в руке. Бросок.

Монстр мягко сместился, уклоняясь и разворачиваясь ко мне лицом. Я шагнул ближе, смотря в глаза оскалившему клыки кошмару. Он даже выглядел довольно человекообразно, несмотря на размеры, сохранив изящные черты лица. Залитые тьмой глаза смотрели на меня с диким голодом.

Голод их основная слабость. Он мешает, сбивает мысли, не даёт думать рационально. По крайней мере, так было написано в тех книгах, что я читал. И сейчас он боролся между разумом, говорящим выполнить задачу, и едой прямо перед носом.

Я буквально шкурой ощутил, что его разум проигрывает голоду. Судя по внешнему виду, к людям ЭТО не выходило очень давно, так что не удивительно. Краткой задержки хватило, чтобы сверху раздался звук натягиваемых баллист, а в монстра полетели стрелы.

Вампир ушёл от них одним прыжком. На меня. Я же ушёл в перекат на бок и, взлетев с земли, как проклятый рванул в сторону. Страшно было до одури. Сделав несколько лихорадочных рывков, я, чувствуя жопой смерть, бросился в сторону. Мимо, обдав запахом прелых листьев, пронеслась туша вампира.

Я развернулся и бросился в другую сторону, а в монстра ударили баллисты с вышек. Бесполезно, разумеется. Он увернулся от них, просто резко сдвинувшись в сторону,

демонстрируя потрясающую скорость.

А следом, взрывая ногами грунт, бросился на меня. Не знаю, как я успел распластаться по земле, пропуская тушу над собой. Очень уж жить хотелось.

— Мать моя инерция, — выдохнул я, на карачках бросаясь в противоположную сторону. И, петляя как заяц, понёсся глубже в деревню. В домах зажигался свет, в бойницы в оконных ставнях начали выглядывать люди, и в преследующую меня тварь полетели стрелы и арбалетные болты. Несколько даже попали.

Для меня это оказалось к лучшему, в отличие от общей ситуации. Боль отрезвила монстра, и, вместо того, чтобы гоняться за мной, он бросился обратно к воротам, где в засове остался торчать его топор. Его кожа почернела, и болты со стрелами, которыми его продолжали осыпая стрелки, стали безвредно отскакивать.

Два удара топором — и брус запора развалился на куски. Навалившись плечом, вампир распахнул створку, вызвав радостный рёв за стенами. Через пару секунд внутрь ворвалась визжащая орава мелких зеленокожих уродцев. Гоблины. А монстр, увернувшись от стрелы, прыгнул сначала на дверь, а потом на площадку сторожевой башни. Оттуда раздались крики, а через мгновение баллиста с другой башни ударила по появившемуся в проёме вампиру, жадно глотающему кровь из шеи зажатого в лапах тела.

Помутившееся от долгожданного утоления голода сознание не дало ему отреагировать на выстрел. Огромная стрела вошла древней твари ровно под левую ключицу. Тварь откинуло назад, но, зашипев, он выдернул снаряд из начавшей стремительно зарастать раны и в несколько прыжков оказался на соседней вышке.

Там он никого убить не успел, люди смогли выбежать на лестницу и захлопнуть дверь. Монстр взмахнул когтями, ломая механизм баллисты, и спрыгнул вниз. Дрогнула земля, заражённый скверной вампир, оскалившись, повёл глазами вокруг, оценивая обстановку.

Первый голод он утолил, тяжёлое оружие, способное ему угрожать, из строя вывел. А по деревне растекалась орда гоблинов вместе с несколькими троллями. Я в это время, сверкая голыми пятками, летел к алхимику.

Судя по тому, как вампир проигнорировал рану от баллисты, брать его нужно оружием, которого в этом мире пока не изобрели, или магией. Тяжело дыша, я остановился у порога магистра, смотря на появившегося в проёме старика. В панцире и шлеме, с копьём в руках он встретил меня воинственно задранной бородкой и коротким вопросом:

— Кто?

— Вампир. Три тролля и больше сотни гоблинов.

Он побледнел и крепко сжал в левой руке массивные чётки. После чего развернулся и бросился в дом, поманив меня за собой.

— Его ничего не возьмёт, эти твари практически бессмертны. Но кое-что ему не понравится, — произнёс он, хватая с полки флаконы и выливая их в большую колбу. — Тащи шприц со стены!

Я думал, что это у него декоративная штука, если честно. Но, не споря, сорвал со стены здоровенный стальной шприц с блеснувшей сталью толстой иглой и выгравированными на ней миниатюрными рунами.

— Порошок серебра. Ртуть. Преобразователь, — лихорадочно бормотал магистр, прикрыв лицо и заливая всё в колбу. Коротко перемешав, он выхватил поданный шприц и, раскрутив задник, залил туда всю отраву.

— Я атакую Ошеломлением. У тебя будет всего пару секунд ввести ему эту дрянь. Игла

зачарована, чары продержатся полминуты с момента, как ты возьмёшь его в руки. Не успеешь — все сдохнем, — уже на бегу к воротам инструктировал меня Ингельвин.

Магистра потряхивало от страха. Почти сразу мы увидели вампира. Легко выбив входную дверь в одном из домов, он с наслаждением пил кровь, держа в руке тело мужика в кольчуге, бросившегося на защиту своего жилища.

Селение захлестнула волна гоблинов, сразу начав ломиться в дома. Между нами и древней тварью было полсотни метров, занятых группами мелких зеленокожих. Я сглотнул и бросил взгляд на старика. Тот, не менее бледный, на секунду прищурился, концентрируясь, и протянул мне шприц с засветившимися рунами. Глубоко вдохнув, я взял наше оружие и рванул вперёд.

Припав к земле, я перекатом пропустил над собой дубину одного из гоблинов и прыгнул дальше, как только ноги коснулись земли. Твари заулюлюкали за спиной и ломанулись следом. Я же отсчитывал метры. Тридцать, двадцать, десять. Монстр передо мной лениво отбросил тело и шагнул навстречу, чтобы через пару мгновений замереть и начать падать назад.

Я трясущимися руками всадил ему шприц в шею и стал выдавливать с трудом идущую жидкость. Половина содержимого вошло, а дальше я бросил вводить отраву и, подхватив рогатину павшего односельчанина, бросился наутёк, ткнув в лицо мешающего гоблина.

Тот лениво уклонился, в сторону, но я перевёл удар в режущий, заставив его уйти с пути. А сам задал стрекача. Меня поддержали стрелами из нескольких домов, распугав гоблинов. За спиной раздался полный боли рёв. Через несколько секунд я догнал улепётывающего алхимика. Загнанно дышащий старик, потянув меня за собой, вломился в калитку ближайшего дома.

Раздался звук отпираемого засова, и дверь распахнулась. Мы завалились внутрь, и я растянулся на полу, тяжело дыша.

— Хорошо бежали, — усмехнулся стоящий над нами пекарь. — Идём наверх, поможете отстреливать тварей!

Дом был большой, двухэтажный. Да и семья не маленькая. Так что я поднял себя с пола и двинулся к лестнице наверх.

Бах! Потряс строение удар и, в ворохе разлетающихся щепок от двери и косяка, в дом ворвался древний вампир. Не знаю, как я успел среагировать, но моё копьё полетело в тело прикрывшего лицо и глаза руками монстра раньше, чем он сумел прийти в себя от удара.

Я попал. Ровно в солнечное сплетение, вогнав копьё сантиметров на десять в неподатливую плоть. Практически мгновенно копьё дёрнулось в моих руках, когда бывший эльф вырвал оружие из раны. Выглядел он, конечно, жутко.

Лицо и шею пронизывали чёрные вены, вокруг которых скопилась скверна, гладкая до этого кожа вспухала безобразными угрями, через которые сочился гной вперемежку с кровью и отравой. Мой следующий удар он презрительно отбил в сторону, как и последующие за ним удары мужиков. И легко, практически незаметно глазу махнув рукой, выловил из воздуха выпущенный в него арбалетный болт.

Алхимик сорвал с пояса бутылку и бросил её в монстра. В полете она лопнула, и воспламенившаяся жидкость окатила вампира. Тот попытался увернуться, но магистр явно направлял жидкость магией. А следом мы с пекарем ударили копьями.

Ревущий монстр вылетел назад, пытаясь смахнуть с себя горящую жидкость, выжигающую глаза вместе с тряпками и бронёй. Алхимик же прищурился и, раздавив

очередную бусину на своих чётках, бросил в чудище ещё один флакон, заставивший пламя вспыхнуть сильнее.

Упускать возможность для атаки было нельзя. Я с разбегу воткнул копьё в бок ревущему от боли монстру. И в этот раз вошло хорошо, пробив ему насквозь живот и выйдя с той стороны. Толкнув древко дальше, я оставил оружие у него в ране и отпрыгнул в сторону. А сверху из дома вылетело несколько стрел, добавляя неглубоких повреждений.

Рядом возник пекарь и, выждав момент, нанёс точный удар в голову нашему противнику. Его руки трянуло, и острое вошло в глаз почти на локоть. Вампир обхватил окованное металлом древко и одним движением вырвал его, ломая оружие. Но в него влетело третье копьё с горящими рунам на острое, пробивая насквозь грудь и выйдя со спины. И секущий удар выхваченным мечом по животу от пекаря, выпустивший твари кишки. Бросившись в сторону, монстр задел моим, до сих пор торчащим в нём, копьём забор и его потроха потянулись вслед за выпавшим оружием.

Не разбирая направления, горящий монстр сорвался с места, пробивая своим телом остатки забора и цепляясь волочащимися за ним кишками. Я подхватил с земли измазанное копьё и бросился за ним. Монстр, тем временем, влетел в штурмующих соседний дом гоблинов, а следом в стену дома.

Несмотря на страшные раны, тварь категорически не желаладохнуть. Повреждение мозга, сердца, внутренних органов. Торчащие из груди обломки копья, продолжающие увеличивать степень повреждений, и отрава на основе ртути с серебром в венах. Про ожоги можно и не говорить, остатки его рванья продолжали гореть.

На моих глазах в него вошло пару стрел, а потом и арбалетный болт. Далеко уже не первый. Его нужно было добить, но монстр метался по двору соседнего дома, ревя от боли и круша всё подряд. Подходить было страшно.

— Займитесь гоблинами! — приказал нам магистр, а сам начал осторожно приближаться к монстру, доставая из сумки очередной флакон и крепко сжимая чётки-накопители.

Покрепче схватив скользкое от крови копьё, я повернулся к зелёным уродцам. Чуть выше, чем мне по грудь, худые, в обрывках шкур и иногда тряпок, они сжимали в руках свои примитивные копьё и дубины.

— Отступаем назад! — велел мне пекарь, взмахами меча отгоняя уродцев.

Это выступило спусковым крючком для тварей, первый из которых рванул ко мне, поднимая копьё с каменным наконечником для удара. Я отбил острое и уколол в ответ, не переставая отступать назад. От моей атаки он отшатнулся в бок и ударил ещё раз.

Я сглотнул. Я практически не рассмотрел момента начала атаки. Спасло меня то, что я уже отступал, а моё копьё и руки длиннее, чем у гоблина. Каменный наконечник не достал всего ладонь до лица.

Откуда-то сверху треснул арбалет, и гоблин отшатнулся назад со стрелой в груди. А выстрелы из луков заставил остальных троих броситься в стороны. Мы же со стариком пробежали через разрушенные сени и взлетели по лестнице на второй этаж.

— Что дальше? — спросил я, пытаюсь отдышаться.

— Дело за бароном. Ждём его отряд и начинаем зачищать деревню, если охотники не справятся.

— А сами?

— Кто-то должен защищать женщин и детей в каждом доме. Как только они придут,

начнём выделять людей им в помощь.

Это имело смысл, гоблины рассеялись по всей деревне, пытаясь штурмовать дома, но откатывались, встреченные стрелами и копьями. Сейчас они деморализованы предполагаемой смертью их предводителя, но достаточно скоро они начнут концентрироваться в более крупные ватаги и вскрывать дома по очереди.

Раздался далёкий звук трубы и старик рядом выдохнул. Баронская дружина шла на помощь.

— А что с магистром?

— Его прикрывают соседи, — ответила мне стоящая у окна с арбалетом женщина, после чего, окинув меня взглядом, бросила старику: — Папа, ты хоть сапоги ему выдай, на зачистке понадобятся.

Старик хмыкнул и, согнав двоих маленьких детей с сундука у стены, открыл его. На пол полетели сапоги, стёганая куртка под доспех, кольчуга с несколькими нашитыми на неё стальными пластинами. Шлем. Всё даже на первый взгляд старое, местами тронутое ржой.

— Что смотришь? Одевай, — хмыкнул пекарь.

Дважды мне повторять было не нужно. Поддоспешник, который прямо на мне подтянули ремешками, кольчуга. Шапочка под шлем и сам шлем. Сапоги оказались сильно большими, и я расстроено посмотрел на старика.

Тот достал два куска ткани, присев на лавку, вытащил ногу из сапога и, показал, как их хитро завязывать. Пользуясь его подсказками, я обмотал ноги и надел сапоги. Они по-прежнему оставались большими, но теперь в них хотя бы можно было ходить нормально. Толстая кожа, немного металла. По-другому никак, в строю ноги — одна из самых уязвимых целей.

— Прибыли баронские, — хмуро проговорил муж дочери пекаря от другого окна. — Начинают зачистку.

Пройдя в его сторону, я выглянул из окна. Было видно, как десятки бойцов в плотном строю заходят в раскрытые ворота селения. Гоблины не приняли боя, начиная отходить вглубь деревни. Из домов, от которых отогнали тварей, в стальную реку человеческих сил текли дополнительные бойцы.

— Пойдём, поможем Ингельвину, — скомандовал старик, как только бойцы поравнялись с домом.

Подхватив новое копьё из кладовки и вытащив два здоровенных щита для работы в строю, мы вышли наружу. Пропустив солдат, с некоторыми из которых старик поздоровался, перешли на ту сторону улицы и зашли во двор соседского дома.

Там как будто бомба взорвалась, но самое главное — это магистр с топором в руке, смотрящий на огромную тушу перед ним и эпизодически вбивающий оружие в голову пытающемуся регенерировать монстру.

— Ну наконец-то! Эскель, проводи меня до дома, нужно взять оборудование! Пацан, смотри, чтобы это тварь не очнулась, но не смей добивать до конца. Я поиздержался на нём, он должен хотя бы часть окупить!

С этими словами магистр вручил мне топор и, не слушая возражения пекаря, поспешил в свою лабораторию. Я же, воткнув в землю копьё и облокотив на него щит, остался смотреть на то, как стремительно зарастает голова вампира. Выбрав момент, когда мозг скрылся под отрастающей костью, нанёс удар топором. А потом дополнительно прошёлся по локтям и коленям, повреждая суставы.

Оглянувшись вокруг, поднял голову кверху и встретился взглядом с рыжей девушкой, смотревшей на меня поверх арбалетного болта. Улыбнувшись, помахал рукой, вызвав ответную улыбку. А потом рухнул на землю от сильного удара в спину.

Упал я правильно, уходя в перекат и быстро вскакивая на ноги. Позади отпрыгнул в сторону гоблин, спасаясь от промелькнувшего болта. Через секунду, оказавшись рядом, он обрушил на меня удар колуна, видимо, тут же во дворе и подобранного.

Охнув, я заблокировал удар топорищем и взмахнул в ответ. Он уклонился и тут же атаковал, пройдясь вскользь по моей груди. Я только порадовался кольчуге и поддоспешнику — без этого тут бы мой бой и кончился. Взмахнув топором, заставил его отступить, а сам, отпрыгнув назад, бросил инструмент лесоруба на землю, подхватывая копьё. Укол, ещё один, перевод в режущий удар.

Гоблин взвизгнул, когда моё оружие немного прорезало ему кожу на боку. Я же, внимательно смотря на него, чуть отступил. Гоблины значительно сильнее людей при равном весе и, соответственно намного быстрее.

Оскалив жёлтые клыки, зелёный уродец рванул на меня, отбивая удар копьё в сторону топорищем колуна. Я отступил назад, когда он взмахнул своим оружием, и, после, неожиданно бросил его мне в лицо. Я увернулся, конечно, но именно это уродцу было и нужно.

Нырнув на землю, гоблин поднялся с моим топором в руках и, бросив взгляд наверх, сдвинулся за миг до того, как в него прилетел арбалетный болт.

— Бля!

Ублюдок, отбив очередной удар, молниеносно оказался рядом, атакуя сбоку в голову. Зеленокожий оказался крайне быстр. Я присел, и удар, со скрежетом металла, прошёл вскользь по шлему, срывая его с головы и заставив меня пошатнуться. Дальше уже просто действовал на инстинктах. Бросил копьё и, шагнув вперёд, обхватил уродца руками и ногами. Мы рухнули на землю, и его шея оказалась у меня в захвате.

— Сдо-о-охни сука!

Со всей силы я вжимал его голову вниз, прижимая ногами руку с топором к туловищу. Шея у твари будто каменная, так что сломать её мне оказалось не по силам. Но со злой радостью я почувствовал, как он бросил топор и, высвободив одну руку, попытался освободиться. Перекатившись вместе с ним, чтобы оказаться вне доступа к оружию, продолжал душить ублюдка.

Его мышцы расслабились, и шея, наконец, хрустнула. Перекатившись, я остался лежать, пытаюсь отдышаться. Охренеть. Эта мелкая погань бы меня уработала без шансов! Слишком быстрый и, на удивление, хорошо смыслящий в бою.

— Руби тварь! — сверху раздался громкий девичий крик.

Не поняв сначала, я уставился на гоблина, а потом, вспомнив, перевёл взгляд на начавшего шевелиться вампира.

— Твою мать! — выругался я, подхватывая топор и бросаясь к туше.

Монстр начал вяло двигаться в тот момент, когда острие в очередной раз вошло ему в череп. А я, не останавливаясь, прошёлся ещё раз по зажившим конечностям. Монстр стал меньше, но умудрился почти зарастить рану на животе.

И даже весь яд, который он получил в начале, стремительно выводился наружу. Если он сейчас очнётся, нас всех порвут на куски. Вряд ли магистр сможет повторить ошеломление на готовом к этому враге и подготовить новую порцию яда.

— Отлично! — раздался бодрый возглас алхимика, забегающего во двор с двумя чемоданами в руках.

Не останавливаясь, он подлетел к телу и, раскрыв саквояж, начал доставать хирургические инструменты, украшенные рунной вязью. Во втором у него оказалась тара и реагенты. Потерев ладони, взмахнул скальпелем, делая первый надрез. И, достав щипцы, начал расширять отверстие. Ему явно было неудобно, так что, я, невзирая на то, что больше всего хотелось проблеваться, предложил:

— Помочь?

— Разумеется, — сварливо ответил магистр, отдавая мне щипцы.

Двадцать минут. Ровно столько потребовалось алхимику, чтобы превратить древнюю тварь в два мешка органов. Работал он очень осторожно, стараясь не повредить драгоценные образцы. А то, что не стал пускать в дело, просто так и оставил лежать кусками на земле, оставляя на хозяев участка.

— Всё, понесли всё ко мне, — велел он, навьючивая на меня мешки.

— А как же бой?

— Да закончено всё уже, выдавили их обратно в лес, — отмахнулся старик. — Да и не помог бы ты там, не обучен совсем.

На что мне оставалось только вздохнуть, признавая его правоту. В боевом строю опытных воинов я пока буду только мешать. Что очень хорошо продемонстрировал поединок с простым одиночным гоблином.

— Эй, Душитель гоблинов, не забудь щит! — раздался смеющийся девичий голос с мансарды.

— Потом зайду за ним, — ответил, стараясь игнорировать насмешку.

— Душитель, да? — усмехнулся магистр, бросив взгляд на труп зелёного уродца.

— Это было эпично. Он такой увалень с копьём, но храбро отбросил оружие и бросился на тварь с голыми руками. Безоружный, задавил уродца, прямо как герой из сказок, — продолжала насмехаться рыжая девушка сверху.

— Как мог, так и убил. Что вы докопались? — вздохнул я. — Я стану лучше с оружием.

Главное, чтобы это прозвище не стало у меня постоянным. Что я, деревенских не знаю, что ли?

Проснувшись около полудня, я отправился относить пекарю полученное вчера снаряжение, оглядываясь вокруг. Отброшенные книги я подобрал ещё вчера после сражения и они не успели пострадать, хорошо что хоть в этом повезло.

Мужики споро чинили брус на воротах, а в паре домов раздавался женский плач. Нападение лишило селение четверых взрослых, одного ребёнка, и также баронский солдат погиб при зачистке, неудачно встретив дубину тролля головой.

Большие потери. Хотя, для того, что в этот раз пришло под стены деревни, по-хорошему, потери ничтожны, и основную опасность мы смогли уничтожить сами. Вроде у барона тоже есть опытный маг, вероятно вампира бы подавили и без нас, но сколько бы это стоило жертв — неизвестно.

Я же в который раз убедился, что для карьеры охотника я пока очень слаб. Бесит. Нужно больше тренировок.

Знакомое подворье пекаря встретило меня стружкой, звуком пилы и стука молотков. Мужчины ремонтировали дверь и забор.

— Заноси в дом и положи возле сундука, — отмахнулся от меня пекарь, примеривая новую дверную коробку к проёму. — Щит мы забрали, можешь не суетиться.

Я занёс вещи в дом и, быстро попрощавшись с занятыми мужиками, понёс копьё во двор, где вчера вколол монстру дрянь.

Меня встретила женщина лет сорока с опухшими от слёз глазами, вяло убирающая мусор со двора.

— Вот, принёс ваше копьё, — негромко произнёс я, когда она обратила на меня внимание.

Окинув безразличным взглядом, она подошла ближе, проведя пальцами по древку копья, вздохнула, и, вытерев подступающие слёзы, произнесла:

— Ты помог убить тварь. Отомстил за мужа. Он был бы не против, если бы оно осталось у тебя. Так что — владей.

— Спасибо, — поклонился я.

— Убей больше тварей и будем в расчёте, — зло бросила женщина. — А мы, пожалуй, оставим деревню. Хватит. Никакие деньги того не стоят!

— Удачи вам на новом месте!

— Везде будет уже всяко проще, чем тут, — отмахнулась она.

Ещё раз поклонившись, попрощался и пошёл потихоньку домой. Разговор вышел рваный, но я не знал умершего и их семью, а выжимать из себя слова поддержки не хотелось.

Бросив взгляд на теперь уже своё копьё, прошёл несколько домов и вышел к огородам. Там десяток баронских солдат потрошили трупы гоблинов. Между подчинёнными, эпизодически покрикивая и раздавая ценные указания, прохаживался седой мужик с острыми чертами лица, в полном доспехе и с шлемом в руках.

Это и есть местный барон, как я понимаю. Поглазев десяток секунд, вздохнул и отправился в трактир. Несмотря на неурочное время, сегодня было очень многолюдно. Народ обсуждал нападение и хвалился собственными боевыми успехами. Особенно радовались охотники, у которых обошлось без жертв, а одного тролля и больше трёх десятков гоблинов они всё же завалили.

Посмотрев на сбивающихся с ног домочадцев Эрхарда, вздохнул, молча прошёл на кухню, поставил копьё возле стены и начал наполнять кружки пивом. Мужуку сегодня явно нужна помощь.

— Что-то ещё? — спросил я команду охотников, гулко поставив четыре кружки пива на стол.

— Поросёнка! Сегодня гуляем!

— Придётся подождать, — предупредил я и, получив подтверждающие кивки, отправился на кухню. Почему бы и не поработать? Деньги лишними не бывают, как и языковая практика, разумеется.

Деревня отмечала победу и поминала ушедших, так что трактир не закрывался всю ночь. А под утро я и вовсе остался один на весь зал, разнося еду, пиво и убирая за посетителями. Часть наиболее упившихся из которых заснула прямо на лавках за столами.

Дождавшись, когда проснётся трактирщик, что было уже ближе к полудню, я отправился домой с корзиной продуктов и новым тренировочным копьём под мышкой. После того, как я полдня походил в сапогах, чувствовать землю под ногами голыми пятками было некомфортно.

— Твою мать! — выругался я, задумавшись и поймав камешек стопой. — Бесит!

Зайдя домой, я оглянулся на голые деревянные стены, грубую мебель и старые сундуки.

— Как же убого, — произнёс я вслух на русском.

Да, по меркам этого времени и мира, у меня хороший дом. Но для ребёнка другой эпохи... Нищета. И даже еда, как бы там не говорили про «натуральное и экологичное» не идёт ни в какое сравнение. Сероватый хлеб, мелкие, невзрачные овощи. Даже привычная курица — это худое жилистое нечто, и рядом не стоящее с жирными вкусными бройлерами дома.

Засыпал я не в самом лучшем расположении духа, а утром, плюнув на всё, ударился в тренировки. Мелькали кулаки, летал в руках шест или боевое копьё. Только хриплое дыхание, боль в мышцах и отдача при ударах позволяли хоть немного унять обуревающую меня злость. После обеда немного отпустило и, с божественно пустой головой, я смог засесть за книги.

— «Арктиум колючий, также известный как “Серебрянка”. Размножается, выстреливая тонкие шипы в палец длиной на три десятка шагов, после чего шипы прорастают в теле жертвы».

Прочитал вслух часть описания, вздохнул и прочитал ещё раз, полностью. А потом и ещё десяток раз вслух. Прикрыв книгу, полностью повторил описание по памяти полдюжины раз. И продолжил читать дальше.

Магистр выделил мне очень хорошую книгу, тут даже указано, на какие реагенты оно идёт и в каких эликсирах используется. Я выучу пособие наизусть, а некоторые моменты ещё и запишу. Нужно зарабатывать. Даже просто сбор изменённых растений способен принести деньги. Хотя бы на новые сапоги.

А ведь нужна ещё и броня, без которой местная флора способна отправить меня в поля вечной охоты. Даже не доводя до тварей побольше и посерьёзней. Рядом с деревней всё, что можно найти полезного, собирается постоянно, и нужно идти дальше в лес, что без брони смертельно опасно. Но и без этого на броню не заработать. Такой вот замкнутый круг.

Не то чтобы неразрывный, броню постараюсь взять в аренду у деревенских. Но не сейчас, я пока не готов. Уж историй, как гибнут люди, новички или расслабившиеся профи,

я наслушался. Пусть пока босиком и в ветхой рубаше, но живой. В доме уже совсем стемнело, но я не стал жечь драгоценные свечи, а просто вышел во двор и взял в руки копьё. Укол.

Я втягивался в график, выбитый из колеи нападением. Брал новые книги, заучивал, а всё остальное время посвящал тренировкам. Как можно большему количеству издевательств над своим заражённым скверной организацией. Неделя, две, месяц, три месяца.

Я становился сильнее и быстрее. Выучил наизусть всех тварей и растения, что есть в книгах магистра. И сейчас учу пособия по алхимии. Раз в несколько дней помогаю магистру в приготовлении самых простых эликсиров и обработке ингредиентов. Но были и другие изменения в круге общения.

Парирование. Укол. Разрыв дистанции. И ещё одно парирование чужого копия.

— Хорошо. С этим пока всё, переходим к защите от клинкового оружия, — негромко произнёс мужчина лет сорока в стёганке, взмахом руки отправляя стоящего напротив меня копейщика отдыхать.

Я тяжело дышал, пытаюсь восстановить силы после прошлого поединка и смотря, как напротив встаёт невысокий улыбчивый парень лет двадцати с деревянным одноручным мечом и щитом в руках.

— Начали! — скомандовал старший мужчина.

Укол в ноги, в голову, опять в ноги, в голову и, сделав вид что собираюсь перевести опять в ноги, нанёс ещё один удар в лицо. Столкновение деревяшек — когда противник вынужден был отбить удар мечом. Разрыв дистанции и повторить серию уколов. Противник всё отбил, а от укола в ноги увернулся, пытаюсь подойти ближе. На обратном ходу я перевёл укол в режущее движение, пройдя мечнику чуть выше колена.

Прикрылся древком от его удара слева и бросился в сторону, не позволяя меня прижать к забору, огораживающему нашу тренировочную площадку. И мы опять оказались в равных положениях. Ещё пять минут он меня гонял, но в итоге, всё же, сумел загнать в угол, и, свистнув, деревянный меч остановился возле моего горла.

— Достаточно. Курт, отдыхай, — скомандовал всё тот же мужчина. — Пора и мне размяться.

— Дайте дух перевести, — взмолился я между жадными вдохами, смотря на встающего напротив мужчину.

— Переводи, Дятел, — хмыкнул он, сделав несколько восьмёрок деревянным мечом, разогревая связки.

Этого изверга зовут Феликс. Командир одного из крупнейших отрядов охотников. По совместительству — моих соседей. И, наверное, моя самая большая удача за последние месяцы. Хотя знакомство у нас случилось достаточно своеобразно.

Однажды, когда я тренировал удары на бревне, задержавшись до глубокой ночи, с другой стороны забора, отделяющего меня от соседнего участка, раздались исполненные праведной злости слова:

— По башке себе постучи, дятел! Дай поспать или башку откручу!

— Извините! — немного струхнул я.

Вот такой вот короткий диалог, а на следующий день во время тренировки, мне в калитку постучал Феликс.

— Ну привет, дятел! — хмыкнул мужчина, не спрашивая и проходя ко мне во двор, как только я открыл дверь.

— Я изменю порядок упражнений, шум больше не повторится, — сразу начал я, следуя

за мужчиной, который, не заходя внутрь, обошёл дом и попал на мою тренировочную площадку.

— Это само собой, — отмахнулся тот и, оглядев инвентарь, взял в руки один из шестов, кинув мне другой.

— Нападай.

Не став задавать лишних вопросов, я встал в стойку и нанёс укол, сразу смещаясь после выпада. Это и спасло меня, когда копьё отбили в сторону, а в солнечное сплетение устремился шест, после чего взорвавшись градом ударов, от которых я мог только отходить назад, пытаюсь выиграть время для встречной атаки. Но в итоге всё равно оказался прижат к стене дома, и мне в живот прилетело шестом.

— Хорошие рефлексы и отличная скорость, но опыта поединков, как и навыков в целом, недостаточно, — вынес вердикт охотник, пока я, согнувшись, пытался вдохнуть хоть немного воздуха. — После полудня у нас будет тренировка. Заходи.

И поставив шест к стенке, ушёл, оставив меня обтекать и пытаться понять, что это сейчас было. Хотя, конечно, такой шанс я упустить не мог и в обозначенное время уже стучался в соседнюю калитку.

Так я познакомился с Феликсом и его отрядом в полтора десятка человек. Наконец мои тренировки приобрели совершенно другое качество. Если до этого я мог рассчитывать только на недолгие спарринги с Эрхардом и его домашними, то теперь у меня появилась толпа народу, с удовольствием выбивающая из меня пыль.

Только через пару недель тренировок я набрался духа и спросил Феликса, почему он принял такое решение. На что охотник довольно цинично ответил:

— В тебе столько скверны, что если сломать руку, то через неделю ты будешь, как новенький. Прекрасный и, что важно, бесплатный манекен для парней. В поединках между собой мы сдерживаемся, нам ещё деньги зарабатывать. С тобой же можно работать на полную.

Такие вот добрые самаритяне, после работы которых у меня действительно остаются огромные синяки и растут выбитые зубы.

Глубоко вдохнув, я отогнал непрошенные мысли, встряхнул руками, стараясь разогнать кровь и отогнать усталость. Против Феликса мне потребуется всё, что я успел изучить и намного больше. Несмотря на то, что, так-то, копьё даёт значительное преимущество против вооружённого только мечом противника.

Я атаковал первым. Быстрым уколом в живот, который совсем не легко сбить мечом. Он справился, конечно. Но я уже уходил в сторону и назад, не позволяя сократить дистанцию. А после повторил атаку.

Так бой и происходил. Мы перемещались, я колол, он уклонялся или отбивал. Скучно и не очень зрелищно. Атака, короткая сшибка и расхождение, чтобы продолжать ходить вокруг друг друга. Был бы у меня в руках меч, давно бы уже валялся в пыли. А так получается держать намного более опытного и умелого противника на дистанции.

Всё зависит от того, есть ли у меня место для манёвра, и от навыков. Встречная атака на наступающего охотника. Смещение. Ещё укол. Боль в правой кисти, и копьё летит на землю. А после удар деревянным мечом в шлем бросил меня на колени. Я непонимающе смотрел на свою правую кисть со сломанными пальцами. Кости указательного и безымянного даже прорвали кожу, щедро заливая всё вокруг кровью.

— Тьфу! Прости пацан! — извинился тяжело дышащий Феликс. — Я оплачу услуги

Лидии, пойдём!

Я только молча кивнул и, плохо понимая окружающее, побрёл за ведущим меня командиром отряда охотников.

— Я пациента привёл, старая! — громко произнёс Феликс, когда мы подошли к забору, за которым скрывался дом целительницы.

Через пару минут раздался шаг, и тяжёлая дверь распахнулась. Демонстрируя недовольное, заспанное лицо старухи.

Окинув мою руку взглядом, она вздохнула и жестом велела следовать за ней. Шок начал проходить, и рука болела всё сильнее с каждой секундой. Женщина молча меня провела в свою рабочую комнату и, посадив за стол, велела вытянуть руку.

— Ты ему все пальцы переломал, — вздохнула она, бросив взгляд на охотника, обрабатывая рану и начиная укладывать мои кости, как оно и должно быть.

— Мы тренировались, — пожал тот плечами.

— Руки бы вам переломать за такие тренировки, — усмехнулась своей шутке старуха, перебинтовывая пальцы.

А после сняла с полки кувшин, в котором оказалась мягкая глина, которой она полностью облепила пострадавшую конечность. Открыв стоящий на столе флакон, она вылила на получившуюся конструкцию несколько капель, и глина стала на глазах застывать.

Удовлетворённо кивнув, знахарка сказала мне:

— Минимум три дня руку не беспокоить и повязку не снимать. Ты, конечно, восстанавливаешься, как лягушка, но срастётся неправильно — потом придётся заново ломать.

— Спасибо, — поблагодарил я, смотря, как Феликс без лишних слов опускает несколько серебряных монет на стол.

— Идите уже, ломайте себе ещё что-нибудь, — сварливо отозвалась старуха, зевая.

Уже когда мы вышли и шли по направлению к дому, охотник что-то прикинул и сказал:

— Мы в любом случае в рейд завтра. А после, думаю, тебя стоит немного подучить мечу. Сложно нормально защищаться, не зная, как оно в атаке с другой стороны.

— Спасибо, — скривился я, от боли в руке. — Это того стоило.

— Ты повёрнут на тренировках, — недоверчиво покачав головой, хмыкнул мужчина.

— Люблю становиться лучше, — кисло усмехнулся я в ответ.

Уже возле дома мы распрощались и разошлись. А я, мучаясь от невозможности пользоваться правой рукой, отломил себе хлеба и кое-как откромсал мяса. Ближайшие дни явно будут не самыми удобными.

Но, думаю, оно того действительно стоит. А кости — зарастут. Я достал очередную книгу «О том, как меня приручили драконы» и, неловко перелистывая страницы, начал читать о приключениях одного путешественника на драконьем острове.

Интересное чтение. Драконы тут раньше были довольно преуспевающим видом, очень неплохо разбирающимся в магии. Но кристаллизация ударила по ним просто чудовищно. Те, кто вообще смог выжить — а это примерно один из десяти — больше не могут летать. Получились просто здоровенные несуразные ящерицы с лишними придатками на спине.

Им пришлось учиться жить на земле. Впрочем, как и всем видам, завязанным на магию. Гномы, например, бросили свои подземные города и сейчас вполне бойко пахнут землю, осваивая предгорья. Но драконам пришлось намного хуже. Единственное, наверное, почему они вообще остались, как вид — это надежда, что когда-нибудь они смогут опять летать.

Сейчас драконы одни из главных покупателей наших зелий. Многие практически живут на этом, слишком уж ослабли магические существа в современном мире, заимев кучу специфических болезней. Но, тем не менее, они первые разобрались со схемой, блокирующей кристаллизацию маны, и разработали способ обратного преобразования.

Именно схему блокировки кристаллизации использовал магистр, когда атаковал вампира. А его чётки — это накопители маны. Но, к сожалению, способ не очень эффективен, старик потратил на порядок больше энергии на то, чтобы прикрыть своё заклинание, чем вложил в него.

А способ обратного преобразования — это, как я понял, просто физическое уничтожение кристаллов. И энергии там нужно затратить больше, чем выйдет маны, которую ещё нужно сохранить. Однако за минуту полёта ящерицы готовы рвать жилы месяцами. На шахте, в поле, где угодно. Неудивительно, что сейчас на их острове живёт довольно много людей. Когти не самый удачный инструмент для тонкой работы.

Автор книги прожил там несколько лет и делился многими интересными бытовыми мелочами. Произведение достаточно новое, магистр говорит, что написано не больше десяти лет назад. Уже перевалив за половину книги, я отложил её и, с короткой вспышкой паники, подумал о пропущенной тренировке. Но вспыхнувшая боль в руке меня отрезвила и напомнила о травме.

Аккуратно разместив глиняную культу, я открыл книгу. Через пару дней предстоит сходить за книгами. Ну а сейчас, я читал, пока окончательно не стемнело. Воображение рисовало новые места и картины, и даже появилось желание исследовать этот мир, полный действительно необычных существ и диковинок.

Даже снилось что-то такое, наполненное солнцем, плеском волн, криками чаек и приключениями. По привычке проснувшись очень рано, я посмотрел на потолок кровати, потом на до сих пор болящую руку. И, перевернувшись на бок, заснул опять.

Впервые в этом мире я получил свои законные выходные.

Глава 6

Через три дня, когда рука перестала болеть, я уже начал приседать, уж очень мышцы хотели нагрузки. Ещё через пару суток всю тренировал работу с щитом и отрабатывал работу копьём только левой рукой. Ну и старые добрые удары ногами, конечно.

И книги, которые я продолжал учить наизусть. Невзирая на всё это — мне скучно. Очень не хватало музыки и, в целом, привычного информационного шума. Тренировки и учёба хоть и занимали почти всё моё время, но... Слишком всё неторопливо, не так, а ночью деревня просто вымирала. Скучно!

Я уже начал присматриваться к кузне, оставшейся от родителей, разводил огонь. Но, как оказалось, меха требовали приличного ремонта — ничего невыполнимого, но одной рукой я это сделать точно не смогу. Так что с каждым днём я всё сильнее не мог дождаться, когда мне, наконец, снимут «гипс». Но, в итоге, провести с ним мне пришлось чуть больше двух недель.

Как мне сказала старуха-целительница: «Раньше снимать не буду, убьёшь всю мою работу». Пришлось скрипнуть зубами, но отступить. Она, скорее всего, права. С другой стороны, я стал намного лучше орудовать левой рукой, что вполне может пригодиться. Хотя в последние дни я уже действительно зверел, вполне спокойно шевеля пальцами внутри куска глины.

— Ну вот и всё, — усмехнулась старуха после того, как глина вместе с присохшими бинтами осыпалась с моей руки. — Но никаких силовых тренировок на кисть ещё минимум неделю!

— Спасибо! — горячо поблагодарил я, сжимая кулак бледной, с частично спавшими мозолями, руки.

— Если испортишь мою работу, платить будешь двойную цену!

— Не испорчу. Ещё раз спасибо!

Коротко поклонившись, распрощался и неспешно пошёл домой, планируя натопить сегодня баню и как следует помыться. Рука чесалась. Да и в целом работ по дому было полно, отложенных за это время.

Уже вечером я сидел возле бани, держа кружку отвара с мёдом в руках, и наслаждался покоем. За забором раздавались звуки тренировочной битвы и ободряющие крики. Сегодня я смотреть на это не собирался, а то и поучаствовать возникнет желание, и тогда с меня точно снимут двойной тариф за лечение.

Ничего делать не хотелось, лишь только в голове скользили ленивые мысли о будущем. Что бы я хотел от нового мира? Заработать много денег? Пролезть в местную власть? И если со вторым не очень понятно, не было у меня в жизни возможности кем-либо поруководить, то первое — это необходимость.

— Да хрен с ним со всем, разберусь, как придёт время, — негромко, на русском, произнёс я и, залпом допив отвар, начал собираться.

Через полчаса, с узелком книг под мышкой, я стучался в дверь к магистру Ингельвину. А ещё пару минут спустя помогал ему с обработкой реагентов.

— Режь чуть ниже, кроме корешков ничего не должно оставаться, — поправил меня старик, сам обрабатывая сердце, пропитанное скверной.

Последовав его указаниям, я попутно смотрел, как он погружает сердце в раствор,

должный концентрировать миазмы в одном месте. Потом наиболее концентрированная часть вырезается и помещается в следующую жидкость, где часть скверны окажется передано раствору, а сам кусочек плоти, в итоге, будет высушен и пущен на порошок.

С жидкостью или порошком и продолжится дальнейшая работа. На этой стадии можно смешать с другими вытяжками или порошками и получить некоторые эффекты. Именно на этом уровне работает большинство алхимиков.

И только те специалисты, кто с открытым источником и достаточным мастерством, могут работать дальше, выделяя нужные эффекты и уменьшая воздействие скверны на организм. Магистр может приготовить зелье вовсе без скверны, но эффект у него очень слабый. До нижнего предела кристаллизации.

— Скажите, а есть у препаратов, влияющих на физические характеристики, долговременный эффект? — поинтересовался я, сдвигая отрезанные корешки в банку с раствором.

— Только у тех, которые меняют тело и для организма это заканчивается, в основном, разрушением.

— Разрушение разрушению рознь. В конце концов, любая хорошая тренировка — разрушение мышц. Если пользоваться зельями усиления достаточно регулярно, совмещая это с ускоренным восстановлением, теоретически, можно выйти на максимально возможные для человека пределы. Очень быстро.

— Вот на что ты разогнался, — хмыкнул магистр. — Да, можно. И даже при соблюдении определённых дозировок выйти далеко за эти возможности. Но всё это уже само по себе нежизнеспособно без постоянной поддержки скверной. Это навсегда, и неизбежно приведёт тебя к мутациям. Или к смерти в случае очистки организма.

Я только вздохнул, но мысль о том, чтобы усилиться таким способом меня, однако, не отпускала. Уже заражён, хотелось бы снять с этого больше сливок. Чем выше поднимусь, тем больше смогу оставить после отката.

— В твоём случае это может иметь смысл, но я бы не стал рисковать. То, что заражение приняло такие полезные формы, во многом чудо и большая удача Лидии. Скверны в тебе осталось меньше, чем на полгода. Хотя с учётом твоих тренировок и того меньше.

— Если грамотно составить курс зелий... — протянул я, оглядывая флаконы и коробочки на полках.

— Всё равно будет откат или ты окажешься в лесу с такими же мутировавшими тварями. Нет безопасного способа надолго удерживать сверхчеловеческие характеристики.

— А если зелья на мане? Набрать форму алхимией на скверне, а потом поддерживать чистой?

— Если ты очень богатый и способен нанять несколько алхимиков, которые будут работать только на тебя. В итоге, чтобы гарантированно тебя зарезать, нужно будет не два противника, а три. Или один опившийся зельями на скверне.

— Ну да, с такой стороны глупо выходит, — согласился я. — Но для охотника...

— И даже для охотника всё решает средняя тренированность и слаженность команды, а не индивидуальная мощь. Так что нет, это просто трата сил и денег.

На это я только пожевал губу. Я попал в другой мир, тут есть драконы, эльфы, магия! Но всё это оказалось совсем не таким, как хотелось. Впереди начала маячить обычная жизнь в попытке заработать на кусок хлеба и какие-то излишества. Только в худших условиях, чем дома. И даже стань я тут богачом, это всё равно оставит условия худшими.

Что мне толку с дворца со слугами, когда это всё равно будет менее комфортно, чем моя уютная квартира? Общую убогость и отсталость мира вокруг это не сильно изменит. И я не могу «изобрести» сотню видов товаров и услуг, к которым привык. Чем спокойнее становилась моя жизнь, когда схлынул первый шок, и я разобрался с основными потребностями, тем чаще стали в моей голове появляться подобные мысли.

— Знаете, я хочу быть магом, даже если от этого одни проблемы, — всё же, сформулировал я вслух то, что давно вертелось в голове.

В конце концов, наверное, только это было способно меня примирить с миром вокруг. Необычные способности и личная сила, от которой действительно что-то зависит. А не просто щеголять голыми телесами, позируя на помосте, или даже бить морду в клетке на потеху толпе.

— Пятьдесят золотых, и я открою тебе источник. Дешевле даже связываться не буду, слишком долго силу копить, — пожал плечами магистр.

Я выдохнул, услышав сумму. Это дорого. Можно купить хороший участок земли с домом где-нибудь в глубине королевства. Впрочем, хоть в мирных краях услуга подобная будет стоить меньше, наскрести денег на неё будет сложнее.

— Я заработаю, — уверенно ответил старику.

— Не сомневаюсь. Только не помри от жадности, — хмыкнул он. — Займись печенью.

Старый тролль только что дал мне цель на ближайшие годы. Может даже и осознанно, с него станется. Но и к лучшему. Вздохнув, я погрузил руку в мешок рядом, доставая склизкую печень и, промыв её в каменной раковине рядом, закинул в раствор.

А старику спасибо за учёбу. Да, конечно, чем больше я умею, тем меньше остаётся ему работы. Но его библиотека и те знания, что он даёт сам, покрывают всё с лихвой. Даже если я буду работать на него каждый вечер, а не иногда заходить.

Через пару часов, закончив работу и взяв несколько новых книг, я вышел под свет двух лун и глубоко вдохнул свежий ночной воздух. С души упал груз неопределённости, теперь предстояло просто много работать.

Дома, готовясь ко сну, составлял план действий на ближайшие дни, недели и месяцы. Проснувшись с петухами, когда ещё даже не рассвело, я уже тренировал удар левой. Он мне пригодится, слишком уж много любителей обидеть скромного копейщика в ближнем бою.

После пошли удары ногами и, наконец, щитом. Верхней кромкой, нижней, боковой. Всё важно и в бою будет полезно. Время до обеда пролетело незаметно. Прервавшись на короткий сон, я поучил учебник по алхимии и продолжил тренировку до позднего вечера. Быстро ополоснулся из бадьи и спать. Вот и весь день.

Следующие сутки отличались только очередной отработкой у алхимика вместо части вечерней тренировки. На следующие сходил за продуктами. В своей однообразности время шло быстро. Через неделю я начал потихоньку работать правой рукой. И ещё через три дня, наконец, перепрыгнул забор между моим участком и охотников, услышав начало их тренировки.

— Созрел-таки? — поприветствовал меня Феликс. И кивнул одному из парней. — Тико, покажи парню основные стойки, пусть учит.

Тот кивнул и, вынув из стойки деревянный меч, кинул его мне. А сам приказал:

— Пока просто смотри, потом будем учить.

И чётко, медленно двигаясь, стал показывать различные стойки и переходы между ними. Что-то я уже знал благодаря копыю. Но с мечом оказалось ещё больше нюансов, и

практически каждое правильно выполненное движение имело своё название. Голова кипела просто в попытке это запомнить.

— Сегодня учим «Быка» и выходы из него. А там, как станет получаться, доведёшь до нормального уровня и будем работать дальше. В позицию!

Кивнув, я поднял меч возле головы. Не очень удобно, но преимущества мне только что продемонстрировали.

— Ровнее, локоть дальше.

Я только вздохнул про себя. Судя по всему, это затянется надолго...

Такое добавление в расписание ещё сильнее уменьшило моё свободное время. Копьё, работа у магистра, учёба. Я дома в жизни так не пахал! Но, невзирая на старания, на то, чтобы перейти к спаррингам на мечах, потребовалось два месяца. Я просто не мог быстрее, не забросив остальные дела. К тому же, мне показали ещё работу с мечом и щитом.

Времени больше не было. Даже просто почитать художественные произведения не получалось, только заучивать то, что имеет практическое применение. Но, честно говоря, торопиться в этом уже было и не нужно. Библиотека магистра оказалась не такой уж большой, и незнакомых книг в ней оставалось всё меньше.

Толк в таком безумном темпе тренировок имеется. Понимая, как двигаться с мечом, я стал намного увереннее себя чувствовать в спаррингах против мечника. Вовсю пользуясь преимуществом длинного оружия и не давая сорвать дистанцию.

Наступившая мягкая зима пролетела так, что я её даже и не заметил, вечерами силы оставались только упасть на кровать и забыться сном. Только что и обрадоваться пару раз выпавшему снегу, который, впрочем, почти сразу же растаял.

Сложно было отслеживать время. Сколько я здесь? Полгода? Больше? Или меньше? Не знаю. Нанеся несколько ударов деревянным мечом по бревну перед собой, я немного прошёлся, успокаивая дыхание и пульс, и сел на лавку. Кажется, моя нечеловеческая выносливость подходит к концу, с каждым днём я восстанавливаюсь всё хуже и хуже, уже не выдерживая темпа тренировок.

Думаю, пора поговорить с Феликсом. Глубоко вдохнув, я поднялся с лавки и, подойдя к забору, перелез его по приставленной лестнице. С той стороны было свободно, только Курт поприветствовал меня, тряхнув белобрысой шевелюрой, не отвлекаясь от работы копьём по манекенам.

Молча смотря, как сноровисто он колет цели, я вздохнул. Сейчас я могу не хуже. Но делаю это благодаря выведенному на пик развития скверной телу, а он просто на своих рефлексах и мастерстве, которое у него никаким откатом не отнять.

— Ты что-то хотел? — спросил меня тяжело дышащий блондин. — Для тренировки рановато ещё.

— Как думаешь, Феликс возьмёт меня в рейд?

Он почесал в затылке и ответил:

— Да кто его знает. Тварей ты знаешь, бегаешь быстро, да и копьё твоё лишним не будет. Но у тебя кроме этого самого копья и нет ничего.

— Это не будет большой проблемой, — раздался голос командира отряда охотников, вышедшего на задний двор. — Любой каприз за твои деньги, Дятел. В данном случае, за долю в добыче. Снаряжение должно работать, а не просто лежать пылиться.

— Оно у вас запасное, одно на всех, — вздохнул я.

— Не одно, подберём кое-что. Пошли, посмотрим.

Следующие несколько часов мы собирали снаряжение по всему дому и подгоняли его под меня. Шлем. Шикарный, хоть и старый, доспех из металлических пластин с длинной кольчужной юбкой, наручи. И высокие сапоги, совмещённые с поножами, с которыми и возникло больше всего проблем, чтобы подобрать хоть какой-то относительно похожий размер.

— Орёл! — хмыкнул Феликс. — А теперь копьё в руки и во двор, будешь учиться во всём этом двигаться.

До вечера я вдоволь напрыгался с копьём, мечом и щитом против меняющихся ребят. От непривычного веса доспеха ломило плечи и подрагивали уставшие ноги. Но доспехи мне, в конце концов, окончательно подошли по фигуре и ощущались они второй кожей, добавляя уверенности.

— Завтра выходим, — предупредил меня командир отряда, когда я собирался домой. — Так что быть свежим и бодрым.

Я кивнул и осторожно перелез через забор обратно к себе. Быстро ополоснувшись, поел и сразу же завалился спать. Утром размялся и начал надевать выданное снаряжение. И здоровенный заплечный мешок на плечи. Меня взяли, в основном, как носильщика, а там уже в зависимости от того, как я себя покажу.

Присев на дорожку, оглядел свой двор, по которому был расставлен тренировочный инвентарь. Сегодня нужно постараться, от этого зависит многое в моей жизни. Вздохнув, поднялся и, скрипнув калиткой, вышел на улицу, где остался стоять, подпирая спиной забор.

Долго ждать не пришлось, через пару минут начали выходить готовые к рейду охотники. Поздоровавшись, я пристроился в общую колонну, двинувшуюся на выход из деревни.

— Боишься? — со всегдашней усмешкой спросил идущий рядом Курт.

— Тварей? Не особо. Только подвести остальных.

От этого зависело, возьмут ли меня в следующий рейд и, соответственно, моё финансовое положение. Это меня беспокоило больше, чем если мы наткнёмся на какую-нибудь тварь.

— А зря. Или тебе вампира не хватило, чтобы понять, что всё серьёзно? — нахмурился белобрысый.

— Достаточно было и простого гоблина, вампир уже был перебором, — постарался отшутиться я.

— Твари такого уровня — это смерть подобного нашему отряду или целому поселению. Не советую к подобным относиться так просто только потому, что вы смогли убить одного, — не принял Курт моего тона. — Специалисты, подобные мастеру Ингельвину, мало где есть, да и так это было чудом.

— Если постоянно бояться, то в лес можно и не ходить, — отбросив шутки, пожал я плечами.

— Как будто где-то ещё мы ещё столько заработаем, — угрюмо буркнул рядом Тико.

— Кстати, пацан, ты, наверное, не слышал, но в селении начали говорить о том, что деревню пора переносить дальше от леса, — добавил Курт.

— Меня магистр учит, он говорил, — вздохнул я. — Вроде не в первый раз уже переносят?

— Дважды переносили за последний век, но в этот раз рядом замок. Дорого, — тяжело уронил слова головой Тико.

— Последние нападения говорят о том, что если мы так и останемся, то не сегодня, так

завтра нас сомнут. Уже будет наплевать на деньги, — не согласился с ним белобрысый охотник.

— Ты же понимаешь, на чьи деньги барон будет строить новый замок, — скривился я. — И такие нападения довольно прибыльны.

— Вампир оставил после себя достаточно трупов. Что дальше? Дракон? Мёртвый бог? — продолжал стоять на своём охотник.

— От дракона отобьёмся, наверное, — неуверенно пожал плечами я. — Да и они больше на юге встречаются.

И не так уж редко, кстати. Среди драконов довольно много случается потерявших разум от скверны, таким огромным ящерицам не очень хорошо живётся без маны. Они просто слишком большие, чтобы жить на суше, отсюда вылезает целая куча болезней, лечить которые без алхимии на основе скверны практически нереально. Зелья на основе обычной маны придётся пить чуть ли не вёдрами. Вот и вступают на скользкий путь.

— Они не нападают по одному. А если скверна уже последние мозги сожрала, то подобная тварь почти на уровне вампира, — продолжал стоять на своём Курт.

— Ты не прав. Ящерицы сильные, большие, но подобной скорости и близко не имеют. Раны не залечивают, — начал спор с товарищем Тико.

Я же шёл рядом и слушал. Хотя был согласен, что вампир намного опаснее, но, опять же, подобных тварей единицы. И чем сильнее тварь, тем менее она свободна в своих перемещениях. Скверна, это, всё же, дико изменённая, с рядом специфических свойств, но энергия. И этой самой энергии вампир даже на своё существование расходует огромное количество.

Если он окажется очень далеко от концентрации скверны, через несколько дней развалится на куски. А вот дракон совсем другое дело, если мутации не зашли слишком далеко. Правда и нападать на поселение ящерица будет в самом крайнем случае. Те же гоблины, вампиры и прочие твари просто по природе такими созданы — как средство геноцида.

В том же нападении на деревню, после которого я очнулся, орду изменённых животных собрал гоблинский шаман, которого шлёпнули охотники. И на самом деле именно разумные твари несут основную опасность.

Тем временем наш отряд уже давно шёл по лесу. И с каждой сотней метров охотники всё внимательнее смотрели по сторонам. Идущие впереди коротко свистнули, и мы остановились, ожидая, пока один из тройки вернётся к нам.

— Плеть. Двадцать шагов впереди, — коротко отчитался охотник перед Феликсом. Тот усмехнулся и поманил меня к себе.

— Знаешь, что такое «Плеть» и как с ней работать?

Я прикрыл глаза и по памяти оттарабанил:

— Бриония плотоядная, реагирует на звук и тепло. Способ охоты: отростки с ядовитыми шипами обхватывают жертву и вводят яд, постепенно раскрываясь. Образуют вокруг жертвы кокон, в котором и происходит процесс переваривания. Коренья и узлы содержат скверну, также ценятся ядовитые железы. И сам яд.

— Да-да, именно, оно. Что с ней делать знаешь?

— Отростки занять чем-нибудь, а потом обрезать? — пожал я плечами. — И переработать?

— Займись. Курт, проконтролируй, — приказал старший охотник.

Белобрысый кивнул, и мы прошли вперёд, пока он не показал мне на вьющиеся по земле лианы. От обычных их отличал только тёмный, почти чёрный цвет и, сейчас почти незаметные, выдвигающиеся шипы.

Оглянувшись, я подобрал с земли длинную ветку и бросил на лианы. Мгновенно раздался хлесткий звук, из-за которого Плеть и получила своё название, и ветку оплело коконом переплетающихся движущихся лиан, выдвинулись шипы, вгоняя в цель яд. Через несколько секунд они распустятся обратно, поняв, что это не еда.

Мы с Куртом рванулись вперёд, он взмахнул мечом и в несколько ударов отрубил толстый корень от основного скопления отростков. Я же наколол его на копьё и оттащил в сторону на полтора десятка шагов, где вбил оружие в землю с нанизанным на него сжимающимся куском непонятной плоти. О том, считать подобное флорой или уже фауной, споры шли в местном научном сообществе до сих пор.

Основные побеги в это время сократились со всей силы на деревяшке, раскрошив её в щепки, и расслабились. Выдохнув, я снял со спины рюкзак и достал несколько мешков и ёмкостей. А после сел возле сокращающегося, выпускающего шипы отростка и стал ждать.

— Он уже не так опасен, а времени обычно мало, — произнёс стоящий рядом Курт. И в несколько сильных ударов рассёк кожу бывшего растения. А потом примерился и отрубил пару нервных узлов, откинув их сапогом в сторону.

— Знал бы ты, как магистр иногда материт вас за такие штуки, — вздохнул я.

— Это потеря качества, да, — согласился охотник. — Но если обрабатывать по правилам, то это долго ждать. Мы за это время ещё что-то найдём.

Я пожал плечами, не став спорить, залил в непромокаемый мешочек немного консерватора и, срезав лишние куски, закинул туда добычу. А после занялся остальными, посматривая, как Курт начал обрабатывать лианы, заставляя их отдавать яд в специальную мочалку.

Через полчаса мы закончили. Отряд за это время нашёл и обработал ещё одну такую же Плеть и, судя по шуму, добыл изменённого зайца. Внимательно осмотрев мою работу, командир хмыкнул и велел отряду готовиться к выдвигению дальше.

До самого вечера мы прошли ещё несколько километров, за которые в моем мешке кончилась тара, а сам он основательно потяжелел и увеличился. А после Феликс скомандовал возвращение.

Ощетинившись стрелами и копьями, мы потихоньку отправились в сторону дома. Причём бдительности никто не терял до того момента, пока не вошли за ворота деревни. Только когда отдал мешок с добычей Феликсу и вошёл к себе во двор, я буквально рухнул на лавку.

Устал. Фиг с ним, с весом снаряжения и доспехов, хотя вес сапог и защиты ног под конец стал казаться просто гирями на ногах. Эта постоянная бдительность выпила из меня все соки. Через пару минут я выпил воды и начал потихоньку снимать броню. Завтра отдых, тренировка, а послезавтра нужно будет идти опять.

За рейд я стал богаче на серебряную монету. Глядишь, за три года на активацию источника накоплю. Если не сдохну. Такой вот крутой бизнес.

В глиняную посуду отправились ядовитые железы мутировавшей змеи, и, тщательно замазав разогретым сургучом пробку, я убрал кувшин в мешок. С этой змеёй пришлось повозиться: атаковав из засады, она бросилась на спину одного из наших охотников настолько внезапно и мощно, что ему очень повезло, что удар пришёлся не в голову.

Дальше, по начавшему обвивать жертву телу ударили и арбалеты и рогатины. Тварь распустила кольца и попыталась уйти, но, в итоге, её просто прикололи копьями к земле. А пока раненому оказывали первую помощь и тратили дорогие зелья, я занимался разделкой.

— Сворачиваемся, Майли кладём на носилки и домой. Пацан, змею в мешок. Всю, — приказал Феликс.

— Хорошо, — кивнул я, и начал собирать разобранную по кускам тварь.

Обычно мясо и кости мы не берём. Приманивать хищников запахом крови при транспортировке, потом долго и дорого выделять запасы скверны из таких объёмов мяса, не очень выгодно. Да и вес. Но раз сегодня наш рейд заканчивается сильно раньше, чем обычно, командир крохоборствует по мелочам.

Денег мы сегодня заработаем немного, но Феликс не просто так гордится тем, что у него в отряде самые маленькие потери за год. Мужики мгновенно срубили несколько жердей, а плетёный каркас для носилок всегда есть в одном из заплечных мешков. Через десяток минут мы выдвинулись в обратный путь.

В руках дрожало дерево носилок, а плечи оттягивал тяжёлый мешок. Но я не роптал, это уже не первый случай переноски раненых за те два месяца, что хожу в рейды. Я только рад дополнительной физической нагрузке. Поглядывая по сторонам, я ровно и глубоко дышал в такт шагам. Уже представляя сегодняшний ужин и планируя дополнительную тренировку на вечер.

— Пацан! — крик Тики заставил меня вздрогнуть и оглянуться.

Я начал поворачивать к нему голову, когда засёк крем взгляда тень, метнувшуюся ко мне сбоку. А через мгновение рюкзак рванул плечи назад, выворачивая руки. Меня отбросило от носилок назад, лопнула одна из лямок, и мешок оказался сорван с моей спины.

Свистнул арбалетный болт и раздался короткий рык. Развернувшись, я, наконец, увидел напавшего, сейчас активно удирающего в лес с моим мешком в лапах. Тренькнул арбалет, и фигура метнулась в сторону, спасаясь от снаряда. Но, на его беду, это заставило монстра сойти с более-менее ровной тропы и, запнувшись о корень, полететь на землю.

Перекатившись, фигура встала и, развернувшись к нам лицом, приняла стрелы на мешок перед собой. Я, наконец, получил возможность рассмотреть нашего сегодняшнего противника. Высокий, мускулистый, хоть и сутулый силуэт, заросший редкой шерстью. Болтающиеся голые гениталии, оскаленная, начавшая вытягиваться в звериную, харя и обрывки рубашки на торсе.

Тварь припала к земле и, тихо зарычав, отбросила мешок. Следом, цапнув спину, вырвала из тела арбалетный болт и отбросила его. В окинувших нас глазах блеснул разум. Монстр рванул на ближайшего к нему охотника.

Раздался треск, и здоровый мужик, теряя меч, отлетел назад, заливая всё вокруг кровью из смятого в месиво лица. Монстр подхватил оружие в воздухе и рванул в битву.

— Держи! — крикнул мне Курт, бросая копьё, которое было у него, пока я нёс носилки.

Подхватив оружие, я бросился вместе со всеми на врага. Мутировавший от скверны человек времени не терял. Одним ударом он разрубил на куски щит, а следующим снёс голову своему противнику. Двинувшись в сторону, отбил удар копья и отступил ещё немного назад, внимательно смотря на нас.

Рывок в сторону и вперёд. Поднятое для защиты копьё Феликса осталась у него в руках двумя половинками, а меч твари с лязгом металла вмял ему кирасу в грудь. Рядом мелькнуло копьё, несущееся в бок монстру. Мелькнула лапа, и оно оказалось перехвачено, и, рванув его к себе, оборвыш оставил охотника без оружия.

Монстр сместился ещё и, пройдя мимо копья, обрушил меч на следующего бойца. Клинок ударился о вскинутое в защите лезвие топора и лопнул, выбив оружие из рук охотника.

Что не помешало твари сдвинуться дальше, и, через долю секунды, копьё которое он держал в левой руке, вошло в голову безоружному. В тот же миг ему в спину вонзилось копьё Курта. Я немного не успел, и моё пронзило только воздух, когда тварь бросилась вперёд.

Однако копьё монстр не выпустил, следующий мой укол он парировал, одновременно уходя от укола белобрысого товарища. Но от арбалетного болта, попавшего ему в грудь, он уйти уже не успел. Рыкнув от боли, монстр рванул на нас. И был вынужден прервать атаку, спасаясь от ударивших ему навстречу копий.

Отступил и пошёл по кругу, постоянно закрываясь от арбалетчиков кем-то из нас. Через мгновение стоящего слева Тики, прикрывающего меня щитом, отбросило назад. Я же сдвинулся вперёд и нанёс укол, вошедший твари в грудь. Но не очень глубоко, я как будто ударил в дерево.

Тварь только рыкнула и отодвинулась назад. Ещё укол. Мимо. Он разорвал дистанцию и продолжил кружить вокруг нас, выбирая следующую цель. Рядом со мной встал командир с копьём в руках. Мы продолжили колоть, пытаясь отогнать тварь.

Я вспомнил алхимика, рассказывающего о бывших гвардейцах, оказывающихся в здешних лесах, не в силах отказаться от даруемой скверной силы. Это вот таким можно стать?

А тварь, тем временем, двигаться вдоль строя, выжидая нашу малейшую ошибку. Смазанное движение, ещё один охотник отлетел назад, получив укол в лицо.

Я выдохнул, шагнул вперёд и, разрывая связки, ударил, толкая копьё за пятку и отпуская в конце, когда увидел, что удар проходит. Это быстро. Быстрее, чем может кто-либо в отряде, не зря же я такой же мутант?

Копьё вошло твари в горло. И, скользнув по позвоночнику бычьей шеи, вышло с той стороны. Меня же снесло боковым ударом треснувшего древка вражеского копья.

Перекатившись в сторону, я бросил взгляд на помятый наруч, которым прикрылся от удара, и сжал кулак. Рука не сломана. В монстра ударило ещё два копья, а потом в бедро вошло ещё одно древко. Следом секущий удар от Феликса подрубил ему второе колено, и тварь рухнула на землю.

Вырвав моё копьё из шеи, он отмахнулся им от следующих атак, заливая всё вокруг бьющей из раны кровью. Тренькнул арбалет, и в оскаленную пасть вошёл болт. Дёрнувшись, тварь скверны обмякла.

— Не подходить! — рявкнул тяжело дышащий командир.

Мы подождали, пока наш арбалетчик не взвёл своё оружие и не отправил болт в глаз лежащей туше. Та издала короткий всхлип, но и всё. Живучести приснопамятного вампира

это создание, всё же, не имело.

Постояв десяток секунд и удостоверившись, что тварь сдохла, мы разбрелись по залитой кровью поляне, осматривая пострадавших. Четверо человек оказались мертвы. Я присел на колени рядом с хрипящим кровью Тики, смотря, как Феликс освобождает его от доспеха, чтобы осмотреть рану.

К сожалению, к тому моменту, когда нагрудник был отброшен в сторону, охотник уже перестал дышать.

Меня начало потряхивать, а вокруг молча собрался остальной отряд.

— Делаем волокуши, тут никого не должно остаться, — мёртвым тоном приказал командир и, подняв взгляд на меня, указал на труп монстра. — Режь.

Я сглотнул, но спорить не посмел. И пока остальные подготавливали волокуши, я потрошил тварь. Сердце, куски желудка, печень, яйца. Я срезал почти всё, что имело смысл. Где-то по краю прошла мысль, что это будет не так уж и дорого. Но и насрать.

Через час мы выдвинулись домой. Ещё через четыре наша скорбная процессия оказалась у ворот деревни. Дежурные молча открыли вход, пропуская нас. Несколько минут спустя мы оказались возле дома, где нас уже встречала целительница и четверо крепких мужиков.

Осмотрев тела, она кивнула сопровождающим, и они молча унесли мёртвых, захватив с собой мешок с отрубленной головой. Их положат на ледник, приведут в порядок. Решать вопрос похорон Феликс будет уже завтра, а пока все разбрелись по домам.

Завалившись к себе, я снял панцирь и сел на пол, привалившись спиной к стене. Вот тебе и самый профессиональный и удачливый отряд.

— Как же так, мужики? — тихо произнёс я на русском.

Ещё вчера мы вместе тренировались, шутили. А сегодня почти половина отряда полегла, в очередной раз доказав, что самые страшные твари скверны — это бывшие разумные. Расстегнув, я отбросил погнутый наруч и, стянув стёганку, бросил взгляд на начавшее опухать предплечье.

За пару дней пройдёт. Сплюнув, я поднялся и отправился растапливать баню. Захватив с собой сковороду и небольшой мешочек, лежавший возле порога. Через несколько минут на огне начал шкворчать кусок сегодняшней змеи.

Впервые за последние пару месяцев я действительно задумался о том, чтобы прекратить подпитывать заражение скверной. Не когда-то потом, когда решу, что готов, а сегодня. Сила, выносливость, регенерация — это всё круто. Но возможный итог...

Тем не менее, змею я съел. А важные решения буду принимать завтра, а не на эмоциях. Весь остаток дня я даже не тренировался, а так и просидел возле бани, смотря в стену. Смерть в очередной раз прошла совсем рядом. Говорят, что к подобному можно привыкнуть. Но если и так, то я пока не созрел для такого.

В итоге, на следующий день я ничего не решил. А вечером оказался за деревней, смотря на пять горящих костров. Никаких громких речей произнесено не было. Все здесь понимают, что они занимаются этим ради денег, всегда может не повезти. Тем, у кого была семья, выделяют денег близким. Это обговорено заранее. Но и всё.

Мы подождали, пока костры догорят, а потом пошли в трактир, где упились до невменяемости. Преимущественно молча. Иногда перекидываясь редкими фразами, но стараясь не говорить о павших. Не бередить душу. Не нужно никому из нас, все под смертью ходим.

А в деревне в это время было праздничное настроение. Проходил торг, ведь прибыл

ежемесячный большой караван торговцев. Что, на контрасте, ещё сильнее портило настроение. У нас потери, а вокруг раздаётся смех и громкие возгласы рекламирующих свой товар продавцов.

Тем не менее, на следующий день я неспеша вышел на площадь, где прибывшие торговцы распродавали свой товар. Немного оружия, но больше предметы роскоши, утварь да всякие деликатесы.

Бросив взгляд на ноги, криво усмехнулся. Моя самая большая трата. Сапоги наконец-то по ноге. Хотя я не стремился ничего покупать, проходя мимо палатки с тканями, скользнул взглядом по ассортименту и залип.

Носки! Нормальные носки! И рядом трусы, мужские трусы, больше всего похожие на семейники. Дизайн у всего немного непривычный, да. Но оно без всяких завязочек — протянув руку, я потрогал верхние края. Тянется!

— Сколько? — дрогнувшим тоном спросил я у поглаживающего бороду дородного торговца.

— Пять серебряных за подштанники. И по два за пару, того что на ноги. Товар с южного материка, дешевле не могу, — воодушевился он при виде моего интереса.

— Что, не берут? — недоверчиво спросил я.

— Не распробовали ещё, бесполезно предлагать даже. Оставлю себе, если и тут не купят, — вздохнул торговец.

— Размер не твой, — усмехнулся я, окинув его взглядом.

— Придумаю что-нибудь.

— Не придётся. Я возьму, — покачал головой я и полез во внутренний карман рубашки, собственноручно и пришитый. — И сколько те полусапожки?

— Две монеты.

— За одну отдашь — заберу и их для комплекта.

Он пожевал губу и, махнув рукой, в сердцах воскликнул:

— Забирай!

Не удивлён. Обувь тут делают на заказ, и это явно неликвид для него. Впрочем, и товар местный, явно не с другого материка.

Тут же примерив новые ботинки, я довольно выдохнул. Мягкая кожа и ткань облегла ногу, давая коже дышать. Идеальная обувь для дома и занятий спортом.

— Для тренировок берёшь? — понимающе усмехнулся торговец. — И правильно, для этого их и заказывали сыну одного из аристократов. Достались по случаю недорого, но не нужны никому. Размер не тот и толку с них нет. Уже полгода вожу.

— Мне подойдёт. Спасибо, — кивнул я. — Но бельё, всё же, ещё купи. По крайней мере, через полгода-год возьму.

— Посмотрим, — кивнул торговец.

Попрощавшись с ним за руку, я побежал домой, бережно держа новую обувь в руках. Золотой ушёл. Да и фиг с ним, заработаю ещё.

Дома я надел новые носки и ботинки. И, подхватив тренировочный меч, встал в стойку, стремясь опробовать обновки. Удар сверху, снизу, укол. Защита. И ещё быстрее. Деревяшка летала по воздуху, связки и мышцы разогревались, и я ускорялся ещё сильнее. Полностью отдавшись на откуп привычным движениям, я забыл обо всём.

Начало сдавать дыхание и, прокрутив стойки ещё раз, я оказался у манекена, а после, продолжая движение, ударил снизу по деревянному столбу.

— Хрясь!

Твёрдое дерево рассыпалось щепками, оставив у меня в руке огрызок. Встряхнув отбитую ладонь, замер, тяжело дыша. Это был быстро. Удивительно быстро, явно выше того, что я бы мог нанести просто опираясь на силу мышц.

С забора раздались ленивые аплодисменты и на мою сторону спрыгнул командир отряда, после чего, хмуро оглядев меня, произнёс:

— Ты бы перестал увлекаться отравой, парень, не приведёт это ни к чему хорошему. Ты видел, чем оно заканчивается.

— У меня есть план по выведению этого из тела, когда придёт время. Магистр Ингельвин дал добро, — пожал плечами я.

— Как знаешь, теперь это уже не важно. Да и пригодилось это в последнем бою, что уж тут, — вздохнул он.

— Не важно? — зацепился я за его слова.

— У меня умер самый старший брат, а второй — он тот ещё управленец. Вчера пришло письмо от сестры. Я возвращаюсь домой.

— Ты отпускаешь отряд?

— Они уходят со мной. Всё как-то один к одному сложилось, сучья тварь, угробившая парней, письмо это дурацкое. Хватит уже рисковать шкурой просто так.

— Жаль-то как... — протянул я.

— Я к чему это говорю, пацан. Ты можешь пойти с нами. Лишний боец всегда нужен, особенно умеющий читать и писать. А там как повернётся, но если всё будет ровно, я стану графом.

Я замер, обдумывая предложение. Очень хороший вариант на самом деле. Феликс с отрядом отличных головорезов на многое способен, если дело дойдёт до драки. А там можно и мне подсуетиться со своими проектами и мыслями. Заманчиво...

Но было кое-что против этого. Я скрипнул зубами и ответил:

— Ты же знаешь, кем я был до того, как получил по башке?

— Вся деревня в курсе, — усмехнулся он.

— Не факт, что я не вернусь в подобный вид, если перестану подпитываться скверной. А так как я это закончу рано или поздно, я бы хотел делать это под присмотром магистра и Лидии. Я сомневаюсь, что у тебя в графстве будут подобные специалисты под рукой.

— Досадно. Но имеет смысл, — выдохнул мужчина. — Впрочем, я на другое и не рассчитывал. Подожди пару минут.

Он исчез на свою сторону забора, и через пару минут забор перелетел лязгнувший металлом о землю мешок. А следом он перелез с моим походным мешком, который я принял на руки. Его не покидаешь — там много хрупкого.

— У меня же нет денег за всё это, — очумело пробормотал я, держа мешок в руках.

— А без снаряжения ты их и не заработаешь, — пожал он плечами. — Отдашь пять золотых, когда будет возможность. Но за это на тебе продажа нашего дома. Я поговорил с народом в деревне, пока таких денег ни у кого нет. Но ты знаешь, как оно тут бывает...

— А если кто-то захочет снять на время?

— Четыре золотых в месяц. И полторы сотни продажа. В принципе, можешь немного наварить сверху, но не в ущерб возможности продажи. Будут клиенты — отправь письмо в Сомер.

— Будет сделано, — кивнул я. — И удачи тебе там, Ваше Благородие.

— Справлюсь как-нибудь, — отмахнулся он. — Мы завтра уходим.

— Даже не посидите с остальными охотниками? — поднял я бровь.

— Мы не мутанты скверны, — криво оскалился он. — Нам хватило и вчера.

Я смущённо пожал плечами, не выпуская мешок из рук. Мне с утра было абсолютно нормально, я и забыл о том, что у людей бывает похмелье.

— Зайди утром. И, парень, если получится остаться нормальным после всего, зайди в Сомер. У меня может быть для тебя работа.

— Конечно, — кивнул я, проводив взглядом исчезнувшую на той стороне забора полуседую шевелюру.

Бережно отнеся мешок в сени, насвистывая, стал расставлять его содержимое по углам. Нужны полки. И сложить хотя бы маленькую печь. Утеплить помещение и сделать маленький отдельный ледник. В идеале бы перегонный куб, да и кучу всего ещё. Можно будет некоторые простые зелья изготавливать самому, если потрачу ещё десяток золотых на оборудование.

Потирая руки, я сходил за доспехами и аккуратно разложил их на лавке. Блин! Круто-то как! Может сходить сегодня в лес? Просто пробежать ближнюю зону? Мне теперь любая мелочёвка будет приносить хороший доход.

Но, немного подумав решил не торопиться. Собрал обломки от старого тренировочного меча и взял в руку новую деревяшку. Левая рука всё ещё немного побаливала, так что сегодня только одноручный меч. Стойка. Удар!

Когда начало темнеть, отложил деревяшку и, вылив на себя два ведра воды, сел отдохнуть. В голове после тренировки было приятно пусто. Сделав себе чаю с мёдом, с наслаждением пригубил напиток, смотря на восходящие луны. Самый настоящий чай, между прочим, купил в прошлом месяце. Даже говорят, что можно найти сахар.

Деревню начала окутывать сонная тишина. Скучно и появляются разные мысли в голове. Вроде, почему я действительно отказал Феликсу? Действительно ли это страх остаться дурачком, или я уже слишком подсел на скверну и даруемые ей возможности? А может я просто не хотел никому подчиняться?

Феликс, достойный мужик и командир неплохой, но бросать свою относительно налаженную жизнь ради разборок за чужую власть я не хочу. В деревне и в этой работе, конечно, опасно, но, может быть именно благодаря этому, тут люди нормальные. Я, может, тут свой, местный, но отнеслись ко мне всё равно очень хорошо.

Вылечили, дали работу, чёрт, меня практически бесплатно учат. Так что нет, не хочу суесться. Хотя в том, что скверна до добра не доведёт, это точно. До последнего столкновения я рассматривал это как-то больше теоретически. Но блин, этот мужик, он же не отличался от животного уже и внешне. Мне такого точно не нужно!

— Бр-р-р, — содрогнулся я и, допив последний глоток чая, отправился спать. Завтра будет новый день и новые дела, а стоящая в сенях снаряга настраивала на оптимизм.

Утром после короткой тренировки я отправился прощаться с отрядом. Всё же несколько месяцев вместе провели.

— Не сохни тут, пацан. Заведи себе женщину, а то с ума сойдёшь, — усмехнулся Курт, протягивая мне руку на прощание.

— Вам удачи выжить в змеином клубке аристократов, — хмыкнул, пожимая ему ладонь.

— Не думаю, что всё будет так уж плохо, пацан. Уж мы как-нибудь справимся, — произнёс Феликс, оглядывая свой поредевший отряд.

— Главное, чтобы это «как-нибудь» обошлось без жертв.

— Иногда достаточно просто грамотно себя поставить, — пожал плечами командир, пожимая мне руку.

— Всё равно. Удачи вам там, парни, — проговорил я, прощаясь с остальными.

— Справимся. А ты, заканчивай с отравой, — напоследок, ещё раз предупредил меня Феликс.

Я только кивнул, смотря как они начинают выдвигаться в сторону ворот, где присоединятся к обозу торговцев. Как и говорил командир, всё один к одному.

Пожав плечами, отправился неспешно собираться. Мешок с инвентарём и тарой, доспехи. Копьё. Всё как следует проверить, распределить то, что я раньше не носил. Набрать во флягу чая с мёдом, натянуть накомарник. И вот я готов к первому одиночному выходу.

Пройдя деревню, поздоровался с замотанными баронскими солдатами на вышке. Торговцы — это всегда проблема. Учёт, налоги, решение споров. Несколько сотен метров открытого пространства, и я вошёл в хорошо прореженный подлесок. Несколько километров от деревни, ловить нечего, тут всё выгребают дочиста. Нужно идти дальше.

С каждым километром, опасность вырастает, как и возможная прибыль. Степень заражения местности довольно разная, но сильнее всего загажены низины и овраги. В некоторых местах плотность такая, что начинают мутировать даже деревья. Но это не здесь, конечно, а на десятки километров дальше вглубь заражённых земель.

Под ногами стелилась тропа, и потихоньку вокруг затихали птицы. Поправив накомарник, я стал внимательней смотреть по сторонам и под ноги. Пройдя ещё пару тысяч шагов, я присел на приметный корень, опираясь спиной на толстое дерево, и стал слушать. В сотне метров, еле слышно, журчал водопой. Излюбленное место для местных тварей, которые хоть и монстры, но пить им, в любом случае, нужно.

Раздался знакомый хлопок и треск дерева. Усмехнувшись, я поднялся со своего места, осторожно выдвигаясь на звук. Плётки высаживали у водопоя мы всей командой, и регулярно кто-то да попадётся. Это довольно опасная стратегия, так же, как мы ставим капканы, так и местные твари, из тех, кто умнее, вполне способны дойти до идеи охотиться на нас.

Но сегодня мне повезло. От водопоя вела дорога из вытоптаных кустов и смятой травы, местами на деревьях виднелись сорванная кора. Внимательно смотря по сторонам, я отправился по следу. Благо идти пришлось всего минут десять, пока под деревом я не увидел кабанью тушу.

Тут это считается детёнышем, хотя в звере было килограмм триста точно. Но, тем не менее, часть его головы и туловища крепко обхватили шипастые придатки Плётки, уже начавшие раскрываться для образования кокона. Осторожно подойдя к обессиленному, отравленному ядом монстру, вбил ему копьё в ухо. А следом, рубящим движением, отделил корень сжавшегося растения.

Оглянувшись вокруг ещё раз, бросил на землю рюкзак, начиная доставать инвентарь. Следовало торопиться, пока на огонёк не пожаловали хищники. Так что работал я грубо, на скорость, закидывая в мешки органы и особо не утруждая себя тонкой разделкой, хватая много лишнего. Десять минут спустя мой рюкзак потяжелел килограммов на тридцать, и я даже успел слить часть крови.

Можно было взять много чего ещё, но и так... Если получится доставить это домой, то я стану богаче на несколько золотых. Тревожно оглядываясь, я потихоньку отправился в

сторону дома. Главное не торопиться, многие охотники, получив хорошую добычу, начинают думать о чём угодно, но не о ситуации вокруг. И я их вполне понимаю.

За плечами приятной тяжестью висел доход за два прошлых месяца. Мои денежки, моя радость!

Я донёс добычу до дома и практически сразу приступил к тонкой разделке по тем канонам, что любит магистр. Не так уж и много я мог сделать текущим инструментом, но, в итоге, отложив часть ненужной требухи, которую я потом использую в еде, собрался и понёс всё алхимику.

— Ты, всё же, решил идти один? — встретил меня вопросом магистр, как только я вошёл к нему в торговый зал с мешком в руках.

— Глупо не воспользоваться оставленными ловушками и секретами, — пожал я плечами.

— Давай, показывай, что там у тебя, — вздохнул он, поманив меня за собой в рабочую зону.

Я прошёл к разделочному столу и стал выкладывать органы, железы и нервные узлы растений, сразу помещая их в подходящие сосуды.

— Удовлетворительно, начинаем обработку, — коротко приказал он.

Я стал привычно подготавливать составы и посуду, пока он разогревал печь и запускал перегонные кубы.

— И таки, парень, не ввязывайся ты в охоту, а в одиночку это просто глупость, — ещё раз повторил Ингельвин, закидывая уголь в печь.

Отвечать на это я ничего не стал. Магистр понимал, зачем я это делаю не хуже меня, обсуждать по десятому разу одно и то же, не хотелось. Так что я просто виновато пожал плечами, закидывая печень в огромную бадью с соляркой. По крайней мере, по запаху было похоже на это.

У магистра есть и различные кислоты, но их он предпочитает использовать для следующих стадий обработки. Эту печень буду обрабатывать уже не сегодня, но там подходят старые запасы, так что работа есть в любом случае.

К вечеру мы управились, и, усмехнувшись, магистр отсыпал мне монет за материалы. Я молча смотрел на две золотые монеты в руке, заработанные мной за день. Я два месяца работал за такие же деньги до этого. А тут...

Я знаю цены. Старик выплатил по самому низу, но, блин, это всё равно два золотых. Полностью закрывает вопрос еды на три месяца даже по нашим ценам. Убрав денежку во внутренний карман, я поблагодарил:

— Спасибо!

— Не позволяй золоту затмить твой разум, — хмуро произнёс Ингельвин. — Не теряй осторожности.

— Постараюсь, — и, коротко поклонившись, я понёсся домой, продумывая планы на завтрашние покупки.

Впрочем, утром, коротко размявшись, вместо похода по торговцам я опять собирался в очередной рейд. Броня, мешок, запас реагентов, несколько ножей для разделки, копьё, верёвка. Фляга с чаем и накомарник. Запас вяленого мяса погрызть и ещё несколько полезных мелочей. Долгий рейд не планируется.

Посвистывая мелодию, выдвинулся из дома. Сегодня я планировал проверить ловушки немного в другом месте. А, если не повезёт с крупной добычей, можно просто сократить количество опасной флоры. Углубившись по тропе на пару километров, я почувствовал

очень приятный запах, сладковатый, цветочный, так и тянущий подойти поближе, понюхать.

Выдохнув, я надел на лицо маску и, стараясь дышать пореже, углубился в сторону. На холме немаленького муравейника росло несколько ярко-красных плодов, распространяющих этот аромат.

Срубив плоды, я закинул их в герметичный мешок, а после стянул с пояса верёвку и привязал её к небольшой кошке. Закрепив ту на самом растении, я выбрал всю длину и сильно дёрнул. Растение начало поддаваться, и, с третьего рывка, из муравейника вылез длинный корень, облепленный трупиками насекомых.

Зачистив, я порубил его на куски и, облив соляжкой, закинул в сумку. Скверны в Вонючке не так чтобы много, но вот за вытяжку плодов можно выручить пару серебряных. Отличная штука для духов.

А ещё эти плоды прекрасно прорастают внутри тела, если их съесть, так и размножается, в основном, это растение. Даже заражённые монстры вполне могут стать очаровательным кустиком через некоторое время. Закончив, я отошёл подальше и как следует продышался. Запах тоже вреден, угнетает мышление и восприятие.

Через пять минут я уже шёл дальше, эпизодически сходя с тропы в разные стороны и осматривая лес. Нашёл молодую плеть, но вырезать не стал. Сначала стоит проверить ловушки, и если там что-то сработало, то вернусь и пересажу её на место израсходованной.

Не доходя полкилометра до ловушек, остановился, внимательно слушая лес. Тихо. Пройдя ещё сотню метров, опять застыл. И так потихоньку дошёл до места, где сел уже подольше, смотря на раскинувшуюся подальше густую сеть, окутавшую мёртвые деревья. «Кускута плотоядная». Или по-простому — Паутина.

Редкая дрянь. Паразитирует вообще на всём — растения, животные — и не важно, заражённые или обычные. Конкретно этот очаг включал в себя несколько заражённых растений других видов. И идёт оно до самого водопоя почти на сотню метров.

Отсюда видел здоровенный кокон плётки, переваривающий кого-то, размером с лошадь. Кокон был густо оплетён Паутиной, которая, в свою очередь, крепко держалась за десятки стволов деревьев вокруг.

Побеги этой дряни крайне прочные и плохо горят. Причём со временем взрослые экземпляры начинают демонстрировать способности к самостоятельному движению отростков. Такие вот очаги надо огнёмётами сжигать, дотла. Но кто же будет этим заниматься, когда нет ни магии, ни огнёмётов? Вот и растёт.

Раздавшийся еле слышный хруст заставил меня напрячься и, выскользнув из лямок рюкзака, встать, крепко обхватив копьё и прижавшись спиной к дереву. Тихо дыша, я сосредоточился на скверне вокруг. Я её вполне чувствую и специально это ощущение тренирую. Один из больших плюсов быть заражённым в этой работе.

Это же, правда, даёт и минус, меня могут почувствовать точно так же. Это не говоря о возможности влияния на сознание через скверну. Но сейчас это было не важно. Чувства забивал фон Паутины впереди, но я лишь сильнее сконцентрировался. И, всё же, что-то я ощутил. Позади в дюжине шагов. Два объекта, сливающиеся между собой в единое пятно.

Всё ближе и ближе. Практически неслышные шаги, расходящиеся в разные стороны. И вот между нами только ствол дерева, к которому я прижался спиной. Бешено стучит сердце, потеют ладони. Страшно. Но выбора нет. Выдохнув, мягко сместился влево и, разворачиваясь, нанёс укол копьём. Следом шагнув вперёд, продолжил удар, всадив десяток сантиметров стали в грудь гоблину.

И тут же бросился вправо, вырывая копьё обратно и спасаясь от просвистевшей дубины. Секущий встречный удар заставил второго гоблина отпрыгнуть, получив порез на животе.

Шагнув назад, я глубоко вдохнул и, медленно, выдохнул, смотря на двух раненных гоблинов перед собой. Один держал в руках топор, с лезвием из кости какого-то животного, а второй просто дубину со вставленными туда острыми кусочками костей.

Я начал сдвигаться вправо, стремясь заставить их мешать друг другу, но это не сработало. Бросились на меня они одновременно. Укол в грудь левому и присесть, подставив древко под удар топора второго. Шаг вперёд, отталкивая от себя наседавшего на топор уродца, и секущий удар ему по брюху.

Удар был жёстко заблокирован топором, но я уже отступил назад, возвращаясь в стойку. Моя атака принесла плоды, и первый гоблин отскочил назад, зажимая глубокую резаную рану на груди. Он, всё же, сумел повернуть корпус, спасаясь от укола. Шаг влево — атака. Но подранок отскочил назад, отмахнувшись дубиной.

Шаг вправо, потом вперёд, быстрый укол в голову, в торс, снова в голову, в голову и в ведущую ногу. Последний прошёл, но гоблин, заверещав, прыгнул на меня и обрушил сверху свой удар топора. Сдвинувшись в сторону, я принял его на наплечник. Удар кулаком в латной перчатке раскрошил уродцу зубы и отбросил назад.

Через мгновение я уже был в защите, останавливая уколом бросившегося на меня второго подранка. Он остановился, побоявшись лезть ближе, что и позволило мне провести серию уколов. Копьё дрогнуло, встретив на своём пути крепкую черепную кость, но прошло дальше, превращая в фарш его мозга.

Вырвав из башки гоблина оружие, я повернулся ко второму, пытающемуся встать с земли, подволакивая раненую ногу. Шаг вперёд, и укол в голову закончил его существование.

Отступив от поверженных противников, я остался в стойке, тяжело дыша. А после, оглянувшись, медленно сделал несколько шагов вперёд. Твари чуть не загнали меня в заросли Паутины позади. Такие вот тупые гоблины.

Поморщившись, я взрезал уродцам копьём грудь и живот, а после, вырвав сердца и печень, закинул их в мешок. Следом отволоч и бросил тела волнующейся Паутине, смотря, как их начали оплетать отростки, потихоньку вгрызающиеся в открытые внутренности.

— Мерзость, — сплюнул и передёрнул плечами.

Отдышавшись, поднял брошенный мешок и обошёл заросший кусок леса, выходя к ловушкам у водопоя. Как и ожидалось, ничего не было. Гоблины явно как раз и приходили проверять ловушки. А мне нужно будет навести сюда кого-то из больших отрядов охотников. Где пара гоблинов, там и гнездо рядом, и меньше всего я бы хотел с ними опять сражаться.

Тело била дрожь от запоздалого страха и адреналинового отходняка. Какие эти твари, всё же, быстрые. А если хотя бы один был с копьём?

— Похер, — выругался и, сплюнув густую слюну, отхлебнул из фляжки, а затем выдвинулся домой. На сегодня мне приключений точно достаточно!

По пути к деревне слышал в стороне от тропы чей-то визг. Но проверять не рискнул. Разве что ещё сильнее стал спешить в селение, начав успокаиваться, когда оно уже показалась впереди. Последнюю сотню метров преодолел чуть ли не бегом.

Наконец оказавшись дома, присел на крыльцо и выдохнул. Я вернулся с прибылью, победил. Но руки всё равно слегка подрагивали.

— Да твою же мать, что за нахер? — тихо прошептал я и, встряхнувшись, сжал кулаки.

Ну да, страшно. Не первый раз я с тварями дерусь. Но в одиночку, зная, что помощи

ждать неоткуда, вышло совсем по-другому. И исключительно заражение скверной дало мне необходимые физические кондиции и чутьё для победы. Не будь этого, там бы они меня и забили, несмотря на доспехи и лучшее оружие. Это факт.

— Ладно, прорвёмся, — вздохнул и пошёл разбирать мешок.

За второй рейд я выручил один золотой. Гоблины не очень дорого стоят, несмотря на всю свою опасность. Но в лес пока идти не хотелось, и я налёг на тренировки сильнее. Мышечная масса и скорость прибывали как на дрожжах. Это захватывало. Каждый день результат лучше, чем вчера.

В лес я выбрался не раньше чем через две недели и то, прошёлся по ближней зоне, собрав всего лишь несколько растений на пяток серебра. Ещё через три дня удалось найти кролика, из которого прорастала вонючка, да подрубить серебрянку. Тоже копейки.

Но я не жалею и глубоко в лес всё равно идти не хочу, больше отдаваясь тренировкам и чтению. Выработал график из двух походов в неделю и успокоился. Денег хватает, и накопления начали потихоньку расти. Я даже иногда позволяю посидеть себе в трактире, скушать чего-нибудь вкусного и послушать, о чём люди говорят. Вот как сейчас.

— Пацан, ко второму водопою не ходи, там всё чаще встречаются гоблинов. А к первому стая волков повадилась, — вывел меня из задумчивости голос одного из охотников за соседним столиком.

— Что-то часто всё это стало так близко к деревне обитать, — вздохнул я.

— Зато ходить за добычей далеко не нужно. Выгода, — усмехнулся другой охотник. — И что ты там один сидишь? Давай к нам.

Я не стал отказываться и, подхватив своё блюдо со свиными рёбрышками и морс, пересел к ним.

— Согласен, выгодно, но скоро уже прямые эманации и до деревни с замком дойдут. Не хорошо, — покачал я головой. — Да и гоблинов стало опять слишком много.

— Деревню уже пора оставлять, так или иначе. Барон тоже подумывает не ждать и не доводить до нехорошего, — хмыкнул здоровенный северянин, огладив длинную бороду, в которой были заплетены несколько косичек.

— И бросит своё родовое гнездо? — поднял я бровь.

— Мужик не дурак, чем ближе граница скверны, тем сильнее твари смогут выходить. Это уже вопрос выживания, а не прибыли. Ты был в старой деревне, кстати?

— Феликс считал это слишком опасным, — отрицательно покачал головой я.

До прошлой деревни всего один большой дневной переход, около сорока километров. Но, тем не менее, да. Туда он водить нас не рисковал.

— Не удивительно, — фыркнул в бороду здоровяк. — Мы там были, когда ещё мелкими в одном отряде ходили, лет десять назад. Уже тогда там был рассадник тварей, а сейчас может и вовсе средоточие сформировалось.

— Маловероятно, Свен. Средоточие формируется на выходе к поверхности бывших линий маны. В прошлой деревне никогда такого не было.

— Зато есть под замком, — усмехнулся северянин, взмахнув рукой в направлении поместья барона.

— Думаешь, нас осознанно хотят выбить отсюда? — с интересом спросил я, отхлебнув морс.

— Когда деревня была на прошлом месте, хватило одного масштабного нападения, чтобы её перенесли. А тут мы уже десяток пережили, и с каждым разом они становятся всё

злее и масштабнее. Это не случайно.

— Ты забыл добавить, что само распространение заразы идёт неравномерно, — покивал я.

Что действительно так, если представить карту, то от общего фона к деревне выдаётся ясно видимый рукав в полтора десятка километров. Вообще тема того, что скверной, или хотя бы частью монстров, кто-то управляет, не лишена аргументации. Слишком много всякого после катастрофы нашло убежище именно там.

— Кроме всего прочего, — кивнул северянин.

— Ладно, Свен, ты же не просто так меня позвал новостями поделиться? — вздохнув, поинтересовался я, немного зная его репутацию дельца с жёсткой хваткой — просто так этот мужик ничего не делает.

— Заканчивай одиночные походы, пацан. Даже в ближней зоне становится слишком опасно, а нам бы не помешал ещё один парень с чуйкой.

Я задумчиво нахмурился, обгладывая свиное рёбрышко. С одной стороны, доходы упадут, но так ли сильно? В рейды они ходят чаще, чем я сейчас, и намного дальше, хотя и делить добычу нужно на десяток человек, но безопасность... Глупо отказываться.

— Условия? — поинтересовался я.

— Две доли мои, остальное на всех, стандартно.

— Хорошо. Завтра у ворот?

— Завтра тренировка, подходи, сначала посмотрим, что можешь, — фыркнул северянин.

— Буду, — кивнул я, запивая мясо.

Как бы то ни было, я рад поступившему предложению. Значит, сообщество охотников признало меня своим. Это греет.

Утром я был на подворье отряда Свена, в броне и с шестом. Зайдя внутрь, поприветствовал мужиков и приступил к разминке, ожидая, пока подойдёт северянин. Вышедший во двор здоровяк, смерив меня задумчивым взглядом, погладил бороду и, со вздохом, стал надевать собственный панцирь.

Через пару минут он уже стоял напротив с таким же шестом в руках. Хмыкнув, нанёс укол в голову, грудь, ноги и опять в грудь. Я всё парировал и атаковал в ответ. Несколько уколов, укол с подрезом, удар пяткой. Бородач парировал или уходил от всего, что я мог придумать.

А после он усмехнулся и начал настоящую атаку. Укол с подрезом, ещё несколько уколов, в том числе и со сменой траектории. Я отчаянно парировал, уклонялся, пытаюсь выбрать момент для атаки. А его всё не находилось. И даже когда я жёстко парировал рубящий удар, поморщившись от отдачи в шесте, и собирался пробить лоукик, мне пришлось вместо этого уходить от его удара ногой по яйцам.

Три минуты он меня гонял, не давая ни секунды передышки и пару раз больно заехав шестом по ноге и рёбрам. Но результативно атаковать я так и не смог, несмотря на то что значительно быстрее и выносливее. Слишком большая разница в опыте.

Отскочив назад, я воткнул шест в землю и глубоко вдохнул, смотря на тяжело дышащего здоровяка. А после выдохнул и поклонился.

— Мастер.

— Избавь меня от этого книжного дерьма, пацан, — отмахнулся Свен, пытаюсь отдышаться.

— Со многими дрался в деревне, но лучше с копьём никого не видел, — покачал головой я. — У меня вообще не было шанса!

— Техника у тебя сырая. Видно, что много тренируешься, жрёшь всякое говно, но техника — мусор!

— У меня мало опыта, — постарался независимо пожать я плечами.

— Ты прошёл, для нюхача нормально, — отмахнулся северянин. — Давай проверим, как с щитом и в строю.

Проверка затянулась до вечера, мягко перейдя просто в спарринги и тренировку. Напомнило мне времяпровождение с прошлым отрядом, хотя тут отношения внутри команды были значительно менее компанейские. Например, жила большая часть команды отдельно друг от друга, и в душу друг к другу не лезла.

Меня подобное устраивает, слишком жива ещё память от гибели людей из отряда Феликса. А тут исключительно рабочие отношения.

Уже на следующее утро мы отправились в первый совместный рейд. Тут моё место уже было впереди и справа от отряда, прикрываемый только одним хмурым напарником. Я осторожно шёл, иногда останавливаясь, и пытался ощутить скверну.

Есть. Аккуратно пройдя десяток шагов вправо, мягко ступая, обошёл кусты и показал коллеге на скрытую в кусте дикого шиповника молодую плётку. Смерив мелочь взглядом, охотник ткнул её подобранной корягой и, после того, как она оплелась вокруг дерева, вырвал корневище и засунул в мешок. Это будет высажено в другом месте.

До водопоя мы собрали несколько растений, ребята смогли подстрелить одного кролика, а там нас ждал знакомый мне лес паутины. На водопое сработало несколько ловушек, из которых пришлось вырезать жертв и перерабатывать сами растения.

Собрав всё, что есть, мы высадили молодую замену плёткам и пошли дальше. Между прочим, так далеко я не заходил даже с прошлой командой. С каждой сотней метров мы останавливались всё чаще, собирая растения. Пока в определённый момент по нервам не резануло ощущение сильного источника скверны.

Свистнув, я привлёк внимание команды и стал медленно отступать, смотря как из оврага выходит пара здоровенных чёрных тварей. Волки. Ну, были когда-то, пока не обросли костяной защитой, когтями и шипами.

Рядом выдохнул напарник, прикрывая меня щитом и тоже выставляя своё копьё вперёд. Но монстры не атаквали. Мы медленно отходили назад, пока не поравнялись с остальным отрядом. И там уже продолжили отступать назад все вместе.

А твари так и не напали, только, припав к земле, угрожающе рычали, пока мы не скрылись из виду.

— Приплод у них, — сплюнул Свен. — Драться будут, как сумасшедшие, но просто так не нападут на большую ватагу.

Я немного удивился про себя, насколько некоторые звери сохраняют разум и как сильно его теряют разумные. Впрочем, неоднократно читал и слышал точку зрения, что если уничтожить разумных тварей, то со скверной станет жить намного проще.

— Возвращаемся, — приказал северянин. — Хватит на сегодня судьбу за сиськи дёргать.

Обратно мы взяли маршрут немного левее, прочёсывая ещё кусок леса и заполняя сумки дальше. Возвращались очень неспешно, так что в деревню вошли под опускающиеся сумерки. Устали, как черти, но обошлось без жертв и раненых.

Всю добычу не знаю, но думаю на три-четыре серебряника я точно сегодня наработал. И надеюсь, так будет и дальше. Лёгкие деньги. Не может же быть в команде опаснее, чем одному, верно?

Кажется, я был не прав в своих ожиданиях: Свен совсем повёрнут на деньгах. Мы ходим в рейды три-четыре раза в неделю, иногда чаще. И это действительно опасно! Только вчера мы встретили хорсу. Долбаный мутировавший медведь размером с микроавтобус! Это стоило нам одного охотника, пока не смогли загнать его в заросли Паутины, где он, в итоге, запутался в зарослях.

И я слышал, как у мастера копыя скрежетали зубы. Но не от потери разорванного пополам коллеги, а от того, что такой куш уходит мимо. Он всё порывался подойти ближе, попробовать освободить монстра и добить самим.

Но дураков не нашлось. Хоть останки охотника мы с собой забрали, но он не местный и про свою родню ничего не говорил, так что его доля разойдётся нам. И я, кажется, понял, почему северянин так свободно набирает народ. Это уже четвёртая смерть за полтора месяца. При этом, он взял ещё троих новичков.

Всё чаще у меня в голове бродила мысль покинуть отряд. Это просто конвейер по перемалыванию людей и зарабатыванию денег. Но деньги хорошие, я уже заработал больше десяти золотых.

— Сегодня точно последний рейд с ними, — вздохнул я, потихоньку собираясь в поход.

Относительно прошлого комплекта мой арсенал пополнился увесистым тесаком на поясе. Неважная сталь, потёртая деревянная рукоять. Дешёвое и простое оружие.

Даже не для боя, а скорее для быстрой разделки монстров. Собравшись, я попрыгал и отправился к воротам, где мы должны были встретиться с остальным отрядом. Сегодня в рейд шёл ещё один новичок. Опытный мечник и наёмник, но в лесу в первый раз. Вникать дальше в его прошлое не хотелось. Не факт, что он переживёт следующие несколько дней.

Я пришёл последним. Нетерпеливо ходящий туда-сюда северянин тряхнул косячками в бороде, и отряд отправился в лес. Шли быстро, по вчерашнему маршруту. И далеко, километров на пятнадцать от деревни забрались. Всё, что ближе, мы уже хорошо проредили.

Внезапно я ощутил небольшое пятно скверны далеко слева, а следом щёлкнули арбалеты.

Мы с напарником начали сдвигаться в ту сторону. Гоблины, шесть рыл и седьмой валяется на земле со стрелой в голове. Рядом напарник вскинул арбалет к плечу и выстрелил, а я в который раз посетовал, что до сих пор не заимел такую игрушку. Ударили наши два лучника, но попал только один. И то гоблин не остановился.

Я уже был рядом, и копьё устремилось в цель. Уродец дёрнулся, уходя с линии укола, пытаясь ударить меня своим копьём в ответ. Сдвинувшись в сторону, я увернулся и уколол в бок другого. Дрогнуло в руках древко, когда острие пробило рёбра, заставив погань заверещать. Пригнуться, спасаясь от укола в лицо, одновременно выдёргивая оружие. И, сдвинувшись назад, я просто рубанул копьём сбоку третьего, вспоров ему спину.

Принял укол копыя на нагрудник и уколол в ответ в ведущее колено. А следом сделал шаг вперёд и добил ударом в голову. Свистнула стрела, и стоящий напротив гоблин получил снаряд в грудь. Добить его труда не составило, а потом я метнул копьё в удачно подставившего бок ещё одного.

Рванув тесак с пояса, замерев, стал ждать, смотря на трупы остальных уродцев. Выдох, глубокий вдох.

— Хорошо, сегодня тебе полуторная доля, — хмыкнул Свен, выдёргивая своё копьё из головы гоблина.

— Долбанные мутанты, — завистливо покачал головой новичок.

— Только вчера гоблинов били, — буркнул я Свену, проигнорировав зависть.

— Их всё равно нужно убивать, — пожал плечами северянин и спросил: — Разделаешь?

— Угу, — вздохнул я и, пинком перевернув гоблина на спину, взмахом тесака вспорол ему живот сверху-вниз. Следующим ударами подрубил рёбра.

Провернув подобное с остальными трупами, достал из мешка грубые рукавицы и, натянув их поверх латных рукавиц, стал выдирать органы. Мерзко, конечно, но такая работа.

Мулом сегодня работал как раз побледневший новичок. Так что, покидав добычу в протянутый им мешок, я снял рукавицы и потянулся к фляге.

— Закончили? — нетерпеливо спросил Свен. — Отлично. Идём дальше!

Такой вот у нас главарь. Больше, больше добычи и денег. Но никто не противился — выгодно. Мы обшарили ещё несколько километров леса, и, в итоге, вышли к большому озеру. Внимательно оглядев пляж, я нахмурился. Трава и песок были усеяны большими следами с отпечатками когтей. Необычно, подобных отпечатков я ещё не видел.

Мой напарник, только увидев их, немного побледнел и, сглотнув, знаком велел отступить.

— Дракон, — коротко отчитался он Свену, когда мы отошли к позициям основного отряда.

— И сильный, — поддержал я напарника. — Скверной веет как два медведя, типа прошлого.

Было видно, как у северянина осторожность борется с жадностью. Хотя, с моей точки зрения, глупо трогать такую тварь. Только если притащить сюда несколько баллист, выпить эликсиров на силу и реакцию и использовать оружие с рунами. В случае обороны деревни, это нормально и возможно. Тут же подобная операция выйдет намного дороже, чем мы получим реагентов с дракона.

— Уходим, — скривившись, скомандовал Свен.

Я же, чувствуя, как с озера быстро приближается мощный источник скверны, крикнул:

— Бежим!

И сам рванул в числе первых. На нашу беду, подлесок возле озера оказался довольно редкий, и мы не успели пробежать и полсотни метров, когда за деревьями мелькнула чёрная туша. Через мгновение затрещали сминаемые деревья и кусты, когда монстр бросился за нами в погоню.

Я бежал первым, полностью сосредоточившись на дороге перед нами. Взмах копьём отрезал щупальца небольшой паутины, способной выхватить кого-нибудь из отряда. Именно в этот момент мои ноги дёрнуло, и я кубарем полетел прямо в заросли.

Бросив взгляд на ноги, я увидел боло, которым Свен мастерски стреножит некоторых тварей. Я похолодел, поднимая глаза на пробегающего мимо северянина, и рванулся обратно. Но в меня, с криком «Прости», прилетела пятка копья, отбрасывая глубже в сжавшиеся вокруг меня заросли.

— Су-у-ука! — выдохнул я.

Этот пидор всё рассчитал. Я сам пахну скверной и буду приоритетной целью для монстра в любом случае. И за то время, пока ящер будет выкорчёвывать меня из зарослей и доспехов, они точно успеют убежать достаточно далеко. По крайней мере, лес станет

достаточно плотный, чтобы такая здоровая тварь не стала продолжать преследование.

Застыв, как статуя, я смотрел, как в поле зрения ворвался монстр. Всё же, несмотря на скверну, дракон был красив. Плотные сложенные на спине крылья, длинный хвост, стремительность и мощь движений мускулистого тела. И даже чернота скверны, проступающая под тёмно-зелёной чешуёй, складывалась в красивый узор.

Совсем не то же, что изувеченный скверной человек, бегущий по лесу с голыми яйцами. Красиво. Сжав копьё, я оценивающе пробежался по туше, отыскивая уязвимые места. Чешуя у драконов зависит от возраста и условий жизни. Сейчас, чаще всего, она не очень крепкая, но к экземпляру, медленно подходящему ко мне, это не относится.

Ороговевшие, даже на взгляд плотные, потемневшие пластинки так свободно не повредить. Поразить нужно мозг, но пробить череп — это и вовсе из разряда фантастики. Только если колоть в глаза. И даже в этом случае всё будет не так легко. Я, конечно, так просто не сдамся, но вариантов у меня не много.

Прутья паутинки, тем временем, оплетали всё крепче, начиная подбираться к открытой коже шевелящимися лианами. Дракон стегнул хвостом воздух и замер, медленно приближаясь к оплётшим меня побегам. Поросль не настолько сильная, чтобы удержать что-то такое большое и сильное, как эта многотонная туша.

В смотрящих на меня глазах я видел голод и ярость. Голод?

Усмехнувшись, я медленно, чтобы не тревожить оплетающие меня растения, полез в рюкзак и вытащил маленький мешочек с плодом вонючки. Было сложно развязать его одной рукой, но я справился. Поднеся плод ко рту, застыл на секунду, борясь со страхом. А после, оскалившись, проглотил, смотря на дракона. Хер ему, а не вкусный ужин!

Монстр шумно втянул воздух ноздрями, и в его глазах появилось сомнение. Умный. Хоть и потерял большую часть разума, но наработанные инстинкты на опасность остались. Мы замерли друг напротив друга, я, медленно сжимаемый паутинкой, и сомневающийся дракон.

В вертикальных зрачках ящерицы мелькнула осмысленность. И, оглянувшись вокруг, он в несколько ударов когтями свалил дерево рядом. Следом ещё одно и ещё, обрубая те, к которым крепилась паутина. А потом, невозмутимо зацепив бревном всю эту шевелящуюся мешанину лиан и веток, рванул. Кокон растений сдался перед многотонным усилием и пополз по земле вслед за ящерицей. Вместе со мной, разумеется.

В итоге, пока нас тащило по земле, лианы собрались на единственном крупном объекте. На мне. Опавшая хвоя и листья сменились песком, и, видя стремительно приближающуюся поверхность воды, единственное, на что меня хватило, это глубоко вдохнуть. Через мгновение я оказался под водой, прижатый сверху бревном.

Не знаю, как я умудрился не потерять драгоценный воздух. Особенно, когда меня начала сдавливать паутина. Но через минуту она начала отцепляться и всплывать наверх. Эта дрянь во многом уже скорее животное, чем растение, и вода ей не по душе. Но радоваться этому не получалось.

Дерево нажало сильнее и, не выдержав, я выдохнул. А через десяток секунд вдохнул воду, боль в лёгких и спазмы заставили меня бить по воде и дереву, а сознание начало уплывать. Вдруг вода сменилась пляжем, и я рухнул на песок, вылёвывая воду и всё, что было в лёгких и желудке.

Вдохнув несколько раз, я не успел порадоваться жизни, как оказался подхвачен когтистыми лапами, и надо мной опять сомкнулась озёрная гладь.

Трижды. Эта тварь топила меня три раза, пока из меня не стала выходить только вода. И я не остался лежать на песке, пытаюсь отдышаться, выкашывая остатки воды. Мешок с моей спины оказался давно сорван, как и пояс с тесаком и ножом. А копьё я выпустил ещё когда он волочил меня сюда.

Не знаю, что тварь хотела сделать, вырвать из меня кишки было бы быстрее, чем топить. Но не сложилось, так как через мгновение я услышал песню. Скорее просто ритм, сулящий обещание добычи и силы. Я начал поддёргиваться, желая пойти в его сторону. Мощь ритма выросла, я встал на колени и на четырёх костях пополз в его сторону.

Ближе! Ещё ближе! Выплюнув воду, пошатываясь, поднялся и сделал первый шаг. Мимо прошёл забывший обо мне дракон. А через десяток секунд ящерица уже скрылась впереди, продираясь по лесу. Я же, подняв с земли своё копьё и опираясь на него, как старик, последовал за ним.

Ритм становился всё сильнее. А потом спереди раздались знакомые хлопки плётки. Ритм усилился, достигнув высшей точки. И я побежал вперёд, быстрее к своему счастью!

Но ритм заглох. И, сделав несколько шагов, я остановился, тряхнув головой.

— Что за херня?

Раздался полный злости рёв дракона, а я, наконец, увидел впереди дюжину гоблинов. И картинка сложилась.

— Шаманы, блядь...

Выругавшись, я вдохнул поглубже и встал в стойку, поднимая копьё. В голове метались загнанными зверями мысли.

Их тут наверняка ещё много. Шаманы не ходят в маленьких группах. Они, судя по всему, пришли сюда охотиться на дракона. Надо бежать. И только я рванул в сторону, как по мозгам опять ударил Ритм, лишая воли. Но в этот раз я понимал, что к чему.

Сжав копьё, хоть и не имея возможности сопротивляться, я рванул к источнику ритма. За спиной что-то заверещали гоблины, но я вырвался вперёд и, сбив по пути обернувшуюся ко мне зелёную фигурку, вылетел на небольшую полянку. Вокруг были гоблины, несколько десятков. А по центру бился в путях нескольких здоровенных плёток и наброшенных на него паутинок дракон.

Но главное не ящерица. Впереди, в окружении полудюжины здоровенных троллей, сидело двое шаманов. Обвешанные черепами животных, они сидели возле костра, распространяющего вокруг себя странно пахнущий дым. И корявыми пальцами настукивали тот самый ритм. Один по чему-то, действительно напоминающему бубен, другой просто на деревяшке.

Набат ударил в голову ещё сильнее, и я замер, смотря на гоблинов, а после медленно рухнул на колени. И даже дракон рядом заглох. Один из шаманов, повелительно взмахнул рукой, показав мне на ящерицу, на секунду ослабив ритм. В голове немного прояснилось. Я встал и, подойдя к дракону, ткнул ему копьём в брюхо.

Но вошло совсем не глубоко. Я ткнул ещё, острие соскользнуло и поразило один из корней плётки. Я ударил опять и попал в ещё один корень. И ещё в один. Туша перед мной немного сдвинулась, а потом привстала. И, широко размахнувшись, я нанёс несколько рубящих ударов.

Сзади заверещали гоблины, сбившись с ритма. Я же прищурился в глаза ящерице и, развернувшись, метнулся в сторону шаманов. Ритм усилился. Но, всё же, как ни крути, во мне слишком мало скверны. Через десяток секунд я оказался возле шаманов. И отправил

своё копьё в полёт, прямо в грудь одному из ублюдков. Он захрипел, хватая торчащее из груди древко.

Никакого ритма больше не было. Второй шаман встал и громко что-то заорал. Гоблины вокруг нас и, что хуже всего, тролли, перестали быть вялыми, введёнными в транс собственными шаманами. Я рванулся в сторону, спасаясь от свистнувшего рядом полноценного копьё. Десяток гоблинов, держащихся ближе всего к шаманам, были вооружены нормальным оружием.

А за спиной у них заревели более чем двухметровые верзилы, начав выдвигаться вперёд. Отступив назад, оглянулся вокруг. Гоблины подтягивались к поляне, смыкая ряды вокруг. Но...

За спиной раздался полный злобы рёв и, кинув взгляд назад, я в сторону. С треском рвущихся побегов плётки и паутинки, освободившийся дракон кинулся на оставшегося шамана и его охрану. Мелкие гоблины бросились в рассыпную, потеряв только одного копейщика, а ящерица ворвалась в отряд троллей.

Тяжёлый удар лапы снёс башку одному, удар хвостом с отбросил другого, с треском костей смяв ему грудь. Третьему дракон просто вырвал часть плеча вместе с рукой пастью и оказался рядом с шаманом. Тот, однако, не испугался. И, подняв перед собой кривой посох, что-то резко сказал.

Зашатавшись, дракон рухнул, где стоял. Мне тоже по нервам стегануло адской болью. А шаман повелительно показал троллям на тушу, и, тяжело шагнув, они обрушили на него свои дубины. Раз, другой, третий. Работали по суставам лап и голове. Впрочем, череп, укреплённый скверной, очень крепкая штука. Лапы начали сдаваться раньше.

Что же. Выбора у меня никакого не было. Я сорвался вперёд, и в тролля, бьющего ящерицу по голове, вошло копьё. Неглубоко, но ровно в позвоночник, заставив его рухнуть полупарализованной тушей на землю. Осталось ещё два.

Пригнувшись, я пропустил над головой дубину второго и ударил ему в живот. Удар был очень хороший, но копьё вошло всего на десяток сантиметров. Быстро вырвав оружие, я бросился к третьему, кольнув в колено. Только чтобы отвлечь.

В спину сильно ударило, и, развернувшись, я увидел на другом конце поляны, как трое гоблинов раскручивают пращи, отправляя в меня камни. Закрыв лицо рукой, сместился в сторону, всё же, поймав один снаряд на наруч. Свистнули стрелы, безвредно отскакивая от покорёженных доспехов.

А я сделал рывок в сторону отошедшего шамана. Десять метров. Пять. Три. Ударившая волна боли бросила меня на землю. Я завыл, катаясь по земле и ничего не соображая. Но вот ящерицу позади это заставило прийти в себя. На трёх лапах десяток тонн живого веса пронеслись надо мной, сминая шамана. Рывок пастью, и только ноги взлетели, когда ящерица вскинула голову вверх, перекусывая гоблина пополам.

Я же лежал и кайфовал, чувствуя, как отпускает боль. Двое троллей налетели на дракона со своими дубинами, обрушивая на него удары. Одного он встретил вялым ударом когтей, поверхностно пропоровших крайне твёрдую кожу, а второй и вовсе огрел его дубиной по поднятому в защите крылу.

Для ящерицы огромное количество яда плёток и столько ударов по голове явно без последствий не прошли. Дубины обрушились ещё раз. И ещё. Сплюнув, я перекатился и, подхватив копьё, бросился вперёд. Начиная обрабатывать одного серией уколов. Отвлёкшись на меня, тролль пропустил удар лапы, отбросивший его назад.

Но мне уже было не до того. До меня дошли гоблины. Я колот и рубил, уклонялся, но всё чаще принимал удары на доспехи. И отступал назад, пока, в какой-то момент, не оказался спина к спине с ящерицей, вяло отмахивающейся от последнего тролля и гоблинов со стальными копьями.

Дракон еле двигался, став даже медленнее тролля. Много веса, много мяса. Большой объём клеток для регенерации, повышенный расход скверны на всё это. Поймав в очередной раз удар дубины на наплечник, а следом укол в бедро, после которого по ноге потекла кровь, я, улучив момент, ринулся назад и, проскользнув под отмахивающимся крылом дракона, воткнул копьё в горло троллю. Тот отвлёкся, что позволило ящерице, сделав шаг вперёд, ударить его сверху когтями.

Я нанёс несколько ударов, пытаюсь отогнать гоблинов от себя. Не попал. Слишком устал, скорость уже не та. Мне бы хоть немного перевести дух. Удар по ноге заставил рухнуть на одно колено, отмахнувшись копьём. Ещё несколько уколов. На отскочившего гоблина обрушилась сверху драконья пасть.

Другого ящер поймал лапами, разрывая на куски. Ударил хвостом, заставляя остальных отпрыгнуть назад. Весь побитый, порезанный и наполненный транквилизатором плёток, дракон больше не казался совершенной машиной для убийства. Просто здоровая медленная туша с крепкой чешуёй. К тому же, уже и одноглазая.

Тем не менее, собравшись, ящер пошёл буром на гоблинов, игнорируя удары копьями и топорами. Поймать пастью он никого не мог, но достаточно уверенно пошёл в сторону озера. Я же, отмахнувшись в очередной раз, вскочил, и со всей возможной скоростью рванул в пробитую им брешь в окружении.

Я бежал к озеру, чертыхаясь от боли в ноге. А позади неслось несколько гоблинов. Не знаю, каким чудом, но до озера я добежал. И, подхватив бревно, которым меня топил дракон, влетел в воду. Вот я по пояс. Вот по грудь. И вот я плыву, вовсю работая ногами. Позади раздался всплеск, когда в воду рухнул дракон.

От наплечника отскочил камень, а в дерево рядом воткнулась стрела. Но я продолжал плыть. Стрелы и камни промахивались всё сильнее, пока в какой-то момент не перестали долетать. Обхватив спасительное бревно, я замер, пытаюсь отдышаться.

Доспехи тянули на дно, как и набравшие воду сапоги. Сначала я избавился от сапог. Потом от штанов. Вылез из доспехов и стёганки. Наручи, перчатки, шлем. Всё отправилось на дно. Оставив мне только небольшой нож, который я носил в сапоге.

Осмотрев противоположный берег, я нашёл взглядом густые заросли паутины и, отпустив бревно, поплыл к ним. Эти сто метров выпили из меня все оставшиеся соки, на узкую полоску пляжа я выполз уже только на диком желании жить.

И, смерив взглядом колышущиеся в паре метров от меня побеги, выключился

Проснулся уже ночью, от холода. Замёрз так, что зубы стучали, а тело сотрясала крупная дрожь. Оглядев пляжик, собрал несколько выглядящих сухими веток. Выдернул торчащее из воды бревно подальше и аккуратно вытянул ещё одно из оплётённой паутиной области. Сухое, хорошее.

Поползав по пляжу, собрал мелкий сухой сор, взял изогнутую палку и, сняв носок, изготовил подобие лука. А после, впихнув в него деревяшку, начал крутить. Дым пошёл быстро, но пока я увидел уголёк, прошло ещё пару минут.

В итоге, рядом со мной затрещал костерок, и, подтащив сухим краем бревно из озера, я замер, смотря на огонь. Я согрелся ещё когда разводил огонь, но тепло и силы стоило беречь на утро. Так что я прилёг рядом с огнём и задремал, просыпаясь, чтобы подвинуть брёвна ближе.

В очередной раз я проснулся от плеска воды. А следом надо мной пролетело бревно, влетая в заросли паутины. Мимо прошелестела здоровенная туша, а через мгновение на пляж полетели брёвна. Свободной зоны у воды стало неожиданно мало. Но в меня или костёр ничего не попало. Я припал к земле, крепко сжимая нож. И молча смотрел, как дракон осторожно кладёт сухие брёвна в огонь. Следом, когда пламя начало подниматься всё выше, он смерил меня безразличным взглядом единственного глаза и свернулся в клубок возле огня.

Я так и остался в одном положении, слыша, как набатом стучит моё сердце. Пару минут я смотрел на побитого ящера, но потом плюнул на всё, отполз подальше от мощного огня, свернулся калачиком на песке и продолжил дремать. Сил бояться больше не было.

Когда проснулся, на месте костра остались тлеющие угли, но припекающее солнце решало проблему холода. Ящерица всё так же спала, свернувшись клубком. Очень хотелось есть. Да и предстояло решить, что делать дальше. Я остался голый, с одним ножом в руке, за два десятка километров от деревни в компании одной из самых опасных тварей.

До слёз жалко доспехи и одежду. Но, в тоже время, я понимаю, что иначе я бы не доплыл вчера, они бы утянули меня на дно. Поднявшись с тёплого песка, я размялся и замер, смотря на противоположный берег. Переплыть озеро, а потом пройти такое расстояние по лесу? Без брони? Да меня же просто насекомые съедят. Но, если бежать...

Дорога известна, и, в принципе, отрядами охотников, да и гоблинами, вполне прорежена. Опасно, конечно, но выбора нет. Но не сейчас. Кинув взгляд на ногу, я наблюдал схватившийся сукровицей рубец, к тому же, до сих пор болела и другая нога, только уже в колене. Я не добегу. Мне нужно несколько дней отдыха и еда.

Однако плыть нужно прямо сейчас, иначе я стану обедом. Я скривился и повернулся к дракону. Ящерица не спала. На меня с интересом смотрел один глаз. Вторая глазница оказалась затянута плёнкой, там явно начало формироваться новое глазное яблоко.

— Я не буду тебя убивать, — раздался громкий тяжёлый голос, грубо артикулирующий слова.

Как я и думал, взрывная регенерация сожгла много скверны и дракон сейчас относительно адекватен.

— Придавит голодом, убьёшь, — постарался независимо пожать плечами, демонстрируя уверенность.

— Да, — не стал спорить ящер. — Но у меня есть более интересное предложение. Как ты смотришь на то, чтобы зачистить гнездо гоблинов?

— С голой жопой? Пройдя неизвестно сколько по лесу? Никак не смотрю, — фыркнул я.

— Значит сама идея устраивает, вопрос только средств, — задумчиво заявил дракон, постучав когтями по обгорелому чурбану, раскрошив его в щепки.

Тут он прав. Люди не устраивают глубоких рейдов на уничтожение, нет у нас таких возможностей. И вырезать гнездо — это избавить деревню от нескольких возможных нападений. Но это сотни гоблинов. Впрочем... Я смерил взглядом тушу дракона, с таким танком это становится вполне возможно.

Но авантюра, конечно, очень опасная. Примерно как пробежать несколько десятков километров гольшом по заражённому лесу.

— Нужно достать мои доспехи, а вслед за этим выманить гоблинов небольшими группами и вырезать. И желательно подготовить много ловушек.

— Для этого ты мне и нужен, — подняв перед собой кисть, он выпустил до конца когти. — Ловушек я много не сделаю. Как и приманка из меня — плохая.

— Ну да, у тебя же лапки, — усмехнулся я, своей шутке. — Но сначала нам нужно что-то пожрать. И поправиться.

— Это не здесь, — рыкнул дракон, поведя пастью на паутинку. — Нужно плыть на мою лёжку.

За ночь побеги опять опасно приблизились в пляжу, как и лианы нескольких плёток. Всё что можно было быстро проредить дракон сделал ещё ночью, и больше туда соваться не стоило.

— Нужно, значит поплыли, — вздохнул я.

Дракон вошёл в воду и показал мне на левый конец озера. А сам мягко ушёл в воду и, активно работая хвостом, понёсся к берегу. Я же, вздохнув, лёг на спину в воде и медленно погрёб в ту сторону. Но, всё же, было холодно. Озеро, видно, в немалой степени питалось подземными ключами, так что пришлось перевернуться и плыть нормально.

На той стороне меня ждал большой кусок пляжа, переходящий дальше в лес и каменный склон. Причём в одном месте к этому склону было накинута десяток стволов деревьев, создающих навес. Под которым ящер, видимо, и коротал дождливые дни и ночи. Выполнено это всё отвратительно, хоть и не лишено монументальности.

Тонкая работа руками, это не к драконам. Но, главное, что на берегу меня ждал здоровенный сом. Вздохнув, я опять занялся разведением огня. Что, впрочем, во второй раз было быстрее. А ещё через час, на поставленном на огне камне, начала жариться рыба. Я набил живот, но никаких запасов, к сожалению, сделать не получилось.

— Вкусно. Но слишком мало, — пророкотал дракон, закидывая в пасть последний кусок рыбы. — Пропать сколько времени не ел нормальной еды.

С учётом массивности чешуи и размеров, ящеру должно быть не меньше сотни лет. И в этом возрасте он уже должен быть древней развалиной. Но нет, скверна творит чудеса. Правда, не уверен, что такое животное существование можно назвать жизнью.

— Если добудем что-то большое, можно пожарить на вертеле или запечь в глине, — вздохнул я.

Ящер прикрыл глаза и через пару минут ответил:

— На сотню твоих шагов поблизости ничего подобного нет. Только гоблины.

Я для себя отметил предел его чувствительности, но комментировать не стал. В бою это будет удобно. Повалевшись на песке полчаса, начал связывать небольшой плот. Меня он толком не держал, но это и не его задача.

Вдохнув, я лёг на него и погрёб на центр озера. Где, задумчиво смерив взглядом толщу воды, несколько раз глубоко вдохнул и нырнул с открытыми глазами. Глубина тут оказалась метров семь. Немного поплавав возле дна, я был вынужден всплывать. Это, судя по всему, надолго.

Через час ныряний мне, всё же, улыбнулась удача, и я вытащил на поверхность свой шлем. Но, пожалуй, на сегодня хватит. По крайней мере, я так думал, пока на плот не рухнул сапог и штаны. А через пару минут и доспех. То, что для меня было сложным делом, для ящера оказалось проблемой получаса.

Он же помог мне дотащить гружёный плот до берега. Вот так я и вернул потерянное, и причин отказываться от сомнительного мероприятия у меня не осталось вовсе. Это кроме того, что в этом случае ящер меня может просто убить. А пока? Я соорудил себе лежанку возле костра и, подкинув дров, уснул. Нужно восстановиться как можно быстрее.

Дракон стремительно выздоравливал, как, впрочем, и я. Он постоянно спал, просыпаясь только чувствуя новые источники скверны. А они находились постоянно, гоблины внимательно наблюдали за пляжем, иногда подходя на удивление близко. Мелкие уродцы полностью перекрыли нам все возможности для охоты.

И таких больших сомов в озере больше поймать не удалось. Мне хватало и мелочёвки, но дракону этого явно было мало. Так что уже на второй день я, насвистывая песенку, приматывал кусок кости к песту. Оружие говно, конечно. Но против бездоспешных уродцев и как временная мера — сгодится.

На четвёртую ночь я полз по направлению к лесу, внимательно вслушиваясь в своё ощущение скверны. То ещё дело. Как я могу чувствовать различных тварей, так, к сожалению, и они меня. Но за полчаса, очень медленно, я оказался за полторы сотни метров от лагеря, закопавшись в старую листву и иголки. А в метре надо мной колосились заросли паутинки, должны, по замыслу, сбивать чужое ощущение скверны.

Устроившись поудобнее, я приготовился к долгому ожиданию и задумался о том, что сейчас происходит в деревне. Мой дом в любом случае отходит под надзор Эрхарда до возвращения сестры с учёбы. А больше у меня и нет ничего. Доспехи, оружие, инвентарь и тара для добычи. Вот и всё моё богатство.

Ну и денежка в тайнике, но его ещё найти нужно. Надеюсь, Эрхард с магистром выпьют за меня. А больше в деревне и нет никого, кто бы мог переживать о моей судьбе. Не весело.

Мои размышления прервало чувство скверны. Выкинув всё из головы, я медленно повернул голову вправо. Зелёного уродца, медленно крадущегося по лесу, было почти не видно. Я скорее знал, что он там. Вот гоблин остановился, видимо, почувствовав пятно скверны надо мной. Застыл на пару минут, но потом стал медленно двигаться в мою сторону.

Увидел заросли паутинки и пошёл немного быстрее. Меня он не увидел. Не мудрено, мой доспех был затёрт грязью и ветками, как и лицо. Мыться потом предстоит долго. Но пока я ждал и не нападал. Вот гоблин прошёл мимо, продвинулся вперёд на три десятка шагов. Вернулся. И через пару минут рядом прошло уже четверо.

Когда они практически неслышно проскользнули около меня в пяти метрах, было страшно. Но стоило мне увидеть оружие одного из уродцев, как в душе загорелась самая

настоящая жадность. Длинное, затейливо украшенное древко, явно великоватое гоблину, широкий длинный наконечник, прекрасно способный рубить. Хочу!

Они прошли ещё на десяток шагов, и я начал медленно выползать из-под паутины. И, встав на ноги, взял разгон в сторону гоблинов. Несколько метров я проскочил, а потом они развернулись ко мне, выставляя вперёд копья и дубины.

— Мочи!!! — громко закричал я, нанося первый удар.

Дальше всё слилось в серию уклонов, парирований и перемещений, перемежающимися ударами по моим многострадальным доспехам. Парировать вихрь ударов от четырёх готовых к бою гоблинов было нереально. Как и победить с таким оружием.

Но мне это было и не нужно. Я крутился, отступал и считал секунды. Пять. Десять. Пятнадцать. А после позади раздался громкий треск, и вылетело огромное тело. Они бросились в стороны, но одного ящер всё же успел ухватить пастью. А я со всей силы метнул своё оружие в спину убегающему копейщику. Попал. И хорошо попал, раз он полетел в траву.

Не став ждать, я рванулся к нему и вырвал его оружие из рук, начиная погоню за ещё одним. Догнал, хоть и с большим трудом. Несколько ударов копьем в бегущую спину, и всё было кончено. Подхватив труп за ногу, я поволок его обратно на залитое кровью место стычки. А уже оттуда дракон потащил трупы на пляж.

Честно сказать, дальнейшее получилось довольно мерзко. Мы их разделали, и, закатав в листья, а потом и глину, я развёл над всем этим костёр. А сам начал поджаривать сердца и печень.

Сидя напротив камня, на котором доходили до готовности будущие «деликатесы», я посматривал на дремлющего дракона. Он уже совсем не выглядел таким побитым, как раньше, и, более того, чувство скверны говорило, что её в нём стало больше. Судя по всему, активированный магический источник.

Нужно торопиться с зачисткой или бежать, рано или поздно наступит момент, когда ящер потеряет разум и просто меня сожрёт. Ну а пока? Я наколол на нож кусок сердца и, подув на него, откусил кусок. Мясо как мясо, горьковатое немного. Но...

Отставив нож в сторону, начал дышать глубже, пытаюсь унять тошноту. Человекоподобных жрать — это такая себе серая зона. Но мне нужна скверна, мне нужна еда. И, скривившись, я откусил ещё, приговаривая про себя:

— Это обычное мясо. Просто еда. Такая неправильная курица.

Подождав несколько часов и поняв, что вполне способен такое переварить, я доел остатки. В принципе, даже одно сердце дало бы мне достаточно скверны. Сырое. Приготовленное? Это просто огромные потери энергии, ушедшие в никуда. Но мне экономить особо не нужно, да.

Хотя лучше было бы, конечно, варить и выпить потом бульон. Чувствуя, как опять подкатила тошнота, я откинулся на лежанке и, прикрыв глаза, постаравшись скорее уснуть и не думать. Прогорел костёр, оставляя после себя угли. Но, на удивление, ночь прошла, в целом, спокойно.

Утром мы откопали вчерашнюю готовку, и, не сильно желая смотреть на принятие пищи ящером, я ушёл на берег. Где, смерив взглядом местами поеденное ржой и затупленное острие своего нового копья, стал приводить его в порядок. Камушек, водичка, и вжу-у-ух. И опять. Тихое медитативное занятие. То что нужно, чтобы привести мысли в порядок.

— Не кочегары мы не плотники, но сожалений горьких нет. Мы каннибалы-потрошители, да, и на тот свет вам шлём привет! — потихоньку напевал я мотив песни,

сосредоточенно шоркая по камню. Изгаляясь над текстом хорошей песни, насколько хватало фантазии. Копьё потихоньку становилось острее.

— Что это за язык? — раздался надо мной рокот голоса ящера. — Не слышал такого.

— Мир большой, — равнодушно пожал я плечами, не отвлекаясь от своего занятия.

— Я был на всех континентах. От кочевников юга, до жителей фьордов севера. Я говорю на эльфийском, гномьем, языке Империи Неба, двух диалектах кочевников. Совсем ни на что не похоже.

— Да вас сильно помотала жизнь, господин академик, — криво усмехнулся я.

— Академик, да? — рыкнул ящер, окунув морду в озеро и прополаскивая пасть после еды.

— Надо же мне тебя как-то называть, — хмыкнул я, проверяя остроту лезвия. — Это не хуже прочего.

— Рискуешь, — фыркнул дракон, ложась рядом на пляж.

— Нам вместе идти в бой. Если ты сорвёшься от такого, то мне лучше сразу тут и остаться. Или попробовать сбежать, — меланхолично произнёс я, возвращаясь к заточке.

— И тем не менее. Что это за язык?

— С востока. Там, где много лесов, холодно, хмурое и злое население, — усмехнулся я.

— Лесовики? Ну, возможно, есть что-то отдалённо похожее. Но нет. Их культура не про музицирование.

— Может там много чего изменилось. Люди быстро развиваются.

— За сотню лет? Вряд ли.

— Ты даже представить себе не можешь, что способны достичь люди за сто лет, — уверенно произнёс я.

— Говорит человек, не проживший и двух десятков, — презрительно пророкотал ящер.

— Какая разница сколько прожил я? Мир способен меняться настолько быстро, что даже два десятка лет уже могут стать пропастью.

— Меняться быстро можно только в одну сторону: разваливаться на части, пацан.

Я только усмехнулся и покачал головой. Но спорить не стал. В этих условиях он полностью прав, наверное.

Вздыхнув, я начертил на песке палочкой несколько линий и спросил огромного ящера:

— Как насчёт сыграть в одну простую игру?

— Игру? — недоверчиво прогрохотал дракон.

— Ну да, на родине у меня она зовётся «крестики-нолики».

— Ну давай, человек, сыграем.

И мы сыграли. Несколько партий выиграл я, потом чаще стал побеждать он. Через пару часов нам надоело. Начали играть в морской бой. Потом доели гоблина. И перешли на шашки из камешков. Попутно я начал резать деревяшки, пытаясь вырезать нечто похожее на шахматные фигуры.

— И всё же, пацан. Как ты видишь позитивное изменение за такой быстрый срок? — уже под вечер поинтересовался задумчиво сидящий над нашими импровизированными шашками дракон.

— Изобретение чего-то настолько нового, что полностью меняет привычный уклад жизни, — сказал я, делая очередной ход.

— Только если придумают, как отменить кристаллизацию, — фыркнул дракон.

— Не обязательно. Да и не будет это действительно новым. Подобная ситуация уже была и привела к тому, что мы имеем. Да и вообще, судя по тому, что я читал, сейчас по меркам времён до катастрофы мы все живём очень бедно и плохо. Но зато относительно мирно.

— Это да. Тут я с тобой в чём-то соглашусь. И даже добавлю, потихоньку жить становится проще и без магии, — пророкотал ящер и, зло оскалив пасть, припечатал: — Но не всем.

— Только людям, в основном, — согласился я.

— Именно поэтому вы эту дрянь и применили. И за это вас все ненавидят. Помяни мои слова, когда появится возможность, мы вам всё припомним, — зло процедил ящер.

— Обязательно припомните, — согласился я и замолк, задумавшись.

Я не думал в таком ключе раньше, но и с нелюдью я не общался, правда. Вот что будет, если «изобрету» что-то серьёзное, действительно способное продвинуть этот мир?

Ответ тут один: геноцид. Как только благодаря прогрессу перед нечеловеческими расами перестанет маячить вопрос выживания, они тут же вцепятся в горло людям. Или наоборот. Немецкие концлагеря покажутся детским лепетом в тотальной войне на уничтожение. Так что нужно ли мне что-то изобретать?

Хмыкнув, я покачал головой. Рано или поздно всё, что я могу придумать, изобретут и без меня. Да и не знаю я настоящих тонкостей практически ни в чём. Тут нужна химия, физика, механика. А меня всегда больше интересовала личная сила, чем скучная хрень.

— Завтра уходим в район гнезда. Готовься, — сказал мне дракон и, хлебнув напоследок воды из озера, отправился в своё логово досыпать.

Проводив его взглядом, я только поморщился и, поднявшись, крутанул мельницу новым копьём. Оно тяжелее старого, и, значит, уколы будут самую малость медленнее. Стоит потренироваться, по возможности не напрягая ноги. Чем я и занимался до самой ночи, а после, слегка перекусив, лёг спать.

Утром мы пустились в путь. Лес оказался довольно хорошо прорежен и даже следов крупных зверей мы не встретили. Гоблины зачистили всю экосистему на многие километры вокруг. Не удивлюсь, что питанием идущего рядом ящера уже давно выступают только сами зеленокожие.

— Дальше иди один, их гнездо близко, — пророкотал дракон, сворачиваясь в клубок в небольшом овраге, прикрытом кустами.

Кивнув, я осторожно отправился дальше. Пройдя несколько сотен метров, поймал нагрудником стрелу. Соскочив с тропы, я перекатился в сторону, прячась за деревом, в которое через мгновение вошло ещё одно оперение, а впереди подходило трое уродцев. Хмыкнув, я вскочил и, петляя, понёсся назад.

Пролетел расстояние я быстро, а уже пробежав овраг с драконом, метнуло копьё в землю впереди и ушёл в пережат, изображая падение. А после тяжело встал, опираясь на копьё и громко выругался, изображая боль в ноге. Они клюнули, четверо гоблинов пролетели ловушку, окружая меня.

Свистнуло в воздухе бревно, ломая грудину их отставшему лучнику, следом же из оврага поднялась туша дракона. С ещё одним бревном в лапах. Двоих он сломал ударом сразу, третьего заколол я, а в убегающего ящера запустил своё временное оружие.

Немного отдышавшись, мы оттащили трупы дальше назад, закинув в заросли, из которых раздались хлопки да полезли побеги паутины. Плюс я закидал листьями и хвоей,

следы драки и кровь.

Немного погодя пошёл по лесу, разыскивая мелочь, пригодную для посадки в качестве сюрпризов уродцам. Судя по всему, эта вся история с гоблинами затянется надолго. Надо бы как-то протоколировать процесс. Найдя большое дерево, высунув от усердия язык, вывел там надпись на местном:

Гнездо: минус четыре обычных гоблина.

Убивцы: ноль.

И, довольный собой, пошёл готовить ловушки.

Убивцы: ноль.

Гнездо: пятьдесят восемь гоблинов. Один тролль.

Довольно кивнув, я отступил от памятного дерева.

— Это только начало. Там их точно пару сотен, — пророкотал стоящий рядом дракон.

— Мы никуда не торопимся, — усмехнулся я.

Вот уже почти неделю мы вели осторожную охоту в округе бывшей деревни. Становилось всё сложнее, гоблины больше не выходили маленьким отрядами. Мы же потихоньку окружали деревню сплошным кольцом ловушек. Паутинка, серебрянка, плётки и даже более редкие экземпляры — всё шло в дело.

Мы зачастую сами протягивали паутинку, смыкая полное кольцо вокруг бывшей деревни. Гоблины — это твари такие, племя может появиться даже из одной особи. Вот и сейчас, закончив с отметками, мы прошли ещё километр и вышли на границу леса, где в полусотне метров перед нами возвышался частокол старой деревни. Запущенный, но до сих пор стоящий.

Скверной оттуда било очень сильно. Оценив перспективу, мы отошли поглубже в лес, и я начал разводиться костёр. Прошлая деревня оказалась намного больше похожа на крепость, чем современная. Построенная на холме, ещё и поднятая проведёнными земляными работами, она явно более готова к нападениям. И ещё она действительно сильно меньше.

Впрочем, и не удивительно, это сейчас рядом замок, откуда может прийти помощь, а тогда они опирались только на свои силы. А тем временем разгорелся костёр, который мы развели в лесу, недалеко от нашей цели. Я начал подкидывать брёвна, которые тут же рубил ящер. Пламя начало подниматься выше моего роста и росло всё сильнее и сильнее.

— Пора, — кивнул я, подцепляя горящее бревно, и потащил его к границе леса. А там его подхватила когтистая лапа, и, свистнув в воздухе, оно улетело в сторону поселения.

— Бам!

Ударившись о частокол недалеко от входа, дерево осталось тлеть под ним. Я уже шёл за следующим. Под частоколом весело начал полыхать костёр, разгораясь всё сильнее. Дерево летело за деревом, иногда пролетая над частоколом и обрушиваясь внутрь. О да, уродцы пытались тушить. Но их попытки выглядели довольно жалко. Им не хватало банальных вёдер и, самое главное, организации.

Костёр разгорелся так сильно, что ящер стал кидать туда просто брёвна, не поджигая их предварительно. Занялся и частокол, разгораясь всё сильнее и сильнее. Наружу хлынула орава гоблинов. Часть бросилась растаскивать костёр, но полсотни мелких и пяток троллей достались нам. Полетели стрелы и камни.

Рядом несколько раз глубоко вдохнул дракон, и через мгновение он рванул вперёд на трёх лапах, положив на спину ствол дерева. Вот он возле толпы зеленокожих, и по воздуху прогудела его импровизированная булава. Захрустели кости, во все стороны полетела кровь, раздались крики боли и ярости.

А сумасшедший вентилятор пробивался к пытающимся разобрать огонь гоблинам. У него получилось, конечно. И он даже закинул несколько горящих поленьев обратно. А потом, стоя на задних лапах и крутя вокруг себя бревно, стал медленно отступать обратно.

Но мне было не до того. Я сближался со своими целями. Приняв удар копья на

нагрудник, я одновременно вбил своё оружие в грудь гоблину. Сдвинулся, ударил ногой, отбрасывая гоблина с дубиной, вырвал копьё и отступил назад. Отогнал противников широким взмахом и, перехватив копьё, нанёс ещё один удачный укол.

Удары шли одни за одним, и я погружался в круговорот боя, отбросив всё остальное. Я быстрее! Уклонение от копья. Сильнее! Рубящий удар удачно попал между позвонков, срезая голову гоблину, не взирая на попытку заблокировать. И у меня есть доспех! Приняв удар на наплечник, я ответил закованным в латную перчатку кулаком, разворотив уродцу всё рожу.

Гоблины шли на меня, но я рубил и колол. Они не могли мне противостоять. И умирали. Боже, как легко они умирали. Как мышки в блендере. Эта мысль так рассмешила, что я не выдержал и засмеялся, пяткой копья ломая череп очередному гоблину.

В воздухе повис густой приятный запах. А напротив меня вышел вооружённый полуторным мечом тролль. Я нанёс несколько уколов и отступил. И ещё. Это уже совсем не весело, он оказался такой же быстрый, как и я, но сильнее. Нанося уколы, я отступал, пока по нему сбоку не прилетело бревно, разmozжив башку, как арбуз.

А после на нас накатила волна осатаневших зелёных уродцев. Отрубить голову, отсечь ногу, теплота висела вокруг, обволакивала меня, проникала внутрь. И чем больше я убивал, тем больше ещё становилось.

Выцвели краски мира, остались только прущие гоблины. Воткнув копьё в брюхо тролля, я подхватил с земли полуторник и врубился в ряды гоблинов. Меч рубил, разрывал, рассекал тела, и кровь оседала на лицо. Они казались такими медленными и слабыми...

А потом по нервам стеганула чужая воля, и я замер, окружённый трупами гоблинов. Через мгновение мимо меня, вращаясь, пролетело бревно, и чужая воля ушла. Я рванулся вперёд продолжать резню.

Дальнейшее слилось в отрывистые картины. Вот я сражаюсь, а вот стою на входе в разгоревшуюся деревню и рублю пытающихся спастись из огненного мешка детёнышей уродцев.

Вот пытаются прорваться матки, но их тела лишаются конечностей и остаются гореть в огне. Последние картинки — это разрубленный пополам мелкий уродец и сломавшийся в руке клинок. Отбросив рукоять я начал работать руками и ногами. На этом моменте мой разум полностью погас, заглушённый жаждой крови и яростью.

Очнулся уже ближе к вечеру следующего дня. Попытавшись пошевелиться, застонал от боли в руках и спине. Нижнюю часть тела и вовсе не чувствовал. Поведя глазами, я увидел дерево, на котором отмечал убитых гоблинов, и через мгновение меня накрыло тенью от зависшей надо мной пасти.

— Очнулся? Мыслишь ясно? — пророкотал дракон.

— Что со мной? — слабо прошептал я.

На что дракон поднёс мне к лицу часть отполированного панциря. Я сглотнул. Из мутного зеркала на меня смотрело лицо, прочерченное чёрными линиями и залитыми тьмой белками глаз.

— Окончательная фаза заражения скверной. Ты сорвался. Я тебя остановил, когда ты, давясь от жадности, начал жрать детёнышей уродцев.

— Остановил? — тихо спросил я, закрыв глаза.

— Бревном. Ещё и не с первого раза получилось, очень уж ты был юркий. Тебе повезло, что не помер и вернулся в сознание. Чаще всего при травмах разум гаснет.

— Я знаю, — прошептал я и слабой рукой смог сделать пару глотков из трофейной

фляги. Дальше я опять отключился.

При следующем пробуждении рядом горел костёр и пахло жареным мясом. Чувствовал я себя уже намного лучше. Сплюнув мокроту из лёгких, я хлебнул воды и пошевелил пальцами ног. А после, помогая себе руками, сел, прислонившись спиной к дереву.

— Ешь.

И мне на колени упал шмат мяса, в котором я узнал кусок бедра гоблина. Но жрать хотелось. Так что, не обращая внимания, я начал работать челюстями.

— Мы закончили гнездо. Я возвращаюсь к себе на озеро, — раздался рядом тяжёлый рокот дракона.

Подняв на него взгляд, я вздрогнул. Линии скверны на его теле налились силой, и сейчас в чешуе скорее нужно искать его родной зелёный цвет на фоне чёрного. Так что я только облегчённо выдохнул, когда он, не говоря больше ни слова, развернулся и скрылся в лесу.

Я же доел и замер в полудрёме. Вдалеке раздавались звуки разрываемой плоти, скулёж и звериный рык. Вся окружающая фауна пришла полакомиться падалью и им сейчас явно не до меня. Так что продремав ещё десяток часов, я встал на ноги. Стрельнула боль в спине и онемевших конечностях, но потихоньку, опираясь на копье, я сделал первый шаг.

Ящер оказался так любезен, что даже притащил брошенное мной в бою оружие. Шаг, ещё один. С каждым разом движения давались всё легче и легче. Через десять минут я уверенно шёл, а ещё спустя час — побежал.

Тело просило нагрузки, адреналина, ярости боя. Я бежал всё сильнее и быстрее, остановившись только у родника вдоволь напиться. Иногда я переходил на шаг немного отдышаться, но километры оставались за спиной один за одним.

Чувство скверны уверенно накрывало область в двадцать шагов, практически не требуя концентрации. Этого мне было достаточно, чтобы не попасть в ловушку. Прошло совсем немного времени, как увидел вдалеке деревню.

На воротах на меня посмотрели, как на привидение, и, нацелив арбалеты, луки, ко мне спустился сегодняшней старший смены.

— Пацан? — недоверчиво произнёс муж одной из дочек пекаря, смотря с башни. — Мы уже тебя похоронили. И прости, но внутрь тебя не в таком состоянии не пустим.

Я стеганул его полным бешенства взглядом. Но после, выдохнув, постарался расслабиться и произнёс:

— Мне нужен Свен.

— Свен? — задумчиво спросили сверху.

— Это сука оставила меня на съедение, чтобы спастись самому. Мне нужна справедливость. И я уйду, пока не вернусь в норму.

— Это к барону, — почесав небритую щеку, задумчиво произнёс мужчина. — Давай, ты отойдёшь к реке, а мы отправим посыльного к нему?

Я скрипнул зубами, пытаюсь подавить очередную вспышку злобы, и прошипел:

— Воды и еды принесите.

А сам, развернувшись, отправился к реке. Где содрал с себя броню, одежду и рухнул в воду. Проточная вода смывала кровь, грязь и немного охладила голову. А я в одних штанах упал на траву, уставившись в небо.

— Хорошо... — протянул, закидывая руки за голову.

Не верилось, что я выжил во всей этой эпопее. Не знаю, с прибылью или убытком.

Переведя взгляд на свой живот, скривился. Всё тело украшали затейливые тёмные полосы. Положа руку на сердце, я бы и сам себя в деревню не пустил. И, кстати, о деревне!

Раздались тяжёлые шаги, и рядом, со вздохом, опустился Эрхард. В полной броне, с копьём на плече. И корзиной с едой в руке.

— Отлично выглядишь, парень. А для трупа так и вовсе замечательно, — усмехнулся бородач.

— Жить хотел сильно, — скривил губы в подобии улыбки.

— Мы уже и выпили за тебя, а тут... — устало вздохнув, он протянул мне корзинку.

Хлеб, сыр, мясо. Морс. Я кушал, наслаждаясь каждым кусочком. После всего того, что ел последнюю неделю, это пища богов.

— Что делать дальше будешь? — задумчиво смотря на меня, спросил трактирщик. — Домой тебя в ближайшее время не пустят.

— Тренироваться. Охотиться. Только больше и лучше, чем раньше, — пожал я плечами.

— Что там было? Как ты выжил и почему так затянулось твоё возвращение? — помолчав, спросил трактирщик, поглаживая бороду.

Подумав, я осторожно проговорил:

— Я зачистил старую деревню от гоблинов, сейчас там пепелище. И хочу пока попросить об этом не распространяться, Эрхард. Хотелось бы успеть снять сливки с содеянного, пока не набежала толпа желающих поживиться.

Он замер, осмысляя сказанное. И через минуту тяжело проронил:

— Тебе придётся рассказать подробности барону. Это важно.

Ещё бы, это откладывало вопрос переноса деревни на несколько лет. Он просто обязан будет отправить отряд на проверку. А я откинулся обратно на траву и попросил:

— Мне бы доспех в ремонт отдать.

И правда, броня моя измята, местами начиная мешать движениям. Но, в любом случае, сейчас это не столь важно. От деревни в нашу сторону двигалась дюжина человек, а от замка несколько всадников.

Вздохнув, я начал надевать броню. И когда рядом, гарцуя, остановился отряд барона со свитой, я был готов ко всему.

Спрыгнув с коня, барон оглядел меня с Эрхардом, задержавшись взглядом на лице. И, кивнув каким-то своим мыслям, повернулся к подошедшему Свену, которого сопровождало несколько человек из его отряда, магистр Ингельвин и полдюжины деревенских.

Увидев меня, северянин скривился, как будто съел лимон, и крепче сжал в руках копьё. Я же повёл носом и поднял бровь. От северянина начало тянуть скверной. Не сильно, видимо, принял что-то из алхимии.

— Выжил-таки, пацан, — тяжело вздохнул Свен.

— Не твоими стараниями!

— Иначе бы мы все там остались, — невозмутимо пожал плечами здоровяк. — Чего ты хочешь? Мести?

— Справедливости, — прищурился я.

— Ты не ставишь под сомнения слова парня? — обратился барон к северянину. — Ты действительно бросил его на смерть?

— Дракон бы нас там всех убил, — сплюнул Свен. — А так все живы.

— Я прошу судебного поединка, — скрипнув зубами, обратился я местному владельцу.

Портить отношения с властью не хотелось. Хотя я мог просто подкараулить северянина

на рейде, но в этом случае пришлось бы скорее всего платить немаленькую виру за убийство. Или бежать.

— Всё же, твоя жадность тебя довела, — покачал головой барон. И громко, обведя взглядом собравшихся, произнёс: — Поединок разрешаю!

Я усмехнулся и крутанул в руках копьё, видя как начинают отступать остальные, оставляя нас с северянином одних. Да, его мастерство до сих пор выше и алхимия делает его сильнее. Но...

Свен стоял напротив, пожёвывая губу и внимательно смотря на мою короткую разминку. И особенно внимательно на моё копьё.

— Где ты его взял? — негромко спросил он, медленно вставая в стойку.

— Отбил у гоблинов, — не стал таить секрета я, отмечая, как северянин, ровно дыша, начинает медленно смещаться вбок вокруг меня.

Через долю мгновения его копьё уже летело мне в бедро. Блок. Ответный укол. Лязг металла.

Свен отпрыгнул назад, бросив взгляд на глубокую вмятину на кирасе, по центру которой красовалась небольшая дыра. Его глаза расширились, и он сделал ещё несколько шагов назад, быстро воскликнув:

— Виноват, пацан. Готов заплатить золотом. Сотня монет?

Я стоял, глядя на него. Душу жгла обида и злость. Это ведь из-за его дурной жадности возникла вся эта ситуация. Убить его сейчас — легко. Во мне столько скверны, что даже его усиление алхимией роли не играет, я всё равно быстрее и сильнее в несколько раз. Но жадность свойственна не только ему.

— Сотня золотых и ты покидаешь деревню, — процедил, бросив взгляд на барона.

От охотников ему отходит некоторая сумма, даже я отдал несколько серебряных монет. А Свен деньги зарабатывает хорошие. Вероятно, как раз потому, что жадная сволочь.

— Хорошо, — облегчённо выдохнул мой противник, увидев, как я расслабленно встаю, опираясь на копьё.

— Проследите, — приказал барон нескольким бойцам сопровождения.

Северянин же, смахнув пот, тяжело потопал в сторону деревни, конвоируемый солдатами. О его жадности барон был осведомлён не хуже меня и мысли о побеге действительно стоило пресечь.

Я только вздохнул, увидев, как трактирщик подошёл к аристократу и негромко что-то ему сказал. Тот поднял бровь и, переспросив, окинул меня недоверчивым взглядом. А после, хмыкнув, приказал:

— Расходимся! А ты, — махнул он рукой в мою сторону, — за мной.

Я только пожал плечами, пристроившись возле стремени идущей шагом лошади. На удивление, несмотря на то, что сейчас с ним осталось всего двое солдат, страха он не показывал. Хотя, так-то, убить их всех для меня проблемы бы не составило.

Мы прошли двое замковых ворот и внутренний двор, поднялись на второй этаж центральной башни. Где, через большую залу, прошли в небольшую комнату. Явно его рабочий кабинет, судя по количеству бумаг, книг и нескольким картам.

Бойцы встали при входе, а сам он, пройдя, занял место за заваленным бумагами столом и кивнув мне на стул напротив.

— Вина мне! — приказал заглянувшему слуге и, махнув рукой, бросил уже мне: — Рассказывай.

— Всё началось с того, что меня решили утопить... — вздохнув, начал я историю последних дней.

Он слушал, иногда удивлялся, переспрашивал, уточнял. Шли минуты, часы, и, кроме вина, слуги принесли еду, в том числе и мне. А барон продолжал вытягивать подробности. И только когда я уже не мог рассказать ничего нового, он задумчиво помассировал мочку уха.

— Значит дракон... Не самое плохое соседство, если он действительно контролирует себя настолько хорошо.

Я только пожал плечами. С одной стороны, да, а с другой, если ящер поедет с катушек или попадёт под контроль, проблем будет довольно много. Хотя в обоих случаях останется только почти неуязвимая, но тупая тварь, не имеющая особой регенерации. Несколько баллист, усиленных рунами копья, и стрелы вполне могут решить проблему.

Вампир был опаснее, и даже он, в итоге, пошёл на ингредиенты. Снизу раздался шум, и один из солдат, до сих пор стоящих у входа, вышел, чтобы через минуту вернуться и сказать:

— Там Свен пришёл.

Барон оторвал задумчивый взгляд от стола и бросил мне:

— Свободен. В деревню можешь зайти собрать вещи. Но пока не сбросишь основную часть скверны, на ночь не остаёшься.

Я встал и, коротко поклонившись, раз уж такое тут принято, вышел во двор, где меня встретил северянин. Он стоял, опираясь на копьё, но без доспехов и с кошельком в руке.

Кинув его мне, он скривился, но всё же спросил:

— Мы в расчёте? Пересчитывать будешь?

— Буду, — усмехнулся я и, подойдя к ближайшему столу, высыпал деньги и быстро пересчитал монеты.

— Вот теперь — в расчёте!

— Кажется, ты разбогател быстрее, чем думал, пацан, — вздохнул северянин, смотря, как я убираю кошель.

— На моём месте оказаться очень легко. Не желаешь? — зло ответил я, чувствуя, как к горлу начинает подкатывать бешенство.

— Нет! Извини! — поднял он перед собой руки и, попятившись, добавил: — Я пойду. Удачи.

И достаточно быстро исчез с глаз моих. Я же стал глубоко дышать, пытаюсь привести себя в норму. Ещё бы он хотел оказаться на моём месте. С таким поражением скверной, как у меня сейчас, откат будет чудовищный. Не говоря уже о том, что вывести её будет крайне сложно.

Я, скрипя зубами, уставился на кошель впереди. О да, этого хватит и на активацию магического ядра и на много чего ещё. Проблема в том, что жить мне осталось лет пятнадцать-двадцать максимум. Можно дольше, если отправиться в лес и окончательно стать тварью скверны. Но это не жизнь.

И с этим придётся что-то решать.

В деревню меня пустили, и, первым делом, я зашёл домой, где, помывшись и скинув броню, отправился к магистру.

Тут ничего не изменилось, всё так же занятый в своей лаборатории, алхимик поднял на меня глаза и, внимательно осмотрев внешние проявления скверны, устало произнёс:

— Ты же знаешь последствия?

— Вы хорошо учили, магистр, — я невесело усмехнулся. — Но выбора мне особого никто не давал: стать таким или сдохнуть сразу.

Он вздохнул и, покачав головой, спросил:

— Ладно, что пришёл-то?

— Отдать деньги за открытие магического источника, — произнёс, протянув ему потощавший кошель.

— Да ты оптимист, — хмыкнул магистр, принимая у меня монеты.

— Пока живём — надеемся. Да и, кроме этого, я бы хотел кое-что купить старое, чем вы уже не пользуетесь.

— Это хлам, заказывай новое, — категорично ответил он. — Я тебя познакомлю с людьми, которые привозят нужное.

— Спасибо.

Именно это мне и нужно было, слова о покупке старья — это так, начать разговор. Собственно, мы ещё немного обсудили, что следует взять у торговцев, да я купил у него реагентов почти на десять золотых. К сожалению, времени на разговоры не было, так что я откланялся и начал бегать по деревне, продолжая покупки. Вышло так бодро, что к вечеру потратил ещё тридцать пять золотых.

Новый доспех, шлем, стёганку, накомарник. Старые уже были малы, это кроме того, что требовали ремонта. Я наконец-то получил полноценную кирасу, а не просто набор пластин. Заодно заимел и весь набор для хранения и обработки органов, и прочей добычи. Не то старьё, что у меня было раньше, с протекающими мешками и тупым инструментом.

Пришлось раскошелиться на палатку, одеяло, котелок и множество походных мелочей. Так почти все деньги, что я получил, и ушли. Но зато после, поставив палатку на пляже, в пределах видимости со стен, развёл костёр, неспешно отужинал купленным в таверне и спокойно лёг спать в относительном комфорте.

Я не боялся. Мелкая тварь какая меня, скорее всего, и трогать не будет, а крупного тут нет в округе. Так что спал я долго и спокойно. Утром же, позавтракав, неспешно собрал рюкзак и отправился в лес. Шёл быстрым шагом, иногда переходя на бег. И, заложив большую дугу, чтобы обойти драконье озеро, к вечеру вышел на пепелище старой деревни.

Насвистывая, стал доставать из рюкзака собранные по дороге зародыши местной агрессивной флоры. Падальщики зачистили основную гору трупов, но на что высадить «подарки» я всё равно нашёл. Стая местных шакалов проводила меня тихим рычанием, но с трудом волочащие раздутые халявной едой животы твари к нападению явно не были предрасположены.

Высадив свои ловушки, сейчас активно растущие на тухлятине, вздохнул и начал собирать хабар. Поломанное, а то и целое оружие, броня, иногда с кусками гнилого мяса внутри. Всё это требовалось собрать и почистить, что заняло меня до самой глубокой ночи.

Но, поставив палатку возле памятного дерева, окружённого разросшимися ловушками, я провёл ночь относительно спокойно, проснувшись всего три раза.

На следующий день я продолжил разбирать деревню. Сгоревшие дома, проверка подполов и ледников, где они уцелели. Методично, кропотливо, встречая иногда трупы попрятавшихся по подвалам, но задохнувшихся гоблинов.

Откинув гору хлама с двери очередного погреба, я остановился. Там, внизу, чувствовалась скверна. Концентрированная, подвижная. Нанеся несколько ударов топором, я дёрнул на себя створку и отскочил в сторону.

Вовремя, из проёма, раздалось шипение, и в меня полетел камень. Закинув внутрь факел, я шагнул следом и нанёс несколько уколов, и огромная несуразная туша гоблинской матки дёрнулась и затихла. Редкая мерзость на самом деле. Гоблины, так-то, на самом деле бесполое, но при большой необходимости любой может стать маткой. А дальше — хватало бы только пищи.

Зацепив тушу за ногу, я дёрнул, пытаюсь вытащить её наружу. Тяжело. Как следует рванув, я, всё же, несмотря на захрустевшие связки и кости трупа, вытащил её наружу. На солнечном свете зрелище куска жира с рудиментарными конечностями и огромным брюхом было крайне мерзкое.

Оттащив это подальше, я занялся дальнейшей мародёркой. Шакальё начало лениво объедать матку только через час. Выживших тварей я встречал ещё несколько раз за день, но ничего серьёзного. В сознании попался только один мелкий гоблин, которого я насадил на копьё и так падальщикам и оттащил.

Каких-то несметных сокровищ пока не нашёл. Всё то же старое оружие, несколько серебряных монет. Но горка в одном из лучше всего сохранившихся подвалов уверенно росла. Наконечники копий, мечи, топоры. Поломанный арбалет, несколько луков. А разобрал я только часть деревни.

От постоянной вони гниющих останков мутило. Но я продолжал методично разбирать завалы, что растянулось ещё на два дня, пока, в итоге, я не остался возле горы найденного. В сумме разбогател ещё на два десятка серебряных и пять золотых монет. Но за оружие и лом я выручу даже больше. За один раз решил всё не выносить, взял только самое ценное и, собравшись, пошёл домой.

По пути разминулся с несколькими крупными тварями, но без сражений. За пару месяцев лес опять начнёт кипеть искажённой скверной жизнью и станет намного опасней. Но пока для меня особых проблем нет.

Дома, сгрузив часть поклажи, я забрал мешок и пошёл на поклон к Густаву. Кузнец меня не любит, это верно. Но многое из оружия требовалось восстанавливать, чтобы продать по нормальной цене. Надеюсь, работать с ним можно, несмотря на нашу нелюбовь.

— Что за гора мусора? — хмуро процедил мужчина, как только я водрузил свёрток с оружием, из которого торчало несколько копий, на верстак.

— Отбито у гоблинов. Под ремонт и продажу, — не менее неприветливо буркнул я. — И тут половина твоего производства. Тоже считаешь хламом?

— Моё, да, — кивнул он и достал из свёртка наконечник копья со следами ржавчины и несколькими глубокими зазубринами на лезвии. — Это в перековку, после продажи деньги пополам.

Он взял лезвие топора и, придирчиво его осмотрев, отбросил в сторону.

— Заточка, полировка. Новая рукоять. Шесть долей мне.

В таком ключе он просмотрел каждый экземпляр. Никакого торга не было. Он объявлял цену за свои услуги, и я мог или согласиться, или уйти. Но цену ставил, в целом, нормальную. Не дёшево, но с учётом того, что продавать я это буду через него, это всё по-божески.

В итоге, через час, я ушёл от него полностью пустой. Зашёл домой, перегрузил деньги в тайник, купил еды да отправился на реку расставлять палатку. Ужин. Сон.

Утром, после завтрака, я лениво сидел на берегу, погрузив ноги в воду, и лениво смотрел на воду. Настроение было ни к чёрту. Тренироваться, идти в лес, ничего не хотелось. Раздевшись, нырнул в холодную воду и, проплыв подальше от берега, лёг на воде.

Уже больше года я в этом теле и мире. За такой небольшой срок стал своим среди охотников, заработал денег и приобрёл большие проблемы со скверной. А ведь говорили мне, не играть с заразой, но нет. Думал, уж у меня, попаданца, точно всё получится, не просто же так я оказался в этом мире?

А по факту ночью за забором при всей своей силе. Скривившись, я перевернулся в воде и поплыл обратно к берегу. Топор в руки, и, зайдя в лес, я примерился к дереву и нанёс удар, а потом ещё один.

Через несколько минут работы ель рухнула на землю, обрубил ветки, а после впрягся и потащил дерево к своей стоянке. Сапоги глубоко входили в грунт, а я всё волок ствол, явно весящий больше тонны. Дотащил, конечно.

И, окинув огромный ствол задумчивым взглядом, приноровившись, подлез по него с одной стороны и выпрямил ноги. Ра-а-аз. И ещё! Больше. Горели мышцы, скрипели кости. А в голове не осталось ничего, кроме шума собственного дыхания. Когда я рухнул под весом дерева, чувствовал себя на удивление хорошо, несмотря на гудящие мышцы. В голове царил приятная лёгкость.

Отдохнув, я взял в руки копьё. Парирование, серия уколов, рубящий удар, перехват и удар пяткой. Укол и парирование. Гудел рассекаемый воздух, скорость выполнения элементов всё повышалась и повышалась до того момента, пока я мог выполнять это идеально. И повторять раз за разом.

Мимо, бросая опасливые взгляды на мой голый, разукрашенный тёмными полосами скверны торс, но всё равно поздоровавшись, прошли рыбаки. Я кивнул, но не останавливался, смотря, как они готовят лодку и сети, а потом выплывают на середину реки.

Отдохнув, немного перекусил и продолжил. Рыбаки смотрели на меня уже не со страхом, а скорее с жалостью. И, ближе к вечеру, что-то между собой обсудив, подкинули несколько килограмм рыбы.

— Спасибо, — поблагодарил я, пытаясь отдышаться после очередного подхода к дереву.

— Ты безумен, парень, — только и вздохнул один из рыбаков перед тем, как они ушли.

Я же поджарил всю рыбу и вечером устроил себе пир, даже на утро осталось. Что было удачно, и я смог, позавтракав, продолжить свои тренировки до самого вечера. Как и на следующий день, и неделю спустя.

Масса росла какими-то невозможными темпами. Через неделю я не выдержал и, немного отдохнув, стал ходить на охоту. Сходил ещё на пепелище, принёс остальной хлам, часть из которого продал, а остальное скинул дома.

Вот и сейчас я шёл по лесу, не сильно утруждая себя осторожностью. Скверну я чувствовал настолько хорошо, что подобраться ко мне сложно. Да и добычу ощущал так, что мешок за плечами быстро становился тяжелее.

Поведа носом, ощутил сильный источник заразы и, сбросив мешающий рюкзак, рванулся к нему. Огромный волчище бросился на меня сразу, как я оказался в зоне досягаемости. Моё копьё скользнуло вперёд, входя ему в оскаленную пасть. Хрустнули кости черепа, и оно вышло у него под затылком. А я стоял сбоку, упираясь в древко и смотря, как бьётся в конвульсиях монстр.

Пахло вкусно. Сам не заметил, как оказался рядом, вырвав копьё и погрузил руки в раскрытую рану. Минуту я сидел, чувствуя, как зверя покидает жизнь и сила. И только потом, когда живительный поток стал подходить к концу, очнулся.

— Да блядь... — тоскливо протянул я, смотря на измазанные в крови руки. — Вот и поохотились.

И ведь всё было так органично, как будто так и нужно. Я даже не понимал, что делаю. Просто сел и вытянул из умирающей твари практически всю скверну, даже разделять не нужно. Что-то подобное я чувствовал, при зачистке гнезда гоблинов, когда сорвался. И да, весь мой прогресс по очистке организма от скверны похерен с горкой.

Я поднялся с колен от туши убитого монстра и, тяжело ступая, вернулся за рюкзаком. Одно можно сказать точно: на этом моя карьера охотника-авантюриста закончена. Я не выдержу ещё одного подобного вливания — сорвусь.

Подняв рюкзак, я пошёл обратно, с каждым шагом ускоряясь всё быстрее. Вот я уже бегу, и бегу так, что окружающая растительность слилась в зелёную полосу. Ощущение своей уверенной мощи наполняет каждую клеточку тела и кажется, что, встретить меня сейчас на пути стена, я снесу её и полечу дальше.

Из леса я вылетел на полной скорости. Сбросив на пляже свой рюкзак, схватился за бревно. Привычно поднял один край. Продвинулся дальше к центру, мало. Ещё. Маловато. И сам не заметил, как весь вес оказался на моих плечах. Присесть. Встать. Присесть. Ещё. И так, пока не начали трещать мышцы. А потом ещё немного.

Позади дрогнула земля под весом упавшего бревна, а я рухнул на колени, уперев руки в землю. Минуту отдохнув, я искупался, а после вернулся к своему бревну. Надо продолжать! И только вечером я достаточно пришёл в себя, чтобы быстро отнести добычу в деревню и вернуться обратно.

Что сказать? В таком темпе я провёл весь следующий месяц. Перестал помещаться в свои доспехи, так что их пришлось подгонять заново и купить новую стёганку. Зато чёрная склера из глаз исчезла, и даже линии под кожей почти не просматривались.

На мои тренировки вся деревня ходила смотреть. А потом мне дали в руки булаву и велели изображать монстра на общестроевых тренировках. Что сказать? Одним ударом, сейчас я раскалываю деревянный щит и ломаю руку, его держащую. Если в руках меч, то легко отрубая острия копий.

Многие в деревне решают попробовать свои силы в поединке. А барон и вовсе не мог не воспользоваться таким шансом поднять боеготовность своей дружины. Мечники, копейщики, с щитами и без. По одному, по двое и трое. Такая тренировка полезна всем.

Но мне такое внимание не очень нравится.

Так что когда я, в конце концов смог вернуться домой и больше не выступать главным клоуном деревни, стало намного лучше. Хотя на несколько часов в день меня в замок всё равно продолжали звать. А я, наконец, получил возможность читать и вообще трагить время, как душе угодно. В том числе и на давние задумки.

— Ровнее лупи, дебил! — раздался раздражённый выкрик кузнеца, заставляя меня

отвлечься от воспоминаний.

— Виноват, — прошипел я, обрушивая удар молота на заготовку.

Да, я иногда работаю у Густава. Нет, мы не особо помирились. Но так как дома есть своя кузня, хоть и убогая, да в наличии немало обломков оружия на перековку собранных при зачистке старой деревни...

Вот и решил посмотреть, поучиться, как работают местные высокие технологии. Потом можно попробовать поработать дома. А уж кузнецу молотобоец с такими физическими характеристиками всегда нужен.

Чувствовал я себя при этом очень глупым. Кузня — это, оказывается, довольно сложно, и я совсем-совсем ничего про это не знаю. Разная закалка, отпуск, десятки приспособлений и процессов. Во всём этом множество своих нюансов, которым не научиться за месяц. А казалось бы, просто бей молотком по горячей железке.

Густав не стремится делиться секретами. Но пару парней подмастерьев по мелочи обучает, так что и я слушаю. Особо крутым мастером я явно не стану, но, всё же, это довольно интересно. Надо же мне думать, чем я буду зарабатывать на жизнь дальше, если с алхимией в силу каких-либо причин не заладится. Копать огород где-нибудь не очень хочется.

И всё как-то так закрутилось, что я совсем перестал следить за временем. Втянулся в постоянный ритм, лениво отмечая недели на импровизированном календаре на стене. Две, восемь, шестнадцать. Потихоньку падали физические характеристики, наконец, возвращаясь к чему-то отдалённо похожему на человеческие возможности.

Скверна — удивительная штука. Я ведь не просто поглотил определённую форму энергии, чтобы её потом потратить. Нет, эта дрянь работает по-другому, скорее, как маяк для установления связи с единым полем. Хорошо хоть, что расстояние имеет значение: чем дальше от заражённых областей, тем больше энергии тратится на установление связи.

И то, что энергии передаётся относительно того количества, что уже есть в субъекте. Иначе каждый человек, использующий алхимию на скверне, мутировал бы мгновенно, чего не наблюдается. Как я понимаю, именно на подобное состояние «эгрегора» и ушла божественная часть, образовавшая скверу.

Отработав у кузнеца, я зашёл домой, помылся и отправился в трактир. Поужинав, остался пить пиво. Денег мне хватит на ближайшее время, нужно выводить скверну и пытаться разобраться в местной исцеляющей магии. Вроде нельзя совершать большие мощные действия, но, может, мне поможет много мелких?

Да и ближе к концу срока, если я использую зелья на скверне, удастся продержаться ещё сколько-то лет. Но, блин, я тогда уже буду полной развалиной, стариком в тридцать лет. Нужно активнее изучать, что может предложить магия.

— О чём задумался, парень? — спросил Эрхард, опускаясь на лавку напротив.

Вздрыгнул и оглядел опустевший трактир. Задумавшись, я незаметно остался последним посетителем сегодня.

— О скверне, её работе и как исправить последствия, — не стал скрывать я

— Тебе это близко, — кивнул трактирщик. — Надеюсь, твои мысли не состоят в том, чтобы опять пойти в лес?

— Нахер! — поднял я перед собой руки. — Не хочется испоганить всё, чего я достиг за последние месяцы.

— Давай уже, иди домой, а то спать пора, — усмехнулся в бороду толстяк. — И зайди к

магистру, а то он жаловался, что, дескать, совсем забросил старика.

— Да, непорядок, — согласился я, почесав в затылке. — Значит не буду откладывать, зайду прямо сейчас.

Попрощавшись с Эрхардом, отправился к алхимику. Я не сомневался, что этот старый полуночник ещё не спит. Так, впрочем, и оказалось, из окон пробивался свет, а сам он возился в своей лаборатории.

— Доброй ночи, — поприветствовал я его, заходя внутрь.

— Явился? — сварливо произнёс магистр, закидывая в печь угля.

— Вы хотели меня видеть? — поинтересовался, оглядев старика.

— Нужно поговорить, — согласился он и, хрустнув шеей, прошёл в комнату с камином.

Я последовал за ним и, облокотившись о стену, смотрел, как он усаживается у горящего огня. Старик выглядел удивительно хорошо. Свободнее двигался, не горбился, да и морщин как будто меньше стало.

Нахмурившись, я сосредоточился на своём ощущении скверны. И не ошибся, от магистра шёл ровный уверенный поток. С недоверием оглядев алхимика, воскликнул:

— Что случилось, магистр?

— Случилась старость, юноша, — вздохнул алхимик. — Всё остальное побочные — эффекты.

— Вы, вроде, ничем не болели. Зачем сразу скверна?

— Почувствовал? Растёшь, — прищурился старик и добавил: — Я ничем не болею только потому, что постоянно лечусь. И моих скромных сил больше не хватает, пришлось прибегнуть к последнему средству. И вообще, юноша, ты знаешь, сколько мне лет?

— Семьдесят? — неуверенно произнёс я.

Я правда не знаю, Ингельвин не очень любит рассказывать о своей жизни. Учить чему-то, демонстрировать широту своих познаний, да. Но не личное о себе.

— Сто двадцать, — усмехнулся старик.

— Однако... — протянул я, по-новому взглянув на магистра. — А вы говорите, что магию учить бесполезно!

— Не бесполезно. Опасно, — покачал головой тот, смотря на режущее пламя в камине.

— Как будто мне имеет смысл думать про опасность, на моём-то уровне заражения, — скривившись, произнёс я и подкинул несколько поленьев в огонь.

Мы помолчали пару минут, думая каждый о своём, а потом старик осторожно поинтересовался:

— Ты по-прежнему планируешь пережить откат, а потом открыть источник?

— Как будто у меня есть выбор!

— Ты можешь уехать далеко от заражённых земель и довольно долго поддерживать баланс скверны. Может выйти прожить даже дольше, чем после отката. У тебя очень удачная реакция на заражение, ты восстанавливаешься.

— Может быть. Но сорваться обратно я могу всегда, а так есть хоть какие-то шансы прожить нормально хотя бы лет десять. В любом случае, что вы хотели от меня?

Он прищурился и, пожевав губу, бросил:

— Мне нужно, чтобы ты отложил откат и сопровождал меня вглубь заражённых земель.

Я замер, пытаюсь осмыслить сказанное. А после выстрелил вопросами:

— Насколько далеко? Зачем? Почему я?

— Несколько дней пути минимум. До ближайшего узла с полным перекрытием

естественного фона скверной. Я не собираюсь помирить от старости и знаю, что делать. Мне просто нужна возможность сбить кристаллизацию скверной, а там я смогу вылечиться.

— От старости? — недоверчиво спросил я.

— Уж поверь, один раз я это уже делал, — с превосходством усмехнулся старик.

— В любом случае, почему не нанять отряд? Вам не откажут.

— А зачем, когда есть ты? Сильнее, быстрее, с прекрасным чутьём скверны, эффективнее, чем отряд охотников. Если надо, меня на закорках способен донести, — отмахнулся он и жёстко, уверенно добавил: — И ты мне должен за обучение и потраченное на тебя время.

Скрипнув зубами, я возмущённо уставился на магистра. Вот тебе и бесплатное обучение премудростям обработки ингредиентов и доступа к библиотеке. Старый жук явно планировал что-то подобное сильно заранее.

По-хорошему стоило бы его послать нахер. Опять идти в лес, потом ещё полгода пытаться вывести заразу из тела и души. Не хочу! А с другой, я ему действительно должен, его обучение — залог моей дальнейшей безбедной жизни. Но старик вполне осознанно просит укоротить и так не очень долгую жизнь ещё на несколько лет.

— Источник я тебе активирую бесплатно, как только мы вернёмся и ты будешь готов, — добавил он, видя мои сомнения. — Да и со здоровьем и откатом помогу, у меня, как ты понимаешь, большой опыт.

— Когда вы хотите выходить? — всё же сдался я под весом последнего аргумента.

— Месяц. Нужно кое-что подготовить.

— Хорошо. Пойду я, магистр. Зайду на днях, обговорим подробнее.

Он благодушно отмахнулся и по сильнее укутался в плед. А я вышел на улицу и поднял голову вверх, наслаждаясь видом двух лун. Мне страшно. Я боюсь потерять разум, но и умирать молодым совсем не хочу. Мне нужна помощь для преодоления отката, реабилитации, обучение магии. Вроде, всё логично.

Но только почему так мерзко на душе и скребётся уверенность, что совершаю большую ошибку?

Я проснулся поздно, но вместо того, чтобы бежать умываться и завтракать, остался лежать в кровати, смотря в потолок. Ничего не хочу. Достало. Верчусь, тренируюсь, пока не начнут трещать кости, учусь премудростям алхимии. А, в итоге, просто сжигаю свою жизнь, причём совсем не фигурально выражаясь.

Столько времени потрачено, чтобы привести себя в норму, и всё ради чего? Похерить это за пару дней? Но и отказать старику не могу. Вздохнув, я завернулся в одеяло, попытавшись накрыться с головой и отгородиться от этого дурного мира с его проблемами. Буду лежать и ничего не делать весь день. И пофиг на всё!

Мне даже удалось ещё немного подремать, пока нужда не погнала в отдельно стоящую во дворе кабинку. На обратном пути я поднял из колодца ведро и с жадностью выпил ледяной воды. А остатки скинул на себя.

— Хорошо-о-о!

Встряхнув мокрыми отросшими волосами, я оглядел свой двор. Вот боксёрская груша, две вкопанных в землю макивары для отработки ударов оружием. Стойка, в которой стоят три длинных шеста, два деревянных меча, щит. Лавка, на которой я отдыхаю и качаю пресс. Россыпью камни различного размера, сетки, в которые я их ссыпаю для тренировок. Здоровенное бревно на подпорках, с которым раньше приседал. Турник и брусья, конечно.

Очень сильно не хватает привычных гантелей, штанги, фиксированных весов. А на том моменте силы, что у меня сейчас, почти всё из инвентаря уже непригодно. Субъективно? я уже вешу сильно далеко за сотню кило и даже жаль, что точно взвеситься не выйдет. У меня и дома никогда не было такой массы. Причём это всё функционально, плотно, лишней воды минимум. Не так высушено и проработано, разумеется, нет у меня такого инвентаря.

Но сила потрясающая. Я сделал полсотни приседаний потом взлетел на турник, не напрягаясь, легко крутнулся и встал на нём на руки. Десяток раз отжался, на последнем оттолкнувшись посильнее, и прыгнул на землю. Сальто назад. А после подпрыгнуть выше и прокрутиться в воздухе два раза.

Ещё выше, два с половиной оборота и встать на руки. Десяток отжиманий на руках с вытянутыми в воздух ногами. Мягкий перекат, и в моих руках оказался меч. Зашелестел рассекаемый воздух, а деревяшка начала сливаться в мерцание.

Это завораживало. Тело работало, как тонко настроенная машина, выдавая запредельный уровень силы и координации. Я чувствовал потоки воздуха вокруг, ощущал шуршание земли под ногами, слышал, как лаяла собака в другом конце деревни. Всё было так просто и понятно.

Я не знаю, сколько изображал бой с тенью. Пять минут? Двадцать? Но замер уже только когда совсем перестало хватать дыхания. Как же это круто! Мощь и способности, далеко раздвигающие пределы человеческих возможностей. Как бы не хорохорился, но я дико не хочу это терять.

Понимаю последствия, но возможность ещё хотя бы полгодика побыть таким сильным...

Встряхнувшись, я прошёл в сени и задумчиво посмотрел на доспех, навешенный на манекен по моей фигуре. Рядом висел тесак в ножнах и стояло боевое копьё. Слева по полкам и ящикам разложено остальное снаряжение да висел на стене рюкзак.

Я глубоко вдохнул. Выдохнул. И начал собираться. Штаны из плотной ткани. Сапоги, набедренники, наручи, наплечники. Всё отлично подогнанное и практически не стесняющее движений, насколько таким может быть полный доспех. Весит всё это добро около тридцати килограмм. А с оружием и мешком и вовсе уверенно переваливает за полтинник.

Хуже всего, конечно, тяжёлые сапоги и набедренники. Даже мне при длинных переходах становится сложно. А уж обычные люди сразу всё проклинают. Большинство просто предпочитает носить латную юбку и защиту до колен. Ну и, безусловно, выручают отдельные люди, носильщики, коим я немало недель отходил, когда начинал работать.

Споры о защите ног происходят постоянно среди охотников. Как соблюсти баланс между весом, защитой и необходимостью ходить на большие расстояния. Некоторые просто надевают доспехи частями по мере захода в лес всё глубже, другие упаковываются по полной и делают частые привалы. А зачастую всё вместе комбинируется. Тяжко, понятное дело, но тренированные люди справляются.

А мне сейчас вообще наплевать, я этот вес практически не чувствую. Только броня уверенности добавляет да рюкзак смещает центр тяжести, отчего в бою лучше избавиться. Нацепив на пояс тесак, надел шлем и, подхватив копьё, уверенно пошёл к выходу из деревни.

На воротах меня встретил один из баронских солдат. Окинув меня недоверчивым взглядом он покрутил пальцами полуседой ус и недоверчиво спросил:

— Бьёрн? В лес? С тобой всё в порядке, парень? Ты же вроде только начал в норму приходить?

— Магистр. Просит сопроводить его глубоко в лес. Не могу отказать, — рублено ответил я, не считая нужным скрывать подобное.

— И что? Старик команду не мог нанять? — недоумённо прищурился стражник.

— Очень далеко в лес. Я буду лучше, особенно если в полной силе.

— Дело, без сомнения, твоё, взрослый мужик уже. Но...

В его взгляде проскользнула жалость, когда он покачал головой и отступил с дороги, освобождая путь. Всё же странно когда пузатенький мужик на пятом десятке жалеет здорового мордворота. Но он товарищ опытный, прекрасно понимает ситуацию.

Я сжал губы, вскинул руку на прощание и неспешно пошёл по тропинке всё глубже в чащу. Километр, второй, третий, и я стал чувствовать, как вокруг потихоньку повышается концентрация скверны. Вот странно, я очень много её вывел из организма, а такое ощущение, что чутьё на неё совсем не упало, а, наоборот, постепенно повышалось к ней сродство.

Немного притормозив перед водопоем, я постоял пару минут и, ничего не ощутив, пошёл дальше. Растения, растения, вообще непроходимые заросли. Живности не ощущалось, как и не видно свежих следов. Человеческие только, видно, вчера проходил отряд охотников.

Сойдя с тропы, я осторожно пошёл по лесу. Впереди отслеживался достаточно большой источник, а сверху на деревьях начала колыхаться паутинка, забивая чувствительность. Остановившись, я отошёл назад и, подняв с земли длинную ветку, кинул вперёд.

Раздался хлопок, и в воздухе свистнули лианы. А меня дёрнуло за ногу и, повалив, поволокло по земле. Всё же один из отростков оказался протянут слишком далеко и смог зацепить и меня. На фоне такого густого общего фона я его и не отследил.

Главное — не паниковать. Так что, ухватившись левой рукой за ствол дерева, я напрягся, пытаюсь пересилить тоненький побег. Удачно. Несколько раз ткнул в него копьём, которое так и не выпустил. Очень неудобно, конечно, но за несколько раз мне удалось его

достаточно порезать, чтобы он лопнул и унёсся от меня.

Я встал и быстро отбежал на два десятка шагов, где присел на землю, смотря на помятый сапог. Побег трижды округился вокруг голени и выпустил шипы, работающие, как крючок. Там, где это вошло в неприкрытую металлом кожу сапога, оно пробило её насквозь. И, судя по лёгкому онемению, в одном месте они достали до тела.

Вот тебе и баланс между защитой и весом! Вздохнув, с усилием снял побег с ноги. Стащив сапог и размотав портянку, посмотрел на небольшую побледневшую точку на ноге. Не страшно, у меня подобное через десяток минут пройдёт.

Я посидел, попил чайку из фляги, а после, посвистывая, начал готовить свою месть. Вернувшись обратно, нашёл взглядом один из побегов, достал тесак и срубил пару деревьев. Ещё немного творчества и я соорудил некое подобие ворот, оперев его на толстенное дерево.

Следом кинул кошку с верёвкой, закинув её на побег. И, неспешно крутя ворот, начал подтягивать побег ближе. Со скрежетом металла выбралась верёвка, и на дерево стал наматываться уже сам отросток. Медленно, но уверенно. Раздалось несколько хлопков, и в мою сторону полетели побеги побольше, но не достали, а оплели меньший побег. Я остановил вращение, зафиксировав ворот деревяшкой, потом, оставив всё в таком виде, отошёл подальше, выискивая более мелкий образец флоры.

Найти зародыш серебрянки не составило труда, и, принеся, я аккуратно разместил его на растянутом побеге плётки с внутренней стороны и стал ждать, наблюдая, как тот пытается распускаться для переваривания. Под такой нагрузкой это, конечно, не вышло. Но, постепенно, побег начал провисать, когда основной корень стал выталкивать себя из земли другими побегами.

Через десяток минут, поверх приманки легли большие щупальца, а я начал закручивать ворот дальше, перемалывая их. Всё же, как ни крути, но это просто совершенно тупое недоживотное. Через пять минут я смотрел на медленно ползущий извивающийся корень, хлещущий вокруг себя лианами.

Дальше было просто дело техники, осторожно зайти с безопасной стороны и отрубить корень. Добыча хороша, экземпляр старый, массивный. Полтора золотого, не меньше, и, довольно посвистывая, я принялся за вдумчивую разделку. Раз уж у меня есть время перед походом, почему бы не заработать денег?

Быстрое движение источника скверны позади я засек заблаговременно. Так что, откатившись в сторону от пролетевшего надо мной силуэта, встал уже с копьём в руках.

— Красивая киса, — громко, держа голос уверенным, произнёс я, смотря на монстра перед собой.

Когда-то это была рысь, судя по кисточкам на концах ушей. Сейчас это была здоровая тварь сотни на три кило веса. Шерсть приобрела странную грубую фактуру, почернела. Пасть стала больше, как и когти. Но больше визуальных мутаций заметно не было. Тем не менее, скверной от неё било хорошо, концентрированно.

Сжавшись я был готов встретить ударом копыя припавшую в готовности к прыжку кошку. Атака! Взлетели сухие листья из земля, и грациозное тело, сливаясь в полосу от скорости, бросилось на меня. Шаг в сторону, встречный удар. И крепко держать копьё, позволяя ему отбросить меня в сторону.

Я не попал в пасть или брюхо, лезвие просто пропорол бока. Кошка, покотившись кубарем, тут же вскочила на лапы и зашипела от боли, а после развернулась и бросилась

наутёк. Я немного постоял. Выдохнул, пытаюсь успокоить бьющееся набатом сердце. И, внимательно оглядевшись, вернулся к разделке.

Преследовать кошку я не собирался. И вообще, чем меньше буду убивать тварей, тем лучше. Закончив разделку, я поднялся и пошёл дальше с потяжелевшим рюкзаком. Собрал ещё несколько мелких образцов, отправился домой. Немного мелочи пушу на подпитку себя, но без фанатизма. Не хочется потом месяц опять жить в палатке за околицей.

На горизонте показались ворота деревни, и я прибавил хода. Хотелось уже скорее принять душ и отдохнуть. Но на входе меня тормознули.

— Шлем сними, — попросил меня всё тот же полуседой усач, внимательно осматривая лицо, как только я выполнил требуемое.

— Я в норме, Натан, — устало ответил я, держа глаза распахнутыми, чтобы он смог осмотреть белки.

— Таков порядок, — твёрдо произнёс солдат, жестом разрешая надеть шлем. — Не хуже меня знаешь, что ты можешь сделать, если сорвёшься.

— Маловероятно, что тогда я вернусь в селение с мешком добычи за плечами.

Стражник только отмахнулся, наконец, позволяя мне пройти. Я, кивком поблагодарив его, поплёлся домой. Устал. Скинув рюкзак на пол, начал неспешно снимать доспех, развешивая его на манекене.

— Хорошо-то как, — простонал, рухнув на кровать сразу, как освободился от веса брони.

Лениво поразмыслив, пойти в душ или сначала заняться добычей, в итоге, победило трудолюбие. Ну и нежелание пачкаться после помывки, не без этого.

Вернувшись в сени, разложил добычу на верстаке и стал работать скальпелем, сразу раскладывая всё по ёмкостям и заливая реагентами. Обрезки и отходы закинул в специальный пресс и раздавил, полностью выжимая из них сок. Налил его в стакан, добавив мёду, чаю, противоядие, и, поморщившись, выпил.

По-хорошему такие вещи надо дополнительно обрабатывать, но я уже привычный, да и дорого это. Скверны там было немного, но сегодняшние потери компенсирует с прибытком. И, посвистывая — отправился в душ. Сам сделал, между прочим. Хотя, в целом, соорудить бак и сифон с отверстиями было не сложно, больше напрягает его заполнять.

Водичка за день нагрелась, так что, с удовольствием постояв под тёплыми струями, я, посвежевший и довольный, вернулся в дом. Скрипнула кровать под моим телом, и я лениво посмотрел на книгу по рунам и ритуалам в углу на сундуке.

Скучная, написана крайне тяжёлым языком. К тому же, основная часть того, что там написано, уже не работает. Полдюжины рун, несколько десятков их сочетаний. Десяток ритуалов, основанных на простейших геометрических фигурах, очень требовательных к материалам и внешним факторам.

С арсеналом современных магов не очень. Слишком много было основано на силе богов и постоянном магическом фоне. Многие книги придётся заказывать, у магистра есть далеко не всё, что нужно. Махнув рукой на чтение, я просто решил подремать.

Снилась борьба, адреналин, азарт и кровь, текущая по клыкам. Ощущение мощи в каждом движении, трещащие в лапах костей врагов. Победный рёв, разорвавший туманную дымку утреннего леса.

С рыком на губах я и проснулся, непонимающе смотря на балдахин кровати. Вдох. Выдох. Вдох.

— Достало, — прошипел я, успокаиваясь.

Этот сон мне снится уже далеко не первый раз. Иногда он кажется настолько реальным, что создаётся впечатление что всё происходит в действительности. А может так и есть, и скверна передаёт мне реальные ощущения каких-то тварей. Когда я поделился этим с алхимиком, он просто пожал плечами и сказал: «Не ты первый, не ты последний».

Опустошённый после такого сна, я растопил печь и поставил чайник. Сходил на ледник, принёс мяса, достал хлеба и устался на пробивающиеся сквозь щели в печи отблески пламени. Память сверхчеловеческой мощи до сих пор не отпускала.

Тем не менее, я спокойно выпил чаю и только потом, вздохнув, натянул сапоги и отправился во двор, где, подхватив копьё из стойки, стал отрабатывать доступные мне приёмы. В конце концов, даже когда я потеряю силу и мощь, мастерство останется со мной. Несколько часов ударной тренировки вымели из головы лишние мысли, и я, наконец, отправился спать.

Утром быстро собрался, и ноги сами понесли меня в лес. Но сегодня уже с определённым планом, и я даже не охотился по пути, а просто осторожно шёл вперёд, где надо высаживая ловушки, а в других местах, наоборот, расчищая проходы. Раз уж у меня есть время на подготовку, его надо провести с пользой для будущего похода.

Вот я и протапывал тропу, подыскивая место для ночлега. Сегодня удалось как следует разведать и подготовить несколько километров пути, завтра продолжу дальше. Скучно, уныло, но полезно.

Через неделю я, наконец, начал оборудовать первую ночную стоянку. Срубил и вкопал несколько брёвен, на которые уложил деревья поменьше, сделав крепкую крышу. Пересадилов ловушек побольше, для этого дела скормил несколько зайцев хищным растениям. По моим прикидкам через три недели тут будут заросли с одним-единственным проходом. А через пару месяцев к стоянке без удаления высаженных ловушек не смогу подойти и я.

Дома потихоньку обрастал инструментарием, проводя всё более и более тщательную обработку, начиная относить магистру уже лучше обработанные ингредиенты. А когда я, в конечном итоге, получил свой полноценный перегонный куб, то через пару дней, уже держал в руке стеклянный флакон с голубоватой жидкостью.

Оно, в принципе, не сложное, да и эффект у него простое физическое усиление. Само по себе действует около шести часов, но чем больше используешь, тем быстрее проходит. Мне не особо нужно, этого же эффекта я достиг тренировками, вынудив содержащуюся во мне заразу работать подобным образом. Но получился вполне качественный продукт.

— Неплохо, — усмехнулся я своим мыслям, рассматривая флакон на просвет. — Без работы не останусь.

И, довольно кивнув, я отставил готовое зелье на полку. Это хорошо, но мне выгоднее для себя иметь зелья, воздействующие на внешний мир. Оглядев доступный ассортимент реагентов, пошёл собираться в лес. Хочется сделать огненное и замораживающее, но для этого нужно ещё кое-что докупить.

Жаль, что я не маг, некоторые зелья основаны на усилении скверной эффектов маны. Сложные в приготовлении, конечно, но зато способны прожарить до костей даже вампира за секунды. Это полезно.

На воротах мне просто помахали рукой и спокойно пропустили, привыкнув, что я не стремлюсь максимально быстро превратиться в монстра. Я поправил рюкзак и, всё быстрее ускоряясь, побежал. Глаза выхватывали препятствия, корни деревьев, чувство скверны

постоянно оценивало окружение.

Тропа хорошо известна, так что я мог сосредоточиться больше на скорости, размеренно дыша. Тут перепрыгнуть корень, пригнуться, отвести ладонью ветку, в очередной раз отметив, что стоило бы и срубить. Пара коротких участков, которые я прошёл пешком, и вот первая стоянка. Аккуратно пройдя мимо ловушек, проверил, всё ли нормально, и побежал дальше. С каждым километром скорость снижалась, и третья стоянка, на данный момент, моя последняя.

Немного поработав топором над шалашом, позанимался ловушками и начал торить путь дальше. Тут уже очень тяжело. Растительность мутировала крайне сильно, изменились некоторые виды тварей. Встречаются уже самые настоящие живые деревья, а в паре километров от бивуака я встретил изменённый муравейник. Жуткая вещь, от него в нескольких сотнях метров нет ничего живого. Да и фон скверны тут таков, что буквально обволакивает сознание, забивая чувствительность.

В дерево ткнулось копьё, делая отметку о маршруте. Я подрезал побеги паутинки, перекрывающие путь, и осторожно пошёл дальше. Сознание мутилось, тело переполняла сила, жажда что-то делать, бежать, сражаться. Я регулярно останавливался и глубоко дышал, пытаюсь успокоиться. Тяжело.

Исследовав следующий километр дороги, вернулся обратно на стоянку, а оттуда, потихоньку ускоряясь, побежал домой, вернувшись уже в сумерках. Оборудование четвёртой стоянки точно потребует ночёвки в лесу.

Ужин, разборка добычи, сон, завтрак, и я опять бегу по знакомому маршруту. Только в этот раз неся за спиной ещё сильнее потяжелевший рюкзак. Тент, еда, одеяло и всё, что нужно для полноценного лагеря. В третьем лагере мне предстояло провести несколько дней.

Прибыв на место, занялся текущими делами, пытаюсь отвлечься от тяжёлых ощущений скверны вокруг. Тщательно размечая и проверяя несколько километров извилистой тропы. Тут уже ни о каком беге разговоров не шло, заросли били заразой так, что у меня мутилось в голове. Вокруг же изменился и лес. Побеги изменённых растений оплетали перекрученные деревья, создавая над головой не пропускающий свет потолок.

Натуральные живые джунгли, кишацие заражённой жизнью. Тут я впервые увидел изменённых обезьян, ящериц и здоровенных летающих насекомых. Моё продвижение упало сильнее, а фон скверны вырос до огромных значений. Опустившись на колени, я медленно пополз вперёд. И через полсотни метров выполз на границу глубокого оврага, буквально наполненного шевелящейся плотью.

— Ядро, — тихо выдохнул и, осторожно, пополз назад, обливаясь потом.

Меня потряхивало. До стоянки я добрался чудом, плохо понимая происходящее вокруг. Там немного отпустило, так что я смог развести огонь и приготовить поесть, а после попытался уснуть. Не получилось и, как результат, до утра я скорее дремал, тревожно озираясь на каждый шорох вокруг. Что, наверное, и хорошо, не знаю, что бы мне приснилось тут.

Как только рассвело я начал шерстить окрестности получше и, в итоге, нашёл небольшой овраг в полукилометре. Немного отработав к нему тропу, расчистил место, заодно пересадив несколько растений. Именно тут ритуал мы проводить и будем.

Я выравнивал площадку, пытался сделать заросли вокруг полностью непроходимыми с трех сторон. А ближе к полудню собрался в обратный путь.

Домой я ввалился полностью вымотанный и трясущимися руками стал сдирать с себя

доспехи. Физически я был в порядке даже несмотря на практически бессонную ночь. Но в ушах настойчиво звучал невнятный, сводящий с ума, шёпот.

Я принял душ и попытался уснуть, но к шёпоту прибавились запахи, а при погружении в полусон и картинки. Не выдержав, я, как был в тренировочных сапогах, накинул пояс с кинжалом, взял несколько монет и пошёл на выход из деревни.

Выйдя к реке, скинул одежду и, подхватив с земли тяжёлый камень, бросился в воду. Как только оказался полностью под водой, шёпот в голове практически прекратился. Минута, две, три. И я, жадно вдыхая, показался на поверхности. Минуту отдышаться и опять в воду с головой.

Большие текущие массы воды прилично экранируют скверну. Но явно не в моём случае. За полчаса купаний я получил передышку утомлённому разуму. Но этого было мало. И, вернувшись домой, я продремал в полглаза до рассвета, пытаясь не обращать внимание на глюки. Получилось не важно.

Утром, с петухами, я оказался за воротами. Нож в ножнах, немного денег, фляга. Тренировочные сапоги, штаны, лёгкая рубаха. Несколько глубоких вдохов и выдохов, и я сорвался вперёд, продавливая своим телом воздух.

Всё быстрее и быстрее. Но через несколько минут остановился и, присев на камень, снял обувь. Сколько там рекорд скорости для человека? Около сорока километров? Ну так вот, мне, конечно, сложно измерить, но, уверен, что я его превысил. И на этой скорости и при моём весе обуви явно надолго не хватит.

Так что, засунув носки в сапоги, я повесил их на шею и, подвернув штаны, рванул дальше. Ускорение взял больше, а потом и ещё, впервые позволяя себе попробовать максимальную скорость, какую смогу выжать. Мышцы ног дрожали, толкая тело вперёд, а зелень по краям дороги смазывается в единое полотно.

И только когда совсем перестало хватать воздуха, я расслабился и немного прошёлся пешком, чтобы через несколько минут опять сорваться на бег. Вот так, чередуя бег с ходьбой, к ночи я добрался до населённых мест.

Устал, как собака. В животе громко заурчало, и я добавил вслух:

— Очень голодная собака.

Шутка ли, за день я пробежал недельный переход. Точно сложно сказать, но не меньше двухсот километров. Наверное, мог бы даже быстрее. Но приходилось притормаживать около встреченных обозов и постоянных дворов. Да и всадников на тракте немало, зачем мне лишние слухи о человеке, который легко обгоняет лошадь?

В голове, наконец, поселилась приятная пустота. А вокруг тракта потянулись возделанные поля, с работающими на них крестьянами. Мимо всё чаще проносились всадники, поднимая пыль копытами лошадей.

— Посторонись! — раздался звонкий высокий голос, и мимо меня, меньше чем в полуметре, пролетел очередной всадник.

Я дёрнулся в сторону, спасаясь от копыт хрипящего коня, и сплюнул попавшую в рот пыль. И воскликнул вслед всаднику, а если судить по голосу, то всаднице:

— Смотри куда прёшь, дура!

Сплюнув ещё раз, вытер лицо от пыли и быстрее пошёл вперёд. Что-то мне эта сельская пастораль вокруг резко перестала нравиться. Хотелось жрать, но даже больше, спать. Так что я припустил умеренным бегом, через десяток минут оказавшись у стен города.

Ворота были распахнуты настежь, но пара стражников, опираясь на копыя, всюю

точили ляды. Смерив меня опасливыми взглядами, подобрались, и оружье оказалось у них в руках.

— Кто? Откуда? — насторожено поинтересовался тот, который постарше, с выбитым передним зубом.

— Бьёрн. Поселение охотников, — устало ответил я и, мощно зевнув, спросил: — Парни, где у вас тут можно помыться и поесть?

Стражники немного расслабились и второй из них ответил, мазнув взглядом по моему поясу и висящим на шее сапогам:

— У Вернера. Идёшь по улице прямо, пока не увидишь центральный колодец, там свернёшь и упрёшься в вывеску со свиньёй. Это и будет постоянный двор.

— Надолго в город? — пытливо спросил щербатый. — И по какому делу?

— Два дня. Отдохнуть, может что-нибудь купить. Потом отправлюсь домой.

— Аристократам не перечить, девок не обижать, на улице не срать, — начал инструктаж старший стражник.

А младший, окинув меня взглядом, добавил:

— В драки не ввязываться.

— Хорошо, — равнодушно пожал я плечами. — Я могу идти?

— Да.

Кивнув на прощание стражникам, я вошёл в город, лениво оглядываясь вокруг. Лавки, одно и двухэтажные дома и даже мощёная камнем дорога. Вокруг оказалось на удивление чисто, я с удивлением проводил взглядом выскочившую на дорогу с совочками малышню, собравшую конские каштаны и тут же испарившуюся.

У центрального колодца увидел много людей, плюс всякие мелкие лавочки и продавцы, в том числе и еды. Сглотнув слюну, я свернул направо и, как и говорили, упёрся в постоянный двор.

Он намного больше, чем у нас в деревне, с многочисленными окнами и постройками вокруг, совсем не похоже на наши миникрепости. Двери открыты нараспашку, и, зайдя внутрь, я оглядел заполненный под завязку зал. Я нашёл только одно свободное место за небольшим столиком в углу, за которым сидела немного знакомая фигура.

— О как! — довольно потёр ладони и направился туда.

По пути поймав официантку и заказав еды, я, в итоге, опустился напротив что-то пьющей женщины. Сел и стал молча смотреть перед собой.

— Тут занято, — зло произнёс тот самый звонкий голос, чей конь чуть не сбил меня на дороге.

— Тебя не учили, что нужно смотреть, куда едешь? — зевнув, спросил, игнорируя её недовольство.

— Не твоё дело, кто меня и чему учил, деревенщина! — окрысилась женщина в ответ.

Хотя какая она женщина? Если отбросить видимую крайнюю усталость, злость и не обращать внимание на дорожную пыль, облепившую длинные тёмные волосы, сейчас скрученные в косу, то передо мной совсем молодая девчонка, лет шестнадцать-семнадцать.

В дорогом, хоть и потёртом костюме для верховой езды, россыпью браслетов на правой руке, где мелькнувшее серебро терялось среди ярких бусинок на нитке, кожаного ремешка с гравированной надписью и деревянными чётками. Пара простых колец на пальцах, да и при этом в седле она явно провела не одну неделю. Что странно для аристократки.

— Видимо, хреново учил, раз такое выросло, — отмахнулся я, сглотнув слюну, когда

через мгновение передо мной поставили кружку пива, большое блюдо со свиными рёбрами и хлебом.

Как раз и ей принесли суп, так что, смерив меня злым взглядом ярко-зелёных глаз, она активно заработала ложкой, прошипев короткое:

— Отвали!

Мне, впрочем, сейчас тоже стало не до разговоров, я залпом выпил половину кружки и вгрызся в сочное мясо. Принесли ещё пива. Забрали тарелку с костями. Потом следующую с ребрышками и тушку курицы. Я продолжал меланхолично и уверенно насыщаться. Невольная соседка, высокомерно кривилась, глядя на то, как я поедаю килограммы еды.

А также она бросала откровенно голодные взгляды на мясо. Хоть и пыталась это скрыть под своим апломбом, супчика явно ей не хватило. И когда у неё громко заурчал живот, она покраснела, а я усмехнулся и благодушно произнёс:

— Присоединяйся, раз уж это я подсел за твой стол. А то бы мне пришлось есть где-то на улице.

Она вскинула нос кверху, явно собираясь сказать что-то едкое. Но в этот самый момент у неё опять заурчал живот. И из девушки как будто выпустили весь воздух. Не знаю, что она решала для себя, но, в итоге, тяжело и безнадежно вздохнула и взяла куриное крылышко.

Следом ножку и рёбрышко, а потом я заказал ещё пива. Обоим. Достаточно быстро я начал пьяно и сыто клевать носом, пытаюсь держать глаза открытыми, только чтобы доесть остатки. Девушка тоже засыпала. Так что, поманив официантку, я спросил:

— Что у вас насчёт комнаты на ночь и купальни?

— Комната осталось только одна. Из дорогих, для аристократов. Два серебряных за ночь. Баня затоплена, очерёдность определяете там сами среди желающих. Можете доплатить медяшку и организуем купальню прямо в комнате.

При слове купальня девушка проснулась, заинтересованно посмотрев на официантку. Поднявшись, я протянул работнице трактира пригоршню меди за ужин и попросил:

— Покажи комнату.

Девушка пыталась что-то сказать, но хмурилась и замолкала. Я же проследовал за официанткой на третий этаж здания. Комната оказалось аж целыми двумя спаренными, в одной из которых стояла кровать с балдахином. А в меньшей, выполняющей роль прихожей, висел гамак. Как я понимаю, подобное предполагалось для ближних слуг. А может и друзей-приживал, кто знает.

— Беру, — кивнул я, осматривая комнату. — Сколько времени займёт подготовка купальни?

Выслушав в ответ, что ближе к ночи будет готово, вздохнул и, отпустив официантку, отправился в баню. Где, подождав пять минут, быстро ополоснулся, а после, поднявшись в номер, рухнул на кровать. Ныли мышцы, но шум в голове полностью утих. Впервые за несколько дней я, наконец, заснул крепким спокойным сном.

Проснулся утром, чувствуя себя полностью свежим и отдохнувшим. Делать ничего не хотелось, но потребности, всё же, подняли меня с кровати. Лениво накинув рубаху и сапоги, я спустился в общий зал, где уже завтракало несколько человек. Выйдя на улицу, подошёл к колодцу и, вытянув ведро, с удовольствием глотнул ледяной воды.

— Опять ты?

Позади раздался недовольный, хриплый со сна, девичий голос. Повернувшись, я усмехнулся при виде всклокоченной девушки с торчащей из волос соломой. Ночевала она

явно на конюшне в связи с недостатком мест в гостинице.

— Доброе утро, — подпустив в голос бархата, мягко ответил я, передавая ей ведро с водой.

— Отвратительное утро, — буркнула она, пытаясь умыться из ведра.

Вздохнув, я отобрал у неё ёмкость и стал поливать тонкой струйкой, пока она умывается, подставляя сложенные руки под текущую воду. Что сказать, другую я бы уже послал, но красивым девушкам, зачастую, позволено больше, а она действительно красива.

— Бьёрн, — прижав свободную руку к груди, легко поклонился.

Она замерла, что-то обдумывая, а потом буркнула:

— Нора.

— Не привыкла ночевать так? — кивнул я на конюшню позади, про себя подумав, что имя, возможно, не настоящее.

Девушка скривилась, как будто съела лимон, и, брызнув последний раз на лицо водой, начала стягивать свою косу волос покрепче. Я только собирался спросить её, куда она направляется из этого города, но позади раздался шум копыт, и брюнетка побледнела, глядя мне за спину.

Я, держа в руках ведро, развернулся, окинув взглядом десяток запылённых солдат верхом на таких же серых от пыли хрипящих лошадях. Они без разговоров бросились вперёд, окружая нас.

— Твой побег закончился, время вернуться домой, — устало произнёс их старший, мужчина лет пятидесяти, обращаясь к девушке.

Загнанный взгляд девушки пробежался по солдатам. И через секунду она рванула с пояса небольшой кинжал и ударила себе в горло. Быстро и неожиданно. Но не для моей текущей скорости. Кинжал ударил в ведро, которое я до сих пор держал в руках.

А на меня уставились полные отчаяния зелёные глазищи, начавшие медленно заполняться слезами.

Да что же это такое? Не должны молодые и красивые девушки стремиться себя убить! Неправильно это. Но, когда мне в спину ударила глефа одного из всадников, где-то по краю сознания пронеслась волна облегчения. Хорошо, когда нет выбора, чью сторону занять, и всё просто и понятно.

Ну а потом? Потом я начал убивать.

Удар не стал неожиданным. Сдвинувшись, я пропустил острие вдоль спины и, продолжая своё вращение корпуса, ухватился за древко. Одно движение — и отпустивший рванувшееся древко боец остался без оружия, а, следом, оно же вошло ему под подбородок. Широкое лезвие, предназначенное для рубящих ударов, практически отделило ему голову.

Минус один.

Крутнув глефу вокруг, я выпустил кишки одному коню и резанул по горлу вторую лошадку. Припав к земле, пропустил удар саблей над головой и подрубил ноги ещё одной животинке. Ржущие от боли кони бросились в стороны, волоча кишки по земле. Укол в горло ещё одному бойцу, чья лошадь не смогла уйти на подрубленных ногах.

Минус два.

Рывок в сторону, и рубящий удар отделяет ногу одному всаднику по коленному суставу, заодно ранив лошадь. Вскинувшаяся на задние копыта кобыла, скинула инвалида с себя, и удар в горло поставил точку в его жизни.

Минус три.

Несколько скачков, и я нанёс удар в спину стремящемуся разорвать дистанцию лучнику. Лязгнули, сминаясь и расступаясь, пластины брони, и обмякшее тело конь унёс дальше от сражения.

Минус четыре.

А противники начали спрыгивать на землю, отпуская лошадей. Я повёл носом и рванулся к одному из бойцов, поднимающему двуручный меч. Укол в стопу, увернуться от встречного выпада и резкий удар окованной металлом пяткой глефы в шлем. Металл смялся вместе с костями черепа, заливая лицо бойца кровью.

Минус пять.

Парирование, отступление, парирование. Встречный укол. Прошёл. Отходя назад, бросил взгляд на пытающегося закрыть рукой бьющую из горла алую кровь солдата.

Минус шесть.

Отвести удар мечом, ответить, поморщиться, когда глефа оказалась жёстко парирована. Бросившись в сторону, нанёс укол в бедро ещё одному. Он прошёл, и враг, зажимая рану, отступил назад, а после, упав на землю, пополз в сторону.

На этом лёгкие цели у меня кончились. Трое бойцов напротив, в том числе и командир, фонили скверной. Парирование, уклонение. Укол полуторным мечом устремился мне в грудь, поворот груди, и лезвие прошло вскользь, нанося очередной глубокий порез. Встречный взмах глефы отогнал противников назад.

Я замер в стойке, подняв пятку копья вверх и направив лезвие в землю, а также внимательно смотря на стоящих полукругом бойцов, не решающихся на атаку.

Длинный выдох. Глубокий вдох. Рывок вперёд и укол. Лязг доспехов и хруст костей.

Минус семь.

Подставить копьё под одно лезвие меча, увернуться от второго. Хрустнуло древко, разваливаясь на две половинки в руках, и меч, с треском сломанных рёбер, прочертил ещё одну глубокую рану у меня на груди.

Отшатнувшись назад, я бросил взгляд на два куска глефы со сломанным лезвием в руках. Осмотревшись вокруг, я рванулся в сторону, выхватывая из ножен одного из трупов клинок.

А следом на меня обрушился град ударов от двух оставшихся на ногах бойцов. Летели искры и глухие удары от столкновения клинков, я парировал, изворачивался, пытался атаковать.

Но не выходило. Каждый мой удар встречал блок или пустоту. Удар слева, справа, парировать, увернуться. Лезвие прошло у меня по бедру, взрезая кожу и мышцы. Укол в левое плечо тоже прошёл, кольнув болью.

Взревев, я отшатнулся в сторону и, не обращая внимания на ещё один порез на груди, ударил во всю силу. Лязгнул поднятый для защиты меч противника, но, невзирая на блок, клинок врубился ему в шею. А следом лопнул, оставив у меня в руке кусок лезвия в полметра.

Минус восемь.

Блок, ещё один. Пытаюсь парировать удары оставшегося последним командира, плетущего напротив меня сетку из финтов своим мечом. Не подойти к нему. Страшно. Кровь из ран хлещет, заливает тело, начинает мутнеть в голове. Затягивать бой нельзя.

А враг атакует всё сильнее и быстрее, демонстрируя потрясающее владение мечом, не мне с моими навыками с ним соревноваться. Но я по-прежнему сильнее и быстрее, хоть это преимущество и уменьшается с каждой секундой боя. Так что я шагнул под удар, принимая его на остатки меча в руке.

И пробил локоть ему в колено, со злой радостью слыша хруст костей. А его меч прошёл мне по лицу, рассекая щеку и неприятно отдаваясь в скуле. Охнув, он попытался отступить, но сломанная нога подвела, и мужчина рухнул на землю. Отбросив его поднятый для защиты меч, я вбил обломки своего клинка ему в лицо.

Минус девять.

Подхватив изрубленный меч из ослабевшей руки врага, я повернулся, ища подранка. Шаг. Ещё один. В глазах начало темнеть.

Нужно дойти! Мне нужно...

Найдя взглядом зажимающего распоротое бедро подранка, я обрушил на него удар.

— Минус десять, — прошептал, пуская пузыри из прорубленной насквозь щеки, и свалился на землю лицом вверх.

Сознания я не потерял. Но потихоньку начала подступать боль от многочисленных ран, и накатила слабость от потери крови. Рядом раздались осторожные шаги, и надо мной склонилось лицо с заплаканными зелёными глазищами.

Надо же, я думал, что она убежит... Однако, с меня начали срезать рубашку и пытаться затыкать ею раны. Когда этого не хватило, она рванула куда-то в сторону, и через пару минут грудь мне начали стягивать порезанным на куски одеялом.

Сознание начало путаться. Вот появилась стража. Раздались какие-то крики, титулы и обещания. Когда я услышал слово деньги, то полез в карман и слабой рукой достал остатки монет. Меня начали шевелить и, кажется, положили на какую-то телегу, попутно перевязав ещё и ногу.

Вот мы куда-то едем, начинает темнеть. Слабость такая, что я просто отключился, изредка приходя в себя. В один момент это переросло в беспокойный сон, из которого вышел только раз, когда мне ко рту поднесли флягу с водой, которую я жадно выпил. Стало полегче, и дальше я спал уже спокойнее.

Проснулся, когда начало темнеть. Я лежал на соломе, накрытый какими-то тряпками, судя по всему, это плащи убитых мной солдат. У меня в ногах сидела девушка и, положив

голову на руки, дремала.

Я глубоко вдохнул, поморщившись от боли в груди. И, осторожно сев, опираясь спиной на борт телеги, потянулся к лежащей недалеко фляге с водой. Там оставалось немного, но смочить пересохшее горло, хватило.

— Не думал, что ты очнёшься, — раздался позади голос возничего.

Повернув голову, я смерил взглядом бородатого крестьянина, помывающего запряжённой гнедой кобылой. Встряхнув головой от его слов, проснулась девушка.

— Меня так просто не убить, — попытался усмехнуться я. Но щеку прострелило болью, и я остановился, только, всё же, спросив: — Что произошло после боя?

— Пришла стража, начала грозить ямой. Но я сказала, что ты не виноват, это пришли за мной и вообще они подданные другой страны. Отстали после того, как забрали трупы. Пригрозили, что будут разбираться, а я уговорила помочь вывезти нас из города, отдав все твои деньги.

Быстро, глотая окончания, начала выплёскивать слова девушка, кивнув на возницу.

— Я довезу вас до ближайшего постоянного двора и высажу — мне лишние проблемы со стражей и местными тварями не нужны, — поспешил добавить к её словам крестьянин.

— Где мы? — тихо спросил я.

— Стража сказала, что ты из деревни охотников, вот в её сторону и едем, — ответила мне девушка, потеряв заспанное лицо.

Я кивнул и, устроившись поудобнее, задремал опять. Очнувшись уже в сумраке, когда мы остановились возле постоянного двора и девушка толкнула меня в плечо.

— Договорись о паре дней простоя и о тряпках для перевязки, — попросил я, как только мы остановились у ворот.

Она пожевала губу, бросила взгляд на свою лошадку, которая весь путь шла за телегой, и пошла в здание постоянного двора. Я проследил, как возница привязал её кобылу к коновязи, а после поднял на меня задумчивый взгляд. Явно думая, как спустить такую тушу на землю в одиночку.

— Я сам, — буркнул и, несмотря на боль, поставил ноги на землю и выпрямился, пытаюсь остановить головокружение.

Пришлось переждать, опираясь на борт телеги. А после сделать первые несколько шагов. Было больно, из-под повязок пошла кровь. Но до входа я дошёл сам. А там, опёрся на плечо подскочившей девушки и через несколько минут оказался на полу в выделенной нам комнате.

— Дурак, ты зачем сам пошёл? Раны все открылись! Что за тупость? — продолжала возмущаться девушка.

Не слушая причитания, я спросил:

— Ты умеешь шить?

Она остановилась на середине фразы и недоумённо ответила:

— Да. А что?

— Принеси воды, кипятка, будешь меня штопать.

— Я не лекарь! Я не умею! Ты можешь умереть!

— Я мутант скверны. Меня сложно убить. Делай!

Спорить дальше сил не было. Но, слава богу, она поднялась и вышла, выполняя мою команду. А я ненадолго выключился, очнувшись уже в полутьме при свете свечей. Стояла пара вёдер с водой, кружка кипятка, моток тонких ниток и страшновато выглядящая иголка.

— Нитку с иглой в кипяток, — попросил я девушку.

А сам начал отдирать те куски ткани, что затыкали мои раны.

— Сука... — протянул я, смотря на свою грудь.

Рассечённые грудные мышцы, под которыми были видны ребра. В том числе и одно сломанное. Плечо, нога. На мне буквально не было живого места. Всё это в кусках ткани, грязи и засохшей крови.

— Раны промыть. Лишнее убрать и отрезать. Потом зашить, — очертил я фронт действий.

— Если ты помрёшь, я не виновата, — сплюнула слова побледневшая аристократка, но, всё же, несмотря на подрагивающие руки, достала нож и принялась за работу.

А я уплывал в беспамятство, из которого меня вырывали только всплески боли. Вот она промыла раны, срезала куски мёртвой плоти и, стянув края страшно выглядящей раны, начала шить. Было так больно, что я иногда подвывал, когда был в сознании. А ближе к концу экзекуции я велел стянуть мне потом грудь поплотнее бинтами и выключился.

Несколько раз за ночь просыпался от боли, пил воду, засыпал снова. Поднялась температура, грудь жгло огнём. Я начал теряться во времени и пространстве. Меня поили, вытирали выступившую кровь, сукровицу и пот. Становилось немного легче, и я засыпал снова.

Так я провалялся больше суток, но, очнувшись, понял, что температура спала и раны так сильно уже не болят. Я поправляюсь. Нужно сходить до туалета, но, к своей радости, я нашёл рядом с кроватью ночной горшок. Стыдно, конечно, но тревожить сейчас раны не нужно. Да и нет в комнате никого.

Так что, сделав своё маленькое, но нужное дело, я облегчённо откинулся на кровати, и, глубоко вздохнув, задумался. Нахрена я, спрашивается, в это всё полез? Ну да, стало жалко красивую девочку. А кроме того? Зачем?

Или мне просто хотелось драться, выплеснуть ярость, почувствовать, как трещат кости и доспехи врагов, ощутить свою силу, мощь и превосходство. И хрен тут поймёшь: что влияние скверны, а что просто мой характер.

Впрочем, и положить с прибором. Я жив. Они нет. И проехали. Да и от дальнейшего самоедства меня отвлёт скрип двери и голос появившейся в проёме девушки.

— Ты проснулся?

Я кивнул, смотря, как она подошла к кровати, а после, скривившись, опустила взгляд на ночной горшок. Подняв его на вытянутых руках, вышла, продолжая строить брезгливую физиономию. Что характерно, серебряного браслета на правой руке у неё больше не было, и мне стало понятно, на какие средства я тут отлёживаюсь.

Я заёрзал на кровати, покраснев. Стыдно. Одно дело, если за тобой ходит старуха-целительница и совсем другое, если молодая и красивая девушка. Тем не менее, через пару минут она вернулась и, задвинув горшок под кровать, присела рядом, подвинув табуретку.

— Поговорим, наконец? — криво, одной стороной лица, усмехнулся я. — Тебя и правда зовут Нора?

— Элеонора. Графиня Фландрийская, дочь герцога Эстерского. Последняя кровная наследница Империи Людей, — негромко, со злостью и немалой тоской, произнесла девушка.

— Бля... — протянул я, откидываясь на подушку.

Вот и помог девушке. А я всё удивлялся, какого хрена столкнулся с подобными

противниками уровня королевской гвардии. Бойцов, изменённых зельями на основе скверны. И в это я влез? Просто ради красивых глаз и уважения к отчаянному поступку?

Брюнетка, тем временем, встряхнулась, прикрыла на секунду глаза и начала пафосно вещать:

— Ты совершил геройский поступок, я этого не забуду! И когда займу соответствующее положение, будешь вознаграждён. А если сможешь мне добраться на Полуденные острова, то можешь рассчитывать и на титул!

Выражение у неё при этом было, как будто оказывает мне большую милость. Мне очень-очень захотелось её обматерить. Я даже набрал в лёгкие воздуха, но, внимательно посмотрев на аристократку, выдохнул. За всей показной бравадой и высокомерием я видел потерянную девушку, которой очень страшно.

— Я не смогу тебе помочь, — негромко ответил я.

— Почему? Тебе заплатят. Много! — с искренним удивлением воскликнула Элеонора.

— У меня есть свои дела, которые требуется решить. И сразу отвечая на твой вопрос: нет, это не вопрос денег.

Она сжала губы, что-то обдумывая. А после, осторожно спросила:

— Эти твои дела, они надолго?

— Месяц.

Брюнетка застыла, пытаясь придумать решение. А потом зло прищурилась и спросила, резко сменив тему:

— Как мне стать такой же сильной? Ты убил гвардейцев, как будто они ничто, пыль!

— Ничто? — вскинул я на неё глаза, и провёл рукой по шраму, пробороздившему щёку от глазницы до подбородка.

Она соскочила с табуретки и, сцепив руки за спиной, сделала несколько шагов до двери и обратно, выговаривая:

— Это гвардия, они сильнейшие. Там есть солдаты, прошедшие усиление зельями и декоктами. Каждый может выйти против нескольких противников и победить! А ты пошёл на десяток. И победил! Я хочу знать — как?

— Скверна. Много тренировок и очень короткая жизнь в итоге. Чудес не бывает. Тебе, чтобы достигнуть подобных результатов, придётся и вовсе потерять человеческий облик.

Она окинула взглядом мою грудь мышц и, поморщившись, тяжело выдохнула. Прошла ещё несколько шагов и, присев, спросила:

— А после того, как ты закончишь? Ты сможешь меня провести до островов?

— О какой сумме мы говорим? — всё же спросил я.

— У меня на островах родственники в императорской семье. Они могут выделить хоть тысячу золотых! — обрадованно воскликнула девушка.

— Ну да, прямо так сразу и выделяют, — скептически скривился, тем не менее, у меня в голове начали мелькать мысли, куда бы я смог потратить такую прорву денег...

Там и зелья, оборудование лаборатории, книги, покупка маны в накопителях. Много всего, способного помочь протянуть подольше. Но и вероятность того, что вместо денег мне попытаются снести голову, огромна. Как и то, что девушка сильно переоценивает свою значимость. Ну да, кровная наследница угасшей династии старых императоров. Но и толку-то?

Она нужна только если у заинтересованных лиц прицел на далёкое будущее. Хотя, конечно, де-юре подобный род имеет право практически на любые земли на территории

современных людских королевств. Как знамя и попытка сохранить внешнюю легитимность в почти любой войне будет неплохим козырем.

— Не сомневайся, я гостила у них маленькой! Тётя Розалия во мне души не чает!

Жадность во мне боролась с осторожностью. Риск огромный, но и деньги...

— За тобой много ещё людей отправить могут?

— После того, как ты уничтожил этот отряд? Только если наёмников местных нанимать. Это ведь и так уже скандал — отряд гвардии действовал на территории другого государства!

— И говорит о том, что я влетел в политику, — поморщившись, дополнил я её мысль.

— Поэтому нужно как можно скорее бежать на острова, там ты получишь свои деньги и будешь свободен!

— Мои дела нельзя сдвинуть. Успокойся. И да, я и сейчас свободен, максимум, что мне грозит, это допрос. Да и вытащить меня из деревни или, тем более, из леса, мало кто сможет.

Она недовольно сжала губы, но через пару секунд, всё же, спросила.

— Так ты сможешь или нет? И когда?

— Как я уже сказал, несколько недель, не меньше. Так что можешь отправляться по своим делам, — слабо пожал я плечами. И, посмотрев на её хмурое лицо, добавил: — И спасибо, что не оставила в городе.

— Не пристало благородному человеку бросать своих вассалов в сложной ситуации! — заученно ответила она, явно думая о чём-то своём.

— Вассалов? — опешив, вкрадчиво спросил я.

— А? Нет, извини, — рассеянно отмахнулась аристократка. А после уверенно кивнула своим мыслям и выдала: — Я отправляюсь с тобой в деревню охотников! Много слышала про подобные места, хочю посмотреть своими глазами!

Я только вздохнул и устало спросил:

— На что ты жить-то собираешься? У нас дорого. А тебе даже на нормальный ужин не хватало.

— Продам украшения. Я взяла с собой кое-что, но продавать по пути боялась. Не на постоянных дворах же предлагать? Хотела попробовать в городе, но не успела. У вас есть, кому подобное купить?

— Найду, — кивнул я и попросил: — Принеси воды пожалуйста.

Она кивнула и вышла, а я вздохнул и тихо прошептал на русском:

— И нахрена, спрашивается, я на это всё подписался?

Но хоть ужином меня накормили плотным, так что восстановление пошло намного быстрее. Проснувшись утром, я поморщился и начал разматывать тряпки на себе, отдирая присохшую сукровицу. На той стороне комнаты раздалась возня и на меня из-под одеяла уставились заспанные глазищи. Некоторое время она непонимающе смотрела, что я делаю, а потом выпрямилась на кровати, откидывая одеяло, и громко воскликнула:

— Ты что делаешь! Рано же!

Я только хмыкнул и отодрал последнюю тряпицу на груди. На самом деле, уже было даже поздно, раны начали уверенно рубцеваться. Отрезав часть, я рванул одну нить, и зашипел от боли, когда она вышла наружу.

— Не трогай! Я сама уберу, — скривилась она, глядя на меня. — Дай только позавтракать и умыться.

Я предпочёл послушать девушку, а не заниматься самоистязанием. Да и приятно, когда

над тобой работаю женские прохладные ладошки. Даже кажется, что не так уж и больно, особенно если закрыть глаза и не видеть раны.

Зрелище, кстати, мерзкое. Грудь рассечена в нескольких местах, и сейчас это всё вспухло весьма неприглядными рубцами. Дёрнуло болью в ноге, когда Элеонора удалила швы глубокого пореза на бедре. А после потянулась к щеке.

— Аккуратнее, — зашипел я, когда она рывком вытащила часть нитки.

— Терпи, это последняя!

Стрельнула боль и во рту появился привкус крови, а девушка отбросила кусок нитки в кучу таких же. Я же, насладившись пару минут уходящей боли, перевернулся на бок и спустил ноги с кровати.

А после аккуратно поднялся на ноги. Постояв пару минут, скосил взгляд на раны. Вроде нормально. Уже свободнее, под бдительным взглядом аристократки, завернулся в одеяло на манер тоги и сделал первый шаг.

На удивление, чувствовал я себя довольно хорошо и до колодца дошёл без проблем. Разве что хозяин постоянного двора проводил меня удивлённым взглядом. А там я отложил одеяло и с удовольствием обрушил на себя первое ведро ледяной воды, начиная смывать с тела коросту, остатки грязи и крови.

Ушло несколько вёдер, но я чувствовал себя, как будто заново родился. И только Элеонора отворачивалась в сторону, пряча покрасневшие щёки. Что поделать, вся моя одежда пришла в негодность и ополаскиваться пришлось в трусах.

Завернувшись в одеяло, я сел на ступеньки и расслабленно выдохнул. Раны ныли, но на свежем воздухе стало полегче. Дрогнуло дерево ступеньки и рядом села аристократка. В брошенном ей на меня взгляде была жалость.

— Прости. Эти страшные раны, они из-за меня.

— Угу, — равнодушно кивнул я и почесал грудь.

— Тебе что, это не важно? — недоумённо спросила девушка.

— Чешется.

— Я серьёзно спрашиваю!

— Внешность, это наименьшая проблема из того, что меня волнует. Просто ещё один повод активнее изучать целительскую магию в будущем.

— Ты хочешь стать целителем? — недоверчиво спросила она, окинув взглядом ту грудку мышц, что я вырастил тренировками.

— Не-а. Не имею особой склонности. Но иначе я лет через десять помру или уйду в лес и превращусь в животное.

Она замолчала, явно не зная, что сказать. Я же, проговорив это вслух, понял, что в реальности меня не особо интересует подобная профессия. Мне ведь понравилось ходить по краю, сражаться, много зарабатывать одним рывком на пределе сил. Авантюры? Да сколько угодно, пока за это хорошо платят.

Окинув взглядом девушку, я усмехнулся. У меня было время вспомнить всё, что я читал про семью бывшего императора. Больше двухсот лет их род отодвигали всё дальше от власти и столицы. Пока они не осели на краю королевства на маленьком куске земли, по размерам сравнимым с крупным баронством. Не удивлюсь, если «графством», которым повелевает девушка, является территория деревушки или села. Такой вот странный казус в местном аристократическом делопроизводстве.

Да, у них действительно есть родственные связи с островитянами. Просто потому, что

те повёрнутые на традициях. Сказано: «жену из семьи императоров»? Значит будут следовать буквально. И плевать, что семья давно не правит. Такая вот принцесса для попаданца.

Я рассмеялся вслух от пришедшей в голову мысли и, на недоумённый взгляд девушки, легко отмахнулся рукой.

В конце концов, какой попаданец — такая и принцесса!

Мне всё же выдали безразмерные штаны и рубаху из грубой дерюги, старые, многократно штопаные. Хотя что-то нашлось в этой придорожной гостинице, что жадный хозяин был готов отдать, так что я больше не смущал попутчицу голыми телесами. Плотно покушав вечером, на следующее утро я уже чувствовал себя, в целом, нормально.

Поверхностные раны зарастают очень быстро, я больше переживаю за сломанные рёбра. Но при дыхании больше ничего не болело и, наверное, можно было бы потихоньку выдвигаться домой.

— Ты точно уверен, что мы можем ехать? — в последний раз спросила меня сидящая на лошади девушка.

— Да. Зарастёт по дороге, — лениво, уже далеко не в первый раз, ответил я.

И, подхватив её недоверчиво косящую на меня лошадку за вожжи, повёл с постоялого двора. Чем быстрее будем дома — тем лучше. Кто знает, кто за ней ещё может прийти? А без брони мне что-то больше сражаться не хочется. Одного раза хватило.

— Скажи, какие они, заражённые земли? — с любопытством поинтересовалась девушка, как только мы вышли на дорогу.

— Очень тихий лес. Нет птиц, мелкой живности, почти нет обычных насекомых. Но чем дальше, тем опаснее. А через несколько дневных переходов обычный человек там и вовсе не выживет и часа.

— Там и правда такие опасные монстры?

— Самые страшные — это созданные ещё до катастрофы кадавры и бывшие разумные. Остальное, в целом, терпимо. Сильнее, злее, могут нападать просто так, но, в целом, обычные животные.

— А ещё говорят, что там можно заработать огромные деньги, это правда?

— Что ты считаешь огромными? — поинтересовался я, желая больше узнать, как и чем живут местные аристократы.

— Серебряную монету в день? — задумавшись, предположила Элеонора.

— Ты считаешь это огромными деньгами? — с удивлением поднял глаза я на сидящую на лошади девушку.

— Для крестьянина? Конечно! Мы в неурочный год брали столько налога с одной семьи в месяц!

— Простой крестьянин в лесу не выживет, нужно снаряжения на десятки золотых. Не говоря уже про обучение местным условиям, повадкам тварей и изменённой растительности, от которой и будут основные потери, если бросить туда обычных, недавно оторванных от сохи, людей.

— Можно организовать обучение, выдавать снаряжение за деньги во временное пользование и пустить туда сотни человек! Это выгодно! — она азартно выплёскивала приходящие в голову идеи для обогащения местного правителя.

— Что-то наш барон не сильно купается в роскоши, — хмыкнул я.

— Сила привычки, сидит себе на месте и видит везде преграды, а не возможности! — фыркнув, взмахнула она рукой.

— Ну-ну, — покачал я головой.

— Я таких уже много видела, когда папа был жив.

На последней фразе она помрачнела и замолкла, так что следующие несколько минут мы провели в тишине под стук лошадиных копыт и шагов. Я про себя только усмехнулся: наш барон явно не показался мне человеком, который «видит только препятствия». Большое количество народу скорее всего не лучшим образом скажется на безопасности и добыче. Кратно вырастут поставки продовольствия, будет больше караванов. За всё это придётся платить золотом, добываемым из того же леса.

Не говоря уже о том, что потребует расширения деревни и, значит, увеличения баронской дружины на её защиту. Количество неизбежно скажется на качестве, и очередной рейд тварей мы можем и не отбить. Может быть при больших внешних инвестициях... Хотя, с другой стороны, а нужно ли такое большое количество зелий на скверне с их побочными эффектами государству? Не знаю.

Девушку я спросил о другом:

— Что у вас такого произошло, раз ты бросилась в бега? Насколько я читал, ваша семья уже давно не представляла ни для кого опасности.

— Грамотный? — удивлённо подняла бровь Элеонора. — Впрочем, не важно. Моего отца убили, а меня собирались изнасиловать и заставить рожать детей, для того, чтобы их потом использовать в своих политических играх.

— Бог ты мой, зачем?! — удивлённо воскликнул я. — Это же глупо! Не проще было посвататься и сделать всё как все нормальные люди?

— Я не знаю! — окрысилась она. — Я слышала только то, что мне сказал отец перед тем, как умереть от яда. Что нужно бежать и лучше умереть, чем попасть в плен. Это всё, что я знаю, понял, ты, тупая деревенщина?!

На последних словах она уже кричала, размазывая слезы, а после ударила кобылу пятками и рванула вперёд.

— Женщины... Вот как с ними разговаривать о серьёзных вещах? — тяжело вздохнув, произнёс я вслух и неспешно зашагал дальше. Пришлось пройти почти час, прежде чем я не увидел лошадь и сидящую рядом на траве девушку.

— И что ты хочешь ещё узнать? — зло сплюнула слова она, подняв на меня покрасневшие от слёз глаза.

— Ничего. Есть давай, — коротко ответил я, начиная заниматься костром.

Немного сушёного мяса, крупа — вот и вся наша сегодняшняя еда. Большое трактирщик нам выдавать отказался, алчно посматривая на остальные украшения девушки. Честно говоря, в тот момент мне хотелось дать ему в бубен и просто взять всё, что нужно. Неприятное зрелище. Да и ценного там не оставалось. Самое дорогое — это браслет, который она уже отдала.

Тем временем на костре начала закипать вода в котелке. Закинув крупу и мясо, я стал ждать, поглядывая, как аристократка ухаживает за своей лошадью: осмотрела копыта и даже сняла седло, давая животинке отдохнуть и проветриться. А после, по-прежнему зло поглядывая на меня, заняла место у костра.

Не реагируя на её недовольство, подсыпал соли и стал спокойно помешивать кашу. Мы в пути всего ничего, а я уже успел от неё устать. Что дальше-то будет, если и правда придётся её сопровождать за тысячи километров?

Пока трещали угольки в костре, выкипали остатки воды в котелке, рядом спокойно щипала траву её кобыла. Девушка достала свою миску и ложку, гипнотизируя зелёными глазищами котелок. Я откинулся назад, упираясь локтями в землю, и поднял взгляд на

хмурое облачное небо. О лоб разбилась первая капелька начинающегося дождя и, тяжело вздохнув, начал переносить собранный хворост и угли под раскидистое дерево неподалёку. Через минуту туда же, спасаясь от дождя, перешла и Элеонора.

Как раз дошла каша, и, отложив в её миску порцию, я стал кушать прямо из котелка. Хорошо хоть подобные походные мелочи есть у девушки, иначе бы точно пришлось ещё что-то продавать. Или применять силу. Дорога стремительно размокала, так что после того, как мы поели, прошёлся по округе, собрал ещё хвороста да срубил себе веток и травы на лежанку. Сегодня дальше отправляться я не собирался.

Шумел дождь по кроне дерева, плясало пламя костра. А мы, поев, сидели, смотря в огонь и думая о своём. Она, наверное, о своём отце, я же беспокоился о ловушках и проторенной тропе в лесу. Несколько дней не проверял, как бы там не случилось чего, а то, глядишь, приготовленные ночные стоянки станут слишком опасными для нас же.

Достаточно ведь попасться крупному зверю, и мой пояс ловушек станет непроходимым и для нас самих.

— Сколько будет стоить нанять отряд наёмников, чтобы меня сопроводили до островов? — нарушила тишину аристократка, плотнее закутываясь в своё одеяло.

— Я не наёмник. Без понятия, — ответил, пошевелив веткой угли.

— Пятьдесят золотых? Сто? Двести? — продолжала она стоять на своём.

— Да тебе тогда будет безопасней попробовать к какому-нибудь торговому обозу прибиться, чем доверять свою жизнь непонятно кому. Или и вовсе попробовать в одиночку проскочить. Сюда же ты попала.

— У меня были с собой припасы, я останавливалась в постоянных дворах всего несколько раз, остальное время старалась вообще ни с кем не встречаться и обходить города. Но овёс для Колючки кончился, как и деньги. Пришлось заехать.

— А почему ты не отправилась из ваших портов? Зачем было стремиться сюда, в чужое королевство? Сколько ты в пути провела? Месяц?

— Отец сказал, чтобы я даже не думала соваться туда — сразу скрутят.

Я только кивнул и продолжил смотреть в огонь. Холодало. Но никакого одеяла у меня не было, только охапка пушистых веток, которой я собирался прикрыться, когда буду засыпать. Подул ветер и в лицо бросило капли дождя. Передёрнув плечами, я начал глубже закапываться в свою подстилку, жалея, что нет хоть какого-нибудь одеяла.

Денег жалко стало, хоть не своих. Да и то, что я это расстояние пробежал за день, немного подвело восприятие расстояния, не подумал, что в компании это будет несравнимо дольше, вот и мучаюсь теперь. Впрочем, я подкинул ещё дров и, пока тепло, задремал.

Проснулся уже с восходом солнца, когда костёр окончательно прогорел. Видимо, попутчица долго не ложилась и подкидывала дров всю ночь, оберегая тепло. А сейчас сопела, завернувшись в одеяло. Поёжившись, я подбросил последний хворост и отправился умываться к роднику.

Плеснув ледяной водой в лицо, попил, сложив руки ковшиком. Сходил за котелком, отмыл его от остатков вчерашней каши, наполнил водой заново и поставил на костёр. Затем, отойдя подальше в лес, выломал себе длинный шест и, пока грелась вода, устроил короткую тренировку, внимательно следя за своими ранами.

Всё зажило. Иногда ещё чувствовались неприятные ощущения при слишком большом напряжении грудных мышц, но завтра уже буду готов к увеличению нагрузки. Довольно кивнув, отложил посох и занялся завтраком. К сожалению, всё та же каша, что и вчера.

Поставив вариться, достал нож и начал неспешно снимать кору с посоха. Тучи рассеялись и начало припекать солнце, но пока ещё было по-утреннему свежо и промозгло после вчерашнего дождя. Девушку я не будил, пока, ближе к полудню, она сама не проснулась.

Заразительно зевнув, Элеонора выбралась из-под одеяла и, махнув рукой что-то, изображающее приветствие, отправилась к роднику. Я же, придирчиво осмотрев посох, крутнул его пару раз в воздухе. Вроде нормально, гладко. Можно заточить кончик, но особого смысла в этом нет. Если я кого ударю этой оглоблей, то рёбра и так сломаю.

Тем временем вернулась девушка и, усевшись на лежащее у костра седло, подгрестила к себе подогретую кашу. Скривившись от вида и запаха надоевшего блюда, всё же бросила:

— Спасибо.

И активно заработала ложкой, вычищая котелок. Доев половину, она оставила посуду и буркнула:

— Не хочу больше, надоело одно и то же есть, сил нет! Мы можем как-то ускориться? Иначе так мы ещё две недели добираться до твоей деревни будем.

— За-а-автра, — протяжно зевнул я. — Но если хочешь, можешь ускориться, я потом тебя догоню.

— Каким образом? — недоверчиво нахмурилась она. — Колючка у меня резвая и выносливая.

Хмыкнув, почесал шрам на щеке и, пожав плечами, ответил:

— Я до города за день добежал — бытие мутантом скверны имеет свои плюсы.

Она только покачала головой и начала седлать свою лошадку. Но от сборов нас отвлек раздавшийся стук копыт от дороги, а через пару секунд показался всадник. Молодой парень, отчаянно рыжий и даже с веснушками. Я аж фыркнул от смеха, увидев такой яркий и редкий типаж внешности.

— Ещё один, — тоскливо протянул парень, останавливая лошадь и спрыгивая на землю. — Скажите лучше, деревня охотников впереди? Я всё правильно еду?

— Тут одна дорога, сложно ошибиться, — фыркнула Элеонора, которая тоже не могла смотреть на внешность парня без улыбки.

— Когда я спросил хозяина гостиницы, он только что-то прошипел и махнул куда-то в эту сторону. Мерзкий тип.

— Точно! Жадный, глазёнками сальными так и раздевает, — согласилась с ним девушка и быстро спросила: — Ты студент?

— Последний год обучения. Академия Алхимии и Магии славного города Канта, леди! — единым махом выпалил студент, попутно поклонившись. — Еду на практику к магистру Ингельвину.

— Практику? К старику? — нахмурился я.

— Ты знаешь магистра? — бросил на меня удивлённый взгляд рыжий.

— У нас в деревне все его знают.

— Так ты оттуда? Хорошо! Какой он? Меня отправил наш декан, сказал, что такой шанс выпадает один раз в жизни. Мне даже довольствие на дорогу выделили с учётом, что я потом отработаю! Строгий? Сильно гоняет? У вас много работы там? Ты был в лесу?

— Помедленнее, — поднял я руку, пытаюсь остановить и осмыслить этот поток вопросов.

Парень своей непосредственностью и обаянием сразу располагал к себе. Так что я

вздыхнул и начал отвечать на вопросы:

— Преподаватель он хороший, когда у него настроение есть, разумеется. Работы много, в лесу был.

— О! Монстры скверны и правда такие опасные, как говорят? Ты охотник?

— Да. На оба вопроса, — кивнул я и, усмехнувшись, добавил: — Если ты студент последнего года, то должен хорошо представлять, что такое скверна и что она может.

— Непосредственно с «материалом» мы не работаем, только вытяжки и экстракты, — отмахнулся рыжий. — И раз вы, видимо, в деревню идёте, можно мне с вами?

Прежде чем ответить, я оглядел парня повнимательней, прислушался к своему ощущению скверны. Заразы не учуял, но было что-то другое. Странное, почти неуловимое. Но знакомое.

— Ты маг? — недоверчиво спросил, оглядывая его дешёвую одежду из простой холстины и затрапезную лошадку. Богатым парнишка явно не выглядел.

Парень посерьёзней, прищурился, а в следующую секунду отпрыгнул от меня на пару шагов назад, воскликнув:

— Твою мать!

— Значит, маг, — довольно усмехнулся я.

— Мужик, в тебе заразы на троих! Ты как жив ещё вообще?! — недоверчиво воскликнул он, со страхом смотря на меня.

— Всё пущено на благое дело, — произнёс я, сгибая руку и демонстрируя бицепс.

— Как будто оно того стоит, — фыркнул парень. И, сделав резкий шаг вперёд, протянул руку и представился: — Мартин.

— Бьерн, — ответил я, аккуратно пожимая ладонь.

— Элеонора, — раздался рядом звонкий голос девушки, про которую я умудрился забыть.

— Почту за честь быть знакомым с вами, леди, — поклонился девушке студент, прижимая руку к сердцу. А после, повернувшись ко мне, попросил: — Покажи, где тут родник, пожалуйста. Мне нужно напоить лошадь. Вы же собираетесь в путь?

— Пойдём, — только и вздохнул я.

Похоже, этот парень везде своим станет, раз даже девушка, хоть и демонстративно фыркает, но его восхищённые взгляды ей явно приятны. Так что, пока она седлала Колючку, попросив меня помочь с тяжёлым седлом, парень успел напоить лошадь, наполнить фляги и просто отдохнуть несколько минут, сидя на траве. Но, всё же, в итоге мы пустились в путь уже втроём.

— Как так получилось, что такое количество скверны не имеет внешних мутаций? — раздался вопрос, не успели мы пройти и километра.

— Везение. Я оказался заражён при травме и воздействие сложилось с заживляющим зельем. А дальше я много тренировался, скверна адаптировалась и к восстановлению, подключилось физическое усиление. Я сжигаю все излишки с относительной пользой для себя.

— Ну да, массы тела много, но всё равно это уже за гранью срыва. Ты должен был давно потерять разум, — продолжал допытываться парень.

— Терял, — пожал я плечами. — Просто нашлось, кому меня остановить.

— Удивительный случай! — азартно всплеснув руками, воскликнул Мартин. — Я встречал гвардейцев, проходящих курс зелий после отката, но там даже на пике формы и

близко не было твоих объёмов заражения, а уже наблюдались изменения в поведении!

— Ну пугай девушку, — вздохнул я, отметив брошенный её на меня взгляд.

— Ой, простите! — повернувшись к ней, горячо произнёс рыжий. — Но это действительно необычно! Странные сны, повышенная тревожность, вспыльчивость неизбежно должны были начаться.

— Хватит, — жёстко произнёс я.

— Да нет, пусть продолжает. И чем это должно в итоге грозить? — прищурилась аристократка.

— Если срываются, то убегают ближе к скверне, попутно сходят с ума. Но чаще, всё же, просто позволяют запереть себя в каком-нибудь крепком подвале и там, потихоньку, очищаются. В любом случае, после отката требуется довольно дорогое лечение. А в запущенных случаях человек и вовсе превращается в развалину.

— А в таком? — кивнула она на меня.

— Тут вообще нельзя до конца выводить заразу, а если и получится, то жить нормально он уже и не сможет, да и недолго это будет.

— Всё сказал? — зло сплюнул слова я, пытаюсь задавить подступающее бешенство.

Рука до дрожи стиснула посох, очень хотелось пустить его по назначению. Одного удара хватит, чтобы снести рыжего парня с коня, оставив хрипящий кровью изломанный кусок мяса валяться на дороге. Изнутри пошло тёплое ощущение мощи, готовой сокрушить любого врага.

— Хватит ругаться! — раздался уверенный приказ.

— Иначе что? — поднял я глаза на эту жалкую соплю, которая думает, что смеет приказывать Мне!

— Нора, беги! — раздался крик парня, а мне в лицо полетела фляга.

Флягу я поймал. И повернулся к рыжему парню, пытающемуся меня оттеснить лошадьё.

— Да беги же, дура!!! — продолжал надрываться Мартин, выхватив нож и взмахивая у меня перед лицом.

Бесит. Взмах левой и, поймав его за руку, я вырвал тело из седла, бросив на дорогу перед собой, отбросив нож в другую сторону. А после наступил на грудь, став медленно усиливать нажатие, азартно предвкушая хруст костей.

Он схватил меня за ногу, пытаюсь убрать её с груди, выпучил на меня безумные испуганные глаза. Но ему повезло, я сдвинулся в сторону, спасаясь от пытающейся сбить меня лошадьё дуры.

Усмехнувшись, я взмахнул рукой, подхватывая её за живот, и брюнетка вылетела из седла, потеряв один сапог, оставшийся в стремени. Рухнула рядом с рыжим, свернувшись калачиком на земле, безмолвно разевая губы и пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха.

Я стоял, смотря на червей, копошащихся на земле. Презрительно сжал губы, сплюнул, развернулся и побежал. Всё быстрее и быстрее, не сдерживая силу, пытаюсь выплеснуть движением жажду битвы и ярость.

Отпускать меня начало уже на полпути к деревне. А увидев небольшую речку, влетел в неё и рухнул в мелкие воды, тяжело и хрипло дыша.

— Да что же такое-то?! — выкрикнул я в небо, как только немного отдышался. — Я же их чуть не порешил. Просто так.

Зашипев, перевернулся и, вдохнув, погрузил голову в воду. Охладив голову пару минут,

вылез на берег и лёг на траву. Душу рвали на части стыд, бешенство и страх. Я мало общаюсь с людьми, особенно с посторонними. А деревенские, оказывается, прекрасно знают, как разговаривать с такими, как я.

Не замечал, точнее, не обращал внимания. Но даже дежурные на воротах, независимо от того, солдаты или просто местные парни, разговаривают со мной подчёркнуто вежливо и спокойно. Наверное, так с психами в психушке общаются. Не был, не знаю. Но было бы логично.

Ещё раз выполнив нехитрую дыхательную гимнастику, я перевёл взгляд на ноги, где болтались обрывки моих тренировочных лёгких сапог. Забега они не выдержали. Сняв остатки, я критично осмотрел бывшую обувку, но выкидывать не стал. Починить будет дешевле покупки новых.

Выпил воды и, наполнив флягу, побежал дальше. Быстро, не пытаясь сдерживаться, так что через несколько часов впереди показалась стена деревни. Сбросив скорость, пошёл спокойным шагом, предчувствуя неудобные дурацкие вопросы, на которые сейчас совершенно не хотелось отвечать.

Но мне повезло, на воротах стоял Натан. Встретив мой злой взгляд и пройдясь глазами по разрубленной щеке и виднеющиеся в вырезе рубахи шрамам, он открыл створку и осторожно произнёс:

— Покажись магистру, как отдохнёшь.

Благодарно кивнув, я прошёл внутрь. Через минуту оказался дома и упорно смывал с себя грязь и пот, в душе. Под холодной водой из колодца, ничего толком не ототрёшь, а тут у меня и мыло есть. Вымывшись, в свежей, чистой одежде я сидел и пил чай, постукивая пальцами по столу.

В голове проносились разные мысли, преимущественно тяжёлые. Грызли переживания об оставленных на тракте людях, но, если точно помню, тяжёлых повреждений я никому не нанёс. Справятся.

Залпом допив чай, я сполоснул кружку и упал на кровать. Немного побаливала грудь, не стоило всё же так рано давать такие нагрузки. Впрочем, завтра всё будет нормально. А пока, несмотря на усталость, уснуть не выходило, так что просто лежал в темноте, смотря в потолок.

Что делать дальше? Кому молиться в этом мире, чтобы уберёг, дал хоть немного пожить нормально? Не тварью скверны, но и не дряхлой развалиной, пускающей слюни? Как принято тут, всем мёртвым богам? Господу? А с другой стороны, посмотрим. Пока живу — барахтаюсь.

Но главное завтра всё же сбегать извиниться перед смелой дурой и рыжим идиотом, решившим щегольнуть знаниями, увидев симпатичную мордашку и фигурку. А там проведу магистра в лес и обратно да начну с его помощью заниматься здоровьем.

Хотя, одно мне всё же не давало покоя. Зачем старику практикант прямо сейчас, перед тем, как мы должны отправиться в рейд?

Неужели старик решил, что мне в жизни мало геморроя? И нужно добавить ещё больше жогова?

— Что значит — мне придётся вести двоих? А раньше предупредить? У меня все припасы на стоянках на двоих предназначены, лежанки подготовлены, запас воды! Какого хрена, магистр? Так дела не делаются! И вообще, когда вы собирались мне об этом сказать?

— Вот как он приехал, так бы ты и узнал. Я просто написал письмо знакомому, это уже его инициатива, — равнодушно ответил сидящий в кресле старик. — Учти, сроки никуда не делись. До выхода меньше недели.

— Да вы издеваетесь? — простонал я, взявшись за голову. — Он же в лесу никогда не был!

— Своди. Успеешь ещё, — пожал плечами магистр. И кивнул на стол, где лежал знакомый кошель. — Тут твои деньги за активацию ядра, забери обратно. И я добавил немного сверху на оборудование стоянок.

Я пожевал губу и, вздохнув, подхватил деньги. Тут ловить уже нечего, мне придётся начинать работать прямо сегодня. Времени, чтобы проводить в деревню студента с аристократкой, мне никто не оставил.

— Хорошо. Я пойду, работать нужно.

— Иди, — безразлично махнул рукой старик, но в последний момент, добавил: — И да, возьми там в прихожей мешок, его нужно переправить на последнюю стоянку, это кварцевый песок для рунных контуров.

Скрипнув зубами, я спустился вниз, уставившись на огромный мешок. Поднял. Закинул на плечо. И начал тихо материться, выходя из дома магистра. В мешке больше сотни килограмм.

Так, кипя злостью на такое отношение и на весь грёбаный мир, пришёл домой и, бросив песок в сени, начал собираться. Оружие, броня, дополнительные припасы для стоянки. Всё как всегда. Бросив взгляд на песок, достал несколько мешков и начал его пересыпать. Вышло четыре мешка, буду носить потихоньку.

Калитка. Городские ворота. Лес. И бегом. Несколько километров по привычной тропе немного прочистили сознание. Но окончательно меня добил свист спор серебрянки, заставивший прикрыть рукой лицо и покатиться по земле, чувствуя удары спор о доспехи.

Оскалившись, метнул копьё в растение, заставив его выстрелить остальные колючки.

— Премию Дарвина мне! — сплюнул, осматривая доспехи и снаряжение на предмет засевших спор.

Вырвав несколько из мешка позади, удостоверился, что всё чисто. После подошёл ближе к растению и начал вырезать куски. Хоть денег немного заработаю на своей невнимательности. Закончив, отошёл в сторону, где, сев на поваленное дерево, начал глубоко дышать.

Нервы, внимание, всё ни к чёрту стало. Бегу, как будто в цивилизных землях. Вдох. Выдох. Вдо-о-ох. Медленный выдох. Концентрация на скверне, на ветерке и несомых им запахах, на шуме леса вокруг. Вдох. Выдох. Повторить. Расслабиться и никуда не спешить. Сейчас это главное.

Через десяток минут я поднялся и спокойным шагом пошёл вперёд. Будем зачищать тропу заново. Осторожно, методично, километр за километром, стал уничтожать искажённую растительность, освобождать заросшие проходы в зарослях, проверять округу на

появление новых монстров.

Дошёл до первой лёжки, осмотрел ловушки, добавил припасов и сделал ещё одну лежанку. Бросил тут же мешок с песком и, проведав ещё несколько километров дороги, отправился домой.

На следующий день проверил дорогу уже до второго поста и дотащил ещё два мешка. Устал, как собака, но времени особо не было. Скверна в теле стала ещё сильнее, благодаря чему со сном опять начались проблемы.

Я таскал песок, махал тесаком среди зарослей и медленно, но верно зверел. Взял себе традицию перед сном проводить час на речке, лёжа на дне. Это помогало, давало хоть немного подремать перед тем, как начинались кошмары.

На шестой день, когда я вернулся с речки, меня возле дома ждала знакомая лошадка, рядом с которой, сидя на свёрнутом одеяле, сидела Элеонора.

— Ты очень плохо выглядишь, — были первые слова, которые она мне сказала, как только увидела.

— Знаю, — пытаюсь сохранять спокойствие, ответил я.

Походы на дальнюю стоянку мне даром не проходят. Иногда приходится сражаться, да и просто нахождение в настолько насыщенном общем фоне даёт эффект. Под кожей, потихоньку, начинает проступать чернота. И я уже чётко понимаю, если после этого похода не выведу эту заразу из организма — сорвусь.

Сила воли и мотивация значения особо не имеют, я даже не пойму, как это происходит. Что, собственно, уже и было раньше. Но сейчас я смерил стоящую напротив девушку и буркнул, унимая злость:

— Извини за то, что было на дороге.

— Мне Мартин все уши проел, какая я дура и чем это могло кончиться, — невесело усмехнулась она.

— Так прямо и сказал? — поднял я бровь.

Не верилось, что рыжий, кроме как в бою, сможет подобное выговаривать красивой девушке, ещё и аристократке.

— О, там было много вежливых и красивых слов, но все они в итоге сводились к одному.

Я понимающе покивал головой, и спросил:

— Зачем пришла? Думаю, поняла уже, что помочь тебе в путешествии на острова я не смогу.

Она оглянулась вокруг и спросила:

— Мы зайдём внутрь или так и будем на улице стоять?

Смерив взглядом привязанную к забору Колючку, я открыл калитку и провёл гостью в дом.

— У тебя уютно. И чисто, — произнесла она, смотря, как я снимаю сапоги в сенях и, закинув портянки в корзину, одеваю тапочки.

А я действительно потихоньку обрастаю барахлом. Стены обзавелись полками, на которых стояли книги. Появился шкаф, другая мебель, полы стали украшать коврики, как и стены. Возле печки появилась утварь, стол для готовки, полки с продуктами. Мне уже давно не нужно экономить на бытовых мелочах.

— Разувайся, — предупредил я, показывая на гостевые тапки. А сам пошёл разводить огонь в печи.

Она бросила на меня недовольный взгляд, но послушно начала снимать сапоги, пока я суетился с огнём и ставил чайник.

Аристократка усмехнулась, бросив взгляд на мою огромную кровать и, пройдя в комнату, села за стол. А там удивилась ещё раз, с этого ракурса увидев книжные полки на стене. Встала и заинтересованно подошла ближе, осматривая корешки.

— Это продолжение «О том, как меня приручили драконы»? — с любопытством спросила она, вынимая один том.

— Угу.

— «И о том, как я приручил драконов», — прочитала она название. — Удивительно, я и не знала, что оно уже написано.

— Привезли десять дней назад. И это самый первый тираж, там даже подпись автора есть, — гордо усмехнулся я.

Она открыла книгу на развороте и, найдя там подпись, бросила в меня полный зависти взгляд. Не хватало только буржуем обозвать для комплекта. Может, это было бы верно отчасти, книга стоила больше золотого, уж слишком много посредников оказалось, да и срочность доставки. Но, чем себя тут ещё радовать?

— Денег, я смотрю, ты не жалеешь... — протянула она, посмотрев на меня так, как будто впервые увидела.

— Я хожу очень глубоко в лес, — пожал я плечами. — Так всё же, зачем приехала?

— Ты сказал, что сможешь мне продать украшения. А других знакомых, которым я могу хоть немного доверять, у меня нет.

— Помогу, раз уж вписался, — вздохнул, прикидывая, к кому обратиться.

Магистр разбирается в камнях, кузнец и сам делает немного ювелирку под настроение, оценить — точно оценят. А там ждать большого торга, если очень дорогой товар. А в случае чего попроще — продать местным. Можно даже в небольшую рассрочку, это не страшно.

— Что у тебя есть?

Она замялась, но в итоге попросила:

— Отвернись.

Я развернулся, слушая, как она зашуршала одеждой, снимая куртку. Потом подняла рубашку, где у неё было что-то вроде толика с прикреплённым к нему плоским свёртком, уходящим на живот. Она стала возиться, распаковывая свёрток и что-то там разыскивая.

Откуда я всё это знаю? Ну, у меня есть прекрасно начищенный котёл, в котором можно рассмотреть неплохое отражение. Так что, когда она закончила и разрешила повернуться, у меня возник ряд подозрений...

Она выложила на стол золотой браслет с мелкими камнями, несколько серёжек и медальон. Мельком осмотрев ассортимент, особо крупных камней или прямо невозможно крутой работы, на мой несведущий взгляд, я не увидел. Но продолжил сидеть, молча смотря на начавшую нервничать девушку.

— Это не всё.

— Тут то, что я могу продать!

Она сказала это гордо, с уверенностью и отчаянием девушки, только недавно пытавшейся воткнуть себе нож в горло. Но мне, если честно сейчас не до её чувств. Так что я сухо произнёс:

— Девочка, не зли меня. Я уже знаю, что такое быть порубленным на куски. Из-за тебя, между прочим. Повторения я не хочу. Или мне тебя силой раздеть?

Она скрипнула зубами и, под моим немигающим взглядом, залезла под рубашку, вытащив, видимо, уже не столь хорошо закреплённый свёрток. А после, молча, развернула кусок кожи на столе.

Вот это сразу было видно, вещь! Диадема с несколькими подвесками, большие, очень красивые камни, ажурное, немного потемневшее серебро. Скорее всего, изделие ещё имперских времён. Правда, где-то я подобное уже видел.

— Женская корона императорского дома, — подтвердила мои худшие опасения брюнетка. — Если хочешь отнять, то сразу убей.

— И ты с этим вот под сиськами отправилась в путешествие? — недоверчиво спросил я, не веря в подобный идиотизм.

— От нас остались только я и тётя! Я должна была доставить это на острова!

— А закопать и потом вернуться вместе с отрядом с островов? Нет?

— А если меня убьют? Так оно и сгниёт в земле? Не годится!

Я поставил локти на стол, потёр виски, глядя на проблему передо мной. На обе проблемы. Такие вещи, как я понимаю, адекватной цены не имеют. Но блин... Мне-то что с этого всего? Да, чёрт, зачем я вообще в это всё влез!

— Убери, — махнул я рукой на диадему.

— Теперь понимаешь, что это не для продажи? — упаковывая свёрток, горячо произнесла девушка.

— Ты нахрена такая на мою голову свалилась? — тоскливо произнёс я. — У меня и так проблем навалом.

— Ты помоги продать вещи, я уеду, попробую добраться до островов!

Смотрел я на неё, на свёрток, лежащий на столе, и понимал только одну вещь. Нет. Не доберётся. До порта может быть, но там нужно сесть на корабль, доплыть несколько сотен километров до островов, а после добраться до столицы. В одиночку, молодой и красивой девушке, с деньгами в кармане... Не говоря уже о диадеме, из-за которой она везде будет нервничать, что опытными людьми срисовывается на раз.

Диадему можно и оставить, спрятав в одном из моих тайников. Так ей будет полегче. Но всё равно... Поморщившись, я почесал шрам на щеке. Как там оно: «Мы в ответе за тех, кого приручили»? Да? И делать-то что?

Что я вообще могу? Оставить её подождать, пока вернусь из экспедиции. Взять пару дней, довести на своих плечах до порта и посадить на корабль. Но я совершенно не знаю текущую обстановку на островах. Она приедет в первый крупный город и, даже если ей поверят, что она та, кто есть, не факт, что её уже там не ждут преследователи или девушка не станет пешкой в игре местных князьков.

Так что если везти, то до конца, передав на руки тётке. Можно собрать ватагу охотников и отправить с ними. Стоить это будет очень дорого, мы продадим её украшения, я выскребу все заначки и хотя бы на задаток точно хватит. Но стоит ли сейчас суетиться?

Откинувшись на спинку стула, я постучал пальцами по столу, обдумывая решение. Нет смысла сейчас гнать горячку. Да, она, конечно, крайне не вовремя свалилась мне на голову, но ситуация не горит.

Скрипнул стул, когда я встал, и, подойдя к печке, вытащил один из кирпичей позади. Достал пригоршню серебра и, закрыв тайник, вернулся к столу, где аккуратно выложил денежку в стопку.

— Это тебе на гостиницу, на конюшню и овёс для твоей Колючки. Завтра будем

разбираться с драгоценностями.

Она сжала губы, смотря на деньги. Гордая всё же.

— Продадим украшения, отдашь, — добавил я.

Только тогда она сгребла деньги, засунув их в небольшой кошель на поясе, и негромко поблагодарила:

— Спасибо. А что с моим путешествием?

— Вернусь домой и отправимся. Сама ты не доедешь.

— Сюда же я добралась! — не преминула напомнить Элеонора.

— Чудом. И тем, что просто не заходила в города.

Она недовольно поморщилась, но спорить со мной не стала. Я же, слыша закипающий чайник, встал и начал заваривать чай, добавив:

— Ты же хотела посмотреть, как тут люди живут?

Нора усмехнулась, посмотрела на мою книжную полку и, мягко добавив нежности и хрипотцы в голос, поинтересовалась:

— Ты не знаешь, кто тут комнаты сдаёт не по гостиничным ценам?

— Дайте воды напиться, так есть охота, что аж переночевать негде, — рассмеялся, озвучив старую шутку. — Мансарда свободна, просто приведи в порядок. Но Колючку — на конюшню в трактире.

Она непонимающе нахмурилась и спросила:

— Зачем? У тебя мало места?

— Не люблю, когда во дворе воняет дерьмом. Не люблю насекомых, крыс и мышей. Так что нет — никаких лошадей у меня на участке.

— Ну ладно... — протянула она, бросив в мою сторону задумчивый взгляд.

Я же, наконец, начал разливать чай по сервизу. Между прочим, из отличной белой глины. Не фарфор, конечно, но всё равно красивая вещь. Поставил мёд, сахарницу, достал баранки, всё как полагается.

Бросив взгляд, как я насыпаю сахар в кружку, она удивлённо подняла бровь и поинтересовалась:

— Какой титул был у твоего отца?

Я аж закашлялся, когда от удивления поперхнулся чаем. И, отдышавшись, поинтересовался:

— Что? Титул?

— Ну да, ты же благородный, верно? Я сначала не поняла, ты мало при мне с посторонними людьми общался, хотя некая отстранённость проскальзывает. Но вот вижу, как ты живёшь, а уж вот это, — она указала пальцем на сахарницу, — и вовсе показатель.

— Да чем тебя сахар не устроил? — удивлённо спросил я. — К нам торговцы что только не привозят!

Хотя на самом деле я заказывал его специально, товар в наших широтах не широко известный. Мне ещё и кофе везут, но когда оно будет и сколько выйдет не очень понятно.

— Ну да, так же, как и напиток, — показала она на кружку в своей руке. — Чтобы всё это покупать, нужно уже распробовать и привыкнуть. А уж если окажется, что всё это ты специально заказывал...

Она усмехнулась и гордо вскинула нос кверху, явно довольная собственной пронизательностью. Я же потёр затылок и тяжело вздохнул. Хорошо, что я живу один, и гостей у меня особо не бывает. А тут, будем честными, решил выпендриться перед местной

аристократкой, да и просто красивой девочкой, доказать, что и мы не лаптем щи хлебаем. Ох уж эти понты...

Впрочем, что отвечать, я уже давно продумал:

— У товарища старшего попробовал, у меня тут рядом сын графа раньше жил в соседнем доме. А сам я до недавнего времени был местным дурачком, пока не получил по голове и не поймал заражение скверной. Так что нет, попытка проследить моё благородное происхождение никуда не приведёт.

Она сдулась, но бросив взгляд на полки, просияла и воскликнула:

— А книги? Зачем тебе столько книг?

— Мне велели тренировать разум, чтобы не было отката обратно к состоянию дурачка, когда я выведу заразу из тела. А там и привык, — пожал плечами и, усмехнувшись, добавил: — Так что никакой истории о «благородном юноше, оказавшемся охотником в силу трагичной истории» ты не услышишь.

Она фыркнула и, скрывая смущение от ошибки, сделала плоток чая, а затем, прислушавшись к своим ощущениям, вынесла вердикт:

— Вкусно.

— Старался.

— Скажи, а что у тебя за дела такие, что ты готов даже отказаться от тысячи золотых? — полюбопытствовала аристократка, макая баранку в чай.

— Видишь это вот? — я ткнул пальцем в начавшие чернеть вены на тыльной стороне ладони. — Мне нужно выполнить одну работу для старика, к которому рыжий приехал. А потом алхимик поможет с избавлением от скверны и откатом.

— На островах тоже есть лекари...

— Может быть, — согласился я. — Магистр Ингельвин один из самых опытных специалистов в мире, к тому же, знающий всю мою историю.

Она пожевала губу, но, так и не найдя, что возразить спросила другое:

— А сама работа в чём состоит?

— Провести его и Мартина на несколько дневных переходов в глубину леса, — не стал скрывать я.

— А почему с тех пор, как я тебя не видела, ты стал выглядеть так? — кивнула она на мою руку.

— Пробиваю тропу, создаю лагерь для ночёвки. В том числе и в тех местах, где концентрация заразы максимально велика.

— Они не боятся с тобой идти? Ты же... — она вздрогнула и поёжилась, явно вспомнив мой последний срыв.

— Наверное, боятся. Но так далеко их никто не доведёт.

Что, кстати, правда. Со мной не всякий зверь будет связываться, а чутьё скверны таково, что большинство ловушек могу обходить не глядя. Не говоря уже о том, что в возможном бою я буду значительно сильнее чем, несколько обычных людей. Правда, с некоторых пор меня всё это радовать перестало.

— Ладно, допивай, пойду посмотрю, что наверху, — махнул рукой и, выйдя в сени, поднялся в мансарду.

Тут было пыльно, стояли одинокие нары у стены, старый сундук, и в маленькое окошко бил узкий луч света. Хлама тут не было, всё, что было, я давно перебрал и выкинул. Зимой тут немного прохладно, печной трубы явно не хватает для полноценного отопления. Но

внизу есть жаровня с углями, в этом мягком климате подобного хватает.

Сходив к колодцу, я принёс воды, взял в руки тряпку и начал вытирать пыль. Не потому, что так уж хотел угодить девочке, которая внизу начала шуметь сапогами, а потом, предупредив, что ушла в трактир, исчезла. А скорее просто потому, что так положено, пока она гостя, а не постоялец. Протёр, принёс набитый свежей соломой тюфяк, одеяло и подушку.

Закончив, выпрямился и, довольно потеряв ладони, оглядел свои труды. Будем считать это извинением за тот случай на дороге. А там пусть сама следит за порядком и чистотой, будет весело всучить ей тряпку в следующий раз со словами: «Работай, графиня!».

Улыбнувшись этой мысли, я, наконец, принял душ и расслабленно вытянулся на кровати. Завтра надо будет сходить к магистру, вывести его практиканта в лес хотя бы на пару часов, показать опасности. Да и заняться оценкой драгоценностей не помешает.

Я и сам не заметил, как задремал. Всё же пробежал сегодня в полном доспехе больше сотни километров. Снился как всегда лес. Тяжёлое дыхание, мелькающие лапы, страх. Но в итоге сильный удар в спину, треск костей и адская боль.

Дёрнувшись, я проснулся, чувствуя, как исчезают фантомные ощущения и, смахнув испарину со лба, прошептал:

— Это что-то новенькое. Раньше болью меня не соблазняли.

Встал с кровати и вышел во двор, слыша, как наверху раздались шаги, и на лестнице появилась Элеонора. Удивительно, но я умудрился проспать её возвращение. Плохо, в лесу могут быть проблемы с таким крепким сном.

— Ты кричал, — негромко произнесла девушка.

Я пожал плечами и, зевнув, произнёс:

— Не обращай внимания. Пока не начал бегать по деревне с топором в руках — всё нормально.

Копьё жалило, крутилось, разрывая воздух. Воображаемые противники атаковали и парировали. Я же ровно дышал, постепенно взвинчивая скорость. Ещё быстрее. И финальный укол на выдохе.

От выхода из дома на задний двор, где стояла Элеонора, раздались аплодисменты. Поставив тренировочное копье в стойку, я повернулся к девушке и вопросительно поднял бровь.

— Красиво! Когда ты дрался с гвардейцами, рассмотреть ничего не успела. Но сейчас начинаю понимать, почему ты победил.

Я почесал шрамы на груди и ничего не ответил. Рубцы, конечно, потихоньку сходят, чего, насколько я знаю, быть не должно, но до сих пор выглядят жутко. Ей впрочем, хватило даже такого намёка, чтобы замолкнуть и отвести глаза.

Подойдя к колодцу, намотал ворот и, достав ведро, жадно сделал несколько глотков, после чего опрокинул себе на голову. Встряхнув мокрыми волосами, смерил взглядом солнце и отправился на ледник за продуктами.

Солнышко, аромат шашлыка, красивая девочка. Что может быть лучше? Правда, она вытащила из стойки одну из моих тренировочных оглобель, изображающих меч, и, широко размахнувшись, неуклюже попробовала ей взмахнуть несколько раз.

— Тебя не тренировали. И это отлично, — прокомментировал её старания я.

— Папа всегда считал, что, если меня учить, то я получу ложную уверенность. А значит, однажды, вместо того, чтобы бежать, начну сражаться и погибну, — с возмущением произнесла она, убирая деревяшку обратно в стойку.

— Умный человек твой отец, — согласно покивал я.

— Пф, как будто женщина не может победить мужчину, — фыркнула брюнетка.

— Может. Если он не тренирован, желательно, пьян и не держал в руках ничего, тяжелее ложки.

— Да с чего? Какая разница, кто взмахнёт мечом или уколёт копьем? Главное, чтобы научили!

— Распределение мышц, меньшая масса тела, да много чего, — пожал я плечами.

Про гормональную систему, особенности психики и реакции я даже продолжать не стал. Налечу на очередное: «Где это написано и откуда ты это взял?» — оправдывайся потом.

— Женщины быстрее! — продолжала стоять она на своём.

— Ещё скажи, умнее, — хмыкнул я, предсказывая старый, доставший ещё дома, спор.

— И скажу! Вы, мужики, не способны понять тонкостей, вам всё прямым текстом говорить надо!

Тяжело вздохнув, я смерил взглядом эту средневековую феминистку и устало произнёс:

— Согласен!

Набравшая воздуха для продолжения праведной тирады девушка поперхнулась и возмущённо уставилась на меня, немного напоминая сбитую на взлёте птицу, не успевшую оказаться в привычной стихии.

Возмущённо фыркнув, она развернулась и скрылась в доме, наконец, оставив меня наедине с жарящимся мясом. Надрезав один кусочек, попробовал и, удовлетворённо кивнув,

стал снимать деревянные шампуры с огня.

Выложенный камнем мангал — одна из первых вещей, которую я сделал, как только стал зарабатывать достаточно, чтобы позволить себе нормальное мясо. Кто же не любит шашлык? Да и дома печь топить не всегда стоит, особенно летом по жаре.

Гора мяса росла, а на пороге показалась Элеонора с овощами и хлебом в руках. Пропускать подобный завтрак она явно была не намерена. Но мне не жалко, так что несколько минут мы провели в тишине, нарушаемой только звуками небольшого пиршества. Запив всё это холодным морсом, я благодушно откинулся на лавке, привалившись к стене дома.

Тренироваться, работать и суетиться совершенно не хотелось. Напала дремота, и я, ловя момент, отмахнулся от что-то желающей сказать девушки, вытянулся на лавке и задремал. Бессонные ночи дают своё.

На удивление, никакие сны меня не тревожили. Хорошо поспав, проснулся я уже сильно после полудня, наконец, отдохнувший. Довольно зевнув, уселся на лавке, скинув оказавшееся на мне одеяло. Улыбнувшись от подобного проявления заботы, подхватил ткань и неспешно зашёл внутрь дома. Как и ожидал, девушка сидела за столом, склонившись над книгой. Той самой — вторым томом приключений на драконьем острове.

Услышав мои шаги, она вскинулась, рефлекторно закрыв книгу. Ну да, я же ей подобного не разрешал.

— Да читай, не просто же книге стоять на полке? — благодушно произнёс я, трогая чайник на печке.

Как и ожидалось, судя по чашке возле Элеоноры, кипятков есть. Спокойно налил себе чая и, выйдя на улицу, неспешно его выпил. После же, взяв драгоценности на продажу, пошёл к Густаву.

В кузнице было тихо, сам коваль отдыхал на лавочке у входа с кружкой пива в руке.

— Давно тебя не было, пацан. Смотрю, попортили шкуру, — кивнул он на мой шрам на щеке.

— И сильно, — согласился я, присев рядом.

— Оно хоть того стоило?

— Не знаю, Густав. Тогда это казалось простым и понятным, а сейчас обещает ещё больше проблем.

— И конечно это связано с той девкой, что поселилась у тебя дома, — констатировал он.

— Все беды от женщин, — согласился я. — Но, относительно главного, это не так уж и важно.

— Срываешься? — бросив на меня косой взгляд, спросил кузнец.

— Да, — откровенно признался я. — С каждым днём всё хуже и хуже. Да ещё и эти походы в лес на три дневных перехода...

— Ты хорошо держался, парень. А тренировки твои безумные так и вовсе были великолепны. Даже не думал, что таким способом можно так красиво играть с заражением.

— Гвардейцы постоянно так делают вроде?

— Нет, там немного по-другому. Организм адаптируют под алхимию и учат пользоваться преимуществами. Ты же просто довёл тело до предела и пошёл дальше.

На это я просто пожал плечами. Мне ли не знать, как грамотная накачка препаратами раздвигает границы человеческих возможностей? А тут я получил лучшую «химию» в своё

распоряжение.

Кузнец помолчал полминуты и негромко произнёс:

— Жаль, что так вышло. С Фридой, да и с тобой.

— Ты тоже прости за челюсть.

— Забыли давно, — отмахнулся Густав. — Хотя, надеюсь, ты всё же, однажды, перестанешь таиться и расскажешь, как у тебя это получилось.

— Я просто быстрый...

— Мне-то сказки не рассказывай, пацан. Я меч в руках держу дольше, чем ты на свете живёшь. Могу отличить скорость мутанта скверны от навыков и тактики.

Врать мужику не хотелось. У него сложный характер, но он всегда был ко мне, по крайней мере, честен. Так что просто осторожно ответил:

— Я знаю некоторые вещи. Мало чего по-настоящему глубоко, ещё меньше могу применить.

— Это какие же? Кроме как драться только кулаками, как циркач какой-то на потеху толпе, — с любопытством спросил мужчина.

Я посмотрел на него и, подобрав палочку с земли, стал рисовать на песке перед нами схему керосиновой лампы. Когда-то, давно, когда меня отправили один-единственный раз на лето в деревню, у нас была проблема с электричеством, и мне пришлось несколько недель прожить с такой. Она старая совсем была, часто ломалась, и разбирать для ремонта вынужден был неоднократно.

Это одно из немногого, что я хоть как-то точно представляю, пригодное для местных условий. Кузнец с любопытством смотрел, как я пытаюсь расчертить подробности. А после, хмыкнув, сказал:

— Это лампа, да? Хотя со стеклом тут будет много возни. Да и фитиль явно должен быть необычный. А топливо?

— Лучше всего подойдёт один из продуктов перегонки земляного масла.

Он посмотрел на набросок, пару минут задумчиво посидел и, почесав в затылке, с сожалением признал:

— Нет, не выйдет ничего у нас с тобой.

Я только открыл рот, собираясь начать защищать «изобретение», но он меня перебил:

— Не потому, что я не верю, что оно будет работать. Ты был очень убедителен в том, что знаешь вещи, которые не должен, — он потёр челюсть. — Даже если мы с тобой сделаем образец, всё равно это изделие для мануфактуры. А это совсем другое, чем сделать несколько образцов и продать их. Не говоря уже про топливо.

— Значит ещё одно бесполезное знание? — горько спросил я.

Бросив на меня острый взгляд, он усмехнулся и отрицательно покачал головой:

— Для нас с тобой это сложно, но если подключить барона с его связями, деньгами и людьми...

— Ты думаешь, что-то из этого получится?

— Только если мне удастся сделать вещь вот из этого вот, — кивнул он на рисунок на земле у нас под ногами.

— Могу нарисовать на бумаге и занести завтра.

— Ты нарисуешь и занесёшь, — согласился он, смотря на рисунок.

Немного посидел, а после перевёл взгляд на меня и задумчиво спросил:

— Много ты ещё подобного знаешь?

— Так, чтобы сразу сделать образец? Практически ничего. Но если приложить годы экспериментов, попыток и расчётов, то много. Очень.

Он недоверчиво хмыкнул, но, потеряв челюсть, перевёл взгляд на свой кулак, потом на меня. И твёрдо произнёс:

— Так, парень. Пусть небо упадёт на землю, но ты не должен умирать. Если получится с этим, — кивнул он на рисунок, — то я сам тебя в подвал на цепь посажу, пока не придёшь в норму. Зелья-хренозелья — всё будет. Мы тебя вытащим из этой жопы. Борись!

— Спасибо, Густав.

Улыбнулся, чувствуя, как на душе стало легче и свободней.

— Я думаю о деньгах, — сбил мой возвышенный настрой мужчина. — И да, для барона это наша с тобой совместная идея. Иначе я не нужен, на моём месте может быть любой кузнец. Да и тебе, как я понимаю, лишние вопросы совсем не нужны.

— Это точно, — кивнул я.

— И да, бабу — нахер! Эта аристократочка тебя угробит своими запросами и проблемами. Как ты вообще умудрился так пострадать? В тебе сейчас дури хватит человека пополам разорвать!

— Отряд, семь обычных человек и три гвардейца под зельями.

— Да ты, я смотрю, «счастливчик», — ядовито произнёс он. — Где ты их вообще нашёл? В городе был?

— Да. Не мог спать уже, решил уйти подальше и попутно сбросить часть заразы.

— Помогло? — хмуро спросил он.

— Стало легче. Но с тех пор, как вернулся и начал ходить в лес, всё стало ещё хуже.

— То, что ты на грани, у тебя на лице написано, — хмыкнул он. — Как тебя ещё не выгнали ещё за ворота? Ты же почти не контролируешь себя!

— Сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя, — криво усмехнулся я, процитировав поговорку. — Да, кажется, все в деревне знают про задание от старика.

— Скорее он просто договорился со стражей, чтобы ты не сорвался раньше, чем выполнишь работу. Ладно. Главное выживи и останься в своём разуме. А там решим.

— Спасибо! Я тогда завтра или сегодня вечером занесу хороший рисунок.

— Давай уже, иди, — отмахнулся он.

Я развернулся, планируя быстрее добраться до дома, но чертыхнулся и остановился. То, для чего приходил и забыл совсем.

— Слушай, помоги с оценкой украшений?

— Показывай, что есть, — остановившись, буркнул кузнец и поманил меня за собой в кузню.

Там у него в дальнем углу возле окна пристроился небольшой верстак, за которым он сам баловался с украшениями.

Аккуратно выложив драгоценности, я стал наблюдать, как он внимательно на свету осматривает каждое. достав своё единственное увеличительное стекло. И буквально через десять минут выдал вердикт:

— Браслет — пятнадцать золотых. Серьги десять. Медальон пятьдесят. Имперская ещё работа, хоть и дешёвка по тем временам. Серьги можешь продать у нас, у стеклодува сын женится, купят. Браслет не знаю, поспрашиваю, он мужской, никому не нужен. Медальон просто дорогой, жди торга, может удастся разменяться на товары.

— Тогда серьги оставлю, договоришься? — спросил, убирая в карман медальон и браслет.

— Это её? — хмуро кивнул он куда-то в сторону моего дома.

— Да.

— Тогда с неё два серебряника за посредничество. Деньги я занесу, даже если ты не вернёшься.

— Хорошо, — только и развёл руками я.

Идти торговаться с семейством стеклодува я хотел меньше всего. Их там артель в десяток человек и все, от маленьких детей до стариков, пристроены к делу. Небось и для новобрачной давно место рабочее готово. Не пойду!

— Всё тогда, закончили с этим. Свободен. Мне ещё это вот в порядок привести, надеюсь, немного больше денег выбью! — он махнул рукой на серьги.

Я легко усмехнулся смотря на этот наглый оскал капитализма, и оставил мастера наедине с его работой.

Заскочив домой, отмахнулся от вопросительного взгляда аристократки и сразу же сел за листок бумаги, расчерчивая всё, что помню. Я смотрел ролики, знаю, на чём поднялись Рокфеллеры. Пусть я и буду на вторых ролях в намечающемся деле...

Хотя, буду честным, наверное, здесь это не будет так популярно. Тут просто намного светлее ночью, особенно когда на небе обе луны. Но всё равно... Я черкал пером и, если видел неточность, отбрасывал листок бумаги и брал следующий. Экономить сегодня я не буду.

Через час у меня в руке остались три листочка. Не в силах унять возбуждение, я тут же подорвался и побежал к Густаву. Возящийся с серёжками кузнец поднял на меня удивлённый взгляд, когда я без слов положил перед ним исчерченные листы. И, подняв ладонь в прощании, испарился.

Времени не было совсем, так что сразу от кузнеца я зашёл к магистру. У алхимика было шумно, наверху, кажется, убирались, а внизу стоял мастер с Мартином, примеряющим доспехи.

— Жмёт? Если не давит, попрыгай, подвигайся, — бодро командовал старик, подтягивая ремешки крепящие броню.

— Вроде всё хорошо. Но магистр, нам точно это нужно? Так далеко идти в броне будет очень тяжело. А у нас сопровождение есть.

— Именно поэтому у тебя не латные сапоги и нет набедренников, — отреагировал на его нытьё Ингельвин.

— Зато есть огромный мешок за спиной, — недовольно произнёс Мартин. — Зачем это, если вы говорите, что стоянки уже оборудованы?

— Мне тоже немного не понятно!

Мой возглас заставил их прерваться и повернуться ко входу, где я застыл в дверном проёме. Мартин опасливо нахмурился, увидев мою потемневшую кожу, но, тем не менее, поднял в приветствии руку.

— Хорошо, что ты зашёл, — кивнул старик. — Мне привезли кожу, нужно доставить на третью стоянку.

— Сегодня?! — начал реально офигевать я. — Нам же завтра выходить!

— Тебе это недолго — не переломишься, — отмахнулся магистр. — Иначе мы с таким весом за день и до первой стоянки не дойдём.

Я окинул взглядом два свёрнутых тюка в углу и скрипнул зубами. Я так надеялся, что кожу привезти не успеют! Это в основном подложка под песок со специальной пропиткой. Тяжёлая. Можно и без неё обойтись, но с ней погрешностей и возможных неточностей будет меньше.

Смешно, магистр долго к подобному готовился, но всё равно некоторые вещи идут через жопу. Кожу уже привозили, оказалась не очень качественная, пришлось заказывать заново. Безумие, конечно, но это правда, что доставить стоит сейчас или хотя бы унести как можно дальше. Иначе я завтра потащу и тогда буду хуже готов к бою или они, но уйдём мы недалеко.

Так что не говоря больше ни слова, я вскинул тюки на плечо и, не прощаясь с алхимиками, потащил это всё домой. И, свалив в сених, стал подготавливать к транспортировке, заталкивая кожу в рюкзак.

Следом, со злостью, стал снимать доспехи с манекена. Накинув стёганку, взялся примерять нагрудник, когда сверху, с мансарды, раздался удивленный возглас:

— Только не говори, что в лес собираешься!

Я защёлкнул кирасу и продолжил неспешно надевать остальное. Повернувшись боком и ткнув пальцем в ремень, приказал:

— Затяни.

Она выполнила требуемое, но ещё раз спросила:

— Ты правда в лес? На ночь глядя?

— Сегодня не облачно, луны стоят высоко. Справлюсь.

— Дурость, — выдала аристократка и замолкла, раздражённо сжав губы.

— Согласен, — зло ответил я, надевая шлем.

Спину оттянул увесистый рюкзак и, тяжело печатая шаг, я вышел во двор. На улице меня провожали удивлёнными взглядами редкие прохожие. Слава богу, хоть не лез никто со своими советами, что в ночь лучше не ходить. Выйдя за ворота, я сходу начал разгоняться. Тропа прочищена, особых проблем быть не должно.

Вдох — выдох, свериться с чувством скверны. Вдох — выдох. Сапоги глубоко погружаются в опавшую листву тропы, бросая тело вперёд. Всё быстрее и быстрее. Мелькнула отвлечённая мысль, что обувь скоро придётся менять. Как ни укрепляй и не усиливай швы, всё равно нагрузки слишком большие.

Впереди ожидался довольно большой пустой участок леса, выгоревший несколько лет назад в пожаре. И я поднажал ещё быстрее. Сколько я сейчас бегу? Километров семьдесят в час? Больше? Прогалина кончилась очень быстро, и надо мной опять сомкнулись кроны деревьев.

По краю чувствительности скользнул массив большого количества скверны, и я замедлился, пройдя следующие несколько сотен метров пешком. Из этих зарослей что угодно может вылететь, не я тут один маскируюсь для охоты фоном мутировавших растений. Но сегодня всё оказалось в порядке, а дальше я опять начал брать разбег.

Мимо пронеслась первая стоянка, ещё через пару часов вторая. К третьей я подходил уже при свете звёзд и лун. Несколько взмахов тесаком, прорубая дорогу среди разросшихся побегов паутины, и я бросил рюкзак под навесом из листьев и веток. Выложить рулоны кожи, хлебнуть сладкого чая из фляги да в обратный путь.

Такое ощущение, что фон скверны тут стал ещё сильнее в последнее время. Настолько, что атаку со спины я чуть не прозевал, пытаюсь, отстраниться от чувства скверны. Хотя, как

сказать, не прозевал? Я стал двигаться, только услышав шорох листьев. Лязгнул доспех, и удар в правое плечо бросил меня вперёд.

Плечо болело. Но рука функционировала и, развернувшись в воздухе, я нанёс удар копьём. Блеск стали, искры. Я в который раз порадовался, что у меня в руках рогатина на длинной втулке. Это, конечно, снижает скорость укола, но зато я не остался с обычной палкой, которой отрубили наконечник.

В меня выстрелили шипастые побеги, стремясь ударить в лицо, оплести ноги или руки. А следом за ними рванулся человекообразный силуэт с оплетающими его побегами. Встречный укол был сбит побегами, а об кирасу звякнул металл. Так сильно, что меня назад отбросило, а грудь стегануло болью.

Я начал быстро атаковать, но всё равно был вынужден отступить, спасаясь от хлещущих воздух побегов. Мы вышли из-под кроны дерева, и получилось лучше рассмотреть своего противника. Всё его тело было покрыто чем-то, похожим на плетёную броню, из которой росли полдюжины длинных хлыстов.

Такой вот симбиоз бывшего разумного существа с изменёнными растениями. Я отпрыгнул назад, спасаясь от мелькнувших побегов, и выхватил с пояса тесак. Следующий удар побега встретило стальное остриё. В ладонь ударила отдача от удара, и на землю полетел кусок этого отростка.

Враг зашипел, а на меня обрушился град ударов стальным клинком. Быстро и мощно. Парирование. Ещё одно. Обхвативший мне ногу побег не дал мне разорвать дистанцию, и по броне пришёлся рубящий удар. Моя же атака очередного побега встретила на своём пути жёсткий блок оружием.

В голове проносились варианты развития событий, оценка текущего состояния. Я вроде как немного сильнее, не зря столько мышечной массы набирал. Даже быстрее. Но эти его дополнительные конечности...

Не думал, что подобный симбиоз возможен. Судя по всему, основой для него выступила паутина, как изначально паразитическое растение. Интересно...

Пока в голове медленно скользили отвлечённые мысли, я отступал, взмахами тесака отгоняя побеги и пытаюсь придумать хоть какой-то план для победы. Изнутри накатывало бешенство, призывая броситься и разорвать эту ходячую клумбу на куски.

Скверна отзывалась на эмоции, делая меня сильнее и быстрее. Но остатки разума, не задавленные горячкой боя, велели совсем иное.

Отбив очередную атаку, я развернулся и, подхватив копье, бросился бежать.

Нахер его! Жить охота!

Листья били в лицо, за спиной раздавался топот преследователя, я пытался концентрироваться на дыхании и препятствиях вокруг. Враг не отставал. Выбрав момент, бросил взгляд назад: пользуясь своими придатками, этот ходячий куст хватался за деревья и толкал себя дальше, помогая сократить дистанцию.

Вот и сейчас, отстав на несколько десятков шагов, он удачно зацепился и бросил себя вперёд, покрыв разом половину дистанции между нами. Я поддал ещё сильнее, только чудом успев отследить раздавшийся треск, с которым подошва сапога оторвалась от основы.

Я прыгнул вперёд и, прямо в воздухе, сбросил мешающую обувь. Сначала один сапог, а на следующем прыжке и другой. Это стоило мне свиснувшего над головой побега, но я сумел ещё немного оторваться. Без тяжёлой обуви бежать стало проще.

Расстояние между нами стало увеличиваться, но он опять сократил его с помощью

отростков вокруг. Я постарался выбросить это из головы, всё своё внимание отдавая дороге. Километр, два, пять. Лёгкие горели, требуя воздуха, сердце в груди билось, как сумасшедшее. И преследователь начал отставать.

Скверна скверной, но привычка бегать сотни километров дала своё. Если ты засадный охотник, догнать приученного к подобным вещам человека — не сможешь. Пробежав в таком темпе ещё несколько километров, я снизил скорость и перешёл на шаг. Десять секунд, пятнадцать, двадцать.

За спиной показалась тяжело бегущая фигура, хрипло дышащая на весь лес. Я же спокойно стоял, держа в руках копьё. Вдох, выдох. Кровь опять насыщается кислородом. Сердце успокаивается, руки перестают дрожать, в голову возвращается ясность мысли. Я сделал шаг навстречу врагу и нанёс один-единственный укол, выталкивая копьё на всю длину рук.

Мягкий перекат в сторону, спасаясь от вялых побегов и вытацив тесак, снести атакующий меня отросток. А потом и ещё один. Пробитый насквозь копьём мутант бросал в меня свои придатки, но в итоге просто их лишился. Умирать он категорически отказывался, шипел, распустив часть своего доспеха, превратившись в облако мелких беспрестанно шевелящихся побегов. И схватившись за торчащее из груди древко, он начал проталкивать его внутрь, стремясь избавиться от помехи.

Пожав плечами, я продолжил рубить. Побег, ещё побег, ладонь толкнула отдача, и полетела на землю поднятая в защите рука. Потом вторая. Взмах клинком, и тело осело на землю, лишившись отрубленной в колене ноги. Оставшаяся конечность — не заставила себя ждать. Смахнув кровь с тесака, я отступил назад, глядя на обрубок монстра.

На меня смотрели залитые скверной глаза на бывшем когда-то смазливом мужском лице. Зайдя немного сбоку, я усмехнулся. Так и есть. Под грязными, свалявшимися, седыми патлами мелькнули длинные уши. Вот и мой второй увиденный в этом мире эльф.

Взмах клинка, смахнувший ему с плеч голову. Так, очередной встреченный представитель “старшего народа”, как они любят себя называть, стал трупом.

Думаю, можно предположить, что мои отношения с ушастыми складываются не очень хорошо. Для них.

Домой я ввалился, когда уже начало светать. Босой, злой, голодный и уставший, как собака. Всё, на что меня хватило, это быстро съесть кусок хлеба с сыром, ополоснуться да лечь спать. Сегодня ночью повезло, сны никакие не беспокоили. Но вот проснулся я от ударов в калитку с улицы.

С трудом разлепил глаза, натянул штаны и отправился выяснять, кто там стучит. С лестницы в мансарду высунулась любопытная голова Элеоноры, которой я буркнул вялое приветствие. За калиткой меня ждали полностью собранные, готовые к походу магистр с его практикантом.

— И? — хмуро поинтересовался и мощно, протяжно зевнув, раздражённо уставился на помешавших мне спать алхимиков.

— Догонишь нас! — велел опирающийся на копьё магистр. После, развернувшись, кивнул рыжему, приказывая следовать за собой.

Мартин, извиняясь, демонстративно развёл руками и пристроился справа к бодро шагающему старику. Проводив их неприязненным взглядом, почесал шрам на груди. Сплюнул в дорожную пыль и вернулся в дом.

— Будешь собираться? — раздался вопрос с мансарды.

— Медленно и с расстановкой. Они не убегут, — отмахнулся, закидывая дрова в печку.

— Неправильно это всё, — с сомнением покачала головой девушка. — Даже не дали отдохнуть.

— Справлюсь, — угрюмо протянул в ответ.

Дрова занялись, и я отправился по утренним делам. Холодный душ заставил взбодриться, а горячий чай с мясом привёл в норму окончательно. Насвистывая песенку, начал потихоньку собирать рюкзак. Немного крупы, сухари, сушёное мясо, мёд, сахар, чай. Ничего лишнего, минимальный набор на неделю.

Рядом тёрлась Элеонора, поглядывая мне через плечо, пока, всё же, не спросила:

— Что мне делать, если ты не вернёшься?

— Дождаться продажи серёжек, затем просить кузнеца помочь с остальными драгоценностями. Не суетиться и не спешить. Будут деньги, закопаешь диадему тут где-нибудь. Спросишь у трактирщика, кто из охотников нуждается в деньгах и кому можно доверять.

— Ты не можешь сказать? — поинтересовалась она.

— Нет времени. Да и не настолько я их всех знаю, хотя с некоторыми и в рейды ходил. Тот отряд, которому я бы смог подобное доверить, прекратил деятельность. Остальные не очень надёжны. Слишком часто всё меняется. Слушай Эрхарда, присматривайся к каждому человеку. В крайнем случае, можешь обратиться к барону, но сама должна понимать, у него могут возникнуть планы на тебя.

В том, что рано или поздно её пригласят к нему на разговор, не сомневаюсь. Но что может из этого выйти — без понятия. Мне сейчас совершенно не до того.

— Значит, ты уверен, что одна я не доберусь? — упёрто вскинула голову девушка.

— Да. Но делай, как считаешь нужным, мне уже будет наплевать!

Не хочу втягиваться в этот дурной спор, особенно, когда на кону моя жизнь. Мазнув взглядом по опешившей девушке, закинул в рюкзак котелок, огниво, немного сухого трута в

водонепроницаемом мешочке. Вроде всё. Осталась только броня.

Подхватил смятый наплечник и нагрудник, а следом, выйдя во двор, зашёл под навес, где у меня находится кузница, на которую так и не было времени. Хотя молоток есть, а большего мне и не нужно. Грубовато, конечно, но под быстрыми ударами мятый металл стал принимать прошлую форму.

Всё спешно, на ходу. Так не делается, конечно, но времени нет ни на что. Быстро закончив с правкой, осмотрел доспехи и поморщился. Вернулся в сени и стал надевать броню, пользуясь помощью девушки. Как закончили, взмахнул пару раз рукой, проверяя, всё ли нормально с наплечником. Я готов.

— Даже если меня не будет месяц, это не значит, что я умер. Сорвался — может быть. Но однажды я после этого уже вернулся.

— Я буду ждать. Ты должен довезти меня до островов и получить свои деньги! — постаралась твёрдо и уверенно произнести аристократка.

Получилось не очень удачно, голос немного подрагивал. Я усмехнулся и процитировал:

— Мы в ответе за тех, кого приручили.

Она опешила и, подняв на меня возмущённый взгляд, воскликнула:

— Приручили?! Я тебе что, сокол охотничий?!

— Скорее птенец, выпавший из гнезда, — усмехнулся, закидывая рюкзак на спину и фиксируя его на поясе и груди ремнями.

— Ты ведь не старше меня! — сопровождал меня её крик души, когда я шагнул за порог.

— Простые люди взрослеют раньше благородных, — рассмеялся, открывая внешнюю калитку.

— Вернёшься — проверим!

— Это предложение? — изображая удивление, спросил я и, повернувшись, демонстративно окинул её взглядом с головы до ног.

— Да как ты можешь...

Она покраснела и набрала в грудь воздуха для продолжения тирады. Я же вскинул руку и коротко попрощался:

— Удачи, графиня.

— Иди уже, охотник, — выдохнув, взмахнула ладонью она, выгоняя меня. — Увидимся, поговорим.

С таким напутствием я дошёл до ворот, где седоусый стражник, открывая ворота, коротко мне пожелал:

— Удачи, парень.

— Благодарю, — кивнул я и рванул к лесу.

Знакомая тропа легко стелилась под подошвами новых сапог. Я не спешил, быстро догнать их всегда успею. В голове всплыла мысль, что потерянные сапоги стоит, всё же, вернуть, и хотя бы починить, и продать. А себе заказать новые ещё крепче. Правда, сапожник в последний раз не очень позитивно к этой идее отнёсся, говорит, надёжнее не сможет.

Так-то, наверное, верно, двести килограмм веса, бегущие на скорости под сотню километров в час, уже требуют совсем других материалов. Буду беречь обувь по мере возможности. Лес вокруг становился всё тише и тише, пока единственным звуком не остались мои шаги и шелест ветра в кронах деревьев.

На краю зрения мелькнула пронёсшаяся оса, и я опустил накомарник. Надо было, всё

же, вычистить гнездо неподалёку — если разрастётся, будет плохо. Яд у них довольно мерзкий, к тому же, чем их больше, тем мутировавшие насекомые умнее и агрессивнее. Но прибыли с гнезда никакого нет, а опасность получить несколько укусов всегда есть.

Вот и откладывают охотники это дело, оставляя на кого-нибудь другого, кому не лень будет. Опасное раздолбайство, конечно. Но когда это мешало творить людям дичь? Я сам уже неделю мимо хожу, откладывая на потом.

Да и сегодня хоть в рюкзаке и лежит бутылка с горючей жидкостью, тратить её на гнездо не хочу. В другой раз. Пройдя опасный участок, я снял накомарник и убрал в карман на поясе. На скорости он начинает лезть в лицо и ухудшает обзор. Перехватил удобнее копьё, подвинул ножны на поясе и рванул вперёд.

Через десяток минут впереди на тропе показались фигуры осторожно идущих ахимиков, и, заранее затормозив, я догнал их уже спокойным шагом. Испугаются ещё да встретят меня арбалетным болтом. Практиканту выдали именно его и тесак типа моего старого.

Сейчас у меня, к слову, уже немного не такое запасное оружие. Конечно, отковано без изысков, но почти втрое тяжелее обычного. Толстое лезвие способно принять силу моих текущих ударов и не лопнуть. С копьём подобное сложнее повернуть. Не делать же его целиком из металла? Приходится быть аккуратнее, особенно при сильных рубящих ударах.

— Собрался? — сварливо поприветствовал меня старший алхимик.

— Как будто вы не знали, что я буду спать после вчерашней доставки, — фыркнул я.

— До стоянки донёс?

— Конечно. Кстати, ядро там усиливается, количество заразы растёт постоянно.

— Это хорошо, легче всё пройдёт, — довольно кивнул магистр.

Я покачал головой и с сомнением произнёс:

— Я там встретил вчера сорвавшегося эльфа. Опасный вышел бой, по грани прошёлся. Будет ещё что-то подобное, сложно придётся. Могу не успеть прикрыть.

— Мы тоже тут не просто так, справимся, — бодро ответил мне вместо старика Мартин.

— Ты даже ничего понять не успеешь, как умрёшь, — хмыкнул старик на его слова, а у меня спросил: — В чём была сложность? Что-то необычное?

— Он подчинил Паутинку, по крайней мере, наблюдалась какая-то форма симбиоза. Сами побеги были уже на второй стадии и контроль над ними ушастый имел прекрасный.

— Интересно было бы изучить подобное. Но если это был эльф, то ничего нереального.

— Я думал, они утратили какое-либо сродство к живому после катастрофы?

— Почему? Их маги тоже что-то могут до сих пор. Вполне в духе их школы попробовать подобное. Даже какая-то работа писалась на эту тему, но на человеческий язык не переводилась. В любом случае, как удалось такое убить?

— Измором. Он оказался не очень вынослив.

— Как и эльфы в целом, — согласился магистр.

— Зато сохранил достаточно сознания, чтобы пользоваться оружием, — вздохнул я.

— А вот это странно. Обратил внимание — он давно в лесу?

— Явно не меньше нескольких лет, одежды, кроме брони из побегов, на нём не помню.

— Ещё при этом владел оружием? — задумчиво прищурился старик.

— Да, навыки не утратил.

— Необычно. Жаль не изучить уже...

Ну да, думаю, останки сожрали почти сразу после того, как я ушёл.

— Насколько подобное создание было бы опасно для отряда опытных охотников? — с горячим интересом спросил практикант.

— От оснащения зависит, и кто на кого охотится. Атакуют внезапно, навязав рукопашную схватку — может убить весь отряд. Если люди будут настороже, то нашьигуют стрелами и болтами издали. Но я бы отдал победу монстру. Слишком силён, быстр, побеги очень крепкие, просто закроется ими от стрел, а потом добежит до строя.

— Таких тварей не много. Вероятность настолько удачного сосуществования со скверной в теле и разуме никогда не была большой.

— И большинство подобных мне в лесу живут не очень долго, — дополнил я магистра.

На этом общение утихло, алхимики начали тяжело дышать, им стало не до разговоров. Мы всё чаще останавливаемся отдохнуть. Во время очередного привала я ушёл немного вперёд, проверяя тропу. Заставил сработать одну плётку, освобождая дорогу, отогнал брошенным камнем зайца. Обычная работа по сопровождению, без приключений.

До первого лагеря мы дошли уже к вечеру, и тут пришлось постараться, проводя алхимиков внутрь окружённого рядом ловушек периметра стоянки.

— И это считается безопасным местом? — оглядев смертоносную флору вокруг, произнёс тяжело дышащий Мартин.

— Отличная работа, — довольно кивнул мне старик. А для практиканта добавил: — Полностью. Если ты не полезешь в заросли, спать можно спокойно. Дракона ловушки не сдержат, но всё остальное — вполне.

— Иногда масса имеет значение, — согласился я, начиная заниматься костром и ужином.

Старик был вполне бодр, держась на эликсирах, а вот молодой парень совсем вымотался. Хорошо хоть, что вообще дошёл, в полных доспехах-то и с мешком за спиной. Так что к тому моменту, как сварилась каша, он уже сидя засыпал. Пришлось его встряхнуть и заставить поесть, иначе завтра сил на дорогу точно не будет.

Ночь прошла спокойно. Точнее, для алхимиков спокойно. А я сидел, привалившись к бревну, и ловил видения, транслируемые скверной, иногда погружаясь в короткий сон. Совсем не удивительно, что утром настроение у меня было не очень хорошее. Я, злорадно ухмыляясь, растолкал попутчиков, и, позавтракав, мы отправились в путь.

Тут уже шли осторожней, внимательно смотря по сторонам. Но километр за километром оставался за спиной. Я надеялся, что и второй день пройдёт нормально, когда уже в сгущающихся вечерних сумерках в сотне метров от стоянки услышал впереди шум.

— Там кто-то есть, — шёпотом предупредил я спутников и, знаком велев оставаться на месте, двинулся вперед.

Беда того количества скверны, что скопилось во мне, в том, что спрятаться от тварей стало очень сложно. Вполне закономерно, что мне навстречу скользнуло полдюжины зеленокожих уродцев. Они почуяли меня раньше.

Сдвинувшись в сторону, пропустил мимо головы стрелу и бросился на гоблинов. Укол, перевод в рубящий удар, отступление. Ещё укол. Кинуть копьё, рвануть с пояса тесак. Удар сбоку. Парирование. Удар тесаком. Лоукик. Хруст костей и, сместившись ближе к гоблину, резануть по горлу. Отступить.

Два гоблина хрипели вскрытыми глотками, катилась по земле отрубленная голова, ещё один полз, пытаясь придержать рукой выпущенные кишки.

Медленный выдох, а после глубоко вдохнуть пахнувший кровью воздух. Выдох.

По залитой кровью траве скреб ногами подранок, вцепившись в торчащее в груди копьё. Сделав пару шагов, снёс головы недобиткам и, вырвав копьё из трупа, повернулся к стоящим позади спутникам.

— Отлично, — усмехнулся и изобразил аплодисменты Ингельвин.

— А ведь, честно говоря, не верил Норе, когда она рассказала, как вы познакомились, — сглотнув, проговорил побледневший Мартин, оглядывая побоище. — Думал, преувеличивает.

Не отвечая практиканту, я прошёл ближе к стоянке и, осторожно минуя разросшиеся побеги, проверил сохранность имущества. Судя по всему, гоблины успели испортить только одну подготовленную лежанку. Что характерно — мою.

Тяжело вздохнув, я вернулся за алхимиками и, жестом, велел им подходить. Пока они обустроивались, оттащил трупы гоблинов подальше. А следом стандартно, костёр, ужин. Они легли дремать, а я опять сидел у костра, изредка задрёмывая под звуки того, как в лесу кто-то, всё же, лакомится оставленными гоблинами.

Спутники тревожно вздрагивали во сне. Может, от почти неслышного им довольного рычания, но, думаю, скорее, от кошмаров. При такой плотности скверна начинает влиять уже на всех.

Утром они проснулись хмурые, злые, явно не очень-то хорошо отдохнув. И, через силу зачихнув в себя завтрак, начали лениво собираться. Всего вторая ночь, а уже так устали... Надеюсь, сегодня мы сможем дойти до стоянки. Я даже забрал рюкзак у Мартина, не желая нагружать его дополнительно.

Тем не менее, с частыми перерывами и внимательно смотря по сторонам, мы шли дальше. Километр, пять, двадцать. Очередной привал.

— Я больше не смогу, нужно отдохнуть, — тяжело рухнув на землю, простонал рыжий.

Старик рядом с ним молча уселся на поваленное дерево и криво усмехнулся. Как бы магистр не бодрился, я прекрасно видел выступившую испарину и посеревшее лицо с запавшими глазами. Скверной от него било всё сильнее. А ведь нам ещё и работать на месте...

— Недалеко осталось, там отдохнёте. Просто в лесу ночевать нельзя — сожрут.

— Мы дойдём, — простонал парень и сделал несколько глотков воды из фляги.

Немного полежав на земле, он достал склянку с зельем и, скovyрнув пробку, примерился выпить.

— Стой! — приказал я. — Алхимию на скверне тут не вздумай принимать!

— Она чистая, на моей мане. Просто придаст сил, — отмахнулся он и опрокинул в себя содержимое пузырька.

Через пару минут он уже всюду хрустел сухарём, запивая его водой. А спустя полчаса мы отправились дальше. Стремительно начало темнеть, и я всё ближе чувствовал вокруг пятна скверны. Сместившись на бок от алхимиков, настороженно направил копьё на густые кусты возле тропы и застыл. Раздался шорох, шипение, и длинное тело начало отступать в другую сторону. Змея. Здоровенная.

Следующие два часа я бегал вокруг охотников, отпугивая монстров. Пришлось даже принять бой с ящерицей размером мне по пояс в холке. Удалось попасть с первого раза копьём в голову на встречном движении. После этого с хищниками стало немного проще, они стянулись к бесплатному обеду, оставив нас в покое.

На стоянку мы вошли уже ночью под светом лун. Двигающиеся как марионетки

алхимики дошли до своих лежанок и практически сразу уснули. Ужинать они уже были не в силах.

Я же внимательно проверил периметр из ловушек и достал флакон с зельем. Это «снотворное» на основе «вонючки» и яда плётки. Для обычного человека — лютый яд, да и мне после него хорошо не будет. Но иначе ночь я тут не выдержу. Скривившись, выпил половину содержимого и, тщательно закрыв флакон, убрал его в рюкзак.

В голове зашумело, начало тошнить, скачком выросла температура. Смахнув выступивший пот, я улёгся на лежанку, завернувшись в одеяло. Начало потряхивать и знобить. Через несколько минут меня просто выключило.

Очнулся от того, что меня трясли за плечо. Открыв глаза, вяло спросил магистра:

— Что?

Он взглянул мне в глаза и, кивнув своим мыслям, спросил:

— Экстракт «Вонючки»?

— Он.

— Ладно, приходи в себя, — раздосадовано поморщившись, произнёс алхимик.

Они начали заниматься лагерем, а я пытался собрать разбегающиеся мысли в кучу. По мышцам прокатывалась судорога, стреляли боли в разных частях тела. Впрочем, через пару часов я оклемался достаточно, чтобы поесть, а там уже был готов вести спутников на место ритуала.

— Фон, конечно, и тут уже очень сильный, — отметил Ингельвин, когда мы вышли из лагеря.

— На месте ещё лучше, — напряжённо ответил я, бросая взгляды и вслушиваясь в лес вокруг.

Чутью скверны тут уже доверять не стоило, слишком велик общий фон. Только глаза и уши.

На месте всё было, как раньше. Овраг с частично выровненной площадкой, щедро прикрытый со всех сторон высаженными мутировавшими растениями. Тут скверна скопилась ещё лучше, меня начало немного потряхивать.

Алхимик довольно прищурился и, повернувшись к нам, стал раздавать указания:

— Бьёрн ровняет площадку, Мартин формирует внешние круги. Работаем! Чем быстрее закончим, тем скорее окажемся дома.

Я только кивнул, беря лопату и начиная выравнивать грунт. Черенок для инструмента пришлось вырубать прямо на месте, так что он не особо удобный. Но лучше, чем тащить лопату целиком из деревни.

За пару часов я разровнял площадку, как следует притоптав её в процессе. Потом пришлось сходить за кожей и песком. Дно оврага приобретало совсем другой вид. Круг на земле диаметром около четырёх с половиной метров, полностью накрытый тонкой кожей, по которой был сложной вязью геометрических фигур и рун насыпан песок.

Всё это окружено столбиками из дерева, на которых было вырезано несколько символов. Столбы соединялись между собой побегами паутины — живыми, между прочим.

— Добудь нам пару тварей. Нужна их кровь, — приказал магистр, оглядев частично выполненный контур.

Кивнув, я подхватил копьё и сорвался на бег. Мне даже далеко удаляться не пришлось, слишком много охотников оказалось привлечено непривычным шумом. Свою роль добавило и то, что люди с открытым магическим источником привлекают тварей скверны.

Бросившаяся на меня огромная кошка получила копьё в глотку уже через пару минут охоты. И я сразу же бросился обратно к оврагу, успев метнуть копьё в медленно двигающегося к бесплатному мясу древня.

Копьё его только отвлекло, а дальше в дело вступил тесак. Увернувшись от пронёсшейся над головой коряги, я начал рубить, потихоньку пуская эту тварь на дрова. Самое настоящее ожившее дерево, как в легендах. И такое же тупое.

Около четырёх метров в высоту, обросшее отравленным мхом, хлещущее побегами воздух во все стороны. Спасает, что оно медленное для меня и оружие в руках подходящее. Побегι летели во все стороны, и, добравшись до «ног», я, наконец, заставил его рухнуть на землю. Отрубить всё остальное потом проблемы не составило.

Метнувшись назад, я подхватил труп кошки и принёс к рунному кругу, свалив на указанное место. С древнем было посложнее, но допёр и его.

— Отлично! — воскликнул магистр, довольно потеряв ладони, глядя на эту махину. — Начинаем насыщение маной!

Я уселся на землю, внимательно наблюдая за контуром. Внешние линии которого сейчас щедро орошались пропитанной скверной кровью. Магистр же с практикантом достали накопители и, впитывая энергию из каждого, начали распределять её по рунам. Вспыхивала одна, вторая, третья. Лес вокруг начал волноваться.

— Бьёрн. Внутрь, — скомандовал магистр, показав мне на участок внутри построения.

Стоило оказаться внутри, руны вспыхнули, а от внешнего кольца начала подниматься сплошная стена тьмы. Вот она по пояс, на уровне глаз и через мгновение стянулась над нами куполом, закрывая небо.

Моё ощущение скверны сходило с ума, разрывая меня на части противоречивыми ощущениями. Я замер, прикрыв глаза, борясь со срывом. Зря, наверное.

Внезапно тело перестало мне подчиняться, и я рухнул, как подрубленное дерево. А через секунду в шею вошёл шприц, от которого пошло ощущение растекающегося по жилам огня.

— Ещё ошеломление! — приказал Мартину магистр.

Тот сжал в руке очередную бусину накопителя, а старший алхимик вытащил шприц из моей шеи и, достав ещё один, начал вводить его содержимое мне в бедро. Часть в одно, часть во второе. Больно было так, что я начал подвывать. Но изо рта выходило только сиплое шипение.

— Всё. Он готов, — сказал магистр через полминуты, аккуратно убирая пустые шприцы в сумку.

— Думал всё, ошеломление сорвётся, — утирая пот трясущееся ладонью, произнёс практикант.

— Я был готов бросить своё, — лениво успокоил Ингельвин, тем не менее, сам тихо и облегчённо выдохнув.

— Он точно не очнётся?

Мелькнула тень, и мне в глаза заглянул магистр. Провёл рукой перед лицом и хмыкнул:

— Он в сознании, но полностью парализован.

— Тогда продолжим? — предложил Мартин.

— Веди подводки, — кивнул старик.

Раздался шум насыпаемого песка, а потом вены на руках кольнула почти незаметная на фоне остального боль. Старик пустил мне кровь, которая, как я представляю, сейчас

впитывается в основной контур.

— Жаль, что так вышло, парень. Но мне нужна твоя сила, скверна, разросшаяся благодаря открытому источнику, более управляема, чем обычная.

— Без этого, ничего работать не будет, — вторил ему голос практиканта.

— Ты же не знал? — продолжал изливать душу старик. — Источник у тебя открыт ещё после возни со старой деревней. Так бывает, когда через тело проходит много скверны и есть природная склонность.

— Начинаю отсекал магический фон, — раздался напряжённый голос Мартина.

Скверна вокруг как будто вздохнула, и на секунду не осталось ничего больше. Я буквально плавал в океане этой силы, сейчас стремительно втекающей в моё тело. Но, к сожалению, силой, уходящей вместе с кровью из вен.

— Готовим пробой! — уверенная команда Ингельвина.

Энергия текла и уходила, концентрируясь где-то рядом. Правда, вместе с кровью из тела уходила и зараза. Несмотря на адскую боль, я смог пошевелить языком. А тем временем концентрация мощи достигла нужного им значения, и раздалась команда:

— Переход.

Прозвучал резкий хлопок, и я перестал чувствовать скверну дальше внешнего круга.

— Удивительно! Получилось! Это демонический план? — недоверчиво спросил практикант.

— Я сорок лет планировал этот ритуал, он не мог не получиться — степенно ответил Ингельвин. — Не отвлекайся, наполняй резерв. У нас есть всего несколько минут, пока не прибыли демоны.

— Работаю. Они сразу атакуют?

— Обязательно. Если нужно, телами забросают. Им главное, чтобы мы убрались домой.

— Ну да, если сюда пройдёт кристаллизация, им всем хана, — раздался смешок рыжего.

Пару минут они молчали, а потом раздался голос старика:

— Передавай.

— Ещё немного...

— Достаточно.

— Хорошо, магистр.

Я, наконец, получил возможность немного шевелить шей и, повернув голову, увидел, как практикант, сидя напротив Ингельвина, пожал ему руку и застыл.

Но, вместо того, чтобы открыть глаза, свалился без чувств. А старик бодро вскочил и, распахнув сумку, начал быстро доставать исписанные рунами листки пергамента, раскладывая их вокруг Мартина. Покосившись на меня, он увидел мой взгляд и устало сказал:

— Не бывает целебных заклинаний от старости, только чудеса мёртвых богов. А вот передать память и душу — можно!

Руны начали разгораться, и старик, потеряв ладони, продолжал выплёскивать из себя слова. Не в силах удержать в себе, желая поделиться своим долгожданным триумфом, результатом десятилетий труда и экспериментов.

— Магистр Ингельвин умрет, а вышедший из леса скромный практикант получит его имущество в наследство. И будет жить ещё долго и с удовольствием! Жить!

Слова старика сквозили восторгом. И безумием. Он лихорадочно перебирал листки сухими морщинистыми руками, вливал силу. Положив руку на лоб лежащему перед ним

парню, закрыл глаза, готовясь начать стирание и передачу памяти.

А следом сипло выдохнул и, распахнув глаза, опустил взгляд на свой живот, где торчал походный кинжал рыжего. Сам же парень, поднявшись, оттолкнул безумного старика ногой, повалив его на землю. Высокомерно усмехнулся и проговорил:

— Старый дурак, про твои мечты о бессмертии давно весь мир знает. А уж в ментальной магии ты далеко не такой мастер, как в ритуалах. Но спасибо за дом и лабораторию на сотни золотых. Мне пригодится.

Моё тело уже достаточно отошло от заразы. Двигать руками и ногами ещё не мог, но вдохнув полной грудью, не выдержал злой иронии происходящего:

Я тихо засмеялся.

— Что смешного? — зло оскалившись, повернулся ко мне Мартин.

Ярко выступившие на побледневшем лице веснушки добавляли сюрреализма происходящему. И не будь я в таком состоянии, можно было бы продолжать смеяться. Вместо этого мои губы слабо прошептали:

— Вы как пауки в банке, жрёте друг друга. Это весело.

— Что бы ты понимал. У меня появилась возможность стать богатым, и я её использовал. Больше никакого услужения аристократам и детишкам купцов. Не будет бессонных ночей, делая чью-то работу за гроши. Я свободен!

Слушая, как он выговаривается, я перевёл глаза на дёргающегося старика. Под зельями на скверне рана в живот его убить была не должна.

— Я выжег ему разум, теперь это овощ, — хмыкнул практикант, перехватив мой взгляд.

Усмехнувшись, он вырвал свой кинжал и оставил пускающего кровавые пузыри старика умирать. Оглянувшись, с удовольствием вдохнул, втягивая манну из общего фона, и произнёс:

— Как жаль, что полноценным магом, можно быть только здесь. Но спасибо старику, теперь понятно, что система работает. Как ни смотри, но безумец был гениален. Однажды я хорошо подготовлюсь и вернусь.

Он порывлся в сумке и достал небольшую колбу и исписанный рунами листок. Постоял, концентрируя силу, а после активировал руны. Скверна в ритуальном круге взбесилась и рванула в колбу мощным потоком. Барьер стал прозрачным, а следом и вовсе исчез.

Мы оказались под красноватым небом в окружении скал и песков. Я только и успел увидеть, как с высоты к нам приближается ярко-красная фигура, когда на долю секунды вокруг нас сгустилась тьма, а потом мы оказались в том же самом овраге.

Мартин поморщился, вешая колбу на пояс, когда на нас опять навалилась скверна. А следом достал два пузырька и выпил их один за другим.

— И что теперь? — устало спросил я, пытаюсь пошевелиться.

— Жаль, что так вышло, мужик. Но ты всё видел. Да и всё равно тебе недолго жить остаётся, избавлю от страданий.

— То есть всё просто ради денег? Ничего больше? — с досадой поинтересовался я. — Но зачем тогда убивать? Мне же без разницы, кто будет в деревне главным алхимиком, ты или Ингельвин. Да и как ты собираешься возвращаться обратно в одиночку?

Он остановился, поигрывая кинжалом, действительно задумавшись. Бросил взгляд на магистра, начавшего активно вертеть головой. Вышел из ритуального круга и, подхватив моё копьё, вбил его старику в грудь, пришилив к земле.

Тело сейчас активно впитывало скверну и, судя по всему, через несколько минут получился бы вполне бодрый монстр. Не срослось.

— Под зельями усиления и выносливости я быстро миную самые опасные области. И мне поможет вот это, — провёл он рукой по колбе. — Никто из местных тварей не станет связываться с таким сильным средоточием скверны.

В этот он прав, скверной било от колбы очень сильно. Кажется, какая-то культура грибов, способная вместить такое количество заразы. Не думаю, что надолго, но ему это и не нужно. Главное выйти из леса. Впрочем, есть нюансы...

— Не дойдёшь. Я пробивал только одну тропу, и даже если ты с неё не собьёшься, тебя убьют растения. Они слишком тупые, чтобы бояться концентрации скверны.

— Хм... — протянул Мартин, потерев мочку уха. — Старик же как-то собирался отсюда выйти без тебя? Значит и я смогу.

— Магистр в лес много лет ходил, у него были шансы. Ты же не дойдёшь и до следующей стоянки.

— Набиваешь себе цену? Жить очень хочется, да? — с пониманием усмехнулся рыжий. — Сюда мы дошли без особых проблем, на память и умение читать следы я не жалуясь.

С этими словами он вырвал копьё из скребущего руками по древку тела старика и рубящим ударом отделил ему голову. Глянул на копьё и, встряхнувшись, поделился:

— Отличная штука эти зелья усиления!

Парня накрыло эйфорией от выросших возможностей. Сейчас ему кажется, что он готов горы свернуть, а уж такая мелочь, как пройти, нет, пробежать до безопасных областей — действительно кажется плёвым делом.

— Ты же алхимик, должен знать, что под ними мышление не совсем адекватно, если не иметь привычки, — мягко проговорил я и, максимально громко для своего состояния, выкрикнул: — Думай трезво!

Он окинул меня внимательным взглядом, особенно руки с порезанными вдоль венами, покрытыми запёкшейся кровью.

— В любом случае, ты мне в таком состоянии не помощник, а ждать, пока ты придёшь в себя, времени нет. Это опаснее, чем идти самому. Так что прощай!

— Жаль тебя, дурака. Но ты сам решил умереть, — тихо произнёс я.

— Себя пожалей, — сплюнул он, делая шаг ко мне и поднимая копьё. Но, остановившись на полпути, привлечённый шумом в кустах, начал поворачиваться вправо, скидывая копьё. Впрочем это было уже неважно.

Просто потому, что в него прилетело бревно.

— Вот дурак... — протянул я, смотря, как с хрустом сломанных костей тело улетает из ритуального круга как раз под сработавшую плётку.

За плотными зарослями ловушек и паутины мелькнуло чёрно-зелёное тело, и на тропу вышла туша ящера.

— Спасибо, Крайг, — тихо поблагодарил я дракона.

— Ты говорил, что будет только пробой на демонический план, я не ждал полного переноса! — недоверчиво произнёс ящер, рассматривая ритуальные круги.

— Как будто со мной делились подробностями, — вяло ответил я, пытаюсь сесть.

Не получалось. Тело было до сих пор частично парализовано. Дракон же внимательно осматривал ритуальный круг, аккуратно нависнув над ним тушей и стараясь ничего не повредить. Через полминуты начал быстро командовать:

— Мне нужны твои руки! Тут всё нужно собрать, не упустить ни страницы рунного массива. Обязательно зарисовать основные контуры.

Втянув воздух, он прикрыл глаза, оценивая магические эманации, и восхищённо дополнил:

— Это прорыв в современной магической науке и исследованиях использования скверны в стационарных конструктах. Старик гений!

— Как видишь, ему это не помогло, — кивнул я на безголовый труп.

— Нельзя быть великолепным везде! — отмахнулся ящер. — А желание жить сильнее

прочих.

Собственно, он это очень ярко демонстрирует, смиряясь с животным существованием в лесу ради того, чтобы вырвать у природы хотя бы ещё десяток лет существования. Но драконам со скверной немного проще, они изначально магические существа.

— Когда ты ко мне пришёл с просьбой помочь, подстраховать, подобного я не ожидал, — пророкотал ящер, а у меня на груди сомкнулись когти, поднимая с земли.

Немного возни и я оказался у него на спине, вяло пытаюсь устроиться удобнее. Но он сам прижал мне ноги крыльями, а после, аккуратно развернувшись, понёс в направлении лагеря.

В первый раз я оказался у него на спине. Не любят они это. Но передвигаться по лесу на трёх лапах ещё хуже. Мы минули лагерь и через десяток минут оказались возле родника, где он мягко положил меня на землю.

В первую очередь я напился как следует. А потом, бросив взгляд на руки, начал промывать раны. Сначала на одной руке, как следует замотав бинтами, потом на другой. Повреждения оказались совсем не такими страшными. Зарастить небольшие порезы моему телу оказалось не сложно. После того, как я оказался вне ритуального круга, тянущего из меня скверну, конечно.

Дракон прав. С тем, что там напридумывал старик, нужно долго и тщательно разбираться. Действительно жаль, что с ним всё так глупо вышло. Вот честно, лучше бы у него всё получилось с переписью памяти. Он, конечно, мудака, но такие знания потеряны для мира теперь! Это обидно.

Но блин, какой рвач-то рыжий оказался! Всё понимал, но притворялся просто рубахой-парнем. Ведь как он Элеонору защищал! Видимо, понимал, что я ещё не совсем на грани? Или просто девушка понравилась, хотел приударить? Теперь уже и не спросишь, его тело сейчас там плётка переваривает.

Я себя чувствовал на удивление неплохо, ритуал вытянул из меня много скверны. Паралич уже проходил, хотя слабость от кровопотери до сих пор накатывала. Но, при скорости моего метаболизма, это несколько часов.

Ещё попив воды, наполнил флягу и, пошатываясь, встал на ноги. Мелькнула драконья лапа, и я оказался у него на загривке.

— Слушай, а ты вообще сможешь выжить на демоническом плане? — задумчиво поинтересовался я, пока мы шли до лагеря.

— Долго? Не знаю. Их мир очень странный, нет постоянных законов природы и магии. Да и убьют меня там.

— А если вас туда переселится несколько сотен, отстоите кусок их мира? И ты же сможешь там летать?

— Смогу. Но мы изменимся. Влияние их мира сравнимо со скверной.

— Как будто вас это остановит, — фыркнул я. — Вы за возможность летать там всех вырежете, и на всякие мелочи, типа кровавого безумия, вам наплевать.

— Да, — не стал спорить дракон. — Но проводить подобный эксперимент мы никогда не решались.

— Не удивительно, отправить туда трёх человек намного проще, чем одного дракона, — согласился с ним я.

— Но теперь точно известно, что это возможно осуществить. Всё сильно изменится, — задумчиво пророкотал дракон, останавливаясь возле прохода в лагерь. Лезть в ловушки он не

хотел.

— Пробуйте, — проговорил я, сползая на землю.

— Значит, ты не против, чтобы детали ритуала ушли к драконам? — немного недоверчиво осведомился Крайг.

— Как будто я могу это остановить. Ты же всё видел. Вы в любом случае попробуете это повторить. А так хоть по проторенной дорожке, не пропустите кристаллизацию на демонический план, вам это самим не нужно.

— Не нужно, — задумчиво прооркотал ящер. — Ладно, оставайся тут, а я вернусь на место ритуала.

Проводив взглядом дракона, ушедшего охранять бесценные данные, я начал разогревать себе кашу. Получив, наконец, возможность спокойно обдумать произошедшее.

Ингельвин, конечно, гений в своей области, но ожидать, что я не смогу свести концы с концами и понять, что у меня источник открыт, глупо. Не сходились у меня затраты скверны с тем количеством, что я получал, плюс чувствительность к заразе изменилась. Да и впитывать энергию без прямого физического контакта можно только в этом случае.

Верить в то, что магистр мог это не заметить, не получалось. И я пошёл на поклон к дракону. Старый ящер многое знает о магии, но, что самое главное, мог помочь тут, на месте. В отличие от, например, баронского специалиста.

И он не подвёл. Уж очень ему были интересны детали ритуала, когда он увидел те наброски, что я подсмотрел у магистра. Настолько, что его проведение было одним из условий дракона.

— На каждую хитрую жопу найдётся свой дуболом с друганом-академиком, — усмехнулся я своим мыслям и активнее заработал ложкой.

Каша на нескольких человек закончилась очень быстро, после чего я откинулся на лежанку и задремал. Мешанина образов, запахов и видений сегодня не сложилась ни во что конкретное. Так что несколько часов я хоть как-то проспал, дав покой разуму и телу.

Отдых позволил мне встать и отправиться на место проведения ритуала, найдя там дракона. Который в нетерпении снял часть ловушек и когтем вырисовывал показавшиеся ему интересными сочетания рун на земле рядом с ритуальным кругом. Потом стирал написанное и чертил заново. Ящер пытается разучить и запомнить всё, что видит.

Я же вздохнул и достал из своего рюкзака первый на сегодня листок бумаги. Прежде всего предстоит вывести и зарисовать общую композицию элементов, потом уже разбирать частности.

Работа затянулась на несколько часов. Часть построений оказалась одноразовой, и приходилось пытаться вспомнить по памяти, что хотя бы примерно там было. Благо, я внимательно смотрел и запоминал. Да и магистр принёс с собой много заранее подготовленных ещё дома построений. Исписанные рунами дощечки и листы пергамента аккуратно откладывались в сторону.

В итоге, всё, что можно оказалось тщательно упаковано в мешок из той самой кожи, выступавшей основой ритуального круга. А потом эта торба заняло место на загривке дракона. Лес сильно беспокоился. Мы оба чувствовали, как ядро скверны выпускает волны силы, бьющие вокруг.

— Ты сразу отправишься? — сугубо для проформы осведомился я, помогая привязывать и упаковывать мешок у него на спине.

— Да. Сначала на юг, а потом попробую попасть к нам на остров. Ты точно не хочешь

отправиться со мной?

— Лучше как и договаривались, если ты доберёшься до своих друзей, то чек в банке будет лучшей благодарностью.

— И зачем тебе столько денег? От них только проблем наживёшь, — только и пророкотал Крайг.

— У меня есть планы, — криво усмехнулся я и помассировал виски. Фон скверны вырос непомерно, начиная давить на разум всё сильнее. — Валим отсюда.

Но лес вокруг как будто этого и ждал. Скверна сгустилась почти видимым облаком, растения сошли с ума, потянувшись к нам всеми возможными придатками, а на тропу начали выходить твари. Хорса, волки, шестиметровый древень.

Нас вполне толково блокировали, но, в целом, окружать нас не понадобилось. Я не мог пошевелить и пальцем, также, как и дракон рядом. Я ощутил огромный выдох скверны из ядра вдалеке, и в нашу сторону потекла река заразы.

Если бы я мог, то сейчас бы орал матом. Но был в состоянии только дышать и вращать глазами. Рядом проходила дрожь по телу пытающегося двигаться дракона. У него успехи по контролю своего тела были немного лучше, возможно виновата как раз та скверна, которая выросла на основе собственного магического источника.

Но это ничего не изменило. До нас дошла река заразы, и на полянку вырвался огромный изменённый медведь, на котором сидела закованная в знакомые растительные латы фигура. Вот только в отличие от эльфа с его жалкими тентаклями, вокруг неё кружилось несколько десятков побегов.

Отростки зафиксировались на земле и деревьях, а фигура, плавно поднявшись со спины монстра, опустилась пред нами. Скверной от неё лупило совершенно невозможно. Несколько мелких побегов проши по мне, обхватывая за шею, ноги и руки.

— Значит, это ты убил Анориона? — пронёсся над нами заданный мягким тоном и очень приятным, грудным, обволакивающим сознание голосом.

Это хотелось слушать и слушать, несмотря на смысл того, что она спросила. А глухая маска из побегов на лице фигуры зашевелилась и начала расходиться вниз и стороны, открывая взгляду женское лицо. На меня в упор взглянули голубые глаза, а покачнувшиеся пшеничные волосы на секунду открыли удлинённые уши.

Всё бы было красиво, если не снующие везде побеги и не равнодушный взгляд вивисектора. Побеги на горле немного расслабились и также резко исчез часть паралича, позволяя мне говорить. Я глубоко вдохнул и постарался изобразить недоумение:

— Не знаю, о ком вы говорите!

Она мягко улыбнулась, а у меня перед глазами встало видение:

Побеги пытаются оплести закованную в сталь фигуру, которая отмахивается тесаком, а потом трусливо разворачивается и убегает. Ярость, азарт погони. Но преследование затягивается, и, бьющая через край, туманящая разум злоба начинает сменяться усталостью и тяжёлым дыханием.

Враг делает последний рывок, сумев оторваться. Но замирает, исчерпав свои силы. Опять просыпается азарт. Финальный бросок и боль в груди. Ещё больше боли, попытка защитить свою жизнь. Страх. Мольба к благодетельнице. Мир переворачивается, когда голова покатила по земле. Темнота.

Встряхнув головой, я попытался собрать мысли после вбитого мне в голову видения. Вот тебе и ушастая клумба. Не просто поражённый скверной эльф, это, оказывается,

заражённый эльф со связями!

— Умирать ты будешь долго, — мило улыбнулась мне эльфийка и повернулась к дракону. — Что тут у нас? Целый мастер Крайг'Он...

Дракон, получивший возможность частично шевелить шейю, повернул голову и, окинув взглядом эльфийку, прищурился, шумно вдохнув воздух. Такая вот у него привычка, предпочитает оценивать эманации скверны и магии нюхом. Он надолго задумался, а потом с большой долей сомнения произнёс:

— Фиона?

— Удивительно! Понял с первого раза. Умная зверушка! — с лёгким удивлением произнёс этот райский голос.

Многочисленные побеги мягко пронесли её к морде дракона, и она постучала его по клыкку. Я же завис, пытаюсь сложить это в голове. Единственная Фиона, которую я знаю в местном пантеоне богов и демонов, это бывшая покровительница магии. Но прикол в том, что это мёртвая человеческая богиня, не эльфов.

— Запах эльфийской магии совсем другой. Мягкий, плавный цветочный аромат. И это можно уловить даже при заражении. Твой же — это металл и огонь. И даже то, что ты в этом теле, не смогло подобное скрыть, — тяжело дыша, выплюнул слова дракон.

— Умница. Даже жаль будет убивать, — довольно улыбнулась она.

Побеги подняли «эльфийку» над спиной ящера, она окинула взглядом прикреплённый мешок.

— Это знание выпускать в мир будет лишним. Рано вам с таким играть.

По её жесту побеги сорвали мешок с его спины и мягко опустили на землю.

— Это надежда моего народа опять летать! — зло проревел дракон, отчаянно дёргая лапой.

— Вашему племени предстоит умереть. Не питай иллюзий, животное, — презрительно усмехнулась Фиона. Лениво взмахнула рукой и дракон распластался по земле.

Ящер мог только еле слышно дышать. Но я видел, как его взгляд наполнился отчаянием пополам с бешенством. Он бы разорвал её на куски, дай ему сейчас хоть немного свободы.

— Значит вот чем стала бывшая богиня волшебства? Очередной тварью скверны? Убого! — сплюнул я.

— Плесень открыла рот? Удивительно! — подняла бровку бывшая богиня.

А побеги, держащие меня за руки и ноги, рванули в стороны, вытягивая руки и ноги из суставов. Больно. Но я растяжку хорошо тренировал, так что оказалось не так страшно, как она, вероятно, планировала. Я напряг мышцы, сопротивляясь, и через сжатые зубы, процедил:

— Когда умрут драконы, эльфы, следом придёт и ваша очередь. Вы все твари без будущего.

— Ты так уверен в своих словах... — она с интересом взглянула в мою сторону. — Удивительно от того, кто сумел убить моего слугу и знает, насколько слабы простые люди!

— Когда твои «владения», — я презрительно окинул глазами окружающее, — начнут полыхать под ударами оружия, силу которого ты сейчас даже представить не можешь, ты вспомнишь мои слова.

Замолкнув, я продолжал бороться с тянущими меня в разные стороны побегами. Получалось так себе и боль в порванных связках разгоралась всё сильнее. Меня и правда немного утешало, что рано или поздно местные начнут двигаться по пути привычного

технологического прогресса.

И вся эта сказочная шантрапа будет выжжена, не напалмом, так в пламени ядерного огня. Других поводов для радости и надежды мне всё равно не осталось. Силуэт эльфийки подплыл ближе, побег сорвали с моей головы шлем, а на щеку легла прохладная ладошка.

Голубые глаза взглянули, казалось, в самую душу, и мягкий голос произнёс:

— Покажи!

Голову стегануло болью, а в сознании начали мелькать сцены.

Светловолосая женщина, с болью и любовью смотрящая на меня. Её копия, выглядящая младше, что-то непонятное мне выговаривающая. Желание спрятаться. Женская фигурка больше не приходит. Непонимание. Голод. Запах дерьма и грабли в руках. Картины пролетали быстро, воспоминания были затёрты непониманием, неспособностью сосредоточиться хоть на чём то.

Яркая сцена встающего на дыбы хорсы и деревяшки, входящей в раненый бок монстра. Удар лапой. Темнота. Лекарка. Эрхард. Густав. Магистр. Тренировки, прочитанные книги, первый выход в лес. Картины прожитых дней пролетали с огромной скоростью. Разговор с Густавом. Чертёж. Быстрый бег воспоминаний замедлился. Смазанное видение горячей керосиновой лампы.

Картины быстро промелькнули до текущего дня и опять вернулись к тому моменту, когда я у себя дома вспоминал чертёж. Несколько смазанных видений работающего двигателя, летящего самолёта в небе. Ядерный гриб.

Голова болела невероятно, из носа хлестала кровь. Напротив застыла прищурившаяся и сжавшая губы бывшая богиня, а сейчас тварь скверны. Ничего такого она и не смогла вырвать из моей головы, только память тела. Это радовало. Но она оглянулась окрест, явно что-то обдумывая, и решительно произнесла:

— Этого мало. Я хочу знать больше. Ты отдашь мне всё.

Она взяла меня за голову двумя руками, а скверна вокруг нас поднялась водоворотом, усиливая и напитывая суку. Моя голова взорвалась от невыносимой боли. Я начал кричать, срывая связки, пока мог. Потом только бессвязно хрипеть.

— Больше силы! — прокричала Фиона.

На этом моё измученное сознание погасло.

Вверх. Вниз. Планомерно, прорабатывая каждую мышцу. Бицепсы ходили под кожей, радуя спортсмена и вызывая завистливые взгляды других парней в зале. Опустив штангу на место, Андрей привычно бросил взгляд в зеркало, довольно усмехнувшись увиденному. Скоро надо, наверное, уже начинать сушиться, будет полезно.

Немного выпрямить спину, чуть шире развернуть плечи и уверенным шагом выйти из зала. Маленькая тренерская, завешенная плакатами звезд бодибилдинга и оголённых девушек. Несколько кубков местного значения на небольшой витрине.

Открыв холодильник, парень с тоской осмотрел рядок пластиковых лотков с едой. Полдник, обед, ужин. Бутылка с водой. Всё по-простому, без всяких глупостей для подснежников, бессмысленно поедающих дорогое спортивное питание.

Утром он ставил гормошку, так что на сегодня никаких уколов больше не планировалось. Закинув лоток с завтраком в микроволновку, парень поставил на стол телефон и включил новости. Мир лихорадило, в новостях сплошные картинки ударов авиации и массовая истерия со всех возможных сторон.

Поморщившись, он врубил очередную серию сериала, и, под расслабляющее лопотание, таки впихнул в себя надоевшие макароны с куриной грудкой. Ничего, на обед говядинка и картошечка. Вкусно будет!

Но серию парень, всё же, досмотрел. Предстояло возвращаться в зал, по мере возможности тренироваться самому и присматривать, чтобы какой-нибудь долбанутый подснежник не убил себя штангой.

В конце концов, именно за это ему и платили тут. Ну и реклама ходячая, конечно, не без этого. Копейки, но какая разница, если и так всё время проходит тут? Жаль только, что времени и сил на что-то другое совсем не остаётся. Вечером приходишь домой, а голова пустая, как барабан, особенно если был день ног.

Хотелось накопить на машину. Но не выходило. Эти бесполезные соревнования с призовым фондом в размере банки спортпита и дырявого мешка респекта начинали бесить. Одна надежда на успешный контракт. Но нужно постараться, набрать ещё хотя бы десяточку. Проработку сейчас все хвалят, но массы маловато. А потом можно и сушиться.

Зазвонил телефон, и, глянув на экран, парень поднял трубку.

— Привет, Андрей? — раздался на том конце вальяжный молодой голос.

— Да, он, — пробасил спортсмен в трубку.

— Это Ник, мы познакомились на вашем последнем позировании.

— Было такое.

— У меня есть для вас одно предложение по долгосрочному контракту.

— Какой бренд? — чувствуя, как распирает грудь волнение, спросил парень.

— Я бы хотел обсудить это при личной встрече. Вы как, сегодня заняты?

— Тренируюсь, как и всегда. В девять освобожусь.

— Ну и отлично, давайте я вечером заеду к вам в зал, посидим в кафе обсудим, — жизнерадостно произнёс Ник.

— Конечно! Адрес диктовать?

— Я знаю ваш зал. Там узнаемся, белый Мерседес, номер три тройки. До встречи!

С замиранием сердца парень слушал гудки в трубке. Неужели?!

Время до закрытия прошло нервно. Тренировка не ладилась, все мысли были только о контракте! И, всё же, какой бренд? Что за условия? Придётся ли бросать текущий зал? Не хотелось бы, столько лет уже тут, всё налажено.

С трудом дождавшись, когда народ разойдётся, убрался, побежал в душ и переодеваться. Через пятнадцать минут уже закрыл зал и вышел на улицу. Подмораживало. Нетерпение грызло душу, хотелось подпрыгивать и сделать что-нибудь дикое. Но для стороннего наблюдателя, всё выглядело, как здоровый мужик с каменно-серьёзным выражением лица равнодушно подошёл и сел внутрь дорогой иномарки.

За рулём сидел молодой светловолосый парень. В неплохой физической форме, судя по обтягивающему свитеру. Хотя рельеф не очень, о массе и разговора нет. Но точно курсит, слишком уж подтянут.

— Николай? — протянул руку Андрей, здороваясь.

— Я вообще Никита, но предпочитаю Ник, — улыбнулся в ответ тот, пожимая ладонь.

— Не угадаешь вас с этими сокращениями, — пожал плечами спортсмен.

— Бывает. Едем?

— Разумеется, — уверенно кивнул здоровяк.

В машине оказалось комфортно. Играла приятная музыка, мягкая подвеска глотала неровности. Андрей держался, стараясь вести себя соответственно образу. Как взрослый и серьёзный мужик, хотя и очень хотелось начать сыпать вопросами.

Но, дотерпел, пока машина не остановилась возле одного из сетевых ресторанов японской кухни.

— Против сушией ничего не имеете? — обаятельно улыбнулся парень. — И не переживайте, я угощаю, раз уж это я вас пригласил.

— Без проблем.

Они вышли из пикинувшей машины, поднялись в ресторан, где улыбчивая девушка провела их к свободному столику и вручила меню.

— Может, перейдём на ты? — предложил Ник, пробежав быстрым взглядом предложенный ассортимент.

— Давай, — согласился бодибилдер, выбирая, что дешевле взять. Вдруг разговор не получится и придётся платить самому.

— Закажи суп-пюре, он тут очень вкусный, — посоветовал он Андрею.

— Знаю, я тут уже был, — улыбнулся в ответ спортсмен.

Хотя парня неприятно укололо. Его считают настолько нищим? Это плохо, значит и условия предложат бюджетные...

Так что на всякий случай он вспомнил, сколько денег на карточке и заказал в пределах своих возможностей.

— Так всё же, какой бренд? — позволил прорваться своему нетерпению он, пока ждали заказ.

— Скажи, ты действительно веришь, что в этой области сможешь заработать денег? — вместо прямого ответа издали начал блондин.

— Нормальный контракт, несколько брендов и всё будет нормально, — нахмурившись, поднял на него взгляд от стола Андрей.

— Ну да, и сколько останется тебе денег на себя? Пятьдесят штук в месяц? Сто? А сейчас и вовсе впереди не понятно, что будет.

— Не первый день живу, руки и ноги на месте. Прорвёмся!

Ответ вышел внешне уверенно, но настоящего задора по всему этому поводу он не испытывал. А вот такие заходы собеседника говорили, что, кажется, опять мимо. Контракта не будет.

— Мне вообще Ольга, подруга твоей Маши, посоветовала обратить на тебя внимание.

— Ольга? — вскинул тренер на блондина непонимающий взгляд, пытаясь вспомнить, кто это такая.

Но через десяток секунд до него дошло, какая именно Ольга, и Андрей не удержал язык за зубами:

— Она же в порнухе снимается.

— И неплохо этим зарабатывает, — усмехнулся парень. — Как, к слову, и я. В целом, знаешь, с мужской точки зрения это всё намного проще происходит, чем с женской.

Здоровяк завис, пытаясь осмыслить сказанное. А Ник продолжал рассказывать про заработки, называл большие суммы, описывал условия «работы». Не затыкался ни на секунду. Принесли еду и Андрей стал механически жевать, слушая сладкие речи.

Сам не заметил, как начал задавать уточняющие вопросы, интересоваться возможными партнёрами. Они закончили ужин, который блондин честно оплатил, вернулись в машину, и, пока он вёз Андрея до дома, разговор продолжался.

Общение перешло на машины, и тут уже Никита стал заливаться соловьём, рассказывая, за сколько взял свою, траты в месяц, какую долю месячного дохода стоит содержание. Посоветовал знакомый банк, где можно взять кредит даже с таким заработком. Так что ещё двадцать минут они просидели в машине, стоя у подъезда. Голова у Андрея шла кругом от открывающихся возможностей.

— Так что, Андрюха, жду твоего положительного ответа! — встряхнув на прощание руку, бойко воскликнул блондин и, посигналив, уехал.

Сделав несколько шагов, спортсмен сел на лавочку. Достал смартфон и посмотрел на иконку только что уехавшего собеседника в мессенджере. Ответ можно дать хоть сейчас. В душе у парня творился полный беспорядок. Но Никита в одном прав: лёгкие деньги — это большое искушение.

В душе боролась жадность и гадливость. В горле росла тошнота, заболела грудь. Андрей непонимающе огляделся, не в силах справиться с непонятным ощущением презрения. Идущего, как бы, изнутри и снаружи.

Но, впрочем, выбор подождёт. Не стоит пороть горячку прямо вот. Заманчиво, конечно, но Андрей уже совершил в жизни достаточно ошибок, чтобы начать задумываться...

Мир померк.

И я открыл глаза. Окрест простирался знакомый лес. Лежал на земле с непонятной тяжестью на груди. Подняв трясущуюся руку, смахнул засохшую кровь с лица, и перевёл взгляд на навалившуюся сверху «эльфийку».

Выглядела она плохо, её доспех превратился в мешанину полумёртвых побегов, а сама она залила мою грудь кровью из носа. На всей поляне вокруг нас изменённые растения пожухли, полностью отдав силы и скверну для одного-единственного усилия бывшей богини магии. Не легко ей оказалось дотянуться до таких далей.

В то, что я увидел реальность, не сомневался ни на секунду. Слишком там оказалось много нового и неожиданного. С души упал огромный груз, который там висел всё это время. Я не умер там, можно не переживать за родных и близких. Это главное. А остальное переживу!

Скинув женское тело с себя, я перекатился, оседлав его в процессе, нашарил кинжал на поясе. Вдохнул и поднял его над головой слабыми руками. Эту опасность нужно ликвидировать.

Она не могла придумать другого времени, чтобы очнуться. Недоумённо оглянувшись, увидела занесённый над собой нож, с трудом подняла в защите руки и слабо, с акцентом, воскликнула:

— Андруха — ниет!

Я только оскалился:

— Меня зовут Бьёрн!

И нож опустился.

Она спала и видела сны: в этих видениях спящая видела себя на охоте, пируя среди компании гоблинов, или, наоборот, в роли добычи. Десятки образов наслаивались друг на друга, отдавая свои эмоции и мощь.

Изменённый лес жил своей жизнью и не обращал внимания на тех паразитов, что присосались к нему, высасывая его кровь и силу. Ведь больше всего они хотели жить. Как угодно, но не отправиться в небытие. Боги, вампиры, драконы, эльфы и гоблины — множество тварей ютилось в самых тёмных и насыщенных скверной углах чащобы.

Изредка сон Древних прерывался, и тогда начинались собираться орды монстров, желающих продолжить древнюю войну. В один из таких дней дрогнули веки спящей, когда пришли ощущения растекающегося по жилам огня. А после яркой образ испуганных, но горящих решимостью серых глаз над впившимся в шею шприцем. Потом пришло настоящее пламя, и следом за ним адская боль.

Отбросив неприятный образ, спящая увидела другой. Всё те же серые глаза, горящие бешенством. И копьё, несущее смерть в его руках. Боль.

Следующая картина. Усыпанная трупами поляна, на которой спина к спине дерутся израненный дракон и всё тот же воин. Боль.

Дым пожара, не дающий дышать. Рывок на свободу к чистому воздуху встречает на своём пути меч. Непонимание и тьма.

Закованные в латные рукавицы руки разрывают мелкие тела, кровь мутит разум, просыпается голод. Зубы впиваются в сладкое мясо, жадно сглатывая текущую кровь. Опасность сзади — пригнуться, пропуская над головой пролетевшее бревно. Прыжок в сторону, Ещё один. Что-то чёрно-зелёное метнулось сбоку. Подпрыгнуть, пропуская под собой. Удар бревном в воздухе остановил сцену.

Лёгкий интерес. Один из слуг пробудился от своей спячки, получив команду. Ожидание, встреча с целью. Досада от потери хорошего инструмента.

Начало ритуала. Исчезновение магов на другом плане. Понимание необходимости прямого вмешательства, досада. В глубинах центрального средоточия скверны, у гигантских корней, уходящих под землю и медленно переваривающих кристаллы маны бывшего схождения линий силы, началось движение.

Стустилась мощь, и небольшое уплотнение на корне исчезло, чтобы появиться за месяцы дней пути в средоточии энергии возле места ритуала. Мягко опала изменённая плоть, оставляя после себя женскую фигуру.

Спящая открыла глаза и, наконец, вдохнула воздух полной грудью.

— Сколько я не выходила наружу? Двадцать лет? Десять? — тихо произнесла Фиона, выпрямляясь и проводя ладонью по сильно отросшим волосам.

Сделала шаг к ближайшему побегу паутинки. Мутировавшие растения встрепенулись и поползли вперёд, наливаясь мощью и оплетая обнажённое тело бронёй.

Миг концентрации, и десятки заранее присмотренных тварей попали под контроль, рванувшись на перехват её будущим инструментам. А перед женщиной преклонил колени огромный медведь. Побегу мягко подняли и посадили её на спину монстру.

Так приятно было наконец чувствовать густую шерсть пальцами, дышать полной грудью, а не просто бессмысленно существовать в веренице протекающих мимо образов. Но

такова цена, и, грустно усмехнувшись, бывшая богиня произнесла:

— Зато я жива. А многие — нет!

Да и если подумать, не так уж сильно это отличалось от того, как она существовала раньше. Ведь что такое жизнь для воплощённой концепции магии? Над реальностью довлеет воля разумных существ и энергия, текущая сквозь планету. Нет ничего стабильного и постоянного в океане силы.

Только реальность временных аватаров, как поток хоть чего-то постоянного и настоящего. В некоторых она проводила минуты, в других годы. Это ничего не меняло. Тени их памяти и душ ненадолго оставались с ней, а потом уходили, растворялись в океане силы.

Её именем проводили ритуалы, разрывали реальность, творя невозможное, выжигая в ткани мироздания новые концепции. И это правильно. С каждой тысячей лет океан силы становился всё более спокойным, предсказуемым и упорядоченным. Маги развивались, а вместе с ними всё чаще пробуждалась ото сна и Фиона. Одна из властительниц бесконечных океанов и рек силы, что опутали всю планету.

Потом вспыхнула война. Её братья и сёстры, несущие другие концепции, не способные ужиться друг с другом, стали умирать. Воля аватара магии дала жизнь вампирам. Её именем на устах люди сводили с небес океаны огня, обрушивая их на головы своих врагов.

Сталь и огонь стали её душой. А кровь и жизнь нелюдей лучшим подарком. Так было. Но колесо эскалации и ненависти продолжало крутиться дальше. Магия становилась всё губительней, вмешательство врагов лишило контроля над созданным оружием. И однажды наступил момент, когда то, что было игрой ума, оказалось пущено в ход.

Она сама помогала сокрушить бога ремесла гномов, чья сила легла в основу распространения кристаллизации. Дальше не было ничего сложного: воплотиться в эльфийку, как существо потенциально способное к долгожительству, и погрузиться в средоточие скверны. Ведь только она была в силах однажды вернуть всё обратно.

Мягкие шаги зверя продвигали её всё ближе к двум будущим инструментам. Глупые люди начали играть с демоническим планом. Это стоило пресечь. Как и заменить умершего слугу, разумеется. Но прежде чем превращать в инструменты, сначала их нужно немного сломать и привить покорность.

Растения зашевелились, скрывая её лицо, а Фиона сконцентрировалась на скверне внутри человека и дракона, а после точным воздействием их обездвижила.

— Время начинать представление, — тихо вздохнула женщина, и зверь под ней вышел на поляну, где застыли будущие слуги.

Демонстрация силы и превосходства, изъятие опасной информации. Придумали ещё, драконам переселяться в другой слой. Глупцы. Демонический план не отдельный мир, а отражение этого. Такой слой даже не один, но все они зависят от маны основного, плотность энергетического фона там падает каждый год. Не говоря уже о том, что они неизбежно притащат туда кристаллизацию.

Единственный настоящий шанс вернуть магию — скверна. Дождаться, когда она дорастёт до значимого уровня, и попробовать пустить эту силу на обратный процесс, чтобы растворить кристалл. Заменить одну волю на другую. Свою. А всё остальное — это просто попытка оттянуть неизбежное.

Думая о глупости людей и драконов, Фиона произносила речи, давила силой. Играла привычную роль, призванную сломить их жажду сопротивления, а там уже можно будет и давать послабления. Впереди ещё сотни лет сна, иногда менять изношенные инструменты

бывает необходимо.

— Ты вспомнишь мои слова!

Он верил в это, искренне верил. Фиона только вздохнула про себя: очередной скорбный разумом? Жаль, тогда ценность этого инструмента теряется. Впрочем, дракон тоже неплохой улов. Но стоит проверить.

Волевое усилие, и скверна в теле сероглазого здоровяка с уродливым шрамом на лице отозвалась на её усилие, начав пролистывать куски его жизни перед внутренним взором.

Интересно. Действительно больной. Лениво проскочив скучные подробности деревенского дурачка, добралась до момента, когда картинка приобрели кристальную ясность. Всё изменилось очень резко. Вот был деревенский дурачок, а вот сразу ясное и целостное восприятие. Обучение у алхимика. Неизвестные символы на письме.

Она даже на секунду остановила просмотр. Непонятно. Дальше. Вот на песке мелькает чертёж. Смазанная картинка того, как это работает в выполненном виде. Ещё какие-то железки, изображение мощного взрыва.

Вытащить больше не получалось. Остальное было где-то глубже в его душе и разуме. Раз за разом она просеивала его сознание, видела всё больше странного. Но такое сканирование толку не давало. Нужно было лезть в душу.

Фиона начала втягивать в себя всю доступную силу, нажимая всё сильнее и сильнее. Но не хватало. И тогда она тараном направила всю мощь ближайшего средоточия, энергии намного большие, чем она могла обработать в таком слабом теле. И преграда пала, увлекая её разум за собой.

На той стороне было странно. Много зеркал, странно выглядящий инвентарь. Неизвестный язык. Интересные магические артефакты, используемые просто для того, чтобы радовать зрелищами.

Их реципиент кушал, а на артефакте перед ним двигалась живая картина, где люди много разговаривали, зачастую на разных языках. Сменялись картины, что-то горело, взрывалось. Это быстро кончилось и пошёл отрывок какой-то истории.

Потом по тому же артефакту он с кем-то поговорил и вернулся обратно в зал с зеркалами. Она смотрела. Когда он вышел на улицу, стало интереснее. В небе светила одна луна. Да и, в целом, вокруг всё было крайне непривычно. Много артефактов, но магии Фиона не чувствовала. Харчевня, разговоры, из которых она ничего не поняла, не зная языка.

Вокруг всё выглядело очень необычно. Ярко одетые сытые люди, артефактные экипажи. Огромные дома, из сотен окон которых выбивался яркий свет. Незнакомые материалы, никаких вооружённых людей. Другой мир, с другими достижениями и очень, очень богатый. Много вопросов. И есть кому на них ответить.

Сознание начало путаться, и, через мгновение, всё вокруг потемнело.

Очнулась бывшая богиня от боли. Пробежавшись внутренним взглядом по телу, поморщилась. Всё плохо. Она пропустила через себя слишком много силы. Но оно того стоило, когда Фиона задаст свои вопросы человечку, может многое измениться!

Однако стоило ей открыть глаза, как все мысли о будущем исчезли. Над ней поднимался нож. И силы вокруг было очень мало. Вскинув руки, она попробовала его отвлечь, но в обращённых на неё глазах не увидела ничего, кроме ненависти, страха и усталости.

Она дёрнулась, повернув голову. И клинок вместо того, чтобы ударить в горло, вошел в щеку, а потом, пробив вторую, в землю под головой.

Очень хотелось жить. От этого слишком многое зависело. Кто-то должен был однажды

вернуть силу этому миру. И, несмотря на боль и выступившие слёзы, она сжала челюсти, не давая лезвию подняться для нового удара.

Бьёрн дёргал лезвие, пытаясь вырвать его. Но женщина сжала нож зубами, заливая всё вокруг кровью. Она пыталась вытянуть хоть немного скверны из окружающего мира.

— Бля! — выругался парень и, отпустив нож, навалился ей на шею локтем.

Ей нужно выжить. Нужно! Захрипев, она попробовала схватить кинжал, но вместо этого его вытащил он. Удар. Она закрылась ладонью, с ужасом смотря, как клинок пробивает её насквозь. Он вырвал его и нанёс ещё удар. Она прикрылась руками.

Он с трудом поднимал кинжал и опускал его. А её руки превращались в изрезанную пасту. Ещё один укол проскочил по скуле, полосуюя лицо. Но она скопила немного силы. И ушёл приказ.

Скулящая полумёртвая туша хорсы сбила сидящего на ней ублюдка, подгребая под собой.

Фиона же, подвывая от боли, поползла в сторону. Ради своих братьев и сестёр, ради будущего этого мира. Выжить! Невзирая ни на что — жить! Позади раздалась возня, и, обернувшись, она увидела, как из-под вяло шевелящейся туши зверя потихоньку выползает парень.

Уперевшись изрубленными кистями о землю, плача от боли и заливая всё вокруг кровью, она, на четвереньках, ещё быстрее двинулась прочь.

Порезанные куски лица висели на мышцах и костях, в голове мутилось от боли и страха. Но она ползла. Скверны становилось немного больше и, впитав капли силы, эльфийка сумела встать на ноги. А позади поднималась с земли фигура преследователя. Невнятная ругаясь, он сделал первый шаг в её сторону.

Зачерпнув ещё немного силы, она схватилась руками за лицо, оглянувшись ещё раз, шагнула вперёд. Голая, залитая кровью, движимая ненавистью, болью и страхом. В голове обрывки мыслей. Выжить! Отомстить! Вырвать под пытками всё, что он знает. Уничтожить ублюдка!

Ну а пока, преследуемая по пятам звуком тяжёлых шагов, она плелась вперёд.

В конце концов, желание жить сильнее всех прочих.

Глава 1

Я плёлся за этой сукой, смотря на её голую задницу. Жопа красивая. А вот сил продолжать преследование осталось совсем мало. Но сдаваться нельзя, главное сейчас сделать ещё один шаг. Тварь нужно убить. Не знаю, что она поняла в том, что увидела, но сомневаюсь, что у меня будет спокойная жизнь, если я сейчас отступлю.

Я держал бывшую богиню перед глазами и шёл вперед. Она ранена, истекает кровью. Я смогу!

Под ногу подвернулся торчащий из земли корень, и я рухнул на землю, гремя доспехами. Спина впереди вздрогнула и ещё сильнее ускорила шаг. Я попытался встать. Не смог. Порванные связки горели огнём, голова кружилась так, что сосредоточиться ни на чём не мог. Не говоря уже о крайней слабости.

Попробовал ползти, но силуэт всё равно удалялся, а лес вокруг начал демонстрировать признаки жизни. Я дёрнулся ещё пару раз и остановился. Сука вытянет скверну и сможет восстановить силы быстрее, чем я. Не говоря уже о контроле различных тварей или растений. Это кроме возможности частично контролировать меня самого.

Я сел и, прищурившись, проводил взглядом скрывающуюся женщину. Я её изувечил. Получил врага, который будет меня преследовать, пока не уничтожит.

Сплюнув, жадно выпил остатки воды во фляге и остался сидеть, пытаюсь придти в себя. Наконец, выдалась минутка обдумать произошедшие события: то, что видел в видении, показанном мне после атаки на разум бывшей богини.

— Бьёрн, да? — тихо прошептал, оглядывая лес вокруг.

Расстроен ли я, что оказался просто копией памяти? Да хрен его знает. То, что я больше не совсем Андрей, было понятно давно, как бы не отгонял от себя эти мысли. Я ведь даже на уровне привычек другой человек. Мне раньше никогда не нравилось острое или жирное, чтением тоже не увлекался.

Да и такой любви к различным авантюрам не наблюдалось. Разумеется, я старался думать, что это всё просто изменение условий раскрыло другие стороны моего характера. Но пора признаться самому себе окончательно. Я другой. И это, в конце концов, не так уж и плохо.

Надеюсь, что у меня там, точнее, у Андрея, всё будет хорошо. Лучше, чем у тут. И когда-нибудь я узнаю, кто и зачем перенёс копию памяти в этот мир. Но, если уж на то пошло, от меня тамошнего не ubyло, раз уж он без проблем прожил не меньше года. А здесь нынешний я получил шанс на полноценную жизнь.

Сейчас следует решить, что делать дальше. Нужно где-то отлежаться хотя бы пару часов и валить домой. Эта сука идёт в сторону ядра, там она быстро восполнит часть сил. Не знаю, решится атаковать сразу или, всё же, сначала залижет раны. Я ей руки и, что важнее, лицо превратил в мясную нарезку. Так что на её месте точно бы атаковал.

— Как же херово!

И что-то подобное меня ждёт, когда начнётся финальный откат от извлечения скверны? Сука извлекла из меня почти всю заразу разом, и я остался со всеми своими травмами наедине. Но, так или иначе, нужно двигаться. Мне ещё рано помирать, особенно от руки сумасшедшей твари.

Глубоко вдохнув, медленно встал. И осторожно, останавливаясь на каждом шагу,

вернулся на поляну.

— Добил? — встретил меня вопросом очнувшийся Крайг.

— Ушла, — скривившись, сплюнул я.

— Плохо. Она отомстит, — между слабым быстрым дыханием обронил слова ящер.

— Идти сможешь?

— Не сейчас.

— Тогда надеемся, что мстить она будет не прямо сейчас, — вздохнул я, осматривая поляну.

Рядом развалилась туша мутировавшего медведя. Судя по всему, почти мёртвого. На тропе лежал древень, кажется, окончательнодохлый. Остальные твари разбежались ещё в процессе ритуала, кто мог. Я подобрал тесак и копьё. Примерившись, вогнал остриё в глаз дёрнувшемуся хорсе.

Вообще, свои названия есть для всех мутировавших тварей. Но в этих широтах гургами, например, изменённых волков никто не называет. А вот к медведям имя прилипло, слишком уж их на скверне разносит по массе и силе. Южнее по материку свои предпочтения к монстрам. Там больше кошки почтением пользуются.

Вырвав копьё из глазницы монстра, взял в руки тесак и стал пытаться пилить зверю бочину. Не получалось, навалившись всем весом, я сумел его вогнать в бок, но прорезать шкуру вбок не получалось. Слишком ослаб.

— Вынь, — скомандовал подползший ближе дракон.

Я молча извлёк тесак, потянув за рукоять всем телом и отвалившись в сторону. А он, воткнув вместо него свои когти, дёрнул всем весом, разрывая шкуру.

Вытащив нож, я полез внутрь и, измазавшись в крови, отчекрыжил печень. Отрезал себе кусок, остальное проглотил дракон. Стрёб сухих веток, развёл огонь. Насадил мясо на палку и воткнул ту в землю рядом с пламенем.

Раздался треск костей, когда посвежевший Крайг начал разрывать на куски медвежью тушу и закидывать в пасть понравившиеся куски. Бросив ленивый взгляд на измазанную в крови морду, только вздохнул и устроился на пожухлой траве удобнее, закрывая глаза. Я, конечно, не планировал засыпать, но, в итоге, практически сразу отключился.

Когда открыл глаза, костёр уже прогорел, несмотря на положенные драконом брёвна. Рядом свернулся клубком Крайг, дремля. Лес вокруг нас даже не начинал оживать, так и повиснув мёртвыми побегими паутинки. И, не считая того, что где-то, не дальше чем в паре километров, должна исходить ненавистью бывшая богиня, сейчас это довольно безопасное место.

Около костра, на зелёном листе, лежала жареная медвежья печень. Не обращая внимания на подгорелость куса с одной стороны, я впился в мясо зубами, меланхолично, пережёвывая. Тело по-прежнему болело, но уже далеко не так сильно. Да и слабость отступила.

Мне уже с зачистки старой деревни не нужны внешние вливания скверны. Хватает и того, что зараза перерабатывает, выдаивая мой магический источник. Это не так много, но стабильно. Другой вопрос, что Крайгу подобной подпитки хватит, только если он целыми днями будет спать.

— Надо идти, — вырвали меня из раздумий слова дракона. — Больше ждать нельзя.

— Сможешь? — поинтересовался, смотря, как он закидывает на спину мешок с тем, что мы собрали по проведённому ритуалу.

— Смогу. Помоги привязать.

Я запрыгнул на подставленную лапу и уже оттуда на загрибок, увязывая мешок, попутно спросив:

— Как считаешь, эта сука сможет меня достать, если я далеко от заражённых земель уйду?

— Выводи скверну, убегай подальше. Тогда, может быть, не достанет.

— Например, к вам на остров или на второй материк? — усмехнулся я, затягивая последний узел и спрыгивая на землю.

— Главное — подальше.

— Посмотрим, — пожал я плечами и накинул на плечи рюкзак. — Пошли?

Ящер поджал крылья к спине и молча ступил на тропу. Дорога давалась весьма тяжело. Крайг постоянно отрывался вперёд, и мне приходилось переходить на бег, тратя скопленный запас сил. Так что мы не прошли и пяти километров, когда сделали первый привал.

Дракон тяжело дышал, по-собачьи свесив язык. Я же просто рухнул на землю, как только его догнал, трясущейся рукой снял шлем и смахнул пот со лба. Кажется, у меня поднялась температура, опять начало мутить, кружилась голова.

Но задерживаться нельзя, как бы плохо ни было. Через десять минут мы продолжили путь вперёд. Прошли километра полтора, пока я в который раз не догнал остановившегося дракона. Тот повёл пастью, глубоко вдохнул и тихо пророкотал:

— Впереди гоблины. Есть шаман.

— Только не сейчас, — пытаюсь отдышаться, ответил я, оперевшись на копьё, чтобы не упасть.

Меня по-прежнему лихорадило. Не вовремя начали падать первые капли холодного дождя, а затянутое тучами небо окончательно перестало пропускать лунный свет.

— Они нападут, нас уже окружают.

Слова Крайга не придали мне оптимизма. Подняв голову кверху, я подставил лицо под начинающийся ливень. К бою я не готов, но драться всё равно придётся. Снял шлем, протёр ладонью лоб и закинул назад отросшие в последнее время волосы. Глубоко вдохнул, выдохнул. Скинул рюкзак и надел шлем обратно.

— Ничего, прорвёмся. Не впервой, — подбодрил я себя и дракона.

И полностью сконцентрировался на скверне вокруг, пытаюсь ощутить врагов. Есть. Сжав зубы, бросился вперёд, выскочив на нападающих. Трое, все с копьями. А позади них ещё четыре лучника. Пригнулся, закрывая лицо и принимая стрелы на доспехи. Укол, парирование, смещение. О кирасу лязгнуло копьё одного из гоблинов. Ещё одно прошло по защите бедра. Ответная атака в голову. Мимо.

Скорости не хватает. Отвести в сторону чужое копьё. Удар мне в шлем, хорошо хоть голову пригнуть успел. В подбородок больно врезался шнурок, но защита головы осталась на месте. Ещё залп стрелков, из которого звонко ушёл в рикошет только один выстрел. Остальные прошли мимо.

Бьют по ногам, надеются, что там защита будет слабее. Сместившись в сторону, нанёс укол в бедро одному из зеленокожих. Попал. Его друзья тоже не промахнулись, но моя броня выдержала. Удар в голову подранку. И первый труп осел на землю.

Пригнув голову, принял ещё один залп лучников. Защитился, атаковал. А от поверженного тела в меня стала впитываться тонкая струйка силы, главное не отходить далеко. Шаг назад, Отбить одно копьё, принять на наплечник другое. Вперёд. Рубануть,

игнорируя вскинутое древко. Отдача в ладонь от острия, прорубившего кости.

Скорости нет, но моя масса никуда не делась. Парировать удар оставшегося копейщика, нанести несколько уколов в разные точки. Атака в бедро прошла, и, развив серию, я, с хрустом ломающихся зубов, вогнал острие зеленокожему в глотку.

Лучники отступили назад, скрываясь среди тьмы ночного леса. Я же, присев на колени, погрузил пальцы в разрубленную грудь скребущего ногами гоблина. Сосредоточившись на скверне, потянул заразу в себя. От наплечника отскочила стрела, но я ждал. Десяток секунд — и повторить подобное с другим телом.

Выдоив третье, поднялся с колена и, хрустнув шейей, выстрелил своим телом вперёд. Лучники, тролль, два копейщика. Шаман верхом на огромном волчище. Зеленокожий заклинатель был занят контролем сражающегося с драконом древня. И только и сумел, что скатиться со своего зверя перед тем, как тот бросился на меня.

Зря они дали мне возможность набрать силу — проскочила в голове ленивая мысль, пока копьё входило в пасть волка. Острие прошло через шею и вошло во внутренности, погрузившись более чем на половину длины древка.

Бросив его, выхватил тесак и горизонтальным ударом развалил атакующего копейщика на две части в поясе. Срубленная голова. Отрубленные руки. Выпущенные кишки. Раскрытые в ужасе глаза шамана, прежде чем его голова полетела в сторону. Молодой совсем заклинатель тварей. Неопытный.

После того, как шаман потерял контроль. Древень, как достаточно тупое существо, отлетел в сторону от удара хвоста, и Крайг, наконец, смог заняться прыгающими вокруг него копейщиками. Гоблины подготовились, мне даже отсюда было видно, что их оружие измазано ядом. Я успел убить ещё пару лучников, прежде чем вернуться на помощь дракону.

Остальные разбежались и, судя по всему, возвращаться в бой намерены не были. Остановившись возле ящера, втянул ноздрями пахнувший дождём и кровью воздух. Крайг взмахами когтей потрошил древня. Летел иخور, но я чувствовал, как впитывает заразу тело и аура ящера.

В древне скверны много, дракону поможет. Я вернулся к безголовому телу тролля и присел рядом, положив ладонь на обрубок шеи. Повторил с шаманом. Мне хватило, больше и не нужно пока. Это меньше, чем у меня было до встречи с бывшей богиней, но и хорошо. Хоть выплюсь. Надеюсь.

— Закончил? — негромко спросил я дракона, закончившего с большим врагом.

— Жди! — раздался в ответ короткий рык.

Я только пожал плечами, чувствуя течение скверны вокруг, вливающейся в ящера. Он на глазах оживал, двигался всё увереннее и стремительнее.

— Валим, пока эту сука ещё на нас кого-нибудь не бросила, — сплюнув, произнёс я через пару минут, когда он закончил.

Он только повёл пастью и рванул вперёд. Быстро, но теперь это не проблема. За драконом бежать удобно, мелкие растения он полностью игнорирует, вырывая с корнем. А крупные тут ещё не прижились, не зря же тропу месяц готовил?

Несколько раз останавливались перевести дух. Но, в итоге, через несколько часов мы, тяжело дыша, стояли у его логова на озере.

Дождь кончился ещё по дороге, и сейчас над горизонтом поднялось солнце, проглядывая сквозь начавшие редеть облака. Дракон возился в своём шалаше, разбирая вещи. Я покачал головой и помог ему упаковать несколько мелочей в мешок на спине.

Что ни говори, но драконы — совершенно не приспособленные к обычной жизни создания. Магия заменяла им почти всё, но даже когда они были в полной силе, их быт не отличался комфортом и разнообразием. Крайг иногда с отвращением признаёт, что сейчас их жизнь в быту, возможно, лучше, чем до катастрофы. Вместо пещер и прочих нор — большие дома, сельское хозяйство и нормальное питание.

Всё это создано, в основном, ловкими руками людей и прочих рас, хоть и с помощью грубой силы ящеров. Однажды я побываю на их острове. Хочу это всё увидеть.

— Удачи добраться, — пожелал я Крайгу, смотря, как он встряхнулся, проверяя крепление мешка на спине.

— Выживи. И однажды мы ещё встретимся, — пророкотал в ответ дракон и, взмахнув на прощание крылом, отправился в долгую дорогу.

Надеюсь, у него всё получится в пути. Несколько тысяч километров, из которых часть по морю. Но совсем не удивлюсь, что у него ещё есть связи, и после того, как он окажется в порту, дальнейшее путешествие пройдёт в относительном комфорте.

Вздыхнув, закинул рюкзак на плечи и, используя копьё вместо посоха, потихоньку пошёл домой. Лес радовал своей пустотой. Встретил всего несколько растений, но за последние месяцы распространение скверны немного приостановилось, а после того, как ушастая сука вытянула столько энергии из ближайшего средоточия, станет ещё лучше.

Хотя охотники спасибо не скажут, ходить за добычей теперь придётся дальше. Я был бы рад считать, что вероятность большого нападения снизилась, но нет. Фиона соберёт силы и нападёт. И ведь даже упреждающий удар не нанести. Хотя...

Я задумчиво почесал шрам на щеке, подумав: интересно, а что будет, если ядро банально подорвать? Просто рассеивание скверны среди окружающих растений? Но, в любом случае, если я что-то понимаю в заразе, то это похоже на сеть с большими и малыми узлами. И ядро — это как один из узлов, удаление которого, снизит насыщенность заражения в нашем регионе.

Представив эту картину, усмехнулся и уже бодрее пошагал к деревне. Попробовал пробежаться, но буквально через несколько километров бросил эту затею. Тяжело. Слишком много сил и скверны потратил на бой.

Так что к воротам селения я подошёл уже под вечер. Устал, как собака, последние километры держась только на предвкушении ужина и сна. Как назло, на выходе о чем-то общаясь со стражей, стоял барон с его управляющим и парой человек охраны.

Барон с любопытством окинул меня взглядом и, подняв бровь, поинтересовался:

— А где магистр?

— Нет у нас больше магистра и практиканта его тоже, — устало, предчувствуя допрос, ответил я.

— Пойдём, расскажешь, — велел барон, после чего развернулся и пошёл к своему замку.

Упитанный управляющий через несколько сотен метров начал тяжело дышать, на что барон с усмешкой бросил:

— Что, тяжело тебе, любезный?

Тот вытер пот со лба платком, но невозмутимо ответил:

— Тяжко, Ваша Милость. Но я по-прежнему считаю, что в моём возрасте тратить силы и время на физические упражнения — нерациональная трата времени.

— Ты младше меня на три года и живёшь тут уже десять лет. За такой срок мы давно бы сделали из тебя сносного воина.

— Лучше я буду хорошим управляющим, чем посредственным бойцом, — достаточно привычно отмахнулся от аргументов барона упитанный счетовод.

Я слушал шутливую перепалку, а сам думал о том, что мне стоит в разговоре утаить. Бой с бывшей богиней замалчивать нельзя, это важно для безопасности всей деревни. Про дракона он и так в курсе. Про что реально стоит молчать — так это подробности ритуала, но это завязано на разборки магов, и обойти подробности будет сложно.

Барон мужик въедливый, людьми управляет намного дольше, чем я на свете живу. Начну врать — расколет. Как обойти суть ритуала в разговоре, пока идей никаких нет. Впрочем, всё, что имело ценность, унёс дракон, и с меня тут спрос небольшой. Не хочется мне нести бремя знаний такого ритуала. Очень уж оно может быть соблазнительно для людей с ресурсами и жаждой жить.

Я так ничего не решил, пока мы не зашли в замок и не поднялись в обеденный зал барона, где тот приказал собирать ужин. А после, кивнув мне на стул через несколько мест от себя, приказал:

— Рассказывай, как так получилось, что мы лишились Ингельвина.

— Там дело будет касаться магии. Позовёте мастера?

Барон постучал пальцами по столу и кивнул слуге. Тот в ответ поклонился и умчался звать их алхимика.

— Вы далеко ходили? Что скажешь о концентрации тварей? Встречал ли большие стаи?

— Думаю, опасность большого нападения в ближайшее время велика, и это будет следовать как раз из произошедших событий во время этого рейда. А не из плотности фона скверны и количества тварей.

— Даже так? — хмыкнул барон.

— Там много всего произошло, даже не уверен, что вы мне поверите, — пожал я плечами.

А тем временем в зал вошёл баронский алхимик. Невысокого роста, лет сорока, с чёрными, тронутыми сединой, забранными в хвост волосами. Окинув нас взглядом, немного недовольно осведомился:

— И зачем я тут? У меня там работа кипит.

— Молодой человек высказал пожелание, чтобы при его рассказе присутствовал специалист по магии, — ответил ему управляющий.

— Надеюсь, это что-то важное, — скривился алхимик, но, тем не менее, уселся на стул рядом с управляющим.

Я тяжело вздохнул и начал:

— Задачей было дойти за три дня пути до ближайшего ядра. Для проведения определённого ритуала, требующего сверхвысокого фона скверны...

Я рассказывал о дороге, о пробитой тропе и стоянках. О ядре и тварях вокруг. И как только дело дошло до самого ритуала, замаявшись, произнёс:

— Не знаю, нужны ли вам подробности. Вещь довольно гадкая, и не в тех руках может ввести в искушение. Да и не получилось у него ничего.

— Про поиски Ингельвином вечной жизни тут все в курсе, — вздохнул баронский маг.

— Если кратко, он планировал переписать свою память в практиканта. Но тот оказался тоже немного в теме интересов Ингельвина и нашёл, что противопоставить.

— А почему не в тебя? Зачем было тащить дополнительный балласт? — нахмурился управляющий.

— Нет смысла, Вальтер. Парню жить с таким поражением скверной не очень долго, — поморщившись, ответил ему алхимик.

— И ты на этот ритуал спокойно смотрел? — спросил меня о другом барон.

— Я лежал парализованный со вскрытыми венами. Если нужно — покажу руки.

— После, — отмахнулся маг. — И так видно, что ты сильно ослабел. Продолжай.

Я описал разговор с Мартином, умолчав о пробое в мир демонов. О желании студента занять место магистра в деревне.

— Да, такой разговор был, — усмехнулся Вальтер. — Старик подходил, говорил, что если не вернётся, пусть его лаборатория уйдёт новичку, а взамен тот продолжит его работу.

— И вам это не показалось странным? — с любопытством спросил я управляющего.

— Старик имеет право на причуды. Заслужил, — равнодушно пожал плечами тот.

— А как ты выжил? Студент явно не собирался оставлять тебя в живых.

— Зря, он бы не дошёл до деревни, — опередил мой ответ барону алхимик.

— У меня была страховка. Размером с сарай и крыльями, — усмехнулся я.

— Допустим. Дальше.

Подчиняясь приказу, я рассказал про появление бывшей богини. Её слова, возможности, то, как она подтвердила собственную личность.

— Это уже какие-то сказки, — хмыкнул Вальтер.

— Она придёт за мной. Тогда и увидите, какие это сказки, — устало ответил я управляющему.

— Зачем ты ей сдался? Если она так сильна, как ты говоришь? — прищурился барон.

— Мой случай оказался ей интересным, и она слишком глубоко залезла мне в голову. Перенапряглась. И я её очень нехорошо и некрасиво ранил, прежде чем мы сбежали. Она отомстит.

Высказавшись, я устало замолк, наконец, получив возможность заняться своим куском жареного мяса, который совсем остыл, пока я работал языком.

— Что скажешь, Альберт? — спросил местный владетель у мага.

— Мы не сможем это проверить, только если организовывать экспедицию к ядру. Но насчёт богини — это вполне возможно.

— Я бы не хотел идти. Если она будет там, достаточно будет взять меня под контроль, и обратно никто не вернётся. Но если действительно нужно, готов провести отряд. Но, повторяюсь, это опасно.

— Мы услышали тебя. Доедай и можешь быть свободен. В ближайшие дни узнаешь наше решение.

Я только кивнул, продолжая быстро насыщаться. Видно, что им нужно поговорить без моих ушей. Прожевав последний кусок, я стёр мясной сок хлебом и допив пиво, поднялся.

— Ваша Милость. Господа, — поклонился я аристократу с помощниками.

— Иди. Порадуйся сюрпризу дома, — усмехнулся барон.

Я любопытствовать не стал, и через пять минут уже шёл к деревне. Хоть вкусно поел и лично для меня важного не разболтал. С плеч спала тяжесть, но понятно, что ещё возникнут вопросы.

Впрочем, пофиг. Придумаю что-нибудь.

Выкинув из головы заботы, поспешил домой. Открыв калитку и зайдя во дворик, я только хмыкнул, увидев свет в окнах. Потянув на себя дверь, вошел в сени, где, поставив копьё в стойку, скинул с плеч рюкзак. И, наконец, повернулся к стоящим в дверях девушкам.

А после раскрыл объятия и, выйдя вперёд, негромко сказал:

— Здравствуй, сестра.

— Это ты. Ты и правда вылечился!

Смахнув выступившие слёзы, невысокая голубоглазая блондинка шагнула ближе, обнимая меня. Шмыгнув носом, подняла взгляд, всматриваясь в моё лицо, и тихо добавила:

— Здравствуй, медвежонок.

Глава 2

— Не плачь, всё хорошо, — мягко произнёс я, обнимая сестру.

— Я не верила. Боялась, что вообще умер. А ты жив и больше не такой, каким был.

Она немного отстранилась, провела рукой по доспеху, а следом я ощутил прохладную ладонь на шраме на щеке.

— Кто это тебя так? Разрез слишком ровный для когтей.

— Его ударили мечом, — ответила сестре вместо меня Элеонора.

— Это когда вы познакомились? — бросила на аристократку злой взгляд Эрна.

— Да, — спрятав глаза в пол, ответила та.

Я же отступил назад и начал снимать снаряжение, развешивая его на манекене. Защита ног. Наручи, наплечники, кираса. Шлем и стёганка.

— Ты уже не медвежонок, а самый настоящий медведь, — зачарованно произнесла Эрна, когда я остался в одной рубашке.

Следом прикрыла глаза и замерла. И я ощутил слабую волну магии, устремившуюся в мою сторону. Сестра побледнела, как только смогла интерпретировать результат поверхностного сканирования. Без сил опустившись на табурет, опустошённо пробормотала:

— Как же так, брат...

— Благодаря скверне я вылечился. А остальное — это просто цепь глупых случайностей и моей неопытности, — пожал я плечами и мягко добавил: — Ты не плачь, лучше прожить десять лет нормально, чем сорок овощем. Я не жалею.

Она потёрла глаза и, обведя интерьер сеней, попутно выполняющий роль лаборатории, полюбопытствовала:

— Ты занялся алхимией?

— Совсем немного. У меня есть доступ к ингредиентам, почему бы не попробовать?

— Это хорошо, значит, мне не придётся начинать с пустого места. У тебя тут почти всё, что нужно для старта, есть, — потёрла ладони девушка.

— Думаю, инвентарь ты осмотрела в первую очередь, — улыбнулся и спросил: — Ты к нам надолго?

— Закончила учёбу. Патентованный алхимик Академии Канта.

— О, прямо как Мартин, — влезла в разговор аристократка.

— Мартин? Рыжий такой, с веснушками? — нахмурилась Эрна. — Вы его знаете?

— Он приехал на практику к магистру. Встретили недавно, а потом они с Бьёрном отправились в лес, — быстро выстрелила слова Нора и, повернувшись ко мне, спросила: — Как всё прошло? Как сходили?

— Не верьте ему. Про Мартина много слухов ходило среди младшего потока, что он гниловатый. Но, конечно, обаятельный, этого не отнять...

Сестра тоскливо, хотя и немного мечтательно, вздохнула, явно вспоминая что-то с ним связанное.

— Сходили. Я жив. Это главное.

— А остальные? — одновременно произнесли девушки и, улыбнувшись, переглянулись.

— С ними тоже всё хорошо. Они умерли!

Эрна поперхнулась, а Нора, уже больше знакомая с моим юмором, только скривилась и поинтересовалась:

— Что произошло?

— Старик заигрался, парень же проявил свою настоящую натуру. А дальше пауки разобрались друг с другом.

— Не поверю, что ты просто стоял и смотрел, — недоверчиво покачала головой аристократка.

— Сначала они вместе вывели меня из игры. Но я нашёл, чем их удивить, — устало отмахнулся, попросив: — Завтра подробности опишу, сегодня сил уже нет разговоры вести. Перед вами встретил барона, пришлось рассказывать всю историю. Устал...

— Хорошо, — согласилась Эрна и, бросив взгляд внутрь жилой комнаты, протянула: — Смотрю, твоя карьера охотника, очень удачна...

— Я водил магистра с практикантом к средоточию скверны. Как ты думаешь?

— Предполагаю, что нам придётся потратить огромные деньги, пытаюсь привести тебя в норму. Всё это того не стоило, — припечатала Эрна, бросив на меня уверенный взгляд.

На это я просто постучал по виску пальцами, намекая на то, кем был раньше. С недовольной гримасой, она предпочла замолчать, не продолжая дальше эту тему. И вместо этого спросила:

— И где мне теперь спать? Ты тут всё переделал, прямо как аристократ какой.

Я оглядел комнату: ну да, сделал так, как привык дома. А не так, как принято тут, когда в комнате несколько спальных мест. Всё заточено под проживание одного человека, а не большой семьи. Так тут делают только благородные, да.

— Посплю на полу сегодня, а завтра что-нибудь придумаем, — вяло ответил я и протяжно зевнул.

Следом, не слушая слабых возражений, достал из шкафа одеяла и подушку, устраивая себе кровать на ковре. Нашёл только в себе силы быстро ополоснуться и, не обращая внимания на странные взгляды девушек, завалиться спать, запретив будить.

Ничего не снилось. Пару раз просыпался, когда легла спать, а потом и встала утром, сестра. Но в дальнейшем она оставила меня одного, заперев внутреннюю дверь. Так что очнулся я уже после полудня.

Открыв глаза, лениво наблюдал на танцующие в солнечном луче пылинки. Немного затекла спина спать на твёрдом полу. Но зато в кой-то веки полностью выспался и восстановился от всех выпавших на мою долю в за прошедшие дни приключений.

Довольно зевнув, поднялся и вышел во двор. Где одетая в свободную рубашку и штаны сестра, под восхищённым взглядом аристократки изображала бой с тенью копьём. Получалось у неё, в целом, неплохо, но я бы сказал, что в последнее время она не очень много тренировалась. Смена стоек немного лишилась чёткости, а удары резкости.

Но, думаю, скорости и силы там особо и не было никогда. Учить работать копьём её, конечно, учили, как и всех в деревне, но навыки, как и физическая форма, уплыли. Впрочем, наверстаёт ещё, если будет стараться.

Заметив меня, она на выдохе нанесла длинный укол и застыла. Потом же, немного отдышавшись, повернулась ко мне и, усмехнувшись, произнесла:

— Наш герой проснулся...

— Утро доброе, — благодушно ответил я, доставая ведро с водой из колодца.

— Не хочешь присоединиться? — кивнула сестра на стоящий в стойке шест.

— Не-а, — лениво ответив, с удовольствием стал глотать ледяную воду, а после плеснул себе в лицо, выгоняя сонную одурь. Хорошо!

— Мне тут про тебя столько сказок рассказали, хочу это увидеть, — продолжала провоцировать меня блондинка.

— Ты знаешь, что могут зелья усиления, нового для тебя ничего не будет. Но если хочешь...

Смерив взглядом расстояние, оставил ведро и, уперевшись ногой в сруб колодца, прыгнул. Эрна только и успела открыть рот, когда я, пролетев мимо неё, зацепился за турник и, кругнувшись, встал на нём на руки. А следом, оттолкнувшись руками, взвился в воздух и, кругнувшись, оказался перед ней. Усмехнулся, подхватил под руки и бросил в воздух. Высоко. Метра четыре над землёй.

Мягко поймав взвизгнувшую сестру, аккуратно поставил на землю, отступив назад, склонил голову на бок и вкрадчиво поинтересовался:

— Ты точно уверена, что это хорошая идея?

От сидящей на лавочке Элеоноры раздались редкие хлопки в ладоши.

— В твоём исполнении всё равно разобрать толком ничего нельзя. А когда тренируется Эрна хоть можно поучиться!

— Ты всё ещё думаешь об этой глупости, — только и вздохнул я. — Ну зачем тебе оно?

— Защитить себя!

— Копьё — это не средство самозащиты. Это оружие охоты или боя.

— А меч? — с интересом полюбопытствовала Элеонора.

— Лёгкий меч для постоянного ношения или кинжал. Да, это можно назвать оружием самообороны.

— Значит, стоит учиться фехтованию?

— Тебе заняться нечем? — устало вздохнул я.

— Вообще-то — нечем. Да и Эрну же учили. Чем я хуже?

Сестра, которая, пока мы общались, отошла к колодцу умыться после тренировки, только фыркнула.

— У нас в селении всех учат, место такое. Она не показатель.

— А меня могут попытаться убить где и когда угодно!

Я почесал затылок и, усмехнувшись, спросил:

— Может, тебе бегать по утрам?

— Не смешно, — поморщилась Элеонора.

И чему её учить, если я вдруг решу этим заняться? Что она может постоянно при себе носить? Нож? Там где нож, там и вполне классическое фехтование. Да и не специалист я в этом! Впрочем, как правильно бить, ощущать дистанцию, этому можно и научить. Не прямому поединку — спарринги тут для того, чтобы придать девушке понимание её реальных навыков, избавить от иллюзий. А скорее тренировке внезапного, неожиданного удара.

И где тут, спрашивается, самооборона? В том, как побыстрее заделать жмура и убежать? Но если нападающий будет не один, судьба её после этого будет очень незавидна. Но если один? Этакая крадущаяся тень где-нибудь в плохо освещённых коридорах дворца?

Представив на секунду эту картину, я почему-то увидел у этой тени лицо Элеоноры и смазанный ядом кинжал в её руках. Подивившись на такие странные выверты своего сознания, только вздохнул и произнёс:

— Я подумаю. Но не жди многого. Учить должны были с детства. А сейчас начинать тебя мучить кучей тренировок — это просто убить тебе здоровье.

— Ты выучился за пару лет. Результаты я видела, — независимо пожала плечиками Нора.

На это я только угрюмо покачал головой. Но, всё же, решил попробовать объяснить, да и стоящей рядом Эрне это будет интересно:

— Скверна. Я оказался достаточно одарён магически, чтобы впитать большое количество из умирающего хорсы. Это удачно наложилось на зелье восстановления, и моя реакция на скверну стала относительно постоянной. Там, где, после тренировки, человек будет несколько дней восстанавливаться, я был уже к вечеру готов повторять.

— Хорошая реакция на скверну. С тех пор так и осталось? Или добавилось что-то ещё? — сухим тоном исследователя уточнила сестра.

— Физическое усиление, улучшение чувств.

— Добавилось само по себе, зельями?

— Тренировками.

— И как это связано со временем обучения фехтованию? — перебила нас аристократка.

— Я за год прошёл путь, на который у простого человека уйдёт пять. Просто ничем больше не занимался, кроме тренировок. И то, во многом выезжаю в бою не на каком-то особенном мастерстве, а на силе и выносливости. Ты так не сможешь.

Она сжала губы в ниточку и обиженно отвернулась. Явно эти слова переубедить аристократку оказались не способны. На что я только махнул рукой, не имея больше желания ничего доказывать втемяшившей себе в голову что-то о пути воительницы бабе.

— Тяжёлый случай, — прокомментировала Эрна, когда раздосадованная Элеонора скрылась в доме.

— Не говори. Вбила себе в голову, что хочет быть воительницей, и всё. И наплевать на любые доводы.

— Значит, будем учить, — равнодушно отмахнулась блондинка и с лукавой усмешкой спросила: — Ты лучше скажи, почему тебя это так напрягает? Влюбился?

— Обидно, если окажется, что вписался за неё зря и умрёт по глупости, почувствовав себя слишком уверенной.

— А сам ты чем думал, когда полез её защищать? Уж не чрезмерной ли уверенностью в своих силах?

Я только вздохнул. Ответить мне было нечего. Может и правда зря так упираюсь? Элеонора мне не жена, не сестра и не дочь, какая разница? Так что вместо этого предпочёл озвучить другую новость:

— Эрна, ты знаешь, что деревня осталась без главного мастера-алхимика?

— Теперь уже в курсе. Но что ты предлагаешь? Заменить его? У меня нет нужного оборудования, да и опыта...

— Опыт дело наживное. А с оборудованием вопрос решится за несколько дней. Просто придётся как следует поработать. Нам обоим.

— Каким же образом? — недоверчиво нахмурилась сестра.

— Мы наложим лапу на дом Ингельвина!

— Да ну, кто же отдаст его! Там оборудования на сотни золотых... — недоверчиво протянула сестра.

— Ты некорректно ставишь вопрос. Правильно будет: а кто нам помешает?

— Барон и его дружина! — тут же выпалила Эрна.

— А зачем ему это? Его задача, чтобы зелья готовились, продавались, и он получал с

этого свой доход.

— Он может написать любому моему коллеге по академии. Часть сразу согласится работать на него, даже просто ради опыта, полученного на свежих ингредиентах.

Я замаялся, обдумывая перспективу. Ну, если так подумать, то да, она права. А меня подвела ограниченность моего кругозора. Привык в последнее время думать только в узких рамках реалий и возможностей нашей деревни, в отрыве от всего мира. Но, с другой стороны, в рамках нашей деревни на имущество претендую я.

Даже не столь значимо, насколько оправданно по закону. Важнее то, что отобрать у меня его сложно. Особенно при возможности судебных поединков, которые в этом случае будут просто убийством. Поэтому тут или мы с бароном договоримся, или поляжет куча народу, если я решу упереться. Но определённый процент ему нужно отдать, да. Своеобразный налог на наследство.

— Не переживай. Договоримся. Отдадим денег, чтобы не ссориться с бароном. Похожу в лес пару недель, если нужно будет.

— Какой лес, брат? Тебе срочно заразу выводить нужно. Ты же сорваться в любой момент можешь!

— Нам нужна его лаборатория. Хотя бы для того, чтобы потом помочь мне, — пожал я плечами в ответ на её возмущённое восклицание.

Приятно, когда о тебе искренне заботятся, а не просто желают, чтобы полезный инструмент протянул подольше. Хотелось сделать шаг в ответ.

— Да, кстати, как у тебя с вещами и всем необходимым? Пока в деревне караван, наверное, стоит сходить купить.

Она поджала губки и, глядя в сторону, тихо сказала:

— Нет у меня почти ничего, медвежонок. В столице приходилось экономить.

— Пойдём, — поманил я её за собой.

Мы прошли по тайнику в доме, под баней, в сарае. Везде я доставал несколько монет, собирая в собранную на животе рубашку. И закончили мы в комнате, где вывалил на стол горку серебра и золота.

— Это наше. Можешь всё потратить.

Она осторожно прижала ладонью катящийся по столу золотой и подняла на меня удивлённый взгляд.

Я же просто гордо улыбнулся. Жадность? Нет. Слишком свежи воспоминания, поднятые бывшей богиней, о том, как сидящая передо мной девушка, тогда ещё совсем девочка, заботилась о своем безмозглom младшем брате.

— Это совсем не то, что я ожидала встретить, когда ехала домой... — протянула Эрна, задумчиво раскладывая деньги по стопкам.

— И купи ей, — я показал пальцем наверх, на мансарду, — одежду для тренировок. Раз ты приехала, в деревне я точно ещё пробуду довольно долго, можно и погонять.

— Ты куда-то собирался? — задала вопрос она, оторвав затуманенный мечтами о будущих покупках взгляд от денег.

— Элеонора не навсегда тут прописалась, ей нужно помочь добраться до островов.

— А я думала, ты решил за ней приударить, — улыбнулась блондинка.

— Кто знает, что нас ждёт впереди, — рассмеялся я в ответ.

Поставил чайник, попутно вспомнив, что раз прибыл караван, нужно сходить спросить привезли ли кофе. И дойти до барона, поинтересоваться насчёт вопроса «наследства».

Узнать что они вообще решили по всей этой ситуации с бывшей богиней. Может мне придётся срочно бежать на другой конец континента.

Да и до Густава надо дойти, посмотреть, что у него там получилось. Дел полно и без всяких походов в лес. Так что, позавтракав, я отправился к кузнецу, рассчитывая посмотреть, что у него получилось по нашему проекту.

Кузница встретила меня шумом активной работы. Заглянув внутрь, на взмыленного Густава с двумя помощниками, я понял, что пока ему не до меня. Поздоровавшись, договорился зайти вечером и отправился на торг.

Кофе привезли. Купил. А после вернулся домой. Девушки, которых я там встретил, так и остались выбирать покупки. Мне хотелось посидеть в тишине, подумать. Растирая кофейные зёрна в пыль, орудовал пестиком в небольшой каменной ступе, лениво размышляя, что кофе тоже возможный способ обогащения. Обеспечить поставки, сделать рекламу в столице, создать рынок.

Правда, даже реши я этим заняться, нужно будет ехать туда, где его собирают, обустроить плантации. Прибыльное дело выйдет, но это на годы труда. И сколько ещё такого я могу вспомнить? Но ведь никак не разорваться на всё это.

Раздался стук в забор, и, отложив перетёртые зерна, я вышел наружу, открывая калитку.

— Проходите, — посторонился я, приветствуя баронского алхимика. — Я сам собирался к вам сегодня зайти.

— У меня возник ряд вопросов, Бьёрн, — сухо произнёс мужчина.

— По ритуалу? — поинтересовался, проводя его в сени.

Я замялся, смотря на его измазанные пылью сапоги. И когда он недоумённо посмотрел на меня, перевёл выразительный взгляд на свои домашние тапочки.

— Однако и запросы у тебя... — удивлённо протянул алхимик, всё же, снимая сапоги. — Да, по ритуалу. Ты рассказал не всё. Подобное воздействие требует одномоментного вливания слишком большого количества чистой маны. И что важнее, достаточно продолжительный момент времени.

— Накопители? — задал риторический вопрос я, проводя алхимика внутрь и ставя маленький котелок на огонь, засыпав молотый кофе.

— Вопрос времени это не решает. Кристаллизация не даст провести подобное воздействие. Это не огненную стрелу кинуть, — усмехнулся мужчина, усаживаясь за стол.

— Именно поэтому ритуал и проводился там, где фон скверны настолько высок? — поднял бровь я, внимательно смотря на поднимающуюся пенку.

— Ингельвин бы на это не поставил свою жизнь, парень. Есть что-то ещё.

Я вздохнул, обдумывая, что можно сказать. Альберта я совсем не знаю, я его видел раз пять только, когда тренировался с баронскими солдатами. Может они решат, что носителя подобных секретов лучше по-тихому прикопать? Но и оставив тёмные пятна в рассказе, я не решу вопрос, а только увеличу недоверие между нами.

— Это был прорыв на демонический план. Именно там планировалось провести ритуал.

— Подробности! — напрягся маг, внимательно смотря, как я разливаю напиток в чашки и закидываю сахар.

— Я вам маг, что ли? Использовалось много скверны, как чистой, так и пропущенной через меня.

На этих словах я поднял рукава, демонстрируя ясно видимые длинные шрамы, где мне резали вены.

Он поморщился и постучал пальцами по столу, размышляя вслух:

— Ну да, старый ритуал призыва, кровь мага, накопители и большой фон скверны, теоретически, способны осуществить подобное. Но нужно смотреть подробности на месте. Нужна экспедиция!

— Вы там ничего не найдёте, — покачал головой я и, отпив горячий напиток, кивнул Альберту на его кружку. — Попробуйте, это вкусно и бодрит.

Он невидяще посмотрел на кофе, а сам остро спросил:

— Почему? Что-то, наверняка, должно было остаться.

Я почесал в затылке и честно ответил:

— Осталось. Но я всё продал. Драконам.

— Что-о-о! — вскричал Альберт, так резко вскочив, что стул отлетел назад. — Ты совсем дурак? Продавать такие вещи нелюди?

— Вы так говорите, как будто у меня был выбор. Дракон всё равно видел ритуал. Ему было бы достаточно знать, что это возможно. Убить меня ему бы проблем не составило.

— Но это нелюдь! — запальчиво воскликнул маг, быстрыми шагами меряя комнату из угла в угол,

— Не эльфы же. Весь мир знает, что драконам не до войн, им бы выжить вообще, — пожал я плечами. — А про бывшую богиню вам не интересно?

— Это известный факт в узких кругах. Собственно, часть рун именно поэтому и работает до сих пор, потому что она жива, — отмахнулся от моих слов маг.

— И вас не тревожит, что она может напасть? — удивлённо поинтересовался я.

Он вздохнул и, подняв стул, сел обратно за стол. Подняв кружку, оценил аромат, осторожно отхлебнул. Недоумённо поднял бровь и сделал ещё глоток, всё же, осведомившись:

— Она опаснее того вампира в прямом бою?

— Сама по себе, наверное, немного слабее. Но сука может привести несколько подобных тварей. Контроль над монстрами скверны у неё абсолютный.

— Могла бы — уже привела. Мы будем готовы. А если ты покинешь деревню или выведешь скверну, ей и вовсе нападать необходимости не будет. Слишком опасно.

— Я чего-то не знаю о ней? — нахмурившись, спросил я.

— Да ты ничего не знаешь, — отмахнулся он. — И если честно, парень, лучше тебе покинуть деревню. Если она окажется под стенами и встанет вопрос: твоя жизнь или нападение — то не обессудь. Мы тебя выдадим.

На это заявление я только и смог, что рот открыть. А он вздохнул, сделал ещё глоток кофе и добавил:

— Ты прости, конечно, но ты и так смертник, а если с ней получится наладить контакт, это всё изменит в жизни баронства.

Прямо такого ответа я никак не ожидал. И даже сказать нечего в ответ, не начав торговать всей своей такой уникальностью и попаданством. Так что я помолчал и решил узнать о другом:

— Как насчёт дома и лаборатории Ингельвина?

— Двести золотых за три месяца — и оно всё ваше с Эрной. Пользоваться можете уже сейчас. Но смотри, если твоя сестра не сможет заменить основной поток зелий по качеству, всё уйдёт другому специалисту. Проверять сам буду.

Я только набрал в лёгкие воздуха, собираясь возражать, как он сразу обрезал:

— Торговаться не надо. Это хорошая цена и условия, для тебя вполне по силам.

И я сдулся, Альберт прав, на самом деле. Мы заработаем. Это цена, по сути, только дома. А настолько хорошо оборудованная лаборатория стоит в несколько раз больше. Далеко не случайно ведь рыжий практикант решился на всю эту авантюру.

— А действительно, бодрит, — допив кофе, произнёс маг. — Хотя не очень и вкусно. Как это называется?

— Кофе, — на автомате произнёс я, думая о другом.

И только потом опомнился, что название куста тут имеет другое название. Но, в конце концов, как хочу, так и называю. И если честно, достало постоянно думать о том, что и как можно говорить!

Маг же поднялся и вышел в сени, надевая сапоги. Напоследок, всё же, негромко сказав:

— Прости, что готовы разменять тебя на тварь скверны. Но ты, вроде, не глупый парень, должен понимать, что будет значить для деревни возможность с ней договориться. И сколько это жизней может спасти в будущем.

— Как и принести прибыли, — криво оскалился я.

— И это тоже, — кивнул мужчина.

Наш разговор прервал шум за калиткой, а следом внутрь ворвались девушки со свёртками в руках.

— Ой! Господин Альберт, — поклонилась Эрна, — не ожидала вас тут увидеть.

— Мы уже решили все вопросы, — отмахнулся маг, бросив любопытный взгляд на слегка кивнувшую ему Элеонору.

И, не прощаясь, вышел наружу, наконец, дав мне возможность облегчённо выдохнуть.

— Зачем он приходил? — полюбопытствовала сестра, смотря вслед алхимику.

— Сегодня ты заселяешься в дом магистра! — сходу обрадовал её я.

— Правда? Так быстро всё решилось? — удивлённо, но обрадовано спросила она, но, немного подумав, погрузнела и поинтересовалась: — Сколько мы должны?

— Выплатим, — хмыкнул я, не желая говорить о деньгах при аристократке.

— Ну, если ты так уверен... — протянула она, бросив взгляд на Нору.

— А то, что так быстро договорились... — протянул я и, почесав затылок, добавил: — Знаешь, мне не понравилось спать на полу, пришлось суетиться!

Глава 3

Слава богу, переезд не затянулся — нечего переносить. Уже через несколько часов Эрна устраивалась в доме магистра. А я, порадовавшись частичному решению проблемы, отправился к Густаву.

Уже темнело, и кузнец встретил меня возле дома, с кружкой пива в руке.

— Что там по нашему делу? — сразу взял я быка за рога.

— Потихоньку. Пошли, покажу.

Мы прошли в мастерскую, где у него на столе увидел стеклянный колпак, и горку частично готовых деталей. Основная ёмкость для топлива была вообще выполнена из дерева. Я поднял и покрутил в руках звёздочку для прокрутки фитиля, и поинтересовался:

— В чём будет основная сложность?

— Если ты хочешь делать такое в больших количествах? Прежде всего, в дешёвом металле. Иначе дорого выходит. Продукт для аристократов и купцов.

Я чертыхнулся про себя. А если не делать это массово, то никогда не окупится строительство предприятия для перегонки нефти. Но с другой стороны...

— Слушай, а кто сказал, что мы не сможем продавать лампы ниже стоимости? — усмехнулся я пришедшей в голову идее.

— То есть? Это как? — недоумённо нахмурился Густав.

— Лампа покупается один раз, а топливо для неё нужно постоянно. И главное создавать топливо, а не лампы, которым всё равно придумают другие аналоги.

— Вот оно как... — задумчиво протянул кузнец. — Знаешь, давай это будем обсуждать, когда доделаю образцы.

— Хорошо. Но лучше не затягивать. Я, возможно, скоро покину деревню.

— Всё же, потащишь девку на острова? — вздохнул он.

— Ещё кое-что случилось, необычное.

— Не можешь ты без приключений, — покачал головой Густав. — Пойдём в дом, выпьем и расскажем заодно.

Так, за пивом, я потихоньку пересказал ему историю своих приключений, опустив только несколько не очень нужных нюансов. Затянулось это надолго, и ночь окончательно вступила в свои права, когда я закончил.

— Правда за бароном определённая есть. Но, всё равно, пахнет это довольно мерзко, — скривился кузнец, когда я поставил точку на разговоре с алхимиком.

— Ну, хоть предупредили, а не опоили и в лес вывезли. И то хлеб.

— Так делать бы не стали. Ты не единственный охотник, использующий скверну, и сотворить подобное — это значит однажды недосчитаться много денег.

— Вопрос величины выгоды здесь и сейчас, — хмыкнул я, делая глоток из большой деревянной кружки.

— С такими историями не очень хочется иметь дело с нашим бароном. Если ему выгода покажется слишком большой, кто знает, что он решит...

— Есть такое, — согласился я. — Но знакомых, способных подобное проверить, у меня других нет.

— Вот и не знаешь, что делать... — протянул он и, на мой немой вопрос, раскрыл свою мысль: — С одной стороны, тебе нужно срочно выводить скверну, иначе с тобой даже

сражаться не нужно, а можно взять под контроль. А с другой, ты наша основная ударная сила при возможных переговорах. Станешь обычным человеком, барон будет способен нас выкинуть из дела.

Я только вздохнул, соглашаясь. Патентного права тут ещё не придумали. И если я хочу вести с кем-то дело, то только на доверии или имея за собой силу. Хотя бы в виде текущих физических кондиций. Меня же не просто так по-хорошему предупредили о вероятности выдачи лесной ведьме.

По-плохому меня взять, может, и не получится. Дружина у барона сильна, многие прекрасно умеют пользоваться усилением на скверне. Но я со своей дурной, непомерной раскачкой — это совсем другая степень безумия.

— Посмотрим. Я в любом случае сейчас буду зарабатывать деньги в лесу. Мы выкупаем лабораторию магистра.

— Да, видел уже Эрну в деревне. Удивительно на мать похожа девка, — горько произнёс Густав.

Но, встряхнувшись, зачерпнул ещё пива и воскликнул:

— Предлагаю выпить за Ингельвина! Старик, может, был немного безумен, но для селения сделал много хорошего.

Я только поднял в ответ кружку, делая очередной глоток. К магистру особой ненависти у меня испытывать не выходило. Его мотивация была понятна, он приложил много сил и труда, идя к цели. Возможно, с ним бы даже получилось договориться. Всё же, алхимик прекрасно понимал, чем для него будет путь обратно через лес.

Впрочем, это я, скорее всего, преувеличиваю. Но жалко же, монументальный был старик и так глупо помереть...

Бочонок пива стал показывать дно, и Густав всё чаще отвечал на слова невнятно, а потом и вовсе задремал. Так что я молча поднялся и оставил его отдыхать, отправившись домой. На улице было по-ночному свежо, и даже свет лун частично закрывался низкими тяжёлыми облаками. Выйдя на дорогу, я посмотрел в небо и глубоко вдохнул свежий воздух, выгоняя пьяную хмарь окончательно.

Тело наполняла сила. Скверна податливо отзывалась внутри, желая вырваться наружу, крушить, повергать врагов. Прищурившись, я неспешно дошёл до дома и, зайдя внутрь, снял сапоги. Подвернул как следует штаны. Вышел обратно на улицу. Несколько раз присел, размялся. А потом побежал. Скачки становились всё сильнее, показалась стена деревни. Прыжок вверх, и я оказался на стене сгоревшего дома. И ещё один, не позволяя потеряться набранной инерции.

Частокол остался внизу и, рухнув вниз, я мягко ушёл в перекат, вскакивая на ноги. Побежал дальше. Пальцы ног вгрызались в грунт, бросая тело вперёд с каждым шагом всё сильнее. Воздух стеной ударил в лицо, заставляя щуриться. Прыжок.

Меня вынесло наверх, внизу мелькнули верхушки молодых деревьев, а следом ноги ударили в расступившуюся под ними землю. И ещё прыжок. Приземление, рывок вперёд и переход на бег, оставляя позади поднятую пыль.

Я совсем не чувствовал веса своего тела, пролетая километр за километром. И только когда совсем перестало хватать воздуха, сбросил скорость и перешёл на шаг. В голове царила приятная пустота с лёгкой примесью восторга. В обратный путь я отправился уже более спокойно, сбросив часть накопившейся за сегодня энергии.

Короткий разговор со стражей селения при входе, родной дом. Душ. Кровать. Попытка

услухнуть, стараясь выкинуть из головы мысль о том, что от этой силы придётся отказываться. Рано или поздно. Но, впрочем, успокоило сильнее всего то, что, в конце концов, это будет когда-то потом...

Утро началось с разминки. Меч, копьё, даже немного подзабытая уже работа с щитом. Скверна выводит моё тело на запредельный форсаж, в том числе память, окупая все заучивания томов наизусть. Движения легко откладываются в подкорку, элементарно запоминаясь и повторяясь. Стоит пользоваться, пока могу.

Деревянный меч разрубил воздух, и я замер, тяжело дыша.

— Ты придумал, чему меня стоит учить? — раздался от входа в дом голос Элеоноры.

Я повернулся к девушке, окинув её взглядом. Босиком, в штанах и свободной рубашке. Судя по форме, ещё и грудь чем-то утянута, чтобы не мешалась. Скользнув глазами по её фигуре, я незаметно сглотнул, отвернувшись.

Судя по тому, как девушка стрельнула глазами, мой интерес незамеченным не остался. Я вздохнул, постаравшись выкинуть эти образы из головы, и произнёс:

— Нож и некоторые элементы рукопашного боя.

— Значит, сражаться оружием ты считаешь меня слишком слабой, зато предлагаешь бить голыми руками? — язвительно спросила она, подходя ближе.

— А кто сказал, что руками? — усмехнулся я.

Подойдя в груше, нанёс три удара. Коленом, голенью и стопой. Все примерно в одну точку.

— Много, конечно, зависит от обуви, в которой наносишь удар, но это основное, что тебе следует выучить. И мы немного поработаем и руками, наработаем хоть какую-нибудь резкость.

Взяв в руку макет ножа, я сделал несколько длинных выпадов по груше.

— Основное, чему тебя стоит учить, это ошеломить противника и, далее, убежать, или если всё совсем без вариантов, нанести смертельный удар.

— Укол похож на то, как с мечом делают, — заинтересованно произнесла Нора, взяв у меня нож и пробуя повторить.

— Ному чуть вперёд, больше устойчивости, — произнёс, поправляя её стойку, и ответил на утверждение: — Да без разницы, чем сражаться, основа всегда работа ног и дистанция. Меч, нож, копьё. Кулаки.

— Но меч ты мне не даёшь...

— Время на освоение, и для тебя его вес всегда будет тяжелее, чем для мужчины сравнимой массы. Ты будешь медленнее. Просто потому, что меч тяжёлый, а у тебя руки слабее.

— Их можно сделать сильнее, — улыбнулась она, кивнув на мои бицепсы.

— На меня не смотри. С точки зрения бойца, я тренирован неправильно. Большая часть мяса не способна дать взрывной скорости. Она в целом лишняя и будет меня, скорее, тормозить.

— Но ты зачем-то нарастил всё это? — удивлённо подняла бровь она.

— В моём случае тренировки были способом сбросить излишек скверны. И в бою зараза усиливает меня достаточно, чтобы не отставать даже от самых быстрых противников. Мой вес на такой же скорости позволяет развить значительно большую энергию удара.

— А какая разница? Меч-то всё равно летит одинаково?

— А вот это уже зависит от удара и сколько в нём переносится массы моего тела.

— Ты так говоришь, как будто скорость самое главное, — нахмурилась она.

— Разумеется. Сила удара мечом зависит от того, насколько ты можешь его разогнать, больше, чем от того, насколько здоровый дрын у тебя в руках. Увеличивать массу оружия стоит, только если ты способен достичь с ней тех же скоростных показателей.

— А какая разница? Более тяжёлое оружие медленнее или лёгкое быстрее? Итог должен быть одинаков!

— Он не равен. Скорость эффективнее веса в два раза. Ты никогда не замечала, что боевое оружие достаточно лёгкое? Боевой топор легче плотницкого. Но, в любом случае, тут мы упираемся в возможности человеческого тела по эффективности мышцы, и если итогового результата не хватает, приходится утяжелять оружие или набирать массу. Или, если брать, к примеру, мою рогатину или тесак, больше металла требуется, чтобы они не сломались.

Девушка помассировала виски и, тяжело вздохнув, спросила:

— Ты удары будешь показывать? Или мы будем сначала учить науки?

Я немного возмущённо замолк, только разогнавшись в своем желании учить. А после, вздохнув, сходил и принёс два длинных куска ткани.

— Смотри, как заматывать, иначе потянешь мышцы, потом не сможешь тренироваться.

И методично стал наматывать их на предплечья, фиксируя кисти. На первых порах ей такое обязательно пригодится. Продемонстрировав, внимательно проконтролировал, как она повязала их сама. И только потом подвёл её к груше.

— Удар с правой, наносится так...

Я показывал стойку, технику, поправлял. Потом перешли к ударам ножом. Я лениво прокрутил в голове мысль о покупке мягкого чучела для проникающих ударов. Ну и, как итог, упражнения на физическую подготовку. Эти самые брусья, подтягивания, отжимания. Провозился я с ней часа четыре, после которых она просто рухнула на лавку, тяжело дыша.

Главное, что теперь она при деле и не будет мешаться под ногами. А там и посмотрим, насколько её хватит. Делать ей всё равно особо больше нечего.

— И так будет каждый день? — немного отдышавшись, спросила она.

— Там посмотрим. Ты же хотела стать сильной?

— Дружина моего отца тренировалась совсем не так! — возмущённо воскликнула Элеонора, пытаясь сесть, опираясь на дрожащие руки.

— На то и дружина. Меч и щит в руки и пошли повторять удары, — равнодушно пожал я плечами. — Ты же не хочешь, начав делать так же, получить потом одну грудь выше другой?

Она возмущённо открыла рот но, немного покраснев, промолчала.

— Моя задача, кроме всего прочего, сохранить красоту, — улыбнулся я.

Она только покачала головой и, вполголоса ругаясь, поднялась и ушла в мой импровизированный душ. А я улыбнулся, проводив её взглядом. Это навеивает приятные воспоминания о работе. Сколько таких неофитов прошло через мои руки? Жаль, что подснежники обычно через несколько месяцев сливаются...

Но тут, может быть, можно будет вдоволь поиздеваться... Тьфу, поучить, конечно.

Усмехнувшись своим мыслям, сходил до ледника и, взяв продуктов, начал готовить обед. Элеонора готовить не умеет. Учится, разумеется, но пока получается так себе. Через полчаса, в комнату, до сих пор пошатываясь от усталости, вошла девушка и, сев за стол, стала лениво перелистывать страницу лежащей там поваренной книги.

Как вкусно готовить из местных продуктов мне тоже пришлось учиться. По этой самой

вот книге. Но принцесса достаточно быстро пришла в себя, чтобы спросить:

— Когда мы отправляемся?

Помешав в казане, я накрыл его крышкой и, отложив половник, прошёлся и сел за стол напротив неё. Мне хочется закончить всё это дело, но так выходит, что хотя бы месяц нужно ещё провести в деревне. Нужно наладить все дела, чтобы Эрна смогла выправить положение, даже если я не вернусь. Заработать денег.

Так что я постучал пальцами по столу и поинтересовался:

— Ты действительно торопишься на острова?

Она возмущённо вскинулась, желая ответить что-то едкое, но, в итоге, просто устало выдохнула и, отведя взгляд, проговорила:

— Нет. Меня там ничего интересного не ждёт, даже если всё будет хорошо. Даже, скорее, особенно если всё будет хорошо.

— Мне нужно сестру обеспечить работой на ближайшее время. Выплатить хотя бы часть денег за лабораторию.

— Ты совсем не веришь, что тётя выделит обещанную мной сумму денег? — подняла она бровь.

— Даже если так, то их ещё нужно доставить домой. Неизвестно, с кем мы по дороге можем столкнуться.

В конце концов лучше синица в руке, чем журавль в небе. Моя налаженная жизнь в деревне хоть и трещит по швам, но всё равно должно быть место, куда я однажды вернусь зализывать раны.

— Ты справишься, — легкомысленно взмахнула она рукой.

— Если будут атаковать меня, — согласился я, не став изображать лишнюю скромность. — Но, чтобы убить тебя, достаточно неудачного арбалетного болта. И что я тогда получу?

— Ты просто не хочешь покидать деревню, — хмыкнула девушка.

— И это тоже, — согласился я.

Наверное, я домосед. Хотя мне и хочется увидеть интересные места этого мира, но вот куда-то ради этого месяцами ехать откровенно напрягает. Впрочем, всё равно ведь придётся. Но оттягиваю этот момент я всеми силами. Да и дела у меня тут с Густавом.

— Я подожду, — кивнула аристократка. — К тому же ты нашёл мне интересное занятие.

— Смотри, надоест быстро, — криво усмехнулся я.

— Вот когда надоест, тогда и будем разговаривать!

Я только развёл руками на эту самоуверенность и поднялся проверить, что там с нашим обедом. Раздался звук открываемой калитки, а потом на пороге появилась. Эрна, демонстративно принюхавшись, она громко осведомилась:

— Чем это так вкусно пахнет?

— Рагу с грибами и вареньем. По крайней мере, так написано тут, — ответила ей Элеонора, показав пальцем на открытую книгу перед ней.

— Значит, я вовремя зашла!

— Что у тебя по работе? — со вздохом спросил я, пробуя рагу.

— Будут реагенты, пойдут и зелья. Желательно побольше, мне нужно набить руку.

— Нужны, значит принесу, — пожав плечами, я снял казан с печи.

Про себя в который раз жалея о том, что плиты ещё не придумали. В доме жарко от печки, жир и копоть от готовки оседает везде, где можно. Но отдельной кухни тут

предусмотрено не было. Впрочем, сегодня прохладно, как-никак, местная зима наступает.

Я расставил столовые приборы, хлеб, принёс крынку холодного морса с ледника, и мы сели обедать. Получилось вкусно.

— Хорошо вышло, брат. Удивительно, что ты и готовить так хорошо научился, — довольно поглаживая живот, отвалилась от стола Эрна.

— Я много ем, постоянно тратить деньги в трактире разорюсь, — пожал я плечами.

— Что дальше на сегодня? — поинтересовалась принцесса, смотря, как я начинаю собирать посуду.

— Отдыхаю. И иду в лес, — пожал плечами я, вручая Норе собранные стопкой грязные тарелки. Сегодня её очередь мыть посуду, я же не прислуга в собственном доме!

Так и сделал. Полтора часа просто поспал. А потом начал неспешно облачаться в броню и собирать вещи. Глубоко в лес совсем идти не стоит, так, пробежусь в ближней зоне. Боязно немного, всё же, бывшая богиня может пожаловать.

А с другой стороны, она столько силы через себя пропустила, что восстанавливаться ей намного дольше, чем мне. Раны — это важно, но вот энергетика тут значимее. Хотя раньше она и была богиней, но сейчас у неё обычное живое тело.

Так что через час я уже шёл по лесу. Остановившись, сверился с ощущением скверны и, кинув деревяшку, заставил сработать плётку. Несколько ударов тесаком, и вот в мешке появился первый на сегодня улов. Я собирал только растения. Никаких походов к водопою и прочих экспериментов.

Пришлось уйти почти на пятнадцать километров в лес, но количество собранной добычи неуклонно росло. Я как раз вырезал серебрянку, когда почувствовал движение позади. Резко развернувшись, вскинул копьё. Но застал лишь силуэт, мелькнувший за деревьями. Постоял, смотря в след, и вернулся к своей работе.

Убивать кого-либо из животных мне нельзя. Скверна — она как живая, начинает искать себе новое пристанище. В обычных случаях этого нет, но открытый источник и большое количество этой самой заразы во мне вытягивает её, как магнитом. Достаточно всего лишь быть рядом.

Пришлось пройти много километров, но, в итоге, уже, когда начало темнеть, я поспешил домой. А, точнее, сразу к сестре, ждущей меня с реагентами.

— Так много... — потрясённо протянула Эрна, когда я начал выкладывать добычу в лаборатории.

— На пару дней хватит, — устало кивнул, смотря на заваленный свёртками и сосудами стол.

— Даже первичную обработку такого количества сразу не успею сделать...

Я только вздохнул и, пройдя в угол, достал из одного из ящичков перчатки. Спокойно надел, затянул ремешки на запястьях. И, пошевелив пальцами, подняв их перед собой, произнёс:

— За работу, будущий мастер алхимии!

Дрогнула почва под тяжестью толстенных брёвен, когда я отпустил свой тренировочный снаряд. То, что началось, как одно большое бревно, превратилось в поперечину из двух, упёртых вторым краем в землю, на которые я стал накладывать ещё брёвна и камни.

Точно не знаю, сколько всё это весит. К сожалению, просто пробежки уже не позволяют сбросить всю ту скверну, что я постепенно набираю. С каждой неделей мой запас заразы становится больше, основываясь на растущем магическом резерве.

Из позитивных новостей, я немного продвинулся в управлении этой силой и сейчас могу усиливать или ослаблять эффекты. И даже расходовать больше энергии одним импульсом, повышая силу ещё больше.

Как и говорил магистр, скверна, выросшая на произведённой моим источником мане, более податлива. Можно немного снизить воздействие на разум или тело, сделав её более инертной. Легче направить на нужное сейчас дело.

Жаль, что подобный контроль появился спустя столько времени. Но он и появился только благодаря нескольким срывам, открытию источника и опыту. К сожалению, уже поздно. Форсаж организма, позволивший мне меньше, чем за два года, набрать такую силу, безжалостно сжигает ресурсы тела. И я продолжаю его убивать, сжигая скверну нечеловеческими тренировками.

Переведя дух, сел на землю и, подняв перед собой руку, сосредоточился на заразе, концентрируя и выталкивая её из тела. Осторожно, маленькими порциями. До тех пор, пока рука не потемнела, покрывшись чёрной маслянистой пленкой.

Стараясь держать концентрацию, поднялся и, подойдя к макиваре, нанёс сильный удар кулаком. А потом ещё один. Больно не было, скверна надёжно защищала от повреждений. Расслабившись, стал наблюдать, как тёмная плёнка растворяется, впитываясь обратно в руку.

Подобную штуку демонстрировал приснопамятный вампир, откуда я подобную идею и взял. Не то чтобы я планировал использовать это в бою, всё же, надеюсь, что сброшу заражение раньше и не успею набрать достаточного мастерства и объёмов заразы.

Впрочем то, что есть сейчас, позволяет мне при сражении большее, чем раньше. Например, кратковременное ускорение выше предела скорости своей реакции.

— Ты всё на сегодня? — вывел меня из размышлений вопрос Элеоноры, вяло бьющей грушу в другом углу двора.

— Да. Ты не отвлекайся, продолжай, — усмехнулся, смотря, как она отошла от снаряда и, сев на лавку, начала разматывать бинты.

— Не хочу больше. Бессмысленно. Все эти пробежки, отжимания, подтягивания. Это мне не поможет. Я видела твои тренировки с Эрной, была на общих деревенских. Всё, что я делаю, бесполезно.

— Ты же сама этого хотела, нет?

Она скривилась и, махнув рукой, молча, отправилась в душ. Я же, проводив её взглядом, сосредоточился на скверне, опять заставляя её вырваться наружу. В конце концов, это просто управление энергией, возможно, потом этот навык поможет в работе с чистой маной.

Подождав, пока девушка выйдет из душа, помылся сам и, подхватив несколько пузырьков с полки, отправился к Густаву. Нас ждали очередные испытания. Мы уже неделю

с ним пробовали разные фитили, подбирали оптимальную чистоту топлива. Потихоньку получалось. Хотя, при масштабировании, придётся провести немало исследований, чтобы увеличить выход достаточно чистого продукта.

Вот и сейчас я зашёл к нему в кузницу, где он сидел и смотрел на горящий в лампе ровный огонь. Пламя не коптило, давало достаточно яркий и приятный свет.

— Больше ничего не нужно? — спросил я, поставив на стол звякнувшие пузырьки. — А то я принёс ещё варианты.

— Нет. Нужно было всего лишь подровнять фитиль, последний образец топлива подошёл, — задумчиво смотря на огонь, ответил мне кузнец.

— Значит, всё? Готово? — вздохнул, усаживаясь на табурет.

— Да. Дальше только улучшение конструкции. А точнее, попытка придумать, как сделать её дешевле. Улучшить тут сложно, всё и так хорошо продумано.

— Время идти к барону?

— Знаешь, парень. Я тут подумал... Ты в курсе, где добывают больше всего земляного масла?

— На полуденных островах?

— Именно. И ты собираешься везти туда принцесску...

— Ты хочешь, всё же, попробовать самим проверить дело? — хмыкнул я, облокотившись о наковальню.

— Ну а чем нам поможет барон, если главное дело в топливе? А вот если ты осторожно выяснишь ситуацию на островах, пообщаешься с теми, на чьих землях его добывают, может получиться интересно. Нам же не выгодно везти на материк само земляное масло, нам нужны продукты из него. Там большая часть в отходы уходит, выход полезного продукта совсем маленький.

— Само сырьё будет и в других местах. Достаточно найти и собирать не самотёком, а поставить насосы.

— И как это решает проблему отходов? — поднял он бровь.

— Никак, — согласился я, и задумчиво добавил: — Жаль никто не сможет построить механизм для полноценного использования всех продуктов этого топлива...

— Механизм? — бросил на меня любопытный взгляд Густав.

— Я могу нарисовать принцип действия, — вздохнул я.

— Подожди!

Поднявшись, кузнец вышел из мастерской, зайдя в дом. Я даже услышал несколько матюков, пока он там возился. Через минуту он вернулся с парой листов бумаги и свинцовым карандашом. Протянув мне карандаш, попросил:

— Рисуй.

Я, высунув язык от усердия, стал изображать чертёж. Один вариант, второй, попутно объясняя:

— Видишь? Оно сжимается и взрывается. Достаточно подать воздух и грамотно выбрать топливо.

— Но подгонка деталей должна быть идеальная, да и проработает ли оно долго?

— Подгонка очень хорошая, разумеется, а ещё должна быть система подачи смазки, чтобы это всё смогло проработать внятное время. Есть ещё варианты, когда смесь поджигается принудительно, но они сложнее.

— Но детали... Металл. Оно же постоянно взрывается, всё развалится!

— И ещё сотни возможных тонкостей, — согласился я, отложив карандаш. — Я поэтому и говорю, что сейчас никто не сможет подобное построить.

— Сейчас, да? Никто? — отрешённо протянул Густав, бережно сворачивая исчерченные листы бумаги.

— Это же требует литья металла, так что, наверное, никто.

Кузнец просто устало вздохнул, развернул листок, бросив на него ещё один взгляд. Мыслями он уже был явно где-то не здесь. И только через полминуты размышлений, Густав бросил на меня насмешливый взгляд и спросил:

— Значит, никто не сможет, говоришь?

Я только пожал плечами. Ну да, что называется, беру мужика на слабо. Но почему нет? Сам я подобное точно не сделаю. А Густав любит работу руками, не даром даже ювелирку пробует делать.

— Знаешь, парень, а иди, пожалуй, занимайся своими делами. Мне нужно подумать!

— Готов всегда подсказать что-то, если смогу.

— Да-да, я знаю. Но к барону пока не идём, жду твоего возвращения с островов.

— Хорошо, — согласился и, попрощавшись, отправился домой.

Мужика я озадачил хобби на ближайшие лет десять. И теперь, если я умру, может так стать, что он доведёт дело до ума. До хоть каких-то прототипов. А там есть ещё и его ученики. По крайней мере, попутно ему придётся придумать и много другого.

Впрочем, на многое рассчитывать нет смысла. Как я уже понял на примере лампы, все привычные нам предметы — это результат огромного комплекса технологий. Инструмент, материалы, это всё само по себе сложно. Та же лампа требует, в идеале, металлопроката, из которого можно штамповать запчасти. А до этого тут ещё как до Луны.

Дома пахло едой. Зайдя внутрь, увидел оживлённо болтающих девушек. Эрна готовила, а аристократка просто составляла ей компанию. Я в который раз окинул взглядом книги на полках и поморщился. Традиция держать вещи в сундуках возникла не просто так. И мне, в итоге, придётся убирать всё в сундуки, пока оно не покрылось слоем жира и копоти.

Однако, так как теперь у нас есть отдельная лаборатория, мне и не нужно использовать сени, как лабораторию. Может, стоит вынести кухню туда? Или вообще сделать пристройку к дому? Стоило бы провести большой ремонт?

Хотя, что это я? Всё равно неизвестно, сколько я тут ещё буду жить. Так что отложим.

— Что сказал кузнец по вашему проекту? — выбила меня из размышлений Элеонора.

— Что, прости? — переспросил, решив, что чего-то не так расслышал.

— Ну, по вашей лампе.

— Что? Откуда?

— Я видела твои рисунки, и вчера ходила к нему по поводу продажи своих украшений. А у него там стоит готовая вещь. Вот и спрашиваю.

— Вот как... — протянул я. — Всё работает хорошо.

— Что за лампа? — влезла в наш разговор Эрна.

— Да так, придумали мы с Густавом штуку одну, теперь думаем, что с этим дальше делать.

— Красивая. Мне понравилось. Дорогая? — продолжила любопытствовать аристократка.

— Да, пока чрезмерно дорогая, — поморщился я. — Думаем, как удешевить.

— Мне папа говорил, чтобы вещь стала дешевле, её нужно производить много.

— В нашем случае этого не хватит. Материалы дорогие. Думаем, чем заменить.

— Кстати о материалах, брат, мне нужны и животные реагенты. Позавчера господин Альберт признал качество простых зелий удовлетворительным. Нужно увеличивать разнообразие и усложнять рецепты.

— Это сложно, — скривил губы я.

— Ты не справишься с какими-то тварями? — подняла бровку Нора.

— Он справится. Ему убивать их нельзя.

— А нанять людей?

— Я хожу далеко, быстро. За мной никто не поспеет. Результативность рейдов упадёт очень сильно. Не носить же мне другого охотника на себе... — произнёс я и замолк.

А почему, собственно, нет? Если взять с собой Эрну, то я вполне смогу унести её очень далеко. Главное, произвести предварительно разведку, а там можно и дать ей самой обработать тела. Она умеет. Идея-то, интересная. Я перевёл изучающий взгляд на блондинку. На что она сначала нахмурилась, а потом, немного побледнев, подняла перед собой руки, защищаясь:

— Я не очень хочу ходить в лес!

На что я усмехнулся и произнёс:

— А ходить-то тебе много и не придётся!

— Да ну тебя, брат! Я и то, что ты приносишь, не успеваю обрабатывать. Ещё и в лес ходить? А спать хоть немного когда?

— Помощника найми. Или помощницу, — хмыкнул я, переведя взгляд на Элеонору. — Кто-то, вроде, говорил, что ей скучно?

— Уже нет! Сил хватает, только есть и спать, — постаралась отбиться от подобного предложения аристократка.

— Это пока привыкаешь устаёшь. А через несколько дней уже сможешь резать, варить и крошить.

— Посмотрим, — хмуро ответила мне брюнетка.

На этом разговор немного увял, но мои выходы в лес стали интереснее. Начал изучать следы зверей, искать лёжки. Не сильно себя ограничивая дальностью дневного перехода обычного человека. Нашёл владения стаи волков, охотничьи уголья медведя, территорию той самой подраненной мной, но до сих пор живой, россомахи.

Зайцы, кабаны, змеи и прочие мелочи. Хотя тут даже простая белка — та ещё тварь. Впрочем, я не торопился, тщательно составляя карту будущих трофеев. Посетил территорию старых рудников более чем в полусотне километров от деревни. Они оказались заняты гоблинами, и, походив по округе, в бой я пока ввязываться не стал.

Их там не меньше нескольких десятков, начни я бой, кончится это как в старой деревне. Вот и сейчас, я постоял, задумчиво смотря на их многочисленные следы у ближайшего к штольне родника и, покачав головой, потихоньку побежал обратно. В другой раз.

Сестра взяла в оборот Элеонору, сваливая на неё большинство рутинных операций. Почистить, порезать, поверхностно обработать. Я сам не один месяц занимался подобным, знаю, что к чему. Но, что не отнять, она работает тщательно и аккуратно. Мне было сложнее сосредоточиться на подобных операциях.

Всё шло своим чередом, пока, через дюжину дней, поутру, после завтрака, не показал сестре небольшую кольчугу, шлем и арбалет.

Скривившись, она спросила:

— Пора?

— Именно. Не зря же мы мерки снимали.

Вздыхнув, она стала неспешно надевать броню, пока Нора помогала с ремешками моего панциря. Накинув небольшой вещевого мешок на спину, в основном, с самыми тонкими и хорошими инструментами, нацепила на пояс небольшой колчан с болтами. И маленькую копию моего тесака — помогать себе при разделке.

— Готово! — воскликнула аристократка, затянув последнюю пряжку.

Я же стал разбираться с мешаниной новых ремней и мешком. Как-то разместив это всё, вышел во двор и, присев на корточки, показал большим пальцем себе за спину:

— Давай примерим!

За спиной раздалось шорканье и потянуло небольшой тяжестью. Выдохнув, я встал. Походил. Попрыгал.

— Вперёд, мой верный конь, время покорять время и расстояние! — смеялась висящая на спине, в сложной системе ремней, Эрна.

— Ха-ха-ха, не могу! Выглядит, как шарик на ножках! — вторила ей аристократка.

Я скрипнул зубами и подпрыгнул повыше, довольно услышав, как сзади клацнули зубы.

— Ирод! Что же ты делаешь! Язык прикусила!

— Пользуясь транспортным средством, соблюдайте осторожность. Не разговаривайте в пути! — попытался я изобразить тон дикторов в метро и автобусах.

Нет, я девчонок, конечно, понимаю. У меня впереди на животе нечто, напоминающее разгрузку с огромными карманами и сумкой на животе, всё это переходит на бока, где на поясе висит несколько небольших мешков.

При этом, на спине в виде рюкзака покачивается на креплениях сестра, положив ноги на сумки на боках. А ещё копьё, мой тесак и её арбалет. Зрелище, наверняка, потешное. Жаль зеркала нормального нет.

— А в лесу не опасно так ходить? — недоверчиво спросила принцесса.

— Ещё как, — кивнул я, несколько раз резко повернувшись в поясе, пытаюсь оценить инерцию. — Но тропу я немного почистил, дойдём.

— Тебе, конечно, лучше знать, но....

Она в сомнении замялась, не зная, что сказать, а со спины раздался возглас сестры:

— Опускай, не пойдём же мы так по селению!

— Пробуем быстрый сброс, — предупредил я и рванул узел на груди.

С боков слетели котомки, разгрузка, а позади с руганью рухнула на землю Эрна.

— Сейчас-то зачем?! — воскликнула она, потирая ушибленную при падении коленку.

— Проверка не лишняя, — отмахнулся, начиная опять связывать эту систему в единое целое и навьючивать на себя.

— Очень ты осторожный, оказывается. Только вчера же всё проверяли, — вздохнула блондинка, помогая мне с экипировкой.

Я только пожал плечами, не считая нужным в который раз объяснять, что на кону не только моя жизнь. Тем не менее, мы собрались заново и неспешно вышли на улицу.

— Удачи вам там! — махнула рукой на прощание Элеонора.

— Ты, главное, не забудь, до полудня эссенция должна быть извлечена, иначе к вечеру всё испортится, — напомнила ей в ответ сестра.

— Я помню, ты уже трижды говорила, — поморщилась аристократка.

— Лишним не будет!

— Пф-ф. Ты точно его сестра. Идите уже, — отмахнулась брюнетка и, развернувшись, скрылась за калиткой.

— Она не забудет, — поддержал я принцессу, пока мы шли с сестрой к воротам.

— Три дня работы. Я готова хоть дюжину раз напоминать!

Я только усмехнулся и перевёл взгляд на бросившегося открывать дверь молодого стражника.

— Первый выход? Удачи вам! — сыпал тот пожеланиями, бросая смущённые взгляды на Эрну.

— Спаси-и-ибо, Робин, — подпустив в голос хрипотцы, мягко протянула сестра, заставив его отвлечься, отчего у парня из рук выпало копье.

— Да-да, конечно, осторожнее там, — ещё сильнее покраснел парень, красивым движением поддевая копье ногой с земли и подкидывая себе в руки.

Бросив на него сочувственный взгляд, я только покачал головой, смотря на довольное лицо блондинки. Сестра, наконец, получила возможность оторваться полной мерой. После всех лет в академии, когда девушка старалась не привлекать внимание, чтобы чего плохого не вышло.

По её собственным рассказам, она старалась носить наиболее мешковатые платья, шляпы или косынки, и вообще поменьше общаться с противоположным полом. У них были и аристократы со своим собранными командами, привлечь лишнее внимание было опасно. То ли дело в родной деревне, особенно когда за спиной стоит брат-мордovorот.

Провожаемые взглядом стражника, мы неспешно подошли к лесу, где я присел на пень, пока Эрнэ устраивалась в переноске за спиной.

— Брат, а оно точно нужно? Мы и так может дойти, зачем это всё?

Я только хмыкнул, проверяя снаряжение и снимая сапоги. Всё же, даже она не до конца понимает, что я такое. Ну да, непомерно здоровый лоб, кажущийся тяжёлым и неповоротливым под таким количеством мышечной массы. Но скверна и даруемая ей сила меняет всё кардинально.

— Держись крепче. И не визжать, — ответил, закрепляя обувь на поясе.

Как следует продышавшись, запасаясь кислородом, наклонился к земле и рванул вперёд. Очень быстро в ушах засвистел ветер, а за спиной раздалось восхищённое:

— Ох ты жеж!..

Через пару сотен метров сестра, взвизгнув со страхом и восторгом, крепко вцепилась мне в броню. Кажется, ей стало страшно. Впрочем, неудивительно, она так быстро в своей жизни никогда не перемещалась.

Бежать неудобно. Центр тяжести немного гуляет, приходится как можно ниже припадать к земле, проламывая воздух. Что совсем неудобно, когда весь обвешан барахлом и непредсказуемо ведущим себя телом на спине.

Но, тем не менее, справился, умудрившись ни разу не упасть, снижая скорость в опасные моменты. Через десять минут я снизил скорость, желая отдышаться хоть немного. И спокойно пошёл пешком.

— Обалдеть. Сколько мы прошли? — раздался со спины вопрос, пока я приходил в себя.

— Примерно треть дневного перехода.

— Так быстро... — недоверчиво протянула Эрнэ, устраиваясь удобнее в своей переноске под мерное раскачивание моих шагов.

— А ты говоришь, сама дойдёшь, — проворчал, снимая с пояса флягу.

— Не думала, что оно будет так... Не представляла подобной разницы с людьми. Одно дело зелья с коротким сроком действия и вот такое...

Тон у неё весьма пришибленный. Как был бы у любого обычного человека, столкнувшегося с чем-то настолько выходящим за рамки. И это несмотря на открытый источник и некоторые способности к магии у сестры. Но, относительно того количества силы, что я трачу сейчас, это вообще ничто.

Я не стал ничего отвечать, а просто начал опять разгоняться. Желая выбить бегом из головы мысли о том, чего мне это сила стоит. Следующий отрезок пробежал уже без остановок, сбросив скорость за полкилометра от предполагаемой берлоги медведя.

Уже совсем на подходе подошёл к высокому дереву и выдохнул:

— Наверх.

Она не спорила и, повесив за спину арбалет, полезла по суковатому стволу наверх. Я же спокойно снял всё лишнее и выдвинулся к берлоге. Пусто. Пошёл по натоптанным следам к водопою. И, не доходя пару сотен метров, бросился назад, сопровождаемый треском дерева и злым монстром.

Он быстрый, но я немного быстрее. Совершив финальный рывок, остановился под деревом. Пригнулся. Упёрся ногой в корень и вытащил тесак. Глубоко вдохнул, сосредотачиваясь на скверне. Составил точную схему движения и начал двигаться, выдав дополнительный импульс силы.

Мир мигнул. И я осознал себя стоящим, уперевшись левой рукой в обратную сторону тесака на уровне груди. Повернувшись назад, выдохнул. Зверь бился на земле, заливая всё вокруг кровью. Мой удар отрубил ему одну лапу в суставе и сильно повредил вторую с той же стороны. Удача. На заднюю конечность я не очень рассчитывал.

Осторожно подойдя к пытающемуся броситься на меня с помощью двух оставшихся лап зверю, взмахом тесака глубоко порезал ещё одну. Отошёл в сторону. Зверь же, в слепой ярости, пополз за мной.

Отведя его на три десятка метров, вернулся под дерево и крикнул:

— Спускайся.

— Всё? Ты закончил?

— Да, — хмуро ответил, смотря, как она, осторожно держась за ветки, оказывается внизу.

Как только ноги Эрны оказались на земле, вручил ей своё копьё и повёл к ползущему к нам зверю. Силы его стремительно покидали вместе с кровью. Он вскинулся, но атаковать не стал, наоборот пытаясь уползти и зализать раны.

— Я отойду, мне нельзя тут находиться. Сама знаешь, что делать.

Может показаться смешным или глупым, но мне жалко этого зверя. То, как он уползает, пытаюсь выжить...

Я сумрачно нарезал круги, не приближаясь к месту смерти животного, пока, через двадцать минут, не раздался крик:

— Всё!

Подойдя поближе, увидел своё копьё, торчащее в ухе монстра. Обмотанные мешками лапы, в которые собиралась кровь. Уже вскрытая грудная клетка, в которой копошилась блондинка, отрезая органы и фасуя по мешкам. Сердце уже было упаковано, как и печень.

— Помоги лёгкие вырезать, — вскинула она на меня заляпанное кровью личико, на котором сильно выделялись горящие восторгом от такого большого заработка глаза.

— Хорошо, — вздохнул я, поднимая тесак.

Спорить с ней такой совершенно не хотелось. Да и правда, денежка лишней не будет...

Меньше всего я ожидал, что однажды бабы сядут мне на шею. Буквально. Именно такая мысль крутилась в голове, когда, нагрузив на меня добычу, мы выдвинулись домой. Эрна не мелочилась. Огромный медведь был разобран почти полностью. Слита кровь, разложены по мешкам внутренние органы. Она даже выскребла мозг!

И всё это добро закинуто мне на плечи, добавив ещё не меньше двух сотен килограмм веса. Она бы продолжала потрошить зверя и дальше, срезая куски мяса. Но стали собираться падальщики, и пришлось уходить, пока не пришлось убивать уже их.

Пару километров мы шли по отдельности, пытаюсь лучше увязать мешки с добычей, постоянно норовившие съехать. Но постепенно я приноровился к грузу, распределил центр тяжести.

Только потом сестра запрыгнула мне на спину, и я смог начать разгоняться. Но без фанатизма, никаких больше пробежек с автомобильными скоростями. Я могу быть сколь угодно сильным, но масса есть масса. Инерция полутонны веса никуда не денется. Так что — лёгким бегом, иногда переходя на шаг, и никак иначе.

— Удивительно, сколько всего за один рейд! — радовалась сестра во время моей очередной передышки.

— Я нашёл этого зверя уже давно, — пытаюсь отдышаться после забега, напомнил я.

Она повозилась за спиной, устраиваясь удобнее, и полюбопытствовала:

— А много ты ещё такого нашёл?

— Тебе хватит, — угрюмо ответил я.

Она немного помолчала, подождав, пока я приложусь к фляге, и только потом негромко спросила:

— Ты не рад такой добыче? Почему?

— Плохой охотник, видимо. Нет во мне достаточно азарта, чтобы убивать тех, кто слабее.

— Ну ты сказал, медвежонок. Этот монстр бы разорвал тебя на части, будь у него такая возможность. И вообще, с чего ты выделяешь именно этого зверя среди прочих?

— Может быть, личный тотем? — усмехнулся я. — Именно благодаря подобному зверю, хоть и значительно больше и сильнее, я стал тем, кто есть сейчас?

Она немного задумчиво помолчала и, к моему удивлению, выдала:

— Достойная причина. Да и, брат, мне самой жалко было, когда он уже обессилел, и его ярость, даруемая скверной, ушла. Просто живая тварь, которая не хочет умирать. Я потому его и добила, хотя это и опасно — к монстру походить.

Мне стало чуток легче на душе. А то я начал бояться, что люди в этом мире какие-то не такие.

— Так что в следующий раз мы пойдём на волков. Надеюсь, ты нашёл в округе стаю?

— Нашёл, — усмехнулся я. И, глубоко вдохнув, скомандовал: — Держись крепче!

Не то чтобы это было так важно, бежал я не быстрее тридцати километров, да ещё и с отдыхом. Но даже так, через пару часов, мы, уже втроём, обрабатывали полученное добро в лаборатории.

— Бьёрн, поддержи!

— Брат, разрежь. А потом выжми!

- Тщательнее плёнку снимай, принцесса!
- Стараюсь! Она кусками идёт! И ты сама пропускаешь!
- У тебя сейчас сердце испортится, сестра, пора менять раствор!
- Ты здоровый, ты и меняй!
- Кто из нас дипломированный алхимик?
- Именно поэтому подобное делают подмастерья!
- Эрна, чтоб тебя, держи крепче!
- А ты режь плавнее. Что ты его пилишь, как кость? Это лёгкое! Белоручка, блин.
- Как научила, так и пилю. Радуйся, что не сама тут в одиночку всё делаешь!
- Может так было бы и лучше!

Вот в такой вот обстановке я и вынужден работать. Они не прямо всерьёз ругаются, такое ощущение, что просто друг на друге тренируются в остроте языка. Чем дальше, тем сильнее я стал меньше в этом участвовать, пока устало не припечатал:

— Заткнитесь, а?

Удивительно, но послушались, видимо, сами уже устали от пикировки. Дальнейшая работа прошла в тишине, прерываемая только репликами по делу. Отдых моим ушам и разуму!

Ещё полчаса я поработал с ними, а потом отправился домой. Короткий душ, согреть кипятка, залить заварки. С кружкой чая вышел на задний двор, окинув взглядом свои многочисленные тренировочные снаряды.

Сегодня продолжать тренировки необходимости не было, к тому же растянутые связки до сих пор болели. Движение «по составленной программе» — не самая приятная техника. Мало того, что я не успеваю осмыслить, как меняется ситуация вокруг, так и организм мне за такие вещи спасибо не говорит.

Конечно, эффективно против больших одиночных целей. Но лучше с подобным выплеском силы дополнительно поработать и найти золотую середину. Что поделать, реакцию мне скверна не поднимает настолько, как физическую силу. Не успеваю я.

Усмехнувшись, накрыл кружку ладонью и взвился в воздух, через мгновение ощутив, как потрянуло стропила крыши. Присев на конёк, осмотрел деревню, мелкими глотками попивая горячий чай.

Потихоньку опускалось Солнце, утихала дневная суета, а приятный ветерок обдувал уставшее тело. Вдалеке к трактиру собирался народ, начали разжигать огни на дозорных башнях. Деревня готовилась к очередному вечеру. Тихо и спокойно, как обычно.

Жаль, что так мирно не может быть всегда. Завтра придётся идти в лес, потом опять работать носильщиком. И несмотря на то, что лично мне деньги не нужны, выбора особого нет. На текущем моменте своего развития я не способен сбросить всю скверну сам. Нужна помощь.

Тренировки в необходимом размере отнимают моё здоровье, чрезмерно форсируя организм. Интересно, сколько инфарктов скверна способна позволить мне пережить? И позволит ли? Но даже если и так, то на каком моменте клетки начнут делиться с искажениями? И какой орган в первую очередь поразит рак?

Не работает зараза так тонко, чтобы купировать подобные последствия. Вся моя дурная сила просто потихоньку меня убивает. Но остановить тренировки не могу, нужно сбрасывать излишки скверны, чтобы не сойти с ума.

Не всё так плохо, можно вытащить заразу ритуалом и кровопусканием. А там уже и

лишняя масса уйдёт, дав отдых измученному сердцу. Посмотрим. Как в том анекдоте про лягушку в молоке: главное барахтаться. А там, глядишь, и соскочить получится.

Допив одним глотком чай, спрыгнул с крыши и отправился отдыхать да готовиться к новому дню. К сожалению, уже под утро пришли видения. Я опять от кого-то убежал, догонял, жрал или ели меня. А в самом конце я ощутил отголосок ненависти, пришедшей вместе с образами моего собственного лица. Сопровождаемые болью и жаждой выжить.

На этом моменте я проснулся, тяжело дыша и вытирая холодный пот. Такой вот привет от лесной ведьмы. Поморщившись, сходил умыться, а после сделал чая и, распалив лампу, достал талмуд по алхимии. Попробуем отвлечься академическим чтивом.

«Мои наблюдения о кислотах и их взаимодействиях». Некого Торстена из Сандра. Он пишет сухо, совершенно не интересно. Но работу проводит серьёзную, на максимальном уровне местной науки. Большой объём информации о предмете. На определённом этапе алхимик, судя по всему, бросал в кислоту всё, что только можно и нельзя.

Но то, как он пишет... Я продирался через текст, пока, наконец, не увидел хоть что-то живое в его идеях. Он рассказывал, как во время экспериментов с кислотами заливал свой халат. Испортили настолько сильно, что после того, как он пришёл в негодность, его решили сжечь. И он так сильно вспыхнул в печи, что перепугал самого экспериментатора.

Посмеявшись, я продолжил продираться через сухое перечисление взаимодействий, но, осилив ещё пару страниц, вернулся к этому куску. Что-то не давало мне покоя. Полузабытое, из уроков химии в школе или где то мельком услышанное после. Но даже не в этом дело.

Алхимик просто посмеялся над этим курьёзом и отбросил его. У него основной проект, так-то, был посвящён взаимодействию кристаллической маны и кислот. И учёному таки удалось получить, в итоге, истечение некоторых объёмов энергии при высоких концентрациях. На чём мастер себе имя и сделал.

Жаль только, что маг с открытым источником по-любому нужен, чтобы правильно направить энергию и придать ей нужные свойства. Меня, понятно, интересует сам факт взрыва. И как подобное можно повторить.

Разные кислоты и ткань, да? Много-много попыток смешать и попробовать? Разная ткань осталась с фитилей, кислоты есть дома или ещё больше у сестры. А там нужно будет пробовать, читать и пытаться что-нибудь вспомнить.

Пока же, захлопнул книгу, поднялся и отправился готовить завтрак. А после у меня на сегодня поход в лес и тренировка. Всё как всегда.

Всю следующую неделю я осторожно ходил в лес, один раз мы отправлялись вместе с сестрой, где пришлось искалечить несколько мутировавших волков. После этого Эрн и аристократка стали больше заняты в лаборатории, и я, в основном, занимался своими делами и экспериментами.

Насвистывая, сидел в сенях и смешивал кислоты, когда раздался звук открываемой двери, и появилась Элеонора.

— Фу, воняет как, — сморщила нос она. — Ты не мог это делать где-нибудь в другом месте?

— Я закончил, — хмыкнул, открывая двери нараспашку, чтобы проветрить.

— Я хочу сходить с тобой в лес!

Резко, без раскачки, заявила девушка, стоило ей выйти за мной во двор. Я только поднял бровь, и она сразу продолжила:

— У Эрны нет времени, и она мне рассказала азы работы!

— Зачем тебе? Не учитывая наши с сестрой дела, а лично тебе? — вздохнул я, присаживаясь на лавку. — Приключений захотелось?

Она поморщилась, смотря в сторону и пытаясь подобрать слова. Но я не стал ждать и устало проговорил:

— Я даже не буду тебя отговаривать. Хочешь, значит сходим. Мне не сложно, это твоя жизнь будет в опасности, не моя.

— Так просто? — недоверчиво осведомилась девушка. — Никаких уговоров и сомнений в моём здравом уме?

— Завтра пойдём. Готовься, — отмахнулся я.

Девушка довольно улыбнулась и, подхватив из стойки с тренировочным инвентарем нож, нанесла удар в мягкое чучело. Красиво вышло, под подбородок, сразу в «мозг». Нанеся ещё несколько ударов, она продемонстрировала красивый проход за спину с одновременным режущим движением.

Я смотрел, как она красуется, демонстрируя всё, чему научилась за это время. А сам думал о своём: нужно ли мне вообще возиться сейчас с взрывчаткой? Я не сомневаюсь, что-то в итоге, получится. База местной алхимии достаточно широка и разнообразна. Но зачем?

Вот прямо сейчас я достаточно силен, мало что способно остановить наполненное скверной тело. А оторванные при экспериментах пальцы обратно не прирастут. Да и магия может обеспечить немало интересного, когда у меня появится к ней полноценный доступ. Уж для самозащиты можно много чего придумать, благо существует достаточно литературы по этому поводу.

Посмотрим. Но на данный момент лучше сосредоточиться на том, что действительно важно. Например, на возможности вывести скверну. Сестра уже работает над тем, что я смогу ей передать по ритуалу магистра. Плюс, кое-какие заметки остались от Ингельвина. Она считает, что за несколько месяцев сможет составить и выполнить подобный ритуал.

Мне достаточно провести это время как можно дальше от деревни, а если ещё и активно тратить энергию, то, возможно, получится значительно сократить общее количество заразы в организме. А может и не выйти. Скверна странно себя в последнее время вести стала, лишний раз подтверждая, что это не только энергия.

— И как я тебе? — вывел меня из размышлений вопрос девушки, застывшей напротив чучела в, кажущейся ей красивой, позе с вскинутым над плечом ножиком.

— Красивая, — отвлечённо ответил, прокручивая в голове мысль о воле этой самой скверны.

Она замерла, а потом, тяжело выдохнув, разъяснила:

— Я про мастерство!

— Завтра и увидишь, — пожал я плечами. — Не засиживайся до ночи, рано утром выходить.

Оставив поджавшую от раздражения губы девушку в одиночестве, зашёл в дом. Я планировал отвести её к гоблинам. Очень опасно, но поднадоело мне пытаться что-то доказать на словах. Лучше показать.

Закрыв за собой дверь, разделся и рухнул на скрипнувшую под моим весом кровать. Сглотнул комок в горле, начал медленно дышать, пытаясь, успокоиться и заснуть. С учётом того, что я не очень высыпаюсь, много времени это не заняло. И, наверное, часа полтора я таки проспал. А потом перед внутренним взором появилась картина уходящих в темноту циклопических корней, освещённых бледным светом мутировавших мхов.

По сознанию стеганула боль. Но недостаточная, чтобы проснуться и выбраться отсюда. А следом обрушилась чужая, кипящая злобой воля, пытаюсь подавить, вырвать всю память до дна и разорвать сознание на части. Знакомо. Уже не первый день.

Не знаю, как предать ощущение подобной битвы. Ведьма старалась вырвать у меня воспоминания о жизни в том мире. Я в ответ бросал картинки свинарника или сражений, за что она стегала мой разум болью. Иногда я сам пытался нападать. Больше от отчаяния, чем пытаюсь победить опытную ведьму.

Хотя, опять же, что значит — нападать? Выплёскивать негативные воспоминания, свою собственную боль. Чаще я сжимался в шарик, транслируя собственное бешенство. Вот и сейчас в голову влилась мешанина образов, вызывая ответный ассоциативный ряд.

Ребёнок. Женщина. Игрушки. Мелькнули воспоминания моего тела. А потом пришла картинка игрушечной машинки на радиоуправлении. Кубики с буквами. Азбука. Я зло бросил в ответ мешанину образов от ощущения скверны. И, на удивление, получил ответ.

Боль разорванной ауры, долгие попытки обратно стать сильной. Скука. Надежда. И тут же сознание резануло болью, сипло вдохнув, я открыл глаза. Стёр пот. Улыбнулся. Значит, в эти игры можно играть вдвоём? Пусть и далеко не равноценно. Но удачи ей перебрать коллекцию всех просмотренных фильмов, которые я ей буду показывать, в попытке найти хоть что-то интересное. Особенно там, где его нет.

Встав, выпил воды и лёг обратно в кровать, закрывая глаза даже с некоторым предвкушением. Пусть на один полученный образ я отдам сто. Но ничего, научусь. Поборемся!

К моему удивлению, после этого, до самого утра проспал, как младенец, наконец-то отдохнув. Поднявшись с кровати, позёывая, вышел в сени, где сонная принцесса медитировала на медленно закипающий кофе.

Вот кто оказался любителем кофе — так это она, подсев на него буквально за несколько дней. Смерив меня раздражённым взглядом, молча подсыпала немного кофе и долила воды.

— Чего-то ты не рада этому дождливому утру? — усмехнулся я, выглядывая за дверь.

— Рада. Дверь закрой, дует.

Хмыкнув, вышел во двор, таки прикрыв за собой створку. Широко и протяжно зевнул, раскинув руки. Как приятно, наконец, выспаться! Совсем эта ведьма отдохнуть не давала последнее время. И даже дождь нисколько не портил моего хорошего настроения!

Вдохнув свежий влажный воздух, сделал несколько шагов и повис на брусках, начав потихоньку разминаться. Потом обязательно растяжка. Это то, что я хочу сохранить, когда выведу скверну. Растяжку, навыки, часть мышечной массы. Не те ненужные объёмы, что есть сейчас, а нормальные функциональные мышцы.

Я даже немного сбросил в последние недели, стараясь перейти с грубых силовых тренировок на другие способы использования скверны. Вот и сейчас я спрыгнул с брусков и подошёл к врытому в землю столбу, обмотанному веревкой. Короткий отдых и намного более длительная концентрация.

По руке расплзлась тёмная плёнка. Удар в столб. И энергия вырывается из-под контроля, втягиваясь обратно. Ещё раз. Вот что я имел в виду, говоря, что скверна ведёт себя странно. Этот фокус у меня уже получался намного лучше. Но с некоторых пор перестал. А были такие надежды, на то, что я смогу так выводить заразу. Скверна, видимо, считает по-другому.

Я сделал ещё несколько попыток, а потом печально покачал головой и вернулся в дом.

Налив кофе, сел возле небольшой алхимической печи, которую мы приспособили под готовку. Надоело мне в спальне бардак наводить.

Подняв чашку, погрел об неё ладони и сделал первый глоток. А ведь такие надежды были когда-то на скверну. Особенно, когда начало получаться лучше её контролировать. Я уже воображал, как смогу использовать много «крутых техник». Но нет. Это что-то отдельное, активно сопротивляющееся моему влиянию.

Я читал об этом эффекте. Но всё равно надеялся на что-то. Скверна не мана, это не чакра из аниме. Это изменённая кровью убитого бога сила, несущая только волю своего создателя. Жажда мести, смерти и разрушения. И чтобы пользоваться ей так свободно, как пользуется лесная ведьма, надо быть богом самому.

— Так мы идём в лес сегодня? — спросила показавшаяся на лестнице в мансарду девушка.

Я встряхнулся и, смерив аристократку задумчивым взглядом, кивнул.

— Собираемся!

Она просияла и убежала наверх переодеваться. Я же, допив кофе, начал собирать инвентарь и осматривать доспехи. Особенно крепления. Тяжело с ними, я слишком сильный. Иногда, могу двигаться настолько резко и широко, что они не выдерживают и рвутся. Постоянная возня с ними. Слишком сильно затягивать нельзя, но и ослаблять не вариант.

Тем не менее, уже через час мы бодро бежали по холодному, мокрому лесу. Дождь так и не прекратился, так что скорость я сегодня не превышал, не желая оказаться в ближайшем дереве. К тому же хотел сохранить новые сапоги. Гоблины, твари разумные, а значит и особо опасные. Ловушки, яд, это к ним. Любят, умеют, практикуют. Босиком идти не вариант.

Да и грязь месить по такой погоде голыми пятками не сильно приятно.

— Эрна говорила, что это очень быстро, — раздался разочарованный возглас из люльки за спиной.

— Молчи, женщина! — тяжело дыша, выплюнул слова я.

И отвлёкшись, поскользнулся на мокрой траве, сумев, всё же, упасть вперёд, на руки.

— Твою мать... — сплюнул я попавшую в рот грязь.

— Прости. Я не подумала!

— Да ты вообще думаешь? Куда я буду нестись по такой дороге? Скорости ей мало, бля!

Отведя душу, поднялся и потихоньку начал снова разгоняться, сопровождаемый обиженным пыхтеньем сзади.

— Извини. Я правда не подумала про дождь, — раздался покаянный возглас во время моего очередного перекура.

— Проехали. И старайся молчать. Мы уже близко к логову, дальше работаем по плану.

Спустя десяток минут мы влетели на поляну, где впереди, среди наваленных камней, возвышался вход в шахту. Резко проскочив поляну, я прыгнул вверх, оказавшись на рукотворном холме, и рванул ремни, сбрасывая снаряжение и девушку.

Копьё в руки, и я сиганул обратно, оказавшись перед входом. Зная, что девушка сейчас залегла, сжимая в руках взведённый арбалет. Раздались крики, и на меня вылетело трое зеленокожих уродцев.

Рубящий удар, и ведущий из них лишился ноги ниже колена. Второй получил пяткой копья в грудь и отлетел назад. Третьему я всадил сапог в живот, отбрасывая обратно. Изнутри тёмной шахты раздалось ворчание. Но атаковали меня со стороны леса. Ещё четверо.

Сломанные ноги, отрубленная рука, смятая челюсть. Четвёртого я удачно приложил в грудь, заставив свернуться на земле. Выдохнув, сконцентрировался на своём ощущении скверны. Вроде основной фон только из шахты. Чуть сдвинувшись в сторону, чтобы не маячить на входе, стал ждать.

Немного погода отошёл немного дальше к лесу. А через мгновение скверна внутри взбунтовалась, заставив меня рухнуть на колени. В темноте раздалось довольное верещание, и выбежало несколько уродцев. Следом, держа в руке посох из позвоночника хорсы, наружу вышел и шаман, гордо, сверху вниз посматривая на своих соплеменников.

Скверна бунтовала. Но я немного привык к этому. Рука крепче сомкнулась на копье, и напрягшийся шаман вытянул вперёд посох, что-то завизжав. Я усмехнулся, зажимая заразу. Эта дрянь выросла только на моей силе, она подчиняется мне не хуже, чем ему.

Сверху тренькнул арбалет, шаман отвлёкся, присев от пролетевшей над головой стрелы и бросив испуганный взгляд наверх. Но контроль ослаб сильнее, и я метнул копьё. А сам, выхватив тесак, отрубил ноги подбежавшим гоблинам. Из пещеры раздался вой, и в атаку бросился ещё десяток врагов. Дубины, копья. И всё это по мою душу.

Удары тесака, сапог и кулаков. В стороны полетели отрубленные руки и ноги. А я ощутил, как начинает накрывать знакомое безумие. Но, к счастью, противники кончились раньше, чем я сорвался. Последние двое и вовсе развернулись и бросились обратно в пещеру. Скрипнув зубами, я взвился в воздух, оказавшись рядом с аристократкой.

— Ты знаешь, что делать, — буркнул, подхватывая брошенные мешки и спрыгивая вниз.

Меня потряхивало. Скверна кипела, требуя добить ползающих и визжащих тварей передо мной. В воздухе висел густой запах крови, скверну, казалось, можно было вдохнуть.

Подранки ползли ко входу в штольню, кто без рук, кто без ног. Некоторые хотели атаковать, тех я просто лишал оружия. Но все выжили и даже стремительно зализывали раны. Удар кулаком, накинуть петлю на шею. Затянуть. Подождать минуту и отнести бессознательное тело подальше от входа, где ждала бледная аристократка, сжимая в руках нож.

Я ходил, душил и вязал гоблинов, посматривая, как она замерла над лежащим перед ней телом. А потом, зажмурившись, воткнула ему кинжал под подбородок.

Я зло, по-волчьи, оскалился. Пошло дело по вправлению мозгов в правильное место!

Глава 6

С треском разошлась грудина гоблина, и принцесса, сделав пару нарезов, вытащила сердце, закинув его в мешок к таким же. Работа спорилась. Взмахнув ножом, вскрыла глотку следующему уродцу и подставила обработанный дёгтем мешок под текущую кровь. Находящаяся там пористая губка стала впитывать жидкость, облегчая дальнейшую транспортировку крови.

Я отошёл ещё подальше, крепко сжимая арбалет в руках и контролируя выход из шахты и лес вокруг. Осталась всего пара гоблинских тел, и можно будет уходить. Поначалу, конечно, девушка оставила в сторонке свой завтрак пару раз. Но сейчас втянулась, и гора мешков рядом с ней росла.

Вскинув арбалет к плечу, выстрелил, руководствуясь ощущением скверны. Не попал. Скрытый темнотой штольни гоблин увернулся и благоразумно ушёл дальше в их нору. Взведя самострел заново, я продолжил наблюдение.

Ждать тяжело. Скверна внутри билась, мутила сознание, требуя продолжить резню. Я держался, но на грани. Так или иначе, я впитал довольно много заразы во время драки, и сейчас это всё требовалось как-то сжечь.

Глубокий вдох, длинный выдох. Повторить. Бросив взгляд в штольню, выпустил ещё болт. Глубокий вдох. Слава богам, спустя десяток минут раздались долгожданные слова:

— Я закончила!

Подскочив, подхватил связанные верёвкой мешки, и мы начали отступать, оставив за собой гору выпотрошенных трупов. За время работы, наконец, кончился дождь, и, отойдя около километра от гоблинской норы, я скомандовал привал.

Перевязал мешки, размещая их на себе и, присев, показал девушке за спину. Она механическими движениями, как робот, разместилась в переноске. Элеонора явно не в себе. Размазанная по лицу кровь, потухший взгляд, полное игнорирование и непонимание происходящего вокруг.

Сняв сапоги, портянки, закрепил их среди снаряжения и побежал домой, выдавая на открытых участках максимальную скорость. Девушка не реагировала, полностью уйдя в себя.

Пальцы ступней впились в грязь и хвою, разбрасывая грунт при каждом толчке ног. Я полностью сконцентрировался на дороге, желая скорее оказаться дома. Выйдя на освоенную тропу, ускорился ещё быстрее. Чувствуя, как начинает немного затухать невнятный шёпот в голове, требующий крови.

До деревни мы добрались быстро. Доведя находящуюся в прострации аристократку до дома, я сходил к сестре, где, быстро выгрузив добычу, вернулся обратно. Не нравилось мне состояние девушки, оставлять её одну надолго не стоит.

Дом встретил тишиной и сидящей возле печки в сенях Элеонорой. В домашнем платье, с мокрой после душа головой. Но стоило скрипнуть двери, как она повернула голову, окинув меня тусклым взглядом. А следом отвернулась и продолжила смотреть на кофейник, в котором медленно закипала вода.

От сердца немного отлегло, и я занялся собой, через полчаса усевшись рядом с ней.

— Отвези меня домой, пожалуйста, — тихо проговорила девушка, грея руки о поднятую перед собой кружку.

— На острова?

— Хотя бы на острова. Я всё поняла. Спасибо за науку, больше мне от тебя уроков не нужно.

Сквозь апатию в её тоне проскользнула издёвка.

— Не нужно, так не нужно. Завтра выходим, — пожал плечами я.

Накинул плащ и, просунув ноги в сапоги, вышел на улицу, оставив принцессу в одиночестве. Раз находит силы на ехидство, значит нормально, не порежет себе вены. И придёт в себя, не завтра, так через неделю, но неизбежно. Я же отправился к Эрне, сейчас занятой нашей сегодняшней добычей.

— Явился-таки, — взмахнув зажатым в руке ножом, поприветствовала меня сестра. — Присоединяйся. Нужна помощь!

Вздыхнув, я натянул передник и перчатки и принялся помогать ей в обработке реагентов.

— Как там она? — осведомилась Эрна, закидывая гоблинское сердце в раствор кислоты.

— Не в себе пока. Но, вроде, приходит в порядок.

— Брат, зачем ты её на гоблинов потащил? Даже мне там было бы сложно.

Я тяжело выдохнул и, подумав, ответил:

— Последняя услуга, возможно. Она хотела посмотреть, что это такое, перед тем, как мы отправимся на острова.

— На гоблинов-то зачем? Не мог поймать кролика? Что за глупость! — возмущённо воскликнула сестра, сметая в корзину обрезки от печени.

— Хотел показать, что такое этот её путь «воительницы». Избавить от иллюзий.

— И заставил белоручку прирезать и разделать два десятка тварей? Медвежонок, ты точно вылечился?

— А что не так? Успокойся, выйдет замуж за какого-нибудь важного аристократа с островов. И, думая о приключениях, всегда будет вспоминать эту кровищу и содрогаться.

— Заботишься, значит, так, — фыркнула сестра. — Ты если когда-нибудь решишь позаботиться в таком ключе и обо мне, предупреди сначала, чтобы я смогла в лоб твой медный вмазать чем-нибудь потяжелее!

— Тебе не нужно, ты умная, — хмыкнул я.

— А ты, я смотрю, хоть и научился связно говорить, но всё тот же дурачок...

Я на это просто пожал плечами, не желая спорить и, молча, продолжил работать. Впрочем, через пару минут она сама нарушила тишину тихим вопросом:

— Когда уходишь?

— Завтра. И так оставался в селении слишком долго, баронские люди уже смотрят косо. Ты как тут, справишься?

— Куда я денусь? Зелья продаются, другие охотники начинают сдавать реагенты. Не разорюсь. И спасибо, брат, что дал мне всё это.

Она обвела рукой лабораторию вокруг нас и добавила:

— Ты только вернись, а там мы решим твою проблему. Хотя бы часть её.

— Не переживай, всё получится, — мягко ответил я.

— Не переживать? Из твоей крови можно зелья делать, брат. Куда уж больше-то? Ты для скверны, как маяк в ночи. Ты же сейчас даже не способен эту мощь потратить, лес передаёт тебе непомерно много силы!

— Пока справляюсь, — ободряюще улыбнулся, закидывая последний кусок печени в

бак.

— Не понимаю, как! Ты должен по лесу бегать голышом и бросаться на всё живое...

— Я способный, — улыбнулся, снимая перчатки.

С первичной обработкой мы закончили, дальше её работа. Можно немного отдохнуть!

— Закончу, приду на ужин!

— Хорошо, до вечера!

Попрощавшись, вышел на улицу, с удовольствием вдохнув свежий воздух после не самых приятных запахов лаборатории. Оглянувшись вокруг, направился в трактир. Подступал вечер, но в заведении пока было пусто.

Я толкнул дверь, и над головой зазвенел приятный перезвон колокольчика. Мой подарок трактирщику, когда немного встал на ноги. Из кухни выглянула повзрослевшая за это время младшая дочь трактирщика, приветливо улыбнувшись, помахала рукой и скрылась на кухне, оповестив окружающих:

— Там Бьёрн!

Улыбнувшись, я сел на скрипнувшую под моим весом лавку, с ностальгией обведя взглядом пустой зал. Неужели всего чуть меньше двух лет назад я мыл тут полы и бегал, разнося пиво?

— Давно ты не заходил, — поприветствовал меня вышедший с кухни Эрхард и сел напротив, поставив большую кружку пива.

— Дела, — усмехнулся я, с наслаждением делая первый глоток.

— Говорят, ты собираешься покинуть селение? Надолго? — спросил толстяк, погладив, кажется, ставшую ещё более пышной, бороду.

— Кто знает, — пожал плечами. — Но рано или поздно вернусь, и, надеюсь, пока меня не будет, Эрну никто не будет обижать.

— Смеёшься что ли, — фыркнул мужчина. — Она алхимик, маг, нужный в селении человек. Ещё и свой, местный.

— Залётные авантюристы могут доставить проблем, — вздохнул я.

— Не переживай. Есть наши мужики, плюс баронские. Если кто начнёт чудить, мигом на место поставим.

— Кстати, про дом Феликса никто не спрашивал? Долго стоит без жильцов, ветшает.

— Все кому нужно — знают. Но нет пока достаточно большой группы новичков. Жди.

— Да мне-то что, — лениво отмахнулся я. — Хотя немного удивлён. Сначала мой дом простаивал, теперь этот. Такое ощущение, что людям перестали требоваться деньги. Ни одной большой ватаги новичков за последние месяцы не появлялось!

— Война намечается. Всех способных держать оружие выметают, — пожал плечами Эрхард.

— Она всё время намечается, сколько я себя помню, — недоверчиво фыркнул я.

— Как будто ты себя долго помнишь, — хмыкнул толстяк. — Раз до сих пор не началась, значит, бойня будет знатная. Будь уверен.

— Ну, возможно. Просто долго уже слухи все эти ходят.

Между прочим, война с королевством, откуда пришла Элеонора. Обычная такая, рядовая феодальная война за серебряные рудники на границе, которые были у них отжаты около тридцати лет назад. Именно такая версия событий на слуху в трактирах.

Впрочем, если вспомнить историю принцессы, возможно, там есть что-то ещё. И именно поэтому готовится то, что готовится, выметая всех умеющих сражаться. В любом

случае, от нас это на другом конце страны, и меньше всего кто-либо из властей заинтересован в разрушении бизнеса охотников. Зелья нужны, особенно если впереди действительно война.

Бородач усмехнулся и объяснил ещё пару моментов:

— Сейчас золотое время для охотников. Приток новичков низкий, конкуренция среди отрядов небольшая, спрос на зелья большой. Просто богатей и всё. А вот после мясорубки останется много народу, который хлынет к нам в поисках лёгких денег. Так что не считай, что сейчас всё, как обычно. Сейчас хорошо.

— Тебе лучше знать, — согласился, делая ещё глоток пива. — И всё же, присмотрите за сестрой тут.

Он только собирался ответить, когда прозвенел колокольчик, и в заведение завалилась команда рыбаков.

— Привет, хозяин. Здравова, безумец! Пива нам! Сегодня гуляем!

Я отсалютовал мужикам кружкой, смотря, как они рассаживаются. Эрхард только вздохнул и, поднявшись, пошёл на кухню. Для него начинался рабочий вечер, я же слушал разговоры, приветствовал новых посетителей и тихо пил пиво.

Принесли закуску, гренки и куриные крылья, которые я начал с удовольствием вкушать вместе с пивом. А потом не маленького поросёнка, Впрочем, его вместе с деревянным блюдом и бочонком пива потащил домой. Устроим сегодня небольшой прощальный пир, раз уж так всё складывается. Да и Норе будет полезно, чтобы в норму придти.

Дом встретил меня тишиной, расставив кушанья, я вышел во внутренний двор. Где увидел, как принцесса остервенело вколачивает свои обмотанные тряпками кулачки в боксёрскую грушу.

Понаблюдав пару минут, довольно пробормотал про себя:

— Справится.

И прошёл мимо, начав растапливать баню. Раз не очень понятно, что меня ждёт в пути, нужно воспользоваться всеми благами цивилизации, пока есть возможность!

К тому моменту, как всё было готово, пришла Эрна. И подхватив уставшую, тяжело дышащую принцессу, затащила с собой в баню. Не знаю, что они там обсуждали, но вышла аристократка повеселевшая и задумчивая.

После них вволю попарился и я, наконец, полностью расслабившись. Хотя, как сказать, полностью? В голове опять начал звучать невнятный шёпот, и, стоило закрыть глаза, проносились видения, транслируемые скверной. Подняв перед собой руку, поморщился.

Вены начали чернеть, сигнализируя приближение к финальной фазе заражения. Если останусь в деревне, счёт до срыва пойдёт на дни. Можно отсрочить тренировками, но на текущем уровне массы и силы скорее сердце откажет, чем я выведу скверну.

Вздыхнув, вылил на себя несколько вёдер воды, вытерся и, одевшись, направился в дом. На столе ждал поросёнок, свежий хлеб, овощи. Пиво. И девушки, не дождавшись меня, начали пировать.

— Ну что, за успех путешествия? — улыбнувшись, поднял я кружку с пивом.

— За успех! — поддержали меня они.

Несколько минут в комнате царили только звуки ужина, и, только потом, отхлебнув пива, Эрна поинтересовалась:

— Как думаешь, что ждёт тебя на островах?

— Тётя, братья и сёстры. А точно? Не знаю. Посмотрим.

— Главное, мирная и спокойная жизнь. За что предлагаю ещё выпить!

— Поддерживаю, брат, — вскинула кружку раскрасневшаяся Эрна.

Через несколько кружек они начали клевать носом. Допив кружку, сестра заплетающимся языком произнесла:

— Сегодня сплю тут! Никуда не пойду!

— Я всё равно сегодня полноценно не усну, — пожал я плечами и, подхватив со стола остатки поросёнка, утащил их в сени.

Довольно быстро по дому раздалось пьяное сопение, и, прикрыв двери, я продолжил поглощать пиво и мясо. Надолго этого не хватило, и я, всё же, растянулся на лавке. Спать не спать, но выпил достаточно, чтобы хотя бы немного подремать.

Стоило только закрыть глаза, как реальность сразу уступила место видениям. Ничего конкретного, но в огромных количествах. В очередной пережив фантомную смерть какой-то твари, я открыл глаза.

Невозможно спать. Шёпот в голове стал ещё сильнее.

— Да что же это... — простонал я, обхватив руками голову.

Холодный душ немного облегчил ситуацию, но не сильно. Плюнув на всё, вышел во двор и, размявшись, подлез под свой тренажёр из камней и брёвен. Присесть. Встать.

Спустя два десятка повторений в ушах остался только бешеный пульс. А я продолжил, прервавшись только, чтобы ещё сильнее увеличить вес. Вверх. Вниз. Выметая всю дрянь из головы. Заставляя тело работать далеко за пределами возможного. В груди стрельнуло болью, отдавшись в спину, а потом в руки и зубы.

Помутнело в глазах, навалилась слабость. Я рухнул на колени, схватившись за грудь. И свет перед глазами померк окончательно.

— очнись, брат! очнись!

Щёку огрело болью, и, разлепив глаза, увидел стоящую надо мной бледную Эрну.

— А? Что? — недоумённо оглянулся, пытаюсь понять, что произошло.

— Это я должна спрашивать. Вышла, а тут ты лежишь без сознания!

Я заторможено, опираясь руками об землю, сел ровнее и попросил:

— Дай воды.

Она бросилась к колодцу, и через пару минут протянула мне ковшик, который я принял дрожащими руками и жадно выпил. Шок проходил, я начал вспоминать и осмысливать произошедшее. Допив, поднялся и, сделав пару шагов, сел на лавку.

— Сердце не выдержало, — негромко озвучил свои выводы сестре.

— Да как так... — потерянно протянула она, садясь рядом. — Ты же пацан совсем...

— Вот так. Но мне уже лучше, к утру и вовсе в норму приду, так что можешь идти спать.

Не переживай.

— Да какое тут спать!

— А что ещё делать? — пожал плечами я. — Или можешь помочь мне собраться.

— Я соберу вещи. А ты попробуй отдохнуть, — и, не слушая возражений, она потянула меня в дом, толкнув на кровать.

Спорить я не стал, действительно отключившись практически сразу. Занятая латанием моего организма скверна позволила крепко уснуть, нарушив сон лишь небольшим количеством глюков, пришедших уже перед тем, как проснулся.

В комнате было светло. Яркое солнце било в окошки под потолком, подсвечивая пылинки в воздухе. Судя по всему, время сильно после полудня. Положив руку на грудь, я

пару раз глубоко вдохнул. Вроде ничего не болит, слабость отступила. Поднявшись, осторожно сделал пару шагов и, открыв дверь, вышел из комнаты.

Начищенные доспехи блестели. К стене был прислонён собранный мешок с одеялами, тентом и котелком сбоку. К походу всё было почти готово.

— Как ты? — был первый вопрос от сестры, как только я вышел на задний двор.

— Отлично! — подчёркнуто уверенно улыбнулся, стараясь успокоить её своим видом.

Она только поджала губы, и, окинув меня недоверчивым взглядом, спросила:

— Может отложишь выход?

— Нет, тут я сорвусь за неделю. У нас нет больше времени, и ритуал не готов.

— Срань! — зло прошипела она и, развернувшись, ударила в дверной косяк кулаком.

— Не надо! — нахмурился и, шагнув к сестре, перехватил её руку, глянув на рассечённые до крови костяшки.

Она всхлипнула и, обняв меня, сквозь текущие слёзы пробормотала:

— Прости, медвежонок, но я не успела. Всё казалось так хорошо, ты без проблем держался...

— Не переживай, я вернусь, и мы всё решим, — положив ладони на подрагивающие плечи, негромко проговорил я.

— Только вернись!

— Ну хватит тебе, я, знаешь ли, тоже жить хочу! — постарался как можно бодрее воскликнуть я.

— На это только и надеюсь, — последний раз всхлипнув, она отлипла от меня и, стерев слёзы, добавила: — И не ввязывайся в чужие проблемы. Отвёз Эрну и сразу вернулся. Тебе это десять дней времени. А я к тому времени всё сделаю!

— Разумеется, — улыбнулся. — Покажешь, что собрала в дорогу?

Она криво улыбнулась, и мы, наконец, начали собираться. Сестра не пожалела для Элеоноры свою броню, дескать, себе она новую заказала. А вещей вышло немного. Доспехи, оружие, рубаха со штанами запасные, пара одеял, тент и небольшой запас еды. Мы всё равно планировали останавливаться на постоянных дворах, это, скорее, на всякий случай.

— Ну что, собираемся? — показалась с мансарды уже одетая по-походному аристократка.

— Да, погнали!

Сборы не затянулись. Одеться, выпить чаю на дорожку, и вот мы стоим у ворот, провожаемые сестрой.

— Нора, смотри, головой отвечаешь! И удачи тебе там, может, свидимся ещё!

Шагнув ближе, Эрна коротко обняла меня и добавила:

— Не вернёшься, найду даже в лесу и притащу домой!

— Всё будут хорошо, — улыбнулся я. — До скорого!

Развернувшись, мы отправились на выход из деревни, оставив Эрну смотреть нам в спины. Я оглядывался вокруг, стараясь запомнить всё так, как оно есть. Как-никак, впервые отправляюсь так надолго и далеко.

— Удачи тебе, парень! — попрощался седоусый стражник на воротах, закрывая за нами калитку.

— Любят тебя в селении, — с толикой зависти пробормотала девушка.

— Скажешь тоже, меня тут обещали выдать на смерть, если что, — хмыкнул я.

— Верь им больше, — пренебрежительно отмахнулась она. — Ты в курсе, что у тебя

белки глаз почернели? А народ вместо того, чтобы выкинуть опасную тварь, удачи тебе желает.

— Боятся...

— Сомневаюсь, — хмыкнула она.

Я на это только пожал плечами и, как только мы отошли за километр от деревни, присев на поваленное дерево, потянулся к сапогам. Пора переходить на нормальную скорость передвижения. И замер на половине движения, не в силах пошевелить и пальцем.

— Что с тобой? — через десяток секунд осведомилась Элеонора.

Я же боролся с бунтующей внутри скверной, зажатой чужой волей. Пытаясь сосредоточиться на той части, что я хоть как-то могу управлять. Что-то получалось. Но плохо и медленно.

Из леса раздался хруст веток, и перед нами остановился огромный волчище, на котором восседала закованная в броню из мутировавших побегов фигура.

— Ты думал, что сможешь убежать? — раздался чарующий голос бывшей богини. — Нет, дорогой, тебе за многое нужно ответить.

Рядом побледнела Элеонора, со страхом смотря на огромного зверя и фигуру на нём. Сглотнув, принцесса сжала рукоятку кинжала и перевела взгляд на меня. Я всё пытался бороться со скверной в себе. Убрать воздействие заразы на тело, получить контроль над движениями.

Не выходило, конечно. Наши силы и контроль над скверной несопоставимы. А волк остановился в полдюжине шагов и опустился на колени, позволяя наезднице сойти со своей спины. Зверь очень устал. Он бежал весь день, жестко направляемый чужой волей и впитывая даруемую ей силу.

Вперёд потянулись побеги, но неожиданно остановились. А я ощутил под подбородком острую сталь.

— Он нужен тебе? Остановись или ты получишь только его труп, — как кошка прошипела Элеонора, оперев мне в шею кинжал.

Единственная мысль, возникшая у меня в голове, звучала коротко и ёмко:

Бля...

Раздался мягкий, грудной смех, и в нашу сторону ударили побег. Очень быстро, с лязгом кольчуги отбрасывая Элеонору назад. Кинжал резанул мне по шее, оставляя неглубокий порез. А следом я вбил всю свою волю и желание жить в один единственный образ, транслируя его через скверну в другой разум.

Уставший волк позади Фионы не смог сопротивляться посылу. Короткий рывок, и зверь сомкнул свою пасть на плече бывшей богини, вскидывая её кверху так, что только ноги мелькнули. Жаль правда, что, практически мгновенно, в него воткнулись отростки, разрывая зверя на куски.

Однако, на секунду она не смогла сохранять концентрацию, необходимую для моего контроля. А больше времени я не дал. Копьё ударило её в живот и, войдя на половину лезвия, накрепко застряло в сомкнувшейся броне и поднятой защите из скверны. Выхватив тесак, осатанев от страха и бешенства, начал рубить суку изо всех сил. Окутанные тьмой побег приняли удары, разлетаясь на куски.

Больше атак, не дать собраться, сконцентрироваться. Не позволить опять меня парализовать! Голова, шея, туловище, бедро, опять шея. Не останавливаться! Тьмой покрылась она вся, особенно плотной пеленой затянуло руки и побег. Скверна бурила, выплёскивалась потоком из нас обоих.

Резко ударили отростки, стремясь отбросить меня. Повернув корпус, я пропустил их в стороне, часть отбив тесаком. Она использовала краткий момент передышки, чтобы вырвать из себя копьё и, крутанув его в руках, нанести рубящий удар мне в шею.

Остановить тесаком. Подшаг, и со всей дури зарядил ногой ей в живот, со злой радостью услышав крик боли. Фиону отбросило от меня на полдюжины шагов. Я же, оперевшись ногой в корни позади, выдал максимальный импульс силы. Мир мигнул, и я обнаружил себя летящим в кусты, но руки чувствовали отдачу удара. Так что развернувшись, окинул ведьму полным надежды взглядом.

Не судьба. Она лишилась одного из больших побегов, а на груди затягивалась броня, продемонстрировав на долю мгновения неглубокий порез под ней. Но повторять некогда, и я налетел опять, атакуя, принимая удары копья и отростков на доспехи или уклоняясь.

Улучив момент, перехватил копьё за древко и рванул на себя, нанося встречный укол тесаком. Он проскользнул по живой броне. И мы оказались рядом, лицом к лицу. Угрожающая закрытая маска доспеха ведьмы метнулась ко мне, нанося удар лбом.

Хрустнул нос, но, отбросив зажатое в левой руке копьё, я схватил тварь за плечо и со всей дури вбил в лицо рукоять тесака. Смялась маска и, кажется, клацнули зубы под ней. Но, не растерявшись, она зажала мою руку с оружием, пытаясь удержать рвущуюся к горлу сталь.

Оставшиеся в её распоряжении побег оплели мою шею, пытаясь задушить. Схватив их другой рукой, напрягся, сжимая хватку. Больше скверны в импульсе!

Побег смялись в ладони. Но и Фионе улыбнулась удача, руку стрельнула боль, и она выхватила из моей вывернутой кисти тесак.левой рукой я ударил ей в голову, заставив отлететь назад, и подхватил с земли копьё. Серия уколов, удар пяткой оружия, рубящий, атака в ноги и подрезать бедро на возвратном движении.

Парировано или ушло мимо. По спине пробежал холодок, слишком легко это у неё вышло. Я взорвался градом атак, стремясь к максимальной скорости. С тем же результатом.

Ничего не прошло в цель. Сука просто быстрее. Скверна усиливает её даже сильнее, чем меня, но она легче. Сделав шаг назад, я пропустил мелькнувший возле лица тесак. И потом ещё один шаг и ещё.

Встречный укол, выдав в руки и тело большой импульс силы. Руки трянуло. А на землю полетело срубленное острие копья. Но, при этом, сам укол удачен, она перерубила древко уже на отходе. Под левой ключицей броня была повреждена. Удар остатком древка в голову был заблокирован. Сорвав кинжал с пояса, отпрыгнул назад.

Дело дрянь. Не могу победить. Слишком быстра. Пригнувшись, пропустил свистнувший над головой тесак и, загребая ногой, кинул ей в лицо земли. Жаль, что после вчерашнего дождя вышло скорее просто обдать ведьму комками грязи.

Развернувшись, выдал импульс скверны в ноги, сорвавшись с места. Краем сознания порадовавшись, что хоть Элеонора не подвела — пока мы дрались, успела пробежать почти полсотни метров к деревне. Подхватив аристократку по пути за шкуру, я большими прыжками помчался к воротам, отсчитывая секунды и расстояние.

Ведьма не стала за мной гнаться, а попыталась взять под контроль. Я ощутил, как бунтует скверна, сопротивляясь чужому воздействию. И к тому моменту, когда у Фионы получилось, я рухнул в полусотне метров перед воротами селения.

Про себя я порадовался только тому, что успел швырнуть вперёд аристократку. Это хорошая новость. Плохая в том, что я лежу рожей в земле. Не способный даже перевернуться кверху и увидеть, что происходит вокруг. Приходится ориентироваться по звукам.

Вот ударил тревожный колокол, раздался звук взводимых баллист. И надо мной пронеслись стрелы из луков и арбалетов. Зараза внутри стала транслировать навязчивую картинку того, как я встаю и двигаю к лесу сам.

Руки и ноги сами двинулись, поднимая меня. Я сделал один шаг в сторону леса, а потом сосредоточился и уже сам отправил образ своей собственной скверне, как разворачиваюсь и делаю пару шагов в сторону ворот. Тут же замер, парализованный.

Значит, полноценного контроля над сознанием жертвы у суки нет? Если есть разум, способный отличить воображаемое от действительности, и немного воли, то максимум, что выходит через скверну даже у бывшей богини — это просто меня парализовать? Меня потряхивало, от того, что конечности получали различные команды. Но получалось сопротивляться.

Интересно выходит, чтобы она смогла эффективно взять меня под контроль, я должен полностью сорваться. Да и там могут возникнуть нюансы. Но пока я смотрел на неспешно идущую ко мне женскую фигурку, вокруг которой били побегу.

На моих глазах отростки отбили несколько стрел. Впрочем, на таком расстоянии снаряды бы не пробивали броню. Теплилась надежда на то, что Альберт или сестра смогут применить против неё магию. Но... Против бывшей богини волшебства. Серьёзно?

Выкручиваться нужно самому. Она не убьёт меня сразу, будет долго пытаться, вытягивать знания. И лишь потом, когда останется сумасшедшая развалина, добьёт. Но сможет ли? С учётом вылезших проблем с сердцем, я не особо долго переживу пытки. Так что, чем ближе она подходила, тем сильнее я успокаивался.

— Пустите! Я знаю что делаю! — донёсся до меня уверенный голос сестры.

Уж не знаю, чем она там ещё угрожала стражникам, но калитка открылась, и ко мне побежала Эрна с сумкой на боку и копьём наперевес. Запустив туда руку, она извлекла большую стеклянную бутылку и, оставив руку со своим снарядом для броска, метнула её в

Фиону.

Расстояние было не такое уж и большое, метров восемь. Свистнули отростки, отбивая бутылку за несколько метров от бывшей богини. Вот только жидкость продолжала лететь по прямой, направляемая телекинезом. И даже когда ведьма сдвинулась в сторону, всё равно попала.

Больше литра концентрированной серной кислоты, судя по бутылке. Сестра воткнула в землю рядом со мной копьё и, достав из сумки ещё такую же ёмкость, размахнулась и, зло оскалившись, процедила:

— Ну что, сука, ещё?

Фиона покрылась чёрной пеленой защиты, выдавливающей кислоту из доспеха. Одновременно с этим, рухнул контроль над моим телом.

Атаковал я сразу. Уколы копьём посыпались на ведьму со всех сторон. А скверна с моих рук покрыла древко маслянистой тьмой защиты. Укол в ноги, голова, туловище. Опять голова.

— Вали ведьму! — услышал я крики с башни над воротами.

Я усмехнулся про себя, радуясь поддержке, и продолжил атаковать. О да, она быстрее. Но два метра дерева между нами — есть два метра дерева. И хоть каждым шагом я отступал, но делал это в сторону ворот.

Как там: дома и стены помогают? Наверное, особенно, когда с этих стен суку осыпают стрелами и болтами. От наплечника отлетела стрела, кто-то таки промахнулся. Но не важно, мы всё равно слишком быстро двигаемся. А вот каждый попавший в бывшую богиню болт заставлял тратить силы на защиту.

Хлопнула дверь, когда сестра скрылась за стенами, не став рисковать. Горжусь ей. Мне стало легче, больше не болит душа за то, что ведьма походя зарежет Эрну. Хотя бы из мести. Атаковать, отступить, не давая Фионе сократить дистанцию. Тесак в очередной раз пролетел в опасной близости от лица.

Прямо в ближний бой она не лезла. Знала, что могу отоварить ногой или кулаком. На башне басовито отработала баллиста, и над плечом суки пронеслась большая стрела. Я развернулся, уходя в сторону, не позволяя прижать меня к воротам. А сверху ливанули кипящей смолы, направленной телекинезом Эрны.

Капли скатились с защиты бывшей богини, но на секунду ослепили. И мой укол в бедро прошёл. Хорошо так получилось — пробил защиту и доспех под ним, силы я не пожалел. Настолько, что древко треснуло в моих ладонях.

— Копьё! — закричал я, отпрыгивая назад.

Сверху прилетела ещё порция масла, от которой Фиона была вынуждена отступить далеко назад, ещё и отмахнуться остатками побегов. А я выхватил в воздухе скинутое мне оружие. И застыл в защитной стойке, пытаюсь отдышаться, пока ведьма, уклонялась от стрел и снаряда баллисты.

Она сильная. Могущественнее меня. Но ей не победить сегодня. Я ждал и копил силы, пытаюсь отдышаться. Она ранена. Устала. А за мной сотни людей, пара магов, баллисты. Вот если бы она напала ночью, прихватив с собой армию тварей...

Она зашипела, слишком сильно оперевшись на раненую ногу, и начала отступать назад, выходя из-под выстрелов. Я не преследовал, разумеется. Стоит мне лишь отойти от стен, как всё пойдёт по второму кругу.

А бывшая богиня, прихрамывая, уходила в лес. Она отомстит. И уже, наверное, не

одному мне, а всем в селении. Как только в очередной раз залижет раны и соберёт достойные силы, конечно. Но это займёт время, нет у нас в округе сильных тварей, и даже гоблины кончились.

На стенах раздалось улюлюканье, пошлые шутки в спину уходящему врагу. Я поморщился. Мне повезло, что она оказалась слишком самоуверенной и решила взять меня так близко от деревни.

— Отбились! — раздался возглас сестры, как только открылась калитка. — Ну что, твой уход откладывается?

— Нет, — покачал я головой, смотря в лес. — Зови Нору, мы уходим.

— Безоружным? Сразу после боя?

— Быстро! — с трудом сдерживая злость, сплюнул ответ, практически сорвавшись на рычание.

Накатывало бешенство. Скверна, растревоженная прошедшим боем, требовала сражений, разрушений и крови. И не важно, чьей крови.

— Сейчас! — взглянув мне в глаза, кивнула она.

Не сомневаюсь, что она там увидела залитые тьмой глазницы. Я же, сев на землю, снял сапоги. И резко кивнул вышедшей, молчаливой и прячущей взгляд, аристократке. Она быстро разместилась в люльке, и, легко поднявшись, я подпрыгнул, проверяя крепление. Помахав рукой сестре и народу на стене и башнях, глубоко вдохнул, наклонился и сорвался с места.

За спиной раздался громкий визг, вызвавший у меня кривую усмешку. А я продолжил ускоряться, сосредоточившись на дороге и дыхании, стараясь выплеснуть всю злость движением. Получалось не очень. Даже когда стал задыхаться и пришлось пойти шагом, всё равно в крови кипела жажда разрушения.

Впрочем, через несколько подобных остановок стало полегче. Да и впереди появился постоянный двор, так что я остановился и, присев на поваленное дерево, скомандовал:

— Выбирайся, останавливаемся на обед.

— Ты пришёл в себя? — с опаской спросила девушка, выбираясь из переноски на спине.

— Немного, — скривился, пытаюсь отряхнуть грязные ноги перед тем, как обмотать их портянками и надеть сапоги.

— Извини, что угрожала ножом. Мне показалось, что это хорошая идея и даст тебе ещё немного времени.

— Это позволило немного отвлечь ведьму. Я не злюсь на тебя.

— По тебе не скажешь, — передёрнула плечами Элеонора.

— Скверна, — скривился, натягивая сапоги. — Пойдём покушаем.

Придорожный трактир встретил нас тишиной. Заказав обед долговязому трактирщику, я развалился на лавке, вытянув гудящие ноги. Неплохо так пробежался, на два дневных перехода. Можно было бы и дольше, но напрягать сердце лишний раз не хочется.

— С такой скоростью мы будем в порту уже через пару дней, — с предвкушением потёрла ладошки аристократка.

— Будем, — согласился я. — А там тебя ждут острова, свадьба с каким-нибудь местным князем и спокойная жизнь. Детишек нарожаешь...

Она скривилась, но спорить не стала. Лишь постучав пальцами по столу, спросила:

— А ты чем займёшься, как только окажешься дома?

— Худеть начну, — хмуро буркнул в ответ.

— Обидно, — с искренним сожалением произнесла девушка, окинув взглядом мои мышцы.

— Жизнь дороже. И да, будем в городе, надо зайти в оружейные ряды. Ведьма оставила меня без тесака.

— Ведьма... Что ты собираешься делать? Она тебя в покое не оставит, рано или поздно вытащит из селения и убьёт. И вообще, как так получилось, что ты дождался её нападения, а не сбежал раньше? Глупость же.

— А какие у меня шансы, если она достанет меня там, куда я уйду? Дома, как ты видишь, и стены помогают.

— Особенно люди на них, — улыбнулась девушка.

— Именно!

— А если серьёзно, как ты планируешь это решить? В бою, когда ты был в полной силе, она победила. А если ты, как и хочешь, выведешь скверну, то и вовсе никаких шансов не останется.

— Мысли есть. Лёгкой добычей не буду.

— Не ну знаю... — протянула брюнетка, с сомнением покачав головой. — Магией ведьму не взять, а обычных людей на неё можно кидать сотнями. И это будет бесполезно.

— Всё зависит от оружия, — пожал плечами.

Мне, конечно, придётся постараться, но сообразить взрывчатки и ещё пяток неприятных сюрпризов я смогу. А там и магия появится, поможет всё это правильно применить. Так что посмотрим ещё на результат, когда она больше не сможет на меня воздействовать через скверну.

Наш разговор прервало появление на столе обеда, и разговор мы продолжили, когда всё было съедено и выпито. Никакого пива, вода и травяной чай в конце. Когда унесли посуду, аристократка спросила:

— За селение не боишься? Она может прийти туда, когда тебя не будет, и всех вырезать.

— Боюсь. Но и в селении мне находиться нельзя, лес слишком близко, не могу сбросить излишки скверны. У меня нет хорошего варианта, лишь, по возможности, скорее вернуться домой. Так что мы с тобой отдыхаем немного и бежим дальше. Задерживаться долго нельзя.

Комнату снимать не стал, выйдя наружу, расстелил одно из одеял и развалился в тени под деревом. Стоило бы, конечно, снять доспехи, чтобы полноценно отдохнуть, но лень...

Меня, всё же, сморило и, продремав часа полтора, открыл глаза и протяжно зевнул. Сходил умылся, попил воды и, зайдя в здание, поманил рукой оживлённо беседующую с трактирщиком девушку.

Через десять минут я опять бежал, оставляя за спиной десятки километров. Лес с его скверной оставались всё дальше. Это радовало.

К вечеру, полностью вымотанный, стоял у колодца на постоялом дворе и обливался холодной водой. Даже не поев, поднялся в снятую комнату и выключился, стоило голове коснуться подушки.

Снился лес. Плавное течение силы в исполинских корнях медленно растворяющих кристаллическую ману. Десятки мощных средоточий, разбросанных по огромной территории и связывающих изменённую жизнь воедино. Следом это всё сменилось несколькими яркими картинками сражений тварей между собой.

А уже под утро пришла привычная ненависть лесной ведьмы. Но сегодня никаких попыток вырвать у меня воспоминания не было. Не так уж и легко ей дался бой, чтобы ещё

тратить силы. Немного помелькав на границе восприятия, она ушла в темноту. Проснулся более-менее отдохнув.

Встал со скрипнувшей кровати, почесал грудь, зевнул и, спустившись в общий зал постоянного двора, вышел на улицу. Бросив взгляд на небо, поморщился. Низкие, тяжёлые тучи обещали дождь. Надеюсь, получится его обогнать. Ополоснувшись водой из колодца, поднялся наверх и постучался в дверь комнаты принцессы.

— Подъём, время собираться!

С той стороны донеслись приглушённые проклятья. Довольно кивнув, радуясь мелкой пакости, спустился в зал, заказывая завтрак. Перекус, наполнить фляги, и опять остался лишь бег. Всё чаще встречался встречный или попутный транспорт. Это надо было видеть их глаза, когда мимо пролетает смазанным пятном непонятное тело и через полминуты скрывается далеко впереди.

Особенно весело выходит с попутными всадниками. Вот и сейчас впереди показался круп очередной скачущей во весь опор лошади. Злорадно усмехнувшись, я уменьшил скорость. Вот мы поравнялись с всадником. На меня повернулось бородатое запылённое лицо, на котором выделялись круглые от удивления глаза.

Со спины раздался смех, и принцесса помахала наезднику рукой. А следом постучала мне по наплечнику ладошкой сигнализируя, что нужный эффект достигнут. Припав ниже к земле, я сильнее оттолкнулся, бросая нас вперёд и оставляя всаднику только поднятую моими босыми ногами пыль.

Несмотря на тяжёлое дыхание, улыбка сама просилась на лицо. Впрочем, через несколько километров я замедлился, а потом и вовсе пошёл пешком.

— Я слезу? — прозвучал позади вопрос.

Молча остановился, ожидая, пока Элеонора выпутается из переноски и, наконец, утвердившись на земле, выгнется назад, хрустнув спиной.

— Ой-е-ё-ё! — выдохнула она, слегка покачиваясь. — Родная земля!

— Укачивает? — вопросительно поднял я бровь.

— Немного, — кивнула брюнетка, разминаясь и делая наклоны в стороны и вперёд.

— Тогда можно и пройтись, — согласился, потянувшись за флягой.

— Далекое нам ещё до обеда?

— Скоро выйдем на пересечение дорог, там большой постоянный двор должен быть, — лениво ответил, вспоминая карту.

И через мгновение толкнул девушку в сторону, услышав звук спущенной тетивы впереди. Сам сдвигаясь в другую сторону, ощутив щекой, как рядом пронеслась стрела.

Практически одновременно прозвучало ещё несколько выстрелов со всех сторон. Сжав зубы, сдвинулся вправо, прикрывая сжавшуюся на земле девушку своим телом. В спину ткнулась стрела, ещё пара чиркнула по наплечнику и шлему.

Я прижал подбородок к груди, закрыв лицо наручем. Немного сдвинувшись вправо, мы закрыли тыл деревом, и я замер на корточках, стараясь прикрыть голые ноги.

И что, блин, делать? Где, мать их так, «кошелёк или жизнь»? Окружили и сразу начали бить из луков и арбалетов. Впереди раздался шорох, щелчок механизма, и в грудь ударил безвредно отскочивший болт.

Для меня было удивлением узнать, что арбалеты, оказывается, не так уж сильно мощнее лука. Пробить же мою кирасу, способен, наверное, и вовсе только огнестрел. И то не всякий. Противника я увидел, сидел впереди, метрах в тридцати, взводя арбалет. Сам по себе он не

проблема, от меня не убежать.

Но если я оставлю девушку, её могут и подстрелить. Судя по выстрелам, их человек шесть. Рассредоточенных вокруг нас так, чтобы, двинувшись к кому-то одному, я неизбежно подставился под выстрелы других и, что хуже, оставил брюнетку без прикрытия.

Щелчок тетивы, и от шлема отскочила ещё одна стрела. Скрипнув зубами, я опустил ещё ниже и приказал:

— В люльку! Сейчас я кинусь вперёд. Держись как можно крепче и упри голову в ремень, рванёт очень сильно!

За спиной зашевелилась девушка влезая в переноску, и через десяток секунд по наплечнику ударила ладошка. Я замер на долю секунды, составляя программу действий. Толчок правой ногой, потом оттолкнуться рукой от дерева и толчок левой. Вытянуть вперёд правую ногу.

Скверна взорвалась импульсом силы. Мир мигнул, и я вылетел на дорогу, чудом сумев не запнуться. Но повезло, так что бросился вперёд. Потом вправо, влево, ещё влево. Через несколько секунд моих прыжков зигзагами, засада осталась позади.

Я пробежал около километра и замедлился. Повернув голову, тяжело дыша, спросил:

— Не ранена?

— Если бы ты не предупредил, я бы сломала шею! — раздался возмущённый ответ.

— Жива. Хорошо, — коротко ответил, останавливаясь.

Грудь жгло бешенство. Скверна в крови кипела огнём, требуя крови. И, честно говоря, мне совсем не хотелось сдерживаться.

— Я могу залезть вот на то дерево. Там густая крона, меня будет не видно.

Из-за плеча высунулась рука, показывая на приметный местный дуб. Выдохнув, я подошёл ближе и начал снимать рюкзак. Элеонора выпуталась из переноски ещё на ходу. Подсадив её, посмотрел, как она скрывается наверху.

Душу немного согревало взаимопонимание между нами, радовало, что девушка не стала нести всякую околесицу, а сделала ровно то, что сейчас нужно.

Разместившись на ветке так, чтобы не было видно с земли, она высунулась, и помахав мне рукой, пожелала:

— Удачной охоты!

Я рубанул кинжалом, срубив небольшое дерево. Обтесав сучки и ветки, придирчиво его осмотрел. Сойдёт. Закинув получившийся шест на плечо, пробежался, возвращаясь к месту драки с разбойниками и, за пару сотен метров, пошёл шагом.

На месте нападения ожидаемо никого не оказалось, впрочем, это и не обязательно. Найдя место лёжки одного из грабителей, присел на корточки. Сосредоточился на скверне, отдавая приказ по усилению обоняния, на который она достаточно легко откликнулась, всегда бы так. Следом, присев на корточки, начал глубоко дышать носом.

Прелые листья, насекомые. Человеческий пот. Зажмурившись, я отдался на волю запахов, плывущих в лесу. И, поднявшись, пошёл по следу, сделав несколько кругов по петляющим следам. Даже, в один момент, был вынужден встать на колени, нюхая отпечатки сапог.

Дальше, кивнул своим мыслям и пошёл уже не только по запаху, но и по совсем свежим следам. Когда вонь невымытых тел стала нестерпима, я убрал повышенное обоняние. Да и не нужно оно уже, судя по следам, их лёжка совсем близко. Уже через пару минут ветер донёс до меня обрывки разговора.

Ну, думается мне, сначала нужно поздороваться и создать правильное впечатление. Усмехнувшись своим мыслям, начал напевать на русском:

— Баю-баюшки-баю, не ложися на краю,
Придёт серенький волчок и ухватит за бочок.
Он ухватит за бочок и потащит во лесок,
И потащит во лесок, под ракитовый кусток...
— Что, за... Тревога!

Впереди, среди бандитов раздался громкий крик, а потом звуки разбегающихся шагов. Продолжая напевать, вышел на полянку, в центре которой горел небольшой костёр, спрятанный в яме, а вокруг были разложены походные вещи. Лениво покрутив головой, выхватил из воздуха стрелу. Сжал кисть, ломая древко и отбрасывая обломки.

Взмах руки, и посох влетел в ближайшие густые кусты, вызвав крик боли. Не останавливая колыбельную, обошёл кусты, получив пару стрел в кирасу. За зарослями меня ждал отползающий, кашляющий кровью мужик. Судя по всему, летящий шест сломал ему несколько рёбер и повредил лёгкие.

Удар ногой выбил у бандита из руки кинжал. Подобрал оружие, придирчиво бросил на него взгляд. Неказисто, но, вроде, крепко. Подхватив разбойника за ногу, подтащил его к ближайшему дереву. И прижав голень к стволу чуть выше уровня головы, ударил кинжалом.

Лес разорвал полный боли крик, а на дереве остался висящий вниз головой грабитель. Отступил, оценивая получившуюся картину. Довольно кивнул. Отбил очередную стрелу и, подхватив шест, отправился за следующим.

Позади хрипел кровавой пеной висящий на дереве человек. Рывок на два десятка шагов, отбить посохом стрелу. И остались лишь расширенные в ужасе глаза сидящего за деревцем грабителя. Удар посохом сломал ему руку и рёбра. Крепкого кинжала у него не оказалось, но пояс и высокая ветка на дереве тоже подошли.

Свистнули стрелы. Сдвинувшись в сторону, я хмыкнул. Одна из них торчала в груди болтающегося на дереве, орущего тела. А на полянке собралось шестеро злых мужиков,

сжимающих копыта и топоры. Луки они отбросили сразу же, как только выстрелили.

— Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

Напевая, медленно пошёл к ним, легкомысленно помахивая посохом в руке.

Разбойников потряхивало от страха. Только что они были властителями чужих жизней и судеб, решая, кому жить, а кому умереть. И вдруг всё так резко поменялось — охотники стали дичью. Тем не менее, один из них нашёл в себе сил громко крикнуть:

— Вали его братцы, бычара точно один!

Отметив его в уме, бросился вперёд. Отбить копьё, размозжить шестом голову копейщику. Подхватить дрянное копьё. Укол в ногу, отступить, атака в грудь. Не удержавшись при виде представившейся возможности, шагнул вперёд и, перехватив копьё за пятку, нанёс длинный укол. Копьё дрогнуло дважды, нанизав двоих разбойников сразу. Шаг назад, поддевая ногой брошенный шест. Удар расплескал мозги раненому в ногу бандиту. Следом тупое остриё вошло в грудь ещё одному, проламывая кости.

Оставшийся на ногах, самый смелый банит ткнул мне в лицо копьём. Перехватив древко, рванул его на себя и лёгким ударом кулака пробил в солнечное сплетение, заставив его растянуться на земле.

Посвистывая, крепко связал, а после подвесил за ноги на дерево. Осмотрев остальных, сплюнул и возиться с подвешиванием трупов не стал. Лень.

На удивление, их лёжка оказалась ближе к дереву, на котором заняла свою позицию Элеонора, чем место засады. Пара сотен метров — и я рядом.

— Спускайся! Всё закончено.

— Так быстро? Сейчас! — раздался возглас сверху, и через минуту осторожного спуска девушка спрыгнула рядом со мной.

— Остался ещё допрос. А там — в зависимости от него. Пойдём!

Развернувшись, направился напрямик через лес, присматривая за задумчивой девушкой. Которая, лишь когда мы прошли половину пути, передёрнула плечами, вспоминая произошедшее столкновение, и призналась:

— Страшно! Стрелы летят, а откуда, ну совершенно не понятно! И сделать ничего нельзя, только прятаться!

— Убийцы, — скривился я. — Предпочитали не оставлять живых свидетелей, а убивать всех. И опытные, судя по всему. Засада хорошо организована.

— Сколько же путников они так расстреляли, наверное... — с печалью протянула принцесса, оперевшись на мою руку и перепрыгивая через поваленное дерево.

— Сейчас и узнаем, — пожал плечами я.

Знакомая полянка встретила нас стоном приколотого к дереву за ногу бандита и мычанием висящего, связанного, оставленного для допроса.

Элеонора немного побледнела, рассматривая тела, скривившись при виде того, которому я размозжил голову. Зрелище раскиданных мозгов в осколках черепа, и правда, не самое красивое. Но она видела и участвовала уже и не в таком, так что подошла к единственному пленному и бросила на меня вопросительный взгляд.

Я расслабил верёвки, и он рухнул на землю, грязно выругавшись при падении. Подойдя, сел рядом на корточки и, достав нож, постучал лезвием по ладони. Сухо, изображая равнодушие, поинтересовался:

— Сколько вас, где основная база? Как давно промышляете?

Тот замер, бегая глазами между нами с принцессой, что-то обдумывая. Но, в результате,

быстро произнёс:

— Ещё трое человек. Логово в полудне пути отсюда, сами вы не найдёте. Могу показать.

Только не убивай!

Я задумчиво крутанул нож в руках и, повернувшись к девушке, спросил:

— Прогуляемся?

— Куда же мы денемся, не оставлять же эту шайку и дальше тут орудовать, — вздохнула она.

Усмехнувшись, я развязал руки разбойнику и велел:

— Собери всё ценное с трупов!

А сам присел на поваленное дерево у костра, похлопав ладонью по месту возле себя. Элеонора не стала противиться и села рядом, стараясь не смотреть на трупы. Я же посматривал на пленника, подошедшего к своему делу весьма ответственно — активно потрошил одежду, мешки и кошельки, не пропуская ничего.

В итоге набрав кучку серебра с парой золотых, один среднего качества арбалет, несколько луков топоров, наконечников копий. После, собрав оружие в мешок, закинул себе его на плечи. Себе я взял среднего качества копьё, которым даже нельзя было рубить, а Элеоноре выделил арбалет. Неспешно мы выдвинулись в путь по густому лесу, лишь иногда попадая на звериные тропы.

Видимо, разбойники специально не ходят одним маршрутом, чтобы не оставлять расхоженных тропинок, возможным поисковикам и преследователям. Пленник эпизодически бросал на нас косые взгляды, но убежать не пробовал. Понимал, что не выйдет.

— Как думаешь, что нас там ждёт? — тихо спросила меня девушка.

— Ничего приятного. И возможное обогащение.

— Разве это не хорошо? — подняла бровь брюнетка. — Тебе деньги нужны. На зелья для поправления здоровья и на ваши с кузнецом проекты.

Я на это просто пожал плечами, не желая разжёвывать свои сомнения и домыслы. Я с подобным не сталкивался, ожидания того что я та могу встретить, были одни хуже других.

Идти пришлось долго, мы даже устроили один привал. И чем ближе было логово разбойников, там спокойнее становился пленник. Но впрочем. в его предательстве я не сомневаюсь.

Когда под ногами появилась тропа, на которой всё чаще стали встречаться человеческие следы, я, негромко, так, чтобы не слышал наш проводник, произнёс:

— Будь настороже. Если начнётся бой, держись за спиной, стреляй только в упор, если не останется другого выбора. Главное, чтобы между вражескими стрелками и тобой постоянно находился я.

Она нервно сжала приклад взведённого арбалета и кивнула, внимательнее оглядываясь по сторонам. Лёгкий встречный ветерок принёс запах дыма. А следом, ушедший на десяток шагов вперёд пленник, петляя, бросился вперёд во всю прыть, громко закричав:

— Тревога!

Я метнул копьё. Бандит всхлипнул, смотря на торчащее из груди окровавленное остриё, и, по инерции пробежав ещё несколько шагов, рухнул на землю. Впереди раздались крики, а между деревьев и кустов мелькнули человеческие фигуры.

Пожевав губу, бросив взгляд на шедшую позади Элеонору. Прятать её сейчас поздно и выпускать из поля зрения опасно.

— Действуй, как говорил, — приказал я и, подойдя к дёргающему конечностями телу,

вырвал копьё.

Пройдя тропинку между густыми кустами, вышел на поляну. Десяток бревенчатых домиков, большое кострище. Я скривился. В центре прогоревшего костра стояло обугленное бревно, на котором висели сожжённые человеческие останки.

А передо мной сбилось стадо в полтора десятка рыл. Часть полуголые, другие успели нацепить какую-то броню и похватать оружие. Пятеро сейчас активно пытались нацепить тетиву на луки. Лучше всего оказался вооружён предводитель, стоящий позади «строя».

Высокая сухощавая фигура в доспехах, длинный узкий меч в одной руке и лёгкий щит в другой. Играть в поддавки и ждать, когда они начнут стрелять, я не стал. За несколько прыжков преодолел разделяющие нас два десятка шагов и ударил одновременно копьём и ногой. Хруст лопнувших рёбер, и я оказался внутри их строя.

Рванув с пояса кинжал, начал атаковать, выпустив копьё, не подходящее для боя в такой тесноте. Резануть по горлу, выпустить кишки, сдвинувшись в сторону ударом стопы сломать ногу в колене. Укол в грудь, одновременно вырвав кадык ещё одному. Прямой удар ногой, ломая грудину.

Во все стороны летела кровь, раздавался хруст ломаемых костей и крики боли. Взмах рукой, и лезвие кинжала, войдя в голову, лопнуло, а рука, продолжая движение, расколола череп, расплёскивая мозги. Я поморщился. Перестарался с силой удара.

Их командир оказался довольно умён. Пока я разбирался с мясом, он обошёл вокруг и сейчас преследовал бегущую ко мне Элеонору. Видимо, рассчитывал взять в заложники?

В любом случае, девушка не растерялась, в щите ублюдка красовался арбалетный болт, а сама она, отбросив оружие и выхватив кинжал, успела добежать до меня. Мужик же, воткнув меч в землю, вытащил из сумки на поясе пузырьёк, зубами сорвал пломбу и быстро выпил.

Я усмехнулся, ощутив выплеск скверны. Зелье и, судя по всему, на силу. Закрывшись щитом, он подхватил меч и встал в стойку, ожидая нападения, презрительно бросив что-то на неизвестном языке. Впрочем, судя по мягкости звуков, эльфийский.

За спиной фыркнула аристократка и коротко ответила ему на том же языке. А для меня перевела:

— Сам обезьяна!

— Настоящий эльф? — хмыкнул я. — А ты хорошо говоришь на их языке.

— Учили с детства, у папы были дела с ними, — ответила аристократка, откинув ногой топор, к которому тянулся рукой один из раненых бандитов.

— Ты полна сюрпризов, — усмехнулся, вырвав копьё из убитого первым разбойника. — Готовить бы ещё умела, стала бы прекрасной женой!

— Готовить еду должны слуги, — отшутилась она.

И, подняв клевец на длинной ручке, обрушила его на голову одного из очнувшихся недобитков. Следом, наступив на шею разбойника, вырвала узкое лезвие из пробитой головы. Вышло у неё это так естественно, как будто так и надо. Бросил на неё задумчивый взгляд и удивлённо покачал головой. Подобного я не ждал.

— Ты тут главный был? — лениво спросил я эльфа, настороженно смотрящего на нас поверх щита. — Давно промышляете?

Тот шагнул назад на пару шагов и ответил:

— Давно. И промышляли бы и дальше, если бы не одна тварь скверны. Теперь придётся собирать новых обезьян, обучать этих животных правильно действовать.

— Не придётся, — усмехнулся я. — Ты не бойся, сейчас я тебя не убью, ты ещё должен

много чего рассказать. Думаю, в ближайшем городе за твою голову дадут неплохие деньги.

— Как будто они знают, за кого давать, — презрительно усмехнулся эльф и, через мгновение, бросился на меня.

Он не случайно распинаялся — стремился дать зелью укорениться и как следует заработать. Но, в ответ на атаку, получил копьё, пробившее щит, которым он пытался прикрыться. Судя по звуку, броня остановила наконечник. Однако мой удар левой ногой снёс его вместе с брызнувшим щепками щитом, отбросив на полдюжины шагов назад.

Я глянул на копьё в руках со смятым наконечником и, покачав головой, шагнул следом к пытающемуся встать эльфу. Он отбросил остатки щита и выругался от боли. Его левая рука висела безжизненным придатком, но он, всё же, поднялся на ноги, вытянув перед собой меч. Я замер, концентрируясь на скверне. И, шагнув вперёд, поймал правой рукой лезвие его меча, ударившее в шею.

Легонько лязгнула затянута тьмой латная перчатка, сильно рванув, я вырвал у него из руки оружие. Следом, ударом сапога раздробил ему колено. Он взвыл и рухнул на землю, пытаясь выхватить кинжал. Хрустнула, ломаясь, рука. И, подхватив подвывающего от боли разбойника за лодыжку, потащил его к остальным.

Там же, почесав в затылке, решил не напрягаться со связыванием и сломал ему вторую ногу.

— Всё? — спросила меня крепко сжимающая в руках древко клевета Элеонора.

— Нужно проверить дома, — покачал головой я.

Подобрав меч эльфа, вошёл в первый дом. Пусто. Второй, третий, пятый. Баня. Домик полностью забитый вещами убитых ими людей. Остальные дома. Больше никого не встретил. Даже спящих грабителей нигде не оказалось, все по сигналу тревоги вышли сражаться. Да и вообще, в домах везде порядок, спартанский, военный быт.

От сердца отлегло. Каких только ужасов я себе не воображал, идя сюда. Хотя стоило бы сообразить, исходя из стиля атаки разбойников, что пленных они не берут.

— Никого нет, — облегчённо выдохнул я, подходя к аристократке, внимательно смотрящей за лежащим на земле эльфом.

— Это хорошо? — недоумённо повела рукой девушка.

— Думал, встретим пленных. Но нет, они не брали людей, которых можно потом продать в рабство. Видимо, убивали всех.

— Рабы — идиотизм. Стоит продать лишь одного, и через полгода тут будет облава, — кривя губы от боли, выплюнул слова эльф.

— Значит живых не оставляли... — задумчиво произнёс я, усевшись на бревно возле костра. И кивнув на сожженный труп, спросил: — А это тогда кто?

— Был тут один, решил нас обокрасть и сбежать. Не получилось, — оскалился главарь разбойников.

— Ну что же, рассказывай, как дошёл до жизни такой. Облегчи душу напоследок, мы слушаем.

— Просто убей, животное!

— Это не просьба, — устало вздохнул я. — Ты расскажешь всё, так или иначе, но будет очень больно.

Эльф скривился ещё сильнее, но сохранял гордое молчание. А я завис. Никогда никого не пытал и начинать как-то не очень хочется. Так что снял шлем и, почесав в затылке, сказал:

— Знаешь, я не мастер пыток, да и нельзя мне, скверна из под контроля выйдет... Так что, если ты начнёшь говорить, то быстро зарежу. Будешь молчать — сожгу на костре. Заживо.

Он молчал десяток секунд. И только потом ответил:

— Дай выпить, у меня в доме есть настойка. Тогда расскажу.

Я легонько кивнул Элеоноре, и через минуту она принесла глиняную бутылку. Открыв пробку, я ощутил запах спирта и, подойдя к эльфу, приложил ко рту ёмкость. Он жадно выхлебал половину и расслабленно развалился на земле. Через минуту, начавшим заплетаться языком, эльф начал рассказывать.

Краткую историю детства и юности. Служба в эльфийской армии. Азартные игры, алкоголь. Вылет со службы, первые убийства. Сбор банды, образ действий и самые запомнившиеся цели. Кому сдают краденое, кто наводит на интересные цели. Тут не было особой сложности, люди в трактирах при дороге. Несколько более интересных контактов.

Три года они уже «работали» на этом тракте. Убивали всех, замечая следы. Даже трупы уносили в дальний овраг. Женщины, дети, не важно. Никаких свидетелей.

Чем дальше он говорил, тем больше давал подробностей. И на рассказе о том, как они вырезали очередную семью переселенцев, Элеонора не выдержала. Поднявшись со своего места, она обрушила клевец на голову эльфа.

Я не стал мешать.

— Как же можно такими быть... — неверяще пробормотала она.

У неё подрагивали руки. Оставив оружие торчать в черепе разбойника, она села рядом, отвернувшись от трупа.

— Беснаказанность. Власть хотя бы над чьей-то жизнью и смертью, так мне кажется, — неуверенно проговорил я.

Сколько угодно могу изображать из себя кремень перед девушкой, но я ведь и сам сталкиваюсь с таким впервые в жизни. Можно бесконечно читать, смотреть новости, думая что подготовлен к подобному, но когда ты сам сталкиваешься со злом, это шокирует. Не верится, что такие люди дышат со мной одним воздухом.

Мы помолчали пару минут, и только потом девушка спросила, демонстрируя удивительную практичность:

— Закапывать их будем?

Оглядев трупы, сплюнул и покачал головой.

— Это падаль. Пусть звери пируют.

— Тогда предлагаю обыскать всё тут и идти дальше. Ночевать я тут не намерена!

Я криво улыбнулся и кивнул.

— Твои дальние дома, мои — эти три и трупы.

Обыск затянулся до позднего вечера. Уже начало темнеть, когда мы упаковали всё, что имело смысл тащить с собой. Броня, кое-какое оружие. И деньги, много меди, небольшая горка серебра с редкими золотыми. Вроде неплохая добыча.

Взвалив на меня мешок с добром, мы неспешно пошли к дороге. Через несколько километров небо начало затягивать тучами, закрывая свет спутников, и мы вынуждены были разбить лагерь, чтобы не блуждать по незнакомому лесу в потёмках.

Костёр, срубить лапника на лежанки, немного перекусить, обычный походный быт. Принцесса уснула, стоило только ей поудобнее расположиться на лежанке, а я сидел, смотря на огонь и слушая начинающийся дождь.

Достал тряпицу, положил перед собой на земле и высыпал все найденные деньги. Сортировка, пересчёт, разложить в отдельные мешочки. Приятная работа. Суммарно, если пересчитать всё в золото, вышло двести сорок золотых. Неплохо так.

Охотиться на некоторых людей выгоднее, чем на монстров скверны. Усмехнувшись, я подкинул мешочек с золотом и, поймав его, негромко произнёс:

— Охота удалась!

Под ногами блестела морская гладь, а за спиной раздавался восторженный визг. С неба же нас провожали криками офигевшие от подобного зрелища чайки.

Больше мощи!

Скверна внутри бьётся огнём, иногда чувствую, как чужие разумы смотрят моими глазами, привлечённые необычностью происходящего. Мне без разницы, я выжимаю всё, что могу, из скверны и своего тела. Стена воздуха заставляет буквально ложиться корпусом вперёд, сушит глаза, прикрытые тёмной плёнкой. Но я стремительно бегу дальше!

Лёгкие работают, как меха, перегоняя воздух, мощь скверны бьётся в унисон моему сердцу, позволяя невозможное для человека.

Ещё скорости!

Никогда до этого я не позволял себе такого. Но, почему нет, когда сейчас меня окружает только безбрежная гладь океана, а за спиной остаются поднятые голыми ногами брызги морской воды?

Далеко впереди показалась точка, и я обрадовано ускорился. Десять минут, и я начал замедляться: вот ноги начали погружаться в воду по щиколотку, потом ушли по пояс. Но тут уже есть дно, и, сделав несколько шагов, я рухнул на колени, уперев руки в землю и тяжело дыша.

Со спины соскользнула Элеонора и протянула мне открытую флягу. Благодарно кивнув, я сделал несколько глотков и вернул обратно. Воду стоит экономить. А пока я уселся на камень, пытаюсь отдышаться и прийти в себя. Тяжело. Но насколько же это круто!

— Невероятно! — вторила моим мыслям аристократка, усаживаясь рядом. Бросив взгляд на её грудь, прикрытую лишь тонкой рубашкой, отвёл глаза.

На нас обоих минимум одежды, а у неё за спиной небольшой мешок, в котором лежала горсть монет и банковские чеки в водонепроницаемом пакете, моя рубашка, фляга с водой, её кинжал да кресало с леской и крючками. Это всё. Вес оказался для этой авантюры слишком важен.

Вообще, когда я думал, как нам добираться до островов, первая мысль — это отправиться на корабле. Но уже в портовом городе, когда изучал карту океана между нами, обнаружил по пути несколько отметок о рифах с островами и задумался: а зачем мне корабль?

Опыты по поводу бега по воде я проводил ещё на реке в деревне. Успешные опыты. Скорость, особенно с дополнительным весом, нужна большая. Значительно больше сотни километров в час. Но я — могу.

— Знаешь, Бьёрн, спасибо тебе. Не знаю, что дальше будет, но это безумное путешествие по глади океана я запомню на всю жизнь! — улыбаясь до ушей, воскликнула принцесса,

Я лишь улыбнулся в ответ: подобное и сам запомню навсегда. Пока же мне хотелось очень есть. Не удивлюсь, если по результату этого забега потеряю несколько килограмм массы. Но оно того стоит!

Спустя полчаса отдыха я поднялся с насиженного места, несколько раз взмахнул руками, разгоняя кровь, и скомандовал:

— Побежали дальше!

Скверна пока подчинялась, позволяя выдавать мощные импульсы силы. Но чем дальше я бежал, тем сильнее приходилось на неё давить. Расстояние от леса, да и, в целом, уровень заражения неплохо так упал.

Вдох, выдох, направить больше энергии в мышцы ног, увеличивая скорость. Ступни бьют по глади воды, толкая меня вперёд. На такой скорости это больно, вода совсем не мягкая, приходится концентрировать больше скверны, защищая ноги.

Подчиняется зараза всё хуже, чем меньше её остаётся в теле. И до большого острова в сотне километров от побережья добегал уже с трудом держась на поверхности воды.

Рухнув вниз лицом на мелкую гальку пляжа, я загнанно, с хрипами дышал. Устал настолько, что даже встать не мог. Молясь лишь об одном, чтобы выдержало моё измученное сердце.

Впрочем, через полчаса потихоньку отошёл. Элеонора всю изучала небольшой скалистый остров, ставший нам пристанищем минимум на одну ночь. Сегодня я дальше точно не побегу. Да и так, полежав немного на пляже, меня хватило только отойти подальше от воды и, растянувшись на камнях, задремать.

Проснулся я от запаха жареной рыбы. Открыв один глаз, повернул голову в сторону треска огня. Это не мираж — на камне, положенном поверх костра, действительно лежала рыба, испуская вокруг тот самый запах.

Поднялся и, оглянувшись, увидел сидящую у моря аристократку, держащую в руках леску из жил. На моих глазах она дёрнула рукой и, спустя десяток секунд, вытащила из воды ещё одну рыбину. Сноровисто вспорола той живот, выкидывая требуху, сполоснула в море и потопала к костру.

— Благодетельница! Добытчица! — воскликнул я и, протяжно зевнув, сел у костра. — Не знал, что ты умеешь ловить рыбу.

— Отец любил так отдыхать, научилась. Кушай, тебе силы нужны.

С этим я спорить не собирался, потянувшись руками к готовой рыбке. Есть хотелось так, что кушанье я смёл за минуту, жадно поглядывая на вторую. Вздохнув, девушка поднялась и отправилась обратно к берегу. Скучного улова мне явно не хватит.

Пока я, как гордый лев, отдыхал, съев всё, что было, она успела поймать ещё рыбы и принести больше плавника, поддерживая костёр. Поднявшись, я решил помочь, собирая древесный уголь и закидывая в огонь. Только когда пламя уверенно поднялось высоко, а рядом набралась куча топлива, растянулся на камне и задремал опять.

Проснулся уже ночью. Ломило тело от отдыха на твёрдом камне, болели ноги, разбитые о поверхность воды. К тому же, испортилась погода, и на нашем, продуваемом всеми ветрами островке, стало очень некомфортно. Сделав маленький глоток воды, подкинул ещё топлива и замер, пытаясь оценить поведение и количество скверны.

Её стало немного больше. И, может быть, к утру получится накопить на дальнейший путь. Бросив взгляд на другую сторону костра, удостоверился, что Элеонора спит достаточно далеко от огня, чтобы не обжечься, но достаточно близко, чтобы не замёрзнуть. И тяжело вздохнул.

Как всё к этому пришло? Вместо того, чтобы дождаться корабля и потратить пару недель на дорогу по морю, я бросился в эту авантюру с самостоятельным забегом. А если бы промахнулся мимо маленьких островов, где можно перевести дух? Заблудился?

Но тратить два месяца на всё это путешествие не могу. Фиона раньше соберёт свою армию. А, значит, только своим ходом, попутно сбрасывая скверну и молясь, чтобы

выдержало сердце.

Из хорошего: я, наконец, оформил счёт в местном банке, ожидая, что если Крайг выполнит своё обещание, то там появится немаленькая сумма денег. Ему это будет несложно, может показаться необычным, но местными банками заведуют драконы.

Увидеть огромную тушу, когда мы вошли в здание банка в порту, было ожидаемо, но всё равно непривычно. Особенно меня тогда рассмешило, что драконица оказалась укутана в тёплые меха.

С учётом того, что ящеры растут всю жизнь, лишний раз убедился, сколь многое Крайг не говорил о своём прошлом и даже о реальном возрасте. Встреченная в банке представительница их племени была вдвое меньше моего знакомца. И она явно не подросток.

Но, тем не менее, они взяли нашей крови для фиксации характеристик ауры и выдали вексель на всю ту сумму золота, что у них оставили. Так же, как и свои доспехи, к слову. Попутно Элеонора оформила счёт и себе, положив на него три десятка золотых.

Не знаю, как получится устроиться девушке на островах, но свои деньги всегда могут пригодиться. Заработала она их, обыскивая дома и трупы бандитов, мне не жалко. Подкинув ещё дров, сел, скрестив ноги, и прикрыл глаза, полностью концентрируясь на скверне. Зараза плавно двигалась по всей моей ауре, влияя на тело и разум.

И вот именно это мне и нужно. Я позволил транслируемым заразой видениям проникнуть в сознание, сам пытаюсь активнее листать образы, пока не осталась лишь темнота и ощущение текущих мимо океанов энергии.

Короткий миг недоумения, и меня обожгло чужой ненавистью. Быстрый обмен образами, ментальная оплеуха, и я открыл глаза. Такае вот скверна штука — работает для всех. Как Фиона может в любой момент понять, где я и что делаю, зачастую даже подключившись к моим глазам. Так и я способен что-то ухватить из её занятий.

Она собирает армию, но пока, как я понял, дело движется не очень удачно. Приходится тихо влиять на далёкого гоблинского шамана, в попытке вызвать миграцию их племени ближе к нашим широтам. С неразумными тварями проще, но их придётся контролировать собственноручно, что лучше переложить на других: того же шамана гоблинов или вызвать других разумных тварей.

Время у меня ещё есть. Не месяцы, конечно, но есть. А потом мы посмотрим, как бывшей богине удастся её месть! Пока же я устроился на камне удобнее и прикрыл глаза, решив ещё подремать.

— Бьёрн, просыпайся! — разбудил меня обеспокоенный голос Элеоноры.

Открыв глаза, я оглянулся вокруг и скривился. Погода к утру лучше не стала, наоборот, ветер усилился, обрушивая метровые волны на наш островок. Начал накрапывать мелкий дождик, добавляя мерзости разгорающемуся буйству стихии.

— Что делать будем? Ждём или бежим дальше, пока шторм не начался?

В идеале бы стоило переждать но, глядя на мокрую, замёрзшую девушку и на продуваемый всеми ветрами островок вокруг... Брюхо свёл зверский голод и вряд ли в таком шторме мы сможем что-то поймать. Так что если задержимся ещё на несколько дней, то ни к чему хорошему это не приведёт. Принцесса неизбежно заболит, а я ослабну от голода и просто не смогу осилить нужный нам путь.

— Бежим, — поморщился я, принимая решение.

Она обрадовано кивнула и начала размещаться на ремешках у меня на спине,

обхватывая за торс руками, ногами и прижимаясь максимально плотно. Следом, со вздохом, зажала в зубах толстый кусок кожи, обычно висящий на груди. Трясёт сильно, откусить язык легче лёгкого.

После подтянул ремень, прижимающий её ещё ближе. Подпрыгнул пару раз и стал глубоко дышать, насыщая кровь кислородом. Отошёл на противоположный берег и сорвался с места, выдавая импульс энергии.

Камень сменился песком, а через мгновение взвился шлейф из брызг, оставляемых позади. Бежать тяжело. Ветер гонял буруны волн и, зачастую, приходилось прыгать, отбивая ноги об воду.

С каждым километром шторм становился лишь сильнее. Моя наивная идея, что удастся выбежать из области плохой погоды, не оправдалась. Километров через двадцать бежать стало совсем тяжело. Мутнело в глазах, сердце набатом било в грудь, скверна не хотела поддаваться ослабшему разуму и воле.

Однако пока что я бежал, проклиная про себя собственную торопливость. Нет бы на корабле отправиться! Своим ходом можно было попробовать обратно. Но, нет...

Дождь лил, как из ведра, огромные волны заставляли изображать из себя зайца. И никаких островов по карте впереди не было. Ноги всё глубже погружались в воду, знаменуя сильное падение скорости. Собравшись, я ускорился заново, чувствуя, как подступает отчаяние.

Я не добежу. Была бы спокойная вода, имелась возможность остановиться, лечь на воду, попробовать отдохнуть. Но не в шторм!

Ещё километр. Два. Хоть сколько-нибудь! Я уже плохо понимал, что происходит вокруг, сосредоточенный на беге. Остановлюсь — утонем. И только частые удары в плечо заставили меня услышать на фоне ветра крики выплывшей капю Элеоноры:

— Корабль! Бьёрн, корабль!

Поведя глазами по горизонту, и, правда, заметил судно в полукилометре слева от нас. Развернувшись, понёсся к нему, бросая последние силы в ноги. Вот осталось сотня метров, несколько десятков. И я вбиваю ноги в воду, отправляя нас в воздух.

Не знаю, что подумали моряки, когда к ним на палубу грохнулся клубок переплетённых конечностей. Я же, распустив пряжку, отпустил аристократку и лёг на палубе, не имея сил и воли даже подняться.

Я много раз был близок к смерти в этом мире. Но оно всегда было быстро, бей-беги. А вот так, просто по глупости и торопливости... Сверхчеловеком себя ощутил? Богом?

— Надеюсь, вы не против пары временных пассажиров? — спросила девушка, обращаясь к кормчему, закутанному в плащ из китовых кишок. — Вы на острова или оттуда?

— Туда, — обалдело ответил тот, вцепившись в руль.

— Кто капитан? Мы готовы оплатить путешествие!

— Вы откуда взялись тут, такие нарядные? — поинтересовался рулевой, остановившись взглядом на её груди, облепленной мокрой рубашкой.

— Мимо пробегали, — весело ответила девушка и, проследив за его взглядом, опустила глаза вниз. После чего покраснела, резко закрывая грудь рукой.

Я на протяжении всего разговора хрипло пытался отдышаться. Хотя бы пять минут отдыха и буду способен пробежать ещё сколько-то километров. Палуба под нами ходила ходуном, но я, всё же, поднялся на подгибающихся ногах, возвышаясь за спиной принцессы.

— Капитан там, — показал пальцем рулевой на дверь.

— Благодарю, — повелительно отмахнулась левой рукой девушка и, бросив на меня обеспокоенный взгляд, сделала несколько шагов, открывая дверь.

Капитанская каюта оказалась невелика, а из висящего гамака раздавался богатырский храп, впрочем, прервавшийся, как только раздался скрип несмазанных петель. Практически мгновенно гамак крутанулся, и торчащие из него набок ноги твёрдо встали на доски. А на нас уставилось заспанное хмурое лицо местного капитана.

— Кто такие? — резко спросил он, подхватив стоящую рядом саблю в ножнах. — Не помню таких пассажиров!

— Так сразу это даже и не описать, — почесал я в затылке. — Мореходы?

— Скорее моребегуны, — фыркнула девушка.

— Попали в шторм. Ваш корабль оказался достаточно близко, чем спас нам жизнь. Хотели бы оплатить дорогу до порта, — попытался косноязычно описать произошедшее, не добавляя ненужных подробностей.

— Вы с какого корабля? Кто-то потерпел крушение? Есть ли ещё выжившие? — нахмурившись, продолжал выстреливать вопросы мужчина.

— Нет никакого корабля, мы сами переправлялись через море. На своем транспорте, — развёл я руками.

— Глупо! Океан тут опасен! — уверенно рубанул воздух ребром ладони капитан.

— Да мы уже поняли, — примирительно поднял я ладони перед собой.

Элеонора в это время сняла со спины мешок, прикрыв им мокрую рубашку, и полезла внутрь, достав несколько серебряных монет.

— Пять монет хватит? Мы, вроде, недалеко от берега, — неуверенно спросила она.

Девушку потихоньку стало трясти от холода. Смерив взглядом её мокрые штаны и рубашку, капитан вытащил из гамака одеяло и протянул ей, кивнув:

— Денег хватит. Можете пока остаться тут, леди. К вечеру мы должны прийти в порт, ветер попутный.

— Благодарю, — кивнула девушка и, закутавшись в протянутое одеяло, уселась на сундук.

— Камбуз сейчас потушен, так что горячего вам предложить не могу.

— Я бы хотела выжать одежду, если можно, — попросила Элеонора.

— Конечно, — согласился капитан, смерив меня неуверенным взглядом.

Я молча скинул на пол ремни переноски и, выхватив из мешка свою мокрую рубашку, вышел наружу. И лишь тогда он последовал за мной, оставив её одну.

— И, всё же, как вы оказались у нас на корабле? — продолжал допытываться капитан.

— Они просто рухнули с неба, господин, — ответил ему вместо меня рулевой. — Девушка висела на спине у здоровяка.

— Как так? — недоверчиво нахмурился он.

— Усиление скверной, — буркнул я, выжимая свою рубашку. — Не бойся, вам ничего не угрожает, как только мы окажемся в порту, вы нас больше не увидите.

— Бояться? Мне? У меня тут полсотни человек команды, — пренебрежительно отмахнулся мужчина.

— Вот и отлично, — улыбнулся я.

— Так на чём и откуда вы проделали путь? — отбросив назад начавшие сесть длинные волосы, поинтересовался он, окинув взглядом море за бортом.

Я с удивлением отметил мелькнувшие длинные уши. До этого ничего не выдавало расы

капитана. Полуэльф? Или они так изменились без магии? Но, таки, честно ответил:

— Если ты достаточно быстр, то по воде можно бегать.

Он недоверчиво хмыкнул, поинтересовавшись:

— Насколько же это нужно быстро бежать?

— Быстрее, чем бегущий дракон, — устало пожал я плечами.

Спорить и что-либо доказывать совсем не хотелось. Мне бы сейчас сесть и подремать пару часиков. Но, слава богу, из каюты раздался голос Элеоноры, и мы вернулись обратно, прервав этот разговор. А там, усевшись на полу, прислонился к стене и прикрыл глаза, отключаясь.

Никаких видений меня не тревожило. Я потратил очень много скверны, борясь за свою жизнь со стихией и расстоянием. Так что проснулся уже под вечер, когда на корабле стали бегать люди и раздаваться выкрики команды. Сложив капитанское одеяло, которым оказался накрыт, я положил его на сундук и вышел наружу.

Впереди виднелся причал, к которому уверенно подходил корабль. Потерев глаза, я пошёл на нос, где стояла о чем-то оживленно обсуждающая с капитаном Элеонора. Кивнув мне, она продолжала говорить эльфу:

— На самом деле, никто, кроме охотников, до конца не понимает, что такое скверна и как с ней работать. Все эти зелья — больше чем ничто перед силой изменённой твари. Ты просто никогда не видел, что это такое — сверхчеловеческая мощь.

— Может быть. Однако, не стоит пытаться продемонстрировать её на море, — усмехнулся мужчина.

— Пф-ф-ф, — гордо вскинула голову девушка.

— Зато мы уже тут за два дня, — зевнул я, почувствовав толчок, когда корабль остановился у пирса.

Лениво осмотревшись, сходил в каюту и, подобрав ремни переноски, вернулся. Болели ноги, живот сводило от голода. Мне было не до разговоров, так что хмуро произнёс:

— Благодарю за помощь. Мы пойдём.

И, кивнув аристократке на прокинутые с корабля сходни, сошёл на твёрдую землю. Вздохнув, посмотрел на собственные босые ноги. Элеонора хоть щеголяла в лёгких сандалиях, а вот я...

Тем не менее, оглядев город, я уверенно пошёл вперёд, раздвигая своим телом толпу. Порт, ремесленные кварталы, небольшой парк с несколькими стражниками.

— Куда? — окликнул нас ленивый голос. — Простолюдинам не положено!

— На постоянный двор, — буркнул я, чувствуя подступающее бешенство.

Устал, хочу жрать и спать. А тут какие-то дебилы лезут! Мне на плечо опустилась холодная ладошка.

— У нас было тяжёлое путешествие, проводите нас к лучшему месту, где можно отдохнуть в этом городишке!

Слова Элеоноры были наполнены холодом и высокомерием, сквозили привычкой повелевать. В воздухе мелькнула серебряная монета, упав на землю, и один из стражников моментально бросился в пыль, подхватывая её.

— Разумеется, ваша милость! — тут же залебезил другой.

Через пару минут они довели нас до порога трёхэтажного белокаменного дома, где, постоянно кланяясь, попрощались.

— Острова... — протянула Элеонора.

— Тут всегда так? — спросил я, провожая взглядом стражников.

— Бывает намного хуже, — бледно улыбнулась аристократка.

Я впервые слышал от неё такой тон, проскальзывало иногда подобное, но такого вот концентрата превосходства? Нет. Даже не знал, что она так может.

— Ладно, сначала еда! — воскликнул я, открывая перед нами дверь.

Первой зашла девушка и, презрительно поведя пальчиком, показала на дальний столик. Молодой парень окинул её неуверенным взглядом, тем не менее, проводив нас. Девушка сыпанула на стол серебра и скучающим тоном начала заказывать блюда. Много.

Через несколько минут, наконец, начал есть. Суп, мясо, птица, хлеб. Отвалившись от стола, лишь когда утолил первый голод. Отхлебнув морса расслабленно спросил:

— Думаю, дальше стоит отдохнуть, и сразу выдвигаться в столицу? Или купим одежды, чтобы подобного, как со стражниками, больше не было?

— Тебе это не поможет, — тяжело вздохнула она.

— То есть? — поднял я бровь.

Она помялась, и только собиралась ответить, когда от соседнего столика раздался вальяжный звонкий голос, брезгливо вопросивший на весь зал:

— Кто пустил сюда скотину?

Я повернул голову в сторону столика, где отдыхала компания из троих парней. Дорогие, яркие одежды. Шёлк, перья на шапке одного, золотые цепи.

Все трое имели явную примесь азиатской крови.

— Внешность у тебя не та, — поморщилась девушка.

— Замечательная страна... — протянул я.

— Скот ещё и поносить державу смеет? — раздался полный гнева пьяный возглас.

Поднявшись со стула, к нам двинулся один из парней, положив руку на рукоять сабли, висящей на ярком, цветастом, шёлковом поясе. Я поморщился, оглянувшись на девушку. Не знаю, как с такими говорить без мордобоя.

— Остановись. Он со мной, — уверенным холодным тоном резко припечатала принцесса.

— Да наплевать, знать тебя не знаю. За державу скот ответит!

И, пьяно покачнувшись, атаковал. Причём сам удар был очень хорош, несмотря на алкоголь в крови. Одним движением клинок покинул ножны и устремился мне в горло.

Отшатнувшись назад, я чудом разминулся с пронёсшимся лезвием. Я не ожидал, что меня вот так начнут сразу резать. За обедом, твою мать!

Подхватив нож, который подали к мясу, я взмахнул рукой, сопроводив её усиливающим выплеском скверны, и подхватил левой рукой стул, сдвигаясь назад. Аристократ сделал ещё пару ударов и только потом остановился, опустив полный удивления взгляд на торчащий в груди по самую рукоять нож. И, пошатнувшись, рухнул на пол.

Я же поморщился и подхватил из руки умирающего дурака саблю. Настороженно смотря на встающих из-за стола товарищей, вынимающих из ножен оружие. Сплюнув, крутанул восьмёрку, привыкая к балансу и весу оружия. И шагнул к ним навстречу.

Вечер, однако, перестаёт быть томным!

Не знаю, кто и как учил парней, но напали они красиво. Стоило им только увидеть держащегося за нож в груди умирающего друга, как они побледнели и, переглянувшись, атаковали одновременно, зайдя с двух сторон.

Бесполезно, разумеется. Резкий рывок вправо, и на пол падает отсечённая рука, сжимающая саблю. Взмах кистью, и следом на пол летит отрубленная голова. Парировав атаку в голову от второго смертника, нанёс ответный удар, рассёкший ему грудную клетку и прорубивший несколько рёбер. Парировав неуверенный удар будущего трупа, ударом ноги в живот отбросил его на полдюжины шагов.

Он не поднялся, конечно. Так и остался на полу, с ужасом смотря на свою разрубленную грудь. Страхнув кровь с клинка, я сорвал ножны с первого трупа и спрятал клинок внутрь.

— Вот дерьмо... — протянула Элеонора, встав рядом и обводя глазами трупы.

— Тут нам, кажется, сегодня не ночевать, — вздохнул я.

— Как и в этом городе, — поморщилась она. — Пойдём отсюда.

Я с сожалением посмотрел на саблю в руках и положил её на стол. Слишком приметная — статусная вещь. Не соответствует моей одежде и внешности.

Провожаемые несколькими испуганными взглядами, мы вышли наружу и направились в сторону выхода из города. Хотелось сорваться на бег, оставив позади случившееся и этом городе. Но вместо этого, смешавшись с толпой, мы шли прогулочным шагом, стараясь не привлекать лишнего внимания.

За спиной раздавались крики, бежала мимо стража. Но нам повезло, и за воротами мы оказались раньше, чем они захлопнулись, вызвав маты среди столпотворения телег, всадников и просто прохожих, стремящихся попасть в город.

— Даже купить ничего не успели, — вздохнул я, топая босыми пятками по пыльной дороге.

— Ты сможешь бежать? — спросила девушка, с тревогой оглянувшись на город позади.

— Привлечём слишком много внимания, — вздохнул я, кивнув на людей вокруг.

Движение на тракте оказалось вполне себе оживлённое, а бежать по незнакомому лесу ни к чему хорошему не приведёт. Так что, пока мы медленно двигались, я высматривал попутный транспорт и, заметив пустую телегу, немного ускорился, поравнявшись с дремлющим кучером.

— Подвезёшь, отец? — окликнул, бросив взгляд на сено в телеге.

Тот встряхнулся, окинув нас мутным со сна взглядом и, прищурившись, протянул:

— Здоров ты больно, хлопец, не вытянет вас кляча моя.

— А если корм будет добрый? — усмехнулся, протягивая несколько медных монет.

— Тогда вытянет родимая, чай, не самая плохая лошадка, — степенно кивнул старик, подхватывая деньги.

Фыркнув, я запрыгнул внутрь, протянув руку девушке. Следом, сообразив себе подстилку из сена и лежащей тут же мешковины, положил голову на локоть, поёрзал, устраиваясь удобнее, и задремал.

Ничего меня не беспокоило и не тревожило. Проснувшись спустя несколько часов, поменял затёкшую руку да стал наслаждаться видами местного ночного неба. Луны тут

красивые, но звёзд маловато, слишком светло. Печально. Прямо как моя жизнь!

Стоило сойти с корабля, и, тут же, все планы по местной добыче нефти пошли по известному месту. Как теперь тут дела вести? Впрочем, а стоило ли? Если тут такие больные на голову благородные?

Может, мне просто не повезло? И сквозящее в одной из прочитанных книг презрение к местному государственному устройству — это просто автору не дали денег вовремя? Посмотрим, будем разбираться, не стоит сразу рубить с плеча. Вздохнул и скосил взгляд на грудь, которую Элеонора использовала в качестве подушки.

Вот тоже проблема. Я, конечно, буду рад закончить этот квест, но к девушке привязался, уж себе-то можно признаться. В бою действует правильно, не мешает. Лишнего не говорит, и мозги не ест. Да и красивая она. Что ещё нужно?

Только вот не моё это всё. После того, как она успокоилась со своим желанием быть сильной, я всё чаще слышу от неё размышления о том, как она будет управлять своим будущим поместьем и землями. И мужем.

Заводить земли и крестьян я желанием не горю, как и лезть под каблук. Мне бы ночь простоять да день продержаться, какие уж тут далёкие планы? А девушка, тем временем, что-то во сне пробормотала и повернулась удобнее, рассыпав выбившиеся из косы волосы у меня по груди.

Сосредоточившись на живущей в груди заразе, попробовал оценить имеющиеся запасы. Они не впечатляли. Дорога на острова сожгла много, особенно финальный отрезок. Ноги болеть перестали, что тоже потребовало энергии. Плюс, сбросил немало мышечной массы: форсированный организм стремительно сжигал лишние мышцы.

Чему я в целом рад, не нужны они мне. Потихоньку улучшаю мастерство работы со скверной, когда она того желает. Усиливаться получается равномернее, используя больше энергии, используя меньше мышечной силы. Масса — просто нагрузка на сердце, я лучше стану ещё немного быстрее и проживу чуток дольше.

Я осторожно выбрался из-под спящей девушки и пересел к вознице, внимательно смотрящему по сторонам.

— Далеко ещё до постоянного двора? — после того, как протяжно зевнул, полюбопытствовал у старика.

— К утру будем, — проскрипел кучер.

— Не бойтесь ночью-то ездить? Волки, лихие люди...

— Боюсь. Но в городе оставаться на ночь дорого, а расторговываюсь всегда под вечер. Да и много нас таких, я не самый богатый, — обстоятельно ответил он.

Я лишь хмыкнул про себя на такой классический «авось». Но интересовало меня не только это, поэтому мягко поинтересовался:

— Я с континента, может, расскажешь, как вы тут живёте? Сильно лютуют благородные, большие ли налоги? Интересно.

— Благородные... — протянул он, поморщившись. — Сволочи они, на вилы бы их.

Столько в его словах было ненависти, что я даже опешил и осторожно переспросил:

— Так всё плохо? И ты не боишься подобное говорить незнакомым людям?

— Ты не местный. Как и баба твоя, а я всё равно уже старик! Надоело! Сил уже нет молча терпеть!

Зло сплюнув, возница начал рассказывать, всё сильнее распаляясь в процессе. А я слушал и потихоньку обтекал. Местная благородная верхушка мало того, что очень

многочисленная, так ещё и считает себя другим, высшим народом, всю стараясь это культивировать.

Как я читал, история эта возникла ещё задолго до катастрофы, когда приплывшие с южного материка авантюристы смогли взять власть среди местных племён. Поначалу всё хорошо шло, жили, кровь мешали, неспешно государство строили. Потом случился неурожай и голод, крестьянские восстания, поддержанные местными магами. И аристократию оттеснили в горы.

Лет сто они жили при республике с магами наверху, в то время, когда загнанные в горы аристократы, которым не повезло с магическим фоном в их новом месте обитания, тренировались с оружием и превращали себя в крайне монолитное и милитаризованное общество.

А следом случилась катастрофа. И бывшие аристократы вернулись, без труда захватив территорию своих бывших владений. На тот момент люди, на фоне происходящего слома всей прошлой жизни, были даже рады пришедшему порядку. Только вот аристократы ничего не забыли. И не простили.

И вот уже два с половиной века третируют население островов. Дурные законы, огромные налоги. Отношение хуже, чем к скотине — плакался возникший, выплёскивая давно наболевшее.

— И, главное, если бы толк от этого был. Так ведь нет. Они как соберутся на свой сбор, так ничего решить не могут. Пять лет назад случился неурожай на западе. Люди гибли толпами! Но они даже не смогли организовать, пока область почти полностью не вымерла!

— Право: «Я против», — раздался позади нас голос Элеоноры.

Бросив взгляд назад, убедился, что она уже давно проснулась, внимательно слушая старика.

— И как тогда что-то решать, если каждый благородный, может воспротивиться решению большинства на собрании, и оно не будет принято? Их же тут десятки тысяч таких! — скептически покачал головой я.

— А никак. За последнюю сотню лет на общем голосовании прошло всего два решения, — хмыкнула девушка.

— Просто отличная страна... — в который раз протянул я.

— Какая есть. Зато войн с соседями почти нет, — пожал плечиками девушка.

— Потому что остров. И это не мешает местным аристократам баловаться пиратством!

— Нужно же чем-то заняться, когда единственным стоящим делом считается война. А вести её не с кем, кроме собственного народа, — с иронией проговорила Элеонора.

Тем временем, на горизонте показался постоянный двор. Мы спрыгнули и пошли рядом с телегой. Напоследок, я попрощался с возницей:

— Удачи, старик. Надеюсь, что-то однажды изменится.

— Только не на нашем острове, — зло сплюнул он и, подняв руку, попрощался: — Бывайте.

Свистнули вожжи, и телега ускорила, потихоньку скрываясь впереди. Я повернулся к принцессе, буркнув:

— Мне уже эти острова не нравятся. Понятно теперь, почему ты сюда не особо рвалась.

— У нашей семья мало выбора в союзниках, — поморщилась принцесса.

Я лишь сжал губы. История притеснения её родни — это одно, но тут рано или поздно

всё полыхнёт, и когда это случится, местным аристократам придётся тяжело. Хотя...

— Не боишься попасть под бунт местных крестьян? — спросил я девушку, распахивая дверь постоянного двора.

— Тут десятки тысяч обученных человек, которым лишь дай повод начать резню. Так что нет, не боюсь. Бояться стоит крестьянам, — вздохнула она.

Пока она заказывала еду, я про себя порадовался, что она выросла, изменилась, несмотря на воспитание. Немного покрутилась в среде обычных людей, может на это посмотреть и с нашей стороны. Хотя, по-хорошему, в этом обществе ей это будет только мешать.

— Заскочим в город по дороге, нужна броня и оружие.

— Тебе его никто не продаст, простолюдинам запрещено, — покачала головой Элеонора.

— А тебе?

— Для этого требуется публично заявить, какого я рода. Не стоит объявлять, что мы связаны с тобой после того, что случилось в порту. Ты так не считаешь?

— Считаешь, что был не прав? — сделав глоток местного ягодного морса, сморщился от вкуса. Кислятина.

— Прав, не прав — не важно. Подобное убийство ставит тебя вне закона. А заодно и создаёт сложности для меня.

— Но, всё же, что ты думаешь?

— В тот момент, когда они открыли рты, всё оказалось предрешиено. Если бы ты их просто избил, ничего не изменилось, мигом бы ватага мстителей собралась. Так что лучше бы нам скорее оказаться в столице, а после тебе покинуть острова.

— Значит, вечером побежим, — согласился я.

Прохладнее будет и людей на тракте меньше. Дня за три-четыре будем там, если не особо торопиться.

— Но в город зайдём, я не могу появиться перед тётей в «этом», — вздохнула девушка, подняв пальцами рубашку на плече.

Сказано — сделано. Уже к полудню следующего дня мы подходили к воротам очередного города. И там, выспавшись и отдохнув, на следующий день заглянули в банк, а потом к портному и сапожнику. К сожалению, это заставило задержаться ещё на пару дней. В эти времена одежду и обувь шьют по человеку, особенно дорогую, что требовалось принцессе.

Хотя простое платье ей, а мне простую рубаху и сапоги с чужой ноги, мы взяли у того же портного сразу. Так что из лавки, мы вышли уже похожие больше на ремесленников средней руки, чем на пару непонятных оборванцев.

Неспешно прогуливаясь, мы приближались к центру города, пока не вышли на полную народу площадь. Было на удивление тихо, напряжение, висящее в воздухе, казалось можно резать ножом. По центру площади возвышался небольшой помост, на котором стояло двое крепких мужиков, крепко держащих связанного третьего. И ярко одетый аристократ, держащий в руках лист пергамента.

Рядом с площадкой, так, чтобы было удобно палачам, стоял длинный кол. Аристократ, демонстративно развернув пергамент, начал зачитывать:

— Решением милостивого нашего Императора и суда города Бродно, кузнец Войцех, за нападение на благородного приговаривается к смерти путём сажания на кол!

— За что его? — тихо спросил я одного из соседей, зло смотрящего на происходящее.

— Дочь слишком красивая. Была. Приглянулась не тому, кому нужно, — сумрачно ответил мне местный житель.

Тем временем, палачи подтащили обвисшего в их руках мужика, заросшего полуседой бородой, ближе к орудию смерти.

— Последние слова раскаяния! — гордо вскинув голову, объявил герольд и кивнул палачам, вырвавшим изо рта приговорённого кляп.

Тот вздрогнул, но, глубоко вдохнув, хрипло, срывая остатки связок, прокричал:

— Мы или они, братцы! Убивайте мразей, не щадя живота своего. Мы победим!

Практически мгновенно в рот ему впихнули кляп обратно, а следом сорвали портки, примеривая на обмазанный жиром кол. Я поморщился, отведя взгляд от планируемой казни. Но у людей на площади было своё мнение на происходящее.

Кто кинул первый камень — непонятно. Но попал он в одного из палачей, заставив его схватиться за голову. Буквально через десяток секунд, на центр площади обрушился ливень из метательных снарядов. Толпа вокруг взревела, единым порывом бросаясь вперёд.

Я же в это время, ругаясь матом, подхватил Элеонору и стал отступать к краю площади, отпустив её, только когда мы оказались у входа в переулок.

А на площади творился ад: помост защищали несколько десятков стражников, сейчас остервенело колющих и рубящих алебардами прущих на них в слепой ярости людей. Дело это было совершенно бесполезное, так как толпа наваливалась на передние ряды, не давая им возможности отступить от залитых чужой кровью воинов.

Элеонора запрыгнула на стоящую возле стены одного из домов бочку и, взирая на центр площади, шокировано воскликнула:

— Да что же это?!

— Кажется, мы с тобой наблюдаем крестьянский бунт, если не начало восстания, — таким же офигевшим тоном ответил я девушке.

Над площадью раздавались крики умирающих и раненых, но их было почти не слышно на фоне гула тысяч шагов, невнятных фраз и возгласов массы взбешённого народа..

Толпа, между тем, снесла помост, бережно передавая на руках поверху тело бедного кузнеца. Немало камней случайно попали и в него. Это заставило меня выругаться, тело шло в нашу сторону. А вот палачам и аристократам повезло намного меньше: их разорвали на куски. Если палачей просто удавили, то герольда — буквально.

Кипящая ненавистью толпа оторвала ему руки, ноги, открутила голову, и ещё основательно растоптали остатки тела. После, люди опустошённо замерли, не зная, что делать дальше. Толпа потянулась с площади, но...

Наверное, власть местная чего-то подобного ждала. Со всех окрестных улиц стала наступать выставившая пики конница, а с крыш домов полетели стрелы. Толпа взвыла, бросаясь во все стороны, но не имея координации не могла пробиться через медленно наступающих воинов.

В другое время — блестящие доспехи, цветастые плюмажи и крылья — было бы даже красиво. Но не сейчас, когда я был вынужден отступать назад, закрывая грудью девушку от стрел. Единственное, на что меня хватило, это быстро спросить:

— Зачем тут конница?

— Большая часть благородных — конные войны. Лучники и тяжёлая кавалерия, — раздался из-за спины напряжённый голос Элеоноры.

Мимо уха просвистела стрела. Бросив ответный взгляд, я увидел на крыше дома нескольких лучников. И целились они, судя по всему, в одну из самых приметных целей. В меня. Повернув голову назад, я увидел среди мечущейся толпы десятков человек, прикрывающих тело Войцеха. А судя по тому, как он вяло шевелил руками, местное знамя революции вполне жив.

Лучники на крыше отпустили тетиву — два удара ребром ладони, и отбитые стрелы улетели вверх. А, тем временем, мы с принцессой поравнялись с отрядом, оберегающих кузнеца своими телами. Идти нам было дальше некуда, нас загнали под стену одного из домов, так же, как и зачинщиков.

Поморщившись, ударом ноги выбил закрытую дверь и ворвался первым в дом. Практически сразу в коридоре меня встретил толстый воин в кирасе и с алебардой.

Перехватив летящее мне в грудь острие, рванул на себя древко и держащегося за него толстяка, нанося удар кулаком ему в рожу. Хрустнули кости, и труп врага отлетел назад. Я же, не останавливаясь, сорвал с его головы шлем. И стал торопливо снимать доспехи, наручи, стёганку.

Понявшая мою мысль принцесса без слов принялась помогать раздевать труп. Оглянувшись, я подхватил доспехи и вломился в ближайшую комнату, боясь оказаться смятым прущей за нами толпой. Туда же ввалились и двое парней, несущих страдальца за справедливость. А с ними и дородная тетка, начавшая хлопотать над Войцехом.

Захлопнув за ними дверь, я стал быстро надевать доспехи, жестом попросив помочь одного из парней. Кажется, без боя мы отсюда не выберемся, нужно быть готовым.

Через пару минут, закончив, посмотрел на стоящую возле приоткрытого окна Элеонору. Крепко сжав побелевшими пальцами оконную створку, со слезами на глазах, девушка смотрела на разворачивающуюся на площади бойню.

— Вот так всё и кончится, да? Сейчас всех убьют и дальше будут пить кровь из страны? — повернувшись ко мне, всхлипнув, потерянно спросила она.

— Мы запомним! И однажды отомстим! — выглянув в окно, произнёс один из местных парней.

— Вы не сможете, — покачала головой Элеонора. — Вы не способны накопить сил больше, чем они, использующие ваш труд.

Раздался кашель, и с пола раздался тихий голос Войцеха:

— Рано или поздно появится сила, способная сломать им хребет, даже если мы этого никогда не увидим.

Выглянув над плечом девушки, я скривился. Всадники кололи, рубили, обстреливали толпу. Похоже, они действительно собирались устроить тут массовую бойню, не оставив никого живого, в назидание. Но убить столько людей — само по себе долгий процесс, чем начавшие дуреть от крови благородные и заняты.

— Они остановятся, лишь когда их начнут убивать, — мёртвым тоном произнесла брюнетка, смотря наружу. — Только превосходящая мощь способна что-то изменить.

Скверна во мне бурлила, отзываясь на повисший в воздухе запах крови, туманила разум. Нужно бы выбираться отсюда, мы сможем уйти по крышам с принцессой, а там уже нас и не догонят.

— Эй, охотник, ты не хочешь войти в историю? — тихо спросила принцесса, даже не дрогнув, когда рядом с ней в створку вонзилась стрела.

— В историю нельзя войти, в неё можно только вляпаться! — попытался отшутиться я.

Но девушка не приняла мою шутку. Бросив ещё один взгляд наружу, она мягко опустилась на колени, смотря мне в глаза. И громко, твёрдо произнесла:

— Я — Элеонора. Графиня Фландрийская, дочь герцога Эстерского. Последняя кровная наследница Империи людей, прошу тебя, Бьёрн Охотник, уничтожить тех, кто творит это. И готова отдать за это всё, что есть.

Рядом раздался шокированный вздох от местных, и тихий злой смех кузнеца. Он, видимо, знал, в каких отношениях находится её семейство с местной властью. Я же замер, не в силах освободиться от взгляда её горящих решимостью и надеждой карих глаз.

Скверна пылала, насыщая кровь силой и яростью. А эти глаза... Полное безумие и отвал башки... И я совершенно не хочу сопротивляться. И незачем, я же жаловался, что мне не хватает ресурсов на мои проекты? В конце концов, да и долго ли мне жить? И, может, время простому кочке попробовать совершить действительно что-то великое?

В общем, в историю я таки вошёл. Точнее, вылетел из окна в обломках створок с алебардой наперевес. Но кого волнуют такие тонкости?

Первого всадника я убил ещё когда летел из окна. Крюк алебарды вошёл ему точно в шею. Рванув древко на себя, вырвал оружие из повисшего на стремяни тела и, крутанув алебарду, вспорол брюхо, стоящему рядом другому коню.

Заколот ударом в лицо следующего, развернувшись, вбил крюк в бок другому благородному. На этом плохенькая сталь сдалась, и остриё алебарды лопнуло. Впрочем, подхватив с земли пику убитого ранее бойца, я продолжил свою охоту.

Прыгнув в сторону, спасся от пролетевших рядом стрел, заколот ударом под подбородок очередного врага, попутно прикрываясь его лошадью от лучников. Животина заржала и рванула в сторону с парой стрел в боку. А в меня полетели наконечники пик и сабельные удары. Подловив момент, воткнул в бок всаднику копье, но он неудачно повернулся, и когда я рванул пику назад, слетел за ней с коня. Причём так неудачно, что заклинил наконечник, и он, сорвавшись с крепления, остался у него в теле.

Сильным ударом пустого древка в голову сбил очередного всадника, выхватывая его копье. Несколько уколов и, перехватив ударившее мне в голову копье, вырвать его из руки всадника, меня своё испортившееся оружие.

Шаг в сторону и вперёд. Укол. Так не годится, слишком медленно. Окинув взглядом врагов, начал сдвигаться в сторону орудующего глефой всадника. Несколько атак, увернуться от пары ударов, и вот я рядом выдергиваю глефу из рук, а самому бойцу превращаю в месиво череп ударом латного кулака.

И когда в моих руках, наконец, оказалось подходящее оружие, я устроил охоту за их лошадьми. Атаковать закованных в латы всадников не очень удобно — оружие ломается о броню, высоко сидят. А вот их кони подобной защиты не имеют...

Проскользнуть под ударом копий, нанести несколько уколов и порезов, отступить, выбирая новые цели. Нужно перевести на землю как можно больше всадников, и, лучше, заставить их спешиваться заранее, только увидев, что творится. Боевой конь дорог, долго воспитывается и обучается, потерять его мало кто захочет.

Я постоянно двигался, но даже так об доспехи или затянутые тьмой открытые части тела регулярно ударялись стрелы. Плевать. Я рубил и резал животных, и вся площадь вместо криков людей стала забиваться жалобным ржанием невинно убиваемых лошадей. Два десятка, четыре. Иногда появлялось временное окно, чтобы убить пару спешенных благородных.

Вот я влетел в отряд из десятка человек, атакующих мечами и парой копий. Отрубить ногу, голову, руки, сломать колено ударом ноги. Бросить глефу, взять в руку полторный меч, которым сподручнее орудовать в тесноте, и отсечь голову, конечности. Удар в шлем сбивает тот с головы бойца с хрустом сломанной шеи.

Взмах снизу отрубает руку в плече, меч ломается. Подхватить обратно глефу, отступить, добив несколькими уколами оставшихся на ногах противников. И рвануться на очередной отряд всадников, продолжая убивать их животных.

Крики, стоны, лязг металла и ржание. Кровь из рассечённой шеи лошади окатила меня с головы до ног. Взрезать пузо, отсечь ногу в суставе, пропороть рёбра на боку. Сдвинуться в сторону, избегая удара пики, и ударить ногой, с подшагом проламывая рёбра кобылке. Сбросить всадника на землю, попутно, уколом, убив очередную животинку.

Только повернулся к сброшенному, собираясь добить, как увидел, что ему в пах входит

кавалерийская пика в руках ошалевшего от страха и ярости мастерового. Толпа позади хватала оружие убитых и стала наваливаться на спущенных мной кавалеристов. Человеческое море окружало всадников, стаскивая их с коней алебардами или закалывая ударами копий.

Рядом свистнула стрела, и мастеровой с пикой схватился за торчащее в груди древко. Я сплюнул попавшую в рот кровь и бросился к краю площади. Прыжок на коновязь и уже оттуда на крышу дома. Отряд лучников лишь успел закричать, да один их них вскинуть на меня испуганные глаза, когда в стороны полетели отрубленные головы и конечности.

— Н-н-на, с-сука... — сорвалось с языка, когда удар развалил грудь бездоспешному лучнику до позвоночника.

Окинув крыши взглядом, разбежался и перепрыгнул к следующему отряду смертников. А потом и на другую крышу, уничтожая стрелков. Продолжали бить стрелами из окон, но тут я уже ничего сделать не могу. Слишком замедлит всю битву, если начну за ними гоняться в домах. Вырезав ещё один большой отряд, с радостью увидел, как остальные стрелки стали уходить с крыш.

Прыжок, и я оказался на площади, где три десятка спешенных кавалеристов и стражников склотили строй, наступая на толпу. Рывок вперёд, оставляя глефу в теле одного из бойцов, и, изворачиваясь мимо копий, вломиться в строй. Кажется, немного зацепили ногу. Но ходить могу, так что пофиг.

Убить ударом кулака в лицо, ребром ладони в шею, с удовольствием услышав хруст. Локоть в шлем следующего. Удар ногой в колено. Выхватить у орущего тела топор, вбить ему в голову, оставив там. Сломать шею ударом латной перчатки. Стало свободнее. Пропустить мимо удар полуторным мечом. Проломить череп, выхватывая из руки трупа оружие.

И рубить, рубить бошки, руки, ноги! Меч высекает искры, трещит, в итоге, лопается. Забрать у трупа саблю. Несколько ударов, сменить на другую. Вокруг стало совсем свободно. С края площади пробивался очередной отряд всадников. Свежие совсем, скачут во весь опор.

Подхватив глефу, бросился им навстречу. Проскочив под ударом копий, вспорол шею лошади, начав метаться между животными. Увидел на подходе ещё отряд стражи. Всадники бросились врассыпную, потеряв два десятка лошадей и несколько бойцов.

Рубящий удар, и древко в моих руках ломается, не выдержав нагрузок. Отряд стражи близко, стал теснить меня щитами и копьями, а за спиной только место казни. Зло прищурившись, рубанул остатками глефы, срубая кол. И, взяв в руки длинную толстую деревяшку, начал бить, как дубиной, круша черепа и кости.

Бревна надолго не хватило, и, вбив острый конец кола в чей-то раскрытый в крике рот, подхватил меч. Парировал укол мне в ноги, принял другой на кирасу, сдвинулся в сторону, отрубая попутно голову. Несколько сильных ударов, и в руке остался обломок меча.

Удары кулаками и ногами позволили выхватить у трупа крепкую, ухватистую булаву. Отбив очередной выпад сабли, снёс голову врагу и подхватил во вторую руку щит. Удобно. Приятно. Как я забыл о такой возможности? Всё начало восприниматься фрагментарно, зрение выхватывало лишь блестящие фигуры возле меня.

Принять удар на щит. Упустив булаву, снять шлем, из-под которого брызнула кровь. Повторить. Случайно поднятый в сторону взгляд, выхватил картинку, как из окна выкидывают лучника, которого, тут же, горожане поднимают на вилы.

Принять удар на щит. Боль стеганула руку, и только тогда я обратил внимание на то, что от щита остались обломки.

Заблокировав булавой меч, увидел, как измочаленная деревяшка распадается на части. Шаг вперёд, кулак убивает врага на месте, а его двуручный меч оказывается в руках. Удары по ногам, шеям, принимая ответку на измятую кирасу.

Казалось, что это может длиться бесконечно. Враги шли и шли на меня, а я рубил, резал, колол. Пока, в какой-то момент, не осознал, что тупо бью очередного врага мечом, не в силах проломить его защиту. Скорости и силы никакой не осталось. Но это уже и не потребовалось — со спины врага огрели дубиной, и он рухнул на землю.

Я же замер, опёршись о меч, пытаюсь прийти в себя и понять, что происходит вокруг. Вся площадь завалена телами, стояли стоны раненых, ходили толпы мужиков, добывающих аристократов и по мере возможности пытающихся помочь обычным людям. Или добывая и их, если раны совсем страшные.

Прямо сейчас в меня никто не стрелял, не рубил и не колол. Наоборот, местные обходили стороной, стараясь не приближаться ближе, чем на десяток шагов. Оглянувшись вокруг, сделал несколько шагов и присел на ступеньки помоста для казни.

На месте кола красовался ровный срез, а вокруг валялось десяток тел изломанных попаданиями тяжёлой деревяшки. Я зло усмехнулся. Орудие казни стало орудием возмездия.

— Карма, суки, — хрипло хохотнул я,

Площадь вокруг шумела, но, кажется, беспорядки охватили весь город. Судя по начавшему подниматься дыму на севере, что-то, всё же, подожгли. Хотя, какие беспорядки? Резня это! Не сомневаюсь, что к ночи в городе вырежут всех благородных, кто не успеет убежать. Что будет сложно, с учётом такой дикой ненависти, что испытывают тут к местным аристократам.

Болело в груди. Положив руки на лежавший на коленях побитый двуручник, стал глубоко дышать, стараясь успокоить пульс. Скверны в теле мало, могу и не выжить, если сейчас возникнут проблемы с сердцем.

Раздались шаги и, повернув голову, увидел, как подошла и, молча, рядом со мной опустилась Элеонора. За ней в отдалении ковылял, опираясь на плечо своего товарища, местный кузнец, с которого всё и началось.

— Довольна, принцесса? — негромко спросил я девушку.

Она оглядела заваленную телами, залитую кровью площадь, и уверенно кивнула.

— Очень. Ты сделал больше, чем я мечтала.

Я тяжело вздохнул и спросил:

— Что нам теперь с этим всем делать? Как ты после этого отправишься к родне?

— Никак, — равнодушно пожала плечами она. — Но, знаешь, в истории полно случаев, когда венценосные родственники оказывались по разные стороны в битве, придумаю что-нибудь.

Я лишь устало поинтересовался:

— Ты же понимаешь, что это гражданская война, в которой погибнет очень много людей?

Элеонора бросила на меня косой взгляд, следом перевела глаза на трупы перед нами, и с иронией поинтересовалась:

— Разве не ты приучал меня не бояться крови, Бьёрн?

— Как-то не планировал, что события примут такой масштаб, — недоверчиво покачал головой я. — Лишь хотел, чтобы ты понимала, как оно всё выглядит по-настоящему, а не в книгах.

— Как ты там говорил: «Хочешь рассмешить богов, расскажи им о своих планах»?

— Одна такая, наверное, сейчас смехом заливается у себя в лесу. Убежал от проблем, называется, — криво усмехнулся я.

Тем временем к нам доковылял Войцех. Сев на землю, отдышался и, почесав грязную, свалявшуюся бороду, спросил:

— Вы останетесь в нашем городе, уважаемые?

— А нужно? — подняла бровь девушка.

— Мы не справимся без вас, Ваше Высочество, — оглядывая трупы вокруг, тихо произнёс кузнец.

— У меня нет войска или денег, лишь титул и кровь в жилах. Чем я могу вам помочь? — поморщившись, ответила Элеонора.

— Деньги и войско будет. После этого, — обвёл рукой кузнец трупы аристократов и их сил вокруг, — нам некуда отступать. Благородные убьют всех жителей и сравняют город с землёй,

— Как будто деньги можно превратить в армию по волшебству, — проворчал я.

— Не тому, кто остановил несколько сотен бойцов в одиночку, говорить про волшебство, — криво оскалился бывший смертник.

— Что-то правдивое в этом есть, — вздохнул, смотря на свою левую руку.

Развороченный наруч, под которым не осталось живого места, глубокий порез на бицепсе. Попробовав встать, я зашипел от боли в ноге. Ещё и порезы на бёдрах, проигнорированные в бою, разве что в сапогах начала хлюпать кровь. Хотя на левой ноге рана поглубже, как бы шить не пришлось...

— Мы готовы драться за свою жизнь и свободу. Нам бы просто немного времени на подготовку.

Я только тяжело вздохнул на слова Войцеха и поинтересовался:

— Как быстро они смогут собрать силы для штурма города?

— Дней десять, не меньше. Пока новости разойдутся, пока соберутся. Если будут подтягивать большие силы с осадными орудиями, а не решат штурмовать по-быстрому, пехотой, то и дольше.

— Значит, немного времени у нас есть? — спросила Элеонора, помогая мне снять наруч и перебинтовать рану куском сорванного тут же, с трупа, шёлкового пояса.

— Да, — уверенно ответил кузнец.

Я поморщился, когда принцесса начала бинтовать бёдра, и произнёс:

— Тогда давайте дела завтра? Сейчас нам всем нужно отдохнуть и подлечиться.

— Хорошо, — кивнул мужчина. — Мы вас найдём.

Девушка закончила, и я поднялся на ноги. После чего, матерясь себе под нос, сделал первый шаг, опираясь на плечо Элеоноры и меч. Выдохнув, сжал зубы и начал ковылять в сторону постоянного двора.

— Болек, проводи их, — раздался мне в спину усталый голос.

Оказавшийся рядом парень подставил мне плечо вместо девушки. Вот так, опираясь на местного с одной стороны, а другой на двуручный меч, я шёл туда, куда нас вёл провожатый. Недалеко, буквально квартал от главной площади. И судя по виду постоянного двора, где мы оказались, он для благородных.

Об этом же говорила куча одетых в шелка трупов, сваленных в гору у входа. Я поморщился, увидев среди них несколько женщин и детей. Жернова народного гнева не

разбирались, перемалывая всех подряд.

Внутри всё тоже оказалось перевернуто, местами до сих пор блестели лужи крови. Судя по всему, бойня тут началась сразу же, как стало видно, что атака армии на площади захлебнулась. Не удивительно, близко же.

На лавках и полу, лежал десяток перевязанных раненых, кто-то из них кривился от боли, другие были без сознания. Помощь, какую могли, им оказывали местные официантки.

— Белла, прими дорогих гостей! — на весь зал зычно произнёс наш сопровождающий.

На его слова из одной комнаты вышла уставшая сухощавая женщина лет сорока пяти. Окинув внимательным взглядом меня, залитого чужой и своей кровью по самые брови, хмурю Элеонору рядом, она спросила:

— Это ведь тот самый монстр, что остановил благородных?

— Да, — коротко ответил ей подручный Войцеха.

Она прищурилась и, поведя рукой, пригласила нас следовать за собой.

— Сначала купальня, если можно, — попросил я.

Хозяйка постоянного двора только кивнула, и через минуту мы вошли в раздевалку, где она остановилась и произнесла:

— Вода до сих пор горячая. Что-то ещё нужно?

— Выпить. И перевязать раны, — буркнул я, пытаюсь снять доспех.

Одной рукой это не получалось, но тут уже подключилась Элеонора, помогая мне.

— Сейчас всё будет, — кивнула женщина и оставила нас одних.

Упал на пол искорёженный панцирь, шлем, стёганка, за ней рубашка и сапоги. Бросив выразительный взгляд на смущённо отвернувшуюся девушку, я снял штаны и прошлёпал в купальню. Где, присев на табурет, стал поливать себя из ковша, смешивая горячую и холодную воду.

Вода окрасилась в красный цвет. Особенно тяжело было отмыть волосы. Но я старался, пока позади не скрипнула дверь. Бросив взгляд, я увидел принцессу в совсем лёгком коротком платье, которое мало что скрывало. В руках она держала большую кружку и свёрнутые бинты.

Поставив рядом со мной пиво, она опустилась за спиной на колени и, взяв мочалку, стала тереть мне спину. И всё молча, лишь иногда невзначай задевая меня грудью, особенно когда перешла на плечи и волосы.

Повернув голову, я взглянул в смущённую, но горящую решительностью девушку. Вздохнув, поднялся и шагнул в большую, на нескольких человек, ванную. Она замерла позади, а потом я услышал шелест скидываемого платья, и, через мгновение, обнажённая девушка погрузилась в воду рядом со мной.

Я же расслабленно, кроме одной единственной части организма, лежал, чувствуя, как тёплая вода и невесомость разгружает натруженные мышцы. От ран, всё же, поднялось немного кровавой мути, но ничего критичного. Глубоко вдохнув, я скосил взгляд на девушку и устало произнёс:

— Знаешь, ты ведь не обязана этого делать.

На что она усмехнулась и села сверху мне на живот, выставив вперёд налитую грудь с задорно стоящими сосками. Спустя мгновение меня уже целовали. Неумело, но страстно, даже яростно. Обняв её целой рукой, я ответил на поцелуй. И только спустя полминуты она отстранилась и, отдышавшись, хрипло произнесла:

— Просто заткнись. Больше между нами нет препятствий! Никакого «сохранения

невинности до свадьбы», никаких демонстраций простыней. Я буду делать то, что хотела давно!

Впившись мне в губы поцелуем, приподнялась и опустилась, направляя меня в себя рукой. Тут же Элеонора отстранилась от моих губ, зашипев от боли.

— Через пару дней всё будет совсем по-другому, — ободряюще поцеловал я её.

— Я знаю, — поморщилась она, но решительно встряхнула длинными волосами, и припечатала: — Но я не для того этого так долго хотела и ждала, чтобы сейчас отступить!

Я мягко усмехнулся и, двинув бёдрами, произнёс:

— Тогда преодолевай!

Проснулся я под вечер следующего дня, и протяжно зевнув, остался лежать в постели, смотря в незнакомый потолок.

— Во что же я влез? — тихо прошептал себе под нос.

Тогда, в бою, всё это казалось единственно правильным вариантом. Эмоции, даже кое-какие корыстные планы. Но что с этим всем делать сейчас? Ведь, если не справлюсь, город уничтожат...

Впрочем, бойня будет в любом случае. А штурмовать города — это не в чистом поле биться, особенно когда стороны настолько люто друг друга ненавидят. Мотивация горожан зашкаливает. И при условии что подобное по всей стране, то достаточно просто не сдаваться, перемалывая силы благородным. Достаточно быстро наступит момент, когда они не смогут удерживать территории.

Однако нужны военные победы. А где их взять? Когда с той стороны баррикад обученные, хорошо экипированные бойцы, а с твоей обычный городской народ. Но, опять же, оборона города — это не чистое поле...

В любом случае, нужно искать специалистов. Покупать наёмников, обучать ополчение. И как это сделать за отведённое время, я понятия не имею. Не самому же пытаться их учить? Нет, я немного знаю строй, в деревне тренировали, но что делать с конницей, особенно с конными лучниками, понятия не имею.

Вздохнув, поднялся с кровати и, увидев рядом висящие на стуле новые рубаху и штаны, порадовался. Сапоги остались старые, а вот всё остальное пришло в негодность. Повязки пока не снимал, только, не удержавшись, с удовольствием почесал заживающие раны.

Насвистывая песенку, вышел из комнаты, спустившись в общий зал таверны. Кровь уже смыли, как не было и раненых, наоборот, общая зала гудела выкриками и жаркими спорами. За сдвинутыми столами расселось несколько десятков человек. А в центре всего этого взбешенная Элеонора.

Вскинув на меня полные надежды глаза, она кивнула на место во главе стола и облегчённо выдохнула. Кажется, принцессу успели сильно достать. Разговор на секунду прекратился, как только я показался, но стоило мне сесть, как возобновился ещё яростнее.

Сухощавый, с залысынами, мужчина жарко сказал:

— У нас в городе полсотни тысяч населения, все мужчины готовы сопротивляться. Есть все шансы!

— Они способны бросить на нас сравнимое число только благородных, без учёта мобилизованного населения, — покачал на его слова головой толстый мужчина, оглаживающий шикарные, длинные, висячие усы.

— Им потребуется намного больше людей для окружения города и штурма, — продолжал стоять на своём его оппонент.

— Несмотря на то, что они умеют воевать? — хмыкнул усач.

— А умеют ли? Когда у нас была последняя война? — вмешался в разговор третий, потеряв сверкающую лысину.

— Тридцать лет назад, и то масштаб был намного меньше, — нехотя согласился усатый. — Но мы-то вообще ничего не умеем.

— Нам есть, на ком тренироваться, — пожал плечами лысый.

На этом моменте я повернулся к принцессе и вопросительно поднял бровь.

— Квартал благородных не взят. Там высокие стены, обученная охрана. Они заперлись в своих имениях, и не получилось пробиться.

Я только поморщился, предчувствуя очередные проблемы, и спросил:

— Сколько их там?

— Не менее тысячи человек. Много женщин и детей, но хватает и бойцов, — ответил мне сидящий рядом и посвежевший Войцех.

Причём так резко посвежевший, что я совсем не удивился, обнаружив в его теле немало скверны. Не пожалели дорогой алхимии, чтобы поставить его на ноги. И сейчас бывший узник жадно ел курицу, из последних сил стараясь сохранять приличия.

— Чем мы будем их атаковать? Они соберутся с силами и выйдут из своих нор. Даже если не сейчас, то просто дождутся, когда под стенами появится армия, — продолжал сокрушаться усатый скептик.

— Сейчас не выйдут, — хмыкнул лысый, кинув в мою сторону.

— Уважаемый Бьёрн при всей своей силе не сможет быть сразу везде, — покачал головой толстяк.

— Значит нужно нападать самим, заставляя их защищаться, — уверенно проговорил сухощавый.

— Вот я и спрашиваю: кто будет атаковать? Стража? — хмыкнул усач.

На что лысый пожал плечами, ответив толстому:

— Мы же будем брать имения по одному, и я надеюсь, что Охотник нас поддержит в этом.

— Не сегодня и не завтра, — поморщился я.

— Эти дни можно потратить на то, чтобы стража поучила мужиков хоть немного держать оружие, действовать в строю, — продолжал напирать, сухощавый.

— Не смешно, — поморщился усач. — За десяток дней ничему не научить.

— Тебя послушать, так нужно сдать, — фыркнул его собеседник.

— Нам нужны наёмники, несколько тысяч, — решил их примирить лысый.

— Я уже отправил людей, будут зазывать. Но мы не успеем, — скривился сухощавый.

— А стража уже начала тренировки ополчения, — добавил толстяк.

— Запасов в городе достаточно для того, чтобы выдержать осаду? — спросила у замолчавших мужчин Элеонора.

— На несколько месяцев всего хватит. Да и по реке можно будет подвозить, это сейчас не так важно. Главное — военные силы, — ответил ей лысый.

Передо мной поставили блюдо с мясом, положили краюху хлеба. А следом о стол ударила большая кружка, заглянув в которую я попросил:

— Не хмельное, пожалуйста.

Я неспешно насыщался, слушая разговор местных лидеров. Если так можно называть главных в местных кооперациях ремесленников. Что делать — совершенно не ясно ни мне, ни им. Будь у нас хотя бы полгода, вопросов нет. Но ведь нет и месяца.

Пока я спал, горожане, не успев даже похоронить павших, начали готовить город к осаде. Вот и сейчас иногда разговор принимал деловой оборот: где нужно обновить стены, где готовить котлы со смолой. Что нужно изготовить как можно больше луков и стрел, чтобы встречать нападающих.

Тут я им подсказать ничего не могу, их знания, хотя бы теоретические, о том, как

защищать свой город в данных условиях больше моих. Я помогу в бою, но при таких людских массах — это и не так и важно. Нету меня нет запаса сил на длительную битву. То, что убью несколько сотен человек, ситуацию не сильно изменит.

На стол поставили какой-то ягодный напиток, довольно сладкий и прохладный. Вкусный. Благодарно кивнув официантке, я продолжил слушать и размышлять: Например, могу ли я предложить что-то в плане оружия?

Мысли есть, конечно. Если я буду работать над этим не один, то что-то можно и сделать... Но, опять же, не за это время. Всё упирается только в него, и, тяжело вздохнув, я спросил окружающих:

— Может у них кого-нибудь убить, чтобы дать нам нужное время?

Народ на пару секунд замолк, обдумывая варианты. Но ответила мне Элеонора:

— Бесполезно, даже император — фигура во многом формальная. Его убийство не вызовет борьбы за власть, по крайней мере, такой, чтобы отсрочить карательный рейд, который считает нужным провести и поддерживает, наверное, каждый местный благородный.

— В этом сила децентрализованного управления, да? Нельзя обезглавить верхушку и свергнуть страну в смуту? — хмыкнул я.

— Как можно ввести страну в то, в чём она живёт постоянно? — слабо улыбнулась принцесса.

— Если уничтожить самые богатые рода, можно сделать нечто подобное, но и это никак не успеть, — дополнил её лысый.

Я покивал и, отпив ещё морса из кружки, стал гипнотизировать взглядом свою тарелку. Люди начали обсуждать отправку послов к оркам — одно из немногих мест, где можно было получить практически любое количество наёмников. Но это тоже месяцы.

Мне нужно самому осмотреть стены города, защиту квартала благородных, тренировки ополчения. Выглядит сейчас всё полностью бесперспективно, но кто знает, как оно будет в действительности. Хотя кое-что даёт небольшую надежду, что я уточнил у горожан:

— Они же конница? Лучники и сборные отряды тяжёлой конницы, среди тех, кто побогаче?

— Разумеется, — подтвердил мне сухощавый.

— А значит, к штурму городов не очень и готовы... — протянул я и добавил итогом: — Завтра я бы хотел пройтись осмотреть город и подготовку. А пока, прошу меня простить, нужно залечивать раны.

Поднявшись, подхватил кружку с недопитым ягодным морсом и, уверенно кивнув собравшимся местным лидерам, неспешно, стараясь не напрягать ноги, вернулся в комнату. Надеюсь, ближайшие пару дней заблокированные в квартале благородные на прорыв не пойдут. Да и какой им смысл? Они не смогут прикрыть своих женщин и детей при выходе из города полноценно. Лучше дождаться общего штурма города и уже тогда ударить в спину горожанам.

Разлѣгшись на кровати, прикрыл глаза. Спать не хочу, но нужно копить силы и скверну. Впереди не один день боѐв и проблем, которые я повесил на свою шею. Впрочем, при этом я получаю доступ к ресурсам не самого маленького города, а в перспективе и всего острова, если получится раздавить местных благородных, конечно.

Хочу ли я во всё это лезть, вешая себе на шею такое ярмо? Однозначно — нет. Есть ли у меня выбор? Только из двух вариантов. Попытаюсь придумать что-то для продления

собственной жизни самому, используя личные деньги, связи и знания. Или, плюсом к тому, что я и так буду делать, добавить ресурсы целого города или страны.

Да, магия тут влачит довольно жалкое существование, но только по меркам прямого боя. А вот приспособить её для того, чтобы компенсировать слишком сложные технологические цепочки, не говоря уже про медицину...

Мои размышления прервал звук открытой двери, и к кровати прошла Элеонора. Скинув сапожки, она завалилась на перину и, положив голову мне на грудь, спросила:

— О чём думаешь?

— Как нам победить, разумеется, и что делать после.

— Мы выдержим осаду? Я долго слушала мужчин, но они все разное говорят, ничего точно сказать нельзя.

— Всё зависит от сил, которые они приведут, и времени, которое у нас будет на подготовку. Города брать сложно. Нужны силы в несколько раз большие, чем возможности обороняющихся. И армия, умеющая производить осаду. А что есть у них? Какой толк в том, как ты хорошо умеешь рубить саблей, когда нужно лезть на стену под градом камней и кипящей смолы?

— Толк будет, когда они прорвутся через стену, — хмыкнула девушка.

— В том моя задача, и тех, кто умеет держать оружие, чтобы встретить их на стене. А там, постепенно, ополчение выучиться, и осада начнёт затягиваться, сколько бы сил они не собрали. Особенно, если мы сможем собирать добровольцев среди крестьян остальной страны.

— Но так мы войну не выиграем... — разочарованно протянула Элеонора, устраиваясь поудобнее.

— Почему? При ситуации, что сложилось на острове, стоит лишь оттянуть достаточно сил благородных, чтобы проблемы начались у них дома.

— Пфф, они задавят в крови любую попытку неповиновения.

— И вызовут больше ненависти в свой адрес. Ещё больше бунтов. А при условии что мы будем держаться, постепенно перемалывая их силы, то, в итоге, вместо того, чтобы отправляться под стены города, благородные решат заняться делами у себя дома.

— Как-то всё слишком хорошо, они не смогут ничего придумать? — недоверчиво повела она рукой в воздухе.

Я пожевал губу, и со вздохом признал:

— Есть один путь. Набирать массово ополчение, наёмников, и бросать их на город. В этом случае война будет идти засчёт и против крестьян, без непосредственных жертв среди благородных.

— Это уже больше похоже на правду, — сев на кровати, кивнула она поинтересовавшись: — А мы сможем что-то против этого сделать?

— Сейчас есть мысль только отправлять отряды из города, резать благородных в других частях острова, освобождая население и вызывая ещё очаги сопротивления. До тех пор, пока их не станет настолько много, что вся система развалится, и мы не окажемся в большинстве.

Она нахмурилась, задумавшись, и через минуту, со вздохом, легла рядом куда-то мне в подмышку, тихо шепнув:

— Это всё на месяцы и годы, да?

— На годы, — уверенно ответил я.

Пару минут мы молча лежали, каждый думая о чём-то своём, пока она не спросила:

— Можно быстрее? У тебя нет этих лет, а я не справлюсь одна! И быть просто пешкой местных богатеев — не хочу!

— Сильно быстрее не выйдет. Можно повисить уверенность в исходе, но не скорость.

— Как? — перевернувшись на бок и нависнув надо мной, горячо спросила принцесса.

— Есть способ, но выйдет ли это всё в условиях города — нужно смотреть. Вот когда увижу, тогда и скажу, — хмыкнул я. — А насчёт времени... Кто знает. Магия может многое.

— Фокусники! Тень от прежних, что они могут? — презрительно фыркнула Элеонора.

— Зря ты так. Даже небольшим воздействием можно добиться многого. Особенно на здоровье человека, где не нужны океаны силы.

— Пока ничего подобного я не видела! Когда требуется что-то серьёзное, то только алхимия на основе скверны.

— Это можно изменить, со временем. Главное выстроить соответствующую систему.

— Даже если так и у тебя есть план, то где взять время на создание подобной системы?

Тяжело вздохнул и, проведя ладонью по её волосам, тихо произнёс:

— А вот это выстраивать придётся уже тебе.

Она подняла на меня зло прищуренные глаза, бросив:

— А зачем оно мне одной? Ты не думал об этом, собираясь умирать?

— Не собираюсь подыхать я ближайшие годы! Буду искать специалистов, врачей. Но на это нужно время, силы и ресурсы.

— Да? А кто собирается возвращаться в деревню, в добрые руки лесной ведьмы? — процедила она через зло стиснутые зубы.

— Ну, там же Эрна и остальные люди, не бросившие меня, даже когда я был дурачком, не способным говорить.

— А тут я и целый город. Что для тебя важнее? — поджав губы, резко спросила брюнетка.

Я от удивления даже сел на кровати, смотря на сверкающую напротив полными ярости глазами девушку. Кажется, город она тут приплела для солидности, суть явно не в малознакомых нам обоим людях. Кто-то явно почувствовал себя самым важным человеком, стоило только один раз отдался.

Так что, изображая недоумённый вид, я почесал в затылке и спокойно ответил:

— Дервня, разумеется.

Она от возмущения открыла рот и стиснула кулачки. Но Элеонора, умная девочка на самом деле. Не знаю, что она там хотела сказать, но, в итоге, просто прищурилась и раздражённо выдохнула. Спустила ноги с кровати, натянула сапожки и, окинув меня бешеным взглядом, вышла из комнаты, держа спину прямо и гордо вскинув голову.

Проводив её взглядом, откинулся на подушку. Поспешила она перед выбором меня ставить, уж подобных «принцесс» найду ещё десяток, если нужно будет. К которым не будет прилагаться в комплекте город, а то и охваченная гражданской войной страна.

Пока же я почесал начавшую ныть грудь, и стал глубоко дышать, пытаюсь успокоиться. Бабы, блин! Как она быстро всё свела к сакраментальному вопросу: «ты меня любишь»? Разумеется, замаскировав его под, вроде как, важные и насущные проблемы.

Покачивая головой, ухватил кружку и, залпом допив ягодный напиток, задумался: может, мне пива попросить? Или покрепче чего?

— Нахрен! — махнул рукой и, быстро раздевшись, укрылся одеялом с головой.

Я в домике, ничего не знаю, никого не вижу! Приходите завтра, никого нет дома!

А девушка? Да куда она денется с подводной лодки? Впрочем, если так подумать, то, а куда и я денусь? Мы уже ввязались в это дело вместе, так что и выгребать тоже лучше не по одному. И тут не важно, кто там кого любит.

Немного успокоившись этой мыслью, я, всё же, задремал, стараясь направить вялую скверну на более активное заживление ран. Нужно как можно скорее встать на ноги.

Во сне ко мне опять прорвался лес и Фиона. Лесная ведьма фонтанировала злой радостью, она видела битву на площади, как и многие разумные твари скверны. Ей было любопытно, как я собираюсь выкручиваться. Вырвав у меня из головы десяток образов прошедшего совещания и последующего разговора с Элеонорой, она, транслируя презрение и скуку, прервала контакт.

Я же, очнувшись, полежал, и со вздохом начал снимать с себя повязки. Рука ещё не зажила совсем до конца, как и левая нога. И, поморщившись, кое-как перебинтовался новыми кусками ткани и, подхватив стоящий возле стены меч, потихоньку спустился в зал.

А уже оттуда, заскочив в туалет, на улицу.

— Вам что-то нужно? — зевнув, спросила меня заспанная официантка.

— Тот ягодный морс, что я пил за обедом, и точильный камень, — попросил я, усаживаясь на крыльцо.

Кивнув, скрылась внутри, а я поднял глаза на ясное ночное небо. Звёзд мне всё-таки не хватает. Вроде светло, что удобно, да и луны красивые. Но, оказывается, тёмное звёздное небо — это тоже красиво.

Мне принесли две кружки и точильный камень.

— Просто вода, — оповестила меня служанка.

Я кивнул и, отпив морса, стал неспешно править клинок двуручного меча. Лезвию досталось, а мне нужно было чем-то заняться. Лежать в комнате и смотреть в потолок весьма тоскливо. Подобные же мелочи отвлекают и настраивают на медитативный лад, хотя, конечно, проще попросить другое оружие или просто отдать это в заточку. Не откажут, думаю.

Ну а пока: вверх, вниз, повторить, облить водичкой оселок.

Мимо меня иногда ходили люди, но, опасливо посматривая, обходили стороной. Разве что всё та же официантка принесла ещё одну кружку ягодного морса, когда эта показала дно.

Драка впереди предстоит знатная, и далеко не одна. И это даже не особо пугает, хотя подобный факт заставляет задуматься, сколько в этом влияния скверны, природного авантюризма и адреналиновой ломки. Но с чем сравнить? С прошлым опытом?

Так жизнь простого спортсмена не несла и толики того, что приходится переносить тут. Кто знает, может, будь тут прошлый я, в своём собственном теле, то поехал крышей и делал то же, что и сейчас, но с радостной улыбкой на губах? Ну или помер бы, разумеется.

Поэтому, выкинув пустые переживания из головы, встал и пару раз взмахнул длинным мечом. Ничего так, хотя по-настоящему сильного удара не выдержит. Крутанув мельницу, вздохнул и, только собирался сесть обратно, когда меня окликнули:

— Что, не нравится меч?

Повернув голову, окинул взглядом подошедшего Войцеха. Сиделец помылся, постригся и сбрил бороду. Так, правда, стало видно его худобу, но ему подобное, наверное, сейчас и нужно для усиления ореола страдальца за правду и справедливость.

— Обычное оружие, можно сражаться. Просто мне не подходит, — пожал я плечами.

— А какое тебе подходит? Копьё? Топор?

— Копьём владею лучше всего. Но не годится мне оно сейчас, только сделать древко целиком из металла, однако носить с собой такое постоянно...

— Я видел, как ты дрался, — покивал мужчина. — Нужен очень крепкий меч?

— И с односторонней заточкой, — кивнул я.

— Доспехи?

— Есть сложности по креплениям и форме. Если оно будет меня сдерживать где-то, просто лопнет или сомнётся.

— Будут. Но примерку лучше делать у меня в мастерской. И не затягивать, такой заказ простым не будет. Мы постараемся, но всё равно неделю займёт.

— Сколько? — поинтересовался я, закидывая меч на плечо и заходя в помещение.

Народу стало ходить всё больше, не имело смысла мешать людям. А кузнец скривился, как будто съел лимон, раздражённо бросив:

— Бесплатно, само собой.

Сев за стол, я вытянул ногу, положив её на соседний стул, и, поставив рядом двуручник, примирительно поднял руки.

— Извини, но я должен был спросить. Кто знает, какие у вас порядки в городе? Может металл настолько дорогой, что подобное тебя разорит.

— Какая разница? Иначе я бы умер. Как и сотни человек на площади!

— Сейчас умрёт людей намного больше, — поморщился я.

— Это уже будет наш выбор. И даже если мы проиграем, то заберём с собой кучу мразей, это уже будет хорошо!

Свои слова он буквально прошипел. Его трясло от ненависти, кузнец оскалился, вцепился рукой в рукоять кинжала на поясе. Поставь пред ним сейчас семью благородных — убьёт всех, несмотря на пол и возраст.

И судя по всему, что я видел и слышал на этом острове, он тут такой далеко не один. Да о чем говорить, я ещё перемалывал военных на площади, когда в городе начали резать благородных. Так что, вздохнув, сказал Войцеху:

— Успокойся, у нас есть все шансы выиграть битву, при условии что вы постараетесь.

В конце концов, с такой мотивацией горожане точно будут грызть глотки зубами, до последнего человека.

Им стоит просто немного помочь победить.

Зрелище подготовки к обороне впечатляло. Десятки тысяч человек, в основном, женщины, старики, дети, и значительно меньшая часть мужчин, тех, кто сегодня по распорядку был направлен на работы, а не на тренировку.

Люди копали землю, таскали и вкапывали брёвна. Вокруг города рождалась линия укреплений буквально из ничего. Нет, когда-то тут, безусловно, была стена, местами даже каменная. Но за десятки лет это всё пришло в полную негодность.

По площадке бегал и орал, срывая голос, архитектор. Одна из самых больших удач, что в городе подобный нашёлся. Спившийся давно от неостребованности своего труда, сейчас он отбросил бутылку и бегал по всему городу, командуя процессом.

Стены планируются деревянные. Под это дело сейчас разбираются дома, которые ушлые горожане успели построить за периметром стен, и рубится лес вокруг города. Также есть задача освободить несколько десятков метров внутри города от прилегающих к стенам построек.

А всё остальное укреплялось и баррикадировалось, создавая из домов ещё одну линию укреплений. Таких линий будет несколько по всему городу. И если враги прорвутся на стене, это не будет концом битвы.

Но, главное, это, разумеется, стена и ров. Земля вынималась сразу по всей линии стен, кроме места, где сейчас производились основные работы по строительству. Мы должны быть готовы в любой момент перебить перемычки у берега и пустить в ров воду из реки, вне зависимости от степени готовности стены.

Да... Река. В городе есть порт, и береговая линия также окапывается и перестраивается, становясь неприступной. Люди пашут, не щадя себя. Для детей это весёлая игра, а для взрослых борьба за выживание.

— Сегодня чистим благородных, — ещё раз оглядев монументальную стройку, стоя на готовом участке стены, проговорил я, повернувшись к сопровождающему меня Войцеху.

— Чистим, так чистим, — пожал тот плечами. — Но нападения на наших строителей учащаются, мужики не справляются, нужно твоё участие.

— Знаю, но не могу разорваться, — сплюнул я.

Благородные из прилегающих сёл и деревень открыли сезон охоты на бунтовщиков, регулярно совершая набеги. Налетят, постреляют из луков, уйдут. И мы мало что можем против этого сделать. Нет, конечно, у нас есть свои лучники. Все, кто хоть как-то умеет держать лук, охраняют или анклав в городе, или работающих на стройке.

Но этого просто мало. Регулярно проводятся вылазки в городе, в полях, и мы не можем быть везде. Благородные не дураки, за сотни лет действия закона о запрете на ношение оружия простолюдинам — найти людей, умеющих пользоваться оружием, стало практически невозможно.

Вот и сейчас, мы с кузнецом и парой сопровождающих нас ополченцев прошли через собранные на площади шеренги тренирующихся с копьями в строю солдат. На соседней улице тренировали лучников, нашлось даже полсотни арбалетов. Кузницы работали круглосуточно, пытаясь обеспечить всю эту массу людей оружием и стрелами.

Мы прошли мимо обучающихся и спустя пару кварталов оказались возле окружившей часть города трёхметровой стены. Пройдясь ещё немного, можно было увидеть ворота в

квартал на той стороне улицы

— Собирайте людей, — приказал я, высунувшись из-за угла, осматривая площадь перед створками.

Стоило мне только показаться, как свистнули стрелы, проносясь рядом. Отшатнувшись назад, я поймал одну и, вздохнув, воткнул в деревянную стену. Пригодится ещё нашим стрелкам.

Тем временем вокруг закипела людская масса, концентрируясь вокруг нас. Две сотни человек, вооружённых и имеющих какую-либо броню. В основном, трофейную от благородных, кого убили на площади.

Из них реальных бойцов — несколько десятков — зависшие в городе единичные наемники с континента, стражники. Всё это сильно уступает выучке благородным. Но что есть, то и есть. Сейчас они все сбиты в отряд, закрытый щитами, ошетилившийся копьями, прикрытый лучниками. Выглядит внушительно, если не знать, что почти все там держат оружие в руках всего несколько дней.

В обычных условиях пускать эту толпу даже на штурм свинарника бабы Нюры нельзя. Но выбора у горожан нет. Те, кто выживет сейчас, получают хоть какой-то боевой опыт, жизненно важный при большой битве.

Я попрыгал, проверяя, как сидит временная броня, взмахнул пару раз булавой, поднял перед собой щит и как выходит из ножен на поясе кинжал. Всё в норме. Повернувшись к бойцам позади, воскликнул:

— Готовьтесь!

Глубоко вдохнул и, выскочив из-за угла, бросился к воротам. Прикрывшись щитом от стрел, напрягся и прыгнул. В полёте в меня влетела стрела, показывая высокий класс местных лучников. Но я уже оказался с их стороны стены.

Размозжив голову булавой, прикрылся щитом от стрелков и выдвинулся в сторону ворот, убивая всех, кто мне встретится. Двое. Пятеро. Десять. Пятнадцать. На этом моменте лезть в ближний бой они перестали, зато мой щит превратился в диковинного дикобраза.

Скинув запорное бревно, я навалился плечом на створку, открывая ворота, а сам рванулся в сторону рассеявшихся по ближайшим домам и крышам лучников. Запрыгнув на крышу, убил одного и, не став штурмовать закрывшуюся передо мной дверь, перепрыгнул на другую крышу.

Несколько трупов, и я, всё же, проломил дверь, начиная зачищать дом. Ввалившись в комнату, убил одного, второго, третью. Переступил длинные волосы, лежащие в луже крови и мозгов и, выйдя в коридор, пробился в следующее помещение.

На улице в это время в ворота вливалась стальная стена пехоты, начавшая дробиться на ручейки, входя в дома. Отстреливался каждый дом, из всех окон летели стрелы. Падали на вымощенную камнем дорогу бойцы, а в домах раздавались крики, полные ярости или боли.

Благородные собрались в отряд, и я облегчённо выдохнул, выпрыгивая из окна и бросаясь навстречу полусотне закованных в сталь бойцов. Спешенная тяжёлая кавалерия — лошадей они решили в эту мясорубку не тащить.

Отведя щитом ударившие в меня копья, обрушил булаву на голову врагу, краем щита снизу, ломая челюсть следующего. Меня начали зажимать, норовя воткнуть саблю в бок или ноги, но подоспела наша основная пехота, и по благородным ударили копья.

Стало свободнее, я занял место впереди, проламывая строй аристократов. Экономлю силы, стараясь минимально использовать скверну, давая возможность атаковать бойцам

рядом и контролируя особо удачливых или сильных противников.

Мелькнула сабля, отрубая головы двум нашим. Прошла по ногам ещё нескольких, поражая незащищенные области тела. Тяжёлая сабля отбила копья, и закованный в хороший доспех аристократ, фонящий скверной от эликсиров, отобрал жизнь ещё одного горожанина.

Приняв удар на разлетевшийся обломками щит, я вложил больше силы в удар, и булава смяла шлем, дробя кости под ним, разбрызгивая мозги и кровь.

Общая схватка продолжалась, две толпы давили друг друга щитами и доспехами. Но нас было больше, и пока у меня получалось дать нам побеждать.

Вот одного благородного, подцепив ноги алебардой, роняют на землю и разбивают голову, вот другому втыкают копьё в лицо. В подобной свалке мало становятся значимы навыки фехтования. Лишь опыт, выдержка и стойкость.

На меня вылетела пара очередных, усиленных зельями, бойцов. Отбив несколько ударов, убил сначала одного, а потом и второго. Подкрепления аристократов начали редеть, пока на площади не осталась только несколько десятков ожесточённо отбивающихся благородных.

Подхватив очередной щит, я шагнул ближе, чувствуя, как меня со спины подпирает строй горожан. Удар, ещё один, прорваться в тыл. Ещё два трупа, и, вынужденные отвлечься на меня бойцы, начали падать под ударами остальных. Через две минуты всё было кончено.

Вскинув над головой булаву, я закричал:

— Ар-р-ра-а-а!

За спиной меня поддержал крик сотни глоток.

Это был перелом. Мы быстро добились выживших врагов и отступили назад, унося наших раненных. Обстрел до сих пор продолжался.

— Ищите в домах эликсиры и алхимию, пытайте, если потребуется. Нужно позаботиться о пострадавших, — приказал я, привалившись к стене и пытаясь отдышаться. Сняв перчатку и шлем, протёр лицо ладонью. Бросив взгляд вниз, скривился: рука вся в чужой крови.

Пару минут я немного отдохнул, выпив воды и восстановив дыхание. А потом подошёл один из бойцов со словами:

— Бьёрн, через два дома сильный кто-то засел, мы уже пятерых потеряли, нужно помочь.

Тяжело вздохнув, надел шлем, последовав за ополченцем. Проскользнули дворами через пару домов и, поднявшись на второй этаж в крупном имении, оказались перед сваленной из хлама баррикадой. Раздался звук спущенной тетивы, и я, вскинув руку, выловил стрелу пред лицом сопровождающего меня бойца.

Тот побледнел, присел за баррикаду ниже, спасая голову, и горячо поблагодарил:

— Спасибо! Спасибо!

Я только покачал головой и одним прыжком оказался на той стороне. Принял стрелы на щит, потом же туда пришёлся удар топора, расколов его на куски. Поморщившись, ответил булавой в голову. Но противник увернулся, сам, в свою очередь, атаковав мою ногу. Сдвинувшись назад, обрушил удар сверху, принятый им на треснувший щит.

Очень быстро и сильно бьёт, конечно. Особенно обращал на себя внимание его одноручный топор: толстое, даже на вид плотное древко, широкое лезвие, способное вынести самые сильные удары.

Ну и скверной от аристократа, разумеется, несло знатно. Но затягивать не хотелось, и, улучив момент, составил и активировал программу движения, щедро залив скверны. Ногу

стрельнула боль, а отлетевший в стену от удара стопой боец пытался вдохнуть, опустив взгляд на смятую кирасу.

Удар булавы разmozжил ему голову, а я выхватил из разжавшегося кулака топор. Отрубить голову ещё одному бойцу, пройти вдоль мелькнувшего копья, ломая грудину ударом ноги женщине. Сзади что-то толкнуло в спину, и, резко развернувшись, взмахнуть топором.

Сглотнув, постарался не смотреть на упавший безголовый труп мальчика лет десяти, сжимающего в руках короткое, почти игрушечное, копьцо. Встряхнулся и бросился дальше, вламываясь в другую комнату. В этом доме сложностей больше не возникло.

За ним последовал другой. А потом ещё и ещё, сливаясь в кровавую карусель из выбитых дверей, раскрытых в криках ярости и страха ртов, и бесконечных ударов топора. Долго. Выматывающе. И страшно от того, что творили мои же люди. И я сам.

Уже темнело, когда мы закончили зачистку. На ногах осталось всего три десятка бойцов, сейчас собравшихся передо мной. Остальные оказались, по большей части, ранены или убиты.

В квартале было тихо, только от домов, где сейчас оказывали помощь нашим раненым, раздавались стоны. Остальных мы убили. Стариков, женщин, детей. Всех.

Окинув взглядом бледных ополченцев, смотрящих на меня, всё, на что меня хватило — это сказать, постаравшись выглядеть уверенно:

— Мы сделали нужное дело! Это то, что постигнет всю эту мразь!

— Постигнет!

— Хорошо.

— Правильно!

Однако голоса не звучали уверенно, кровавое опьянение и адреналин сходил, оставляя понимание содеянного. Вздохнув, я оглядел трупы на земле вокруг и уже намного более искренне, хоть и горько, произнёс.

— Кто, если не мы? Отдыхайте, мужики. Это только начало!

Приложил кулак к сердцу с коротким поклоном и направился к постоялому двору. Перед глазами стояли трупы женщин и детей. Мутило, к горлу подкатывала тошнота. Но дошёл я уверенно и, узнав насчёт купальни, направился туда, встретив по пути Элеонору.

Увидев меня, девушка побледнела и, сделав шаг в сторону, пропустила меня вперёд. Проигнорировав её, я ввалился в купальню и стал сдирать с себя доспехи с одеждой. Плюнув на предварительную помывку, погрузился в ванную.

А вынырнув, не обращая внимания на вошедшую принцессу, стал яростно тереть лицо, смывая кровь. Так погано мне никогда не было. Я убивал много, но к настоящей войне на уничтожение с таким градусом ненависти ничего не может подготовить. Горожане даже не насиловали аристократок, хотя попадались вполне себе красивые, их сразу убивали, зачастую, жестоко.

Бросив взгляд на Элеонору, я махнул рукой, показывая на место рядом с собой в ванне, и тяжело выдохнул:

— К такому меня жизнь не готовила!

Скинув платье, она опустилась в воду и осторожно спросила:

— Вы освобождали квартал знати?

— Освобождали? — скривился я. — Мы вырезали там всё живое. Вообще всех людей.

— Большие потери? — нахмурилась она.

— В основном, раненые, — отмахнулся и, зачерпнув воды, брызнул себе в лицо.

— Всё же хорошо? Ты не пострадал?

Сжав кулак перед собой, я глубоко вдохнул, смотря на подрагивающую руку, и выдохнул. В очередной раз напомнив себе, что нужно разговаривать, объяснять, иначе даже самые близкие люди могут не понять, что у тебя на душе, и придумают себе лишнего.

— Я не монстр, Эля. Убивать женщин и детей для меня перебор.

— Это было нужно? — мягко спросила она, садясь мне на живот.

— Я просто не мог остановить людей, умирающих ради того, чтобы убивать благородных, — поморщился, но закончил: — Это не нужно, но было неизбежно.

Поёрзав, она бросила на меня ожидающий взгляд. Но встретив пустые, полумёртвые от усталости глаза, вздохнула и, слезая с меня, предложила:

— Пойдём отдыхать? Завтра будет легче.

— Надеюсь, — поморщился, вставая из ванны.

Обернувшись простынкой, вышел из купальни, наплевав на валяющиеся оружие и доспехи. Пофиг, уберут. Коридор, удивлённое лицо официантки, моя комната. Ввалившись внутрь, рухнул на кровать лицом вниз. Так и лежал, пока не вошла Элеонора с моим новым топором в руке.

Поставив оружие возле кровати, забралась сверху и стала аккуратно разминать мне спину. Немного расслабившись, отдался на откуп прохладным ладошкам. В голове творилась каша из увиденного сегодня и мыслей о будущем. Как мы собираемся останавливать армию из подобных благородных? Я не могу быть везде.

Но, однако, благодаря её рукам я задремал, а там и крепко уснул. Очнувшись уже под утро, и то, от того, что мне в ухо кто-то сопел. Открыв глаза, увидел на себе руку и ногу. Хмыкнув, обнял девушку и перекатился, нависнув сверху. Она открыла глаза и улыбнулась, я же, поцеловав упругую грудь, лениво подумал:

А, в принципе, всё не так уж и плохо!

Мы не выходили из спальни долго, прошлый раз можно не считать, а сейчас, наконец, оба дорвались до самого сладкого. Так что когда я, ближе к вечеру, вышел, меня встретила пунцовая официантка, да и остальные хихикали, стреляя глазами в мою сторону.

Я, с пустой головой и в совершенно благодушном, расслабленном состоянии, опустился за стол. Все проблемы казались чем-то далёким и неважным, легко решаемым. Передо мной поставили тарелку, кружку, и я, жадно выпив половину, стал неспешно завтракать, иногда посматривая вокруг.

Рядом раздался скрип отодвигаемого стула, и на него опустилась хозяйка постоянного двора.

— Доброго дня. Белла, верно? — спросил я, подняв глаза от тарелки.

— Верно, — степенно кивнула она. — Твои доспехи готовы, отмыты от крови, сейчас должны принести в комнату.

— Вы что-то хотели, кроме этого? — лениво поинтересовался я.

Обычно все бытовые мелочи решала не она, так что наверняка у неё есть другие вопросы.

— Что делать с домами аристократов? Люди уже начали ругаться, пытаюсь их поделить.

— Поселить туда семьи из тех домов, которые были разобраны у стены, — пожал я плечами.

Она пожевала губу и, оглянувшись, негромко ответила:

— Прости за такие слова, но... Загадят и сломают они там всё. У стены были не самые богатые районы. Зачем превращать и это в трущобы?

Я постучал пальцами по столу, обдумывая варианты, и, улыбнувшись пришедшей в голову идее, произнёс:

— А давайте поселим там детей, женщин и стариков? Плюс разместим госпитали? Дополнительный, последний рубеж обороны для защиты самого дорогого. Это будет неплохо?

— Интересно... — протянула женщина, положив подбородок на переплетённые пальцы.

— Когда мы отобьём первый приступ, осада затянется надолго. Будет много раненных, а тут о них смогут позаботиться, вдалеке от летящих стрел и камней.

— Я передам остальным. Так будет лучше, чем делить эти дома, — согласилась она. — Вдов с детьми и сирот сейчас очень много.

— Хорошо, если получится без дополнительных сложностей, — вздохнул я.

Женщина задумчиво кивнула, уже в своих мыслях. И, вставая, только и бросила:

— Войцех просил зайти к нему, что-то про примерку доспеха.

— Я не знаю, где его мастерская, — почесал в затылке.

— Витта проводит, когда будешь готов, — кивнула она худенькой официантке.

— Благодарю.

Доев, я сходил, умылся, а после последовал за девушкой, ведущей меня по улице. Не так уж и далеко оказалось, город, всё-таки, не очень и большой. Благодарно кивнув на прощание девушке, вступил в царство жара и огня.

Застыв, стал наблюдать, как под ударами молотобойца правится толстый брусок металла, потихоньку превращаясь в лист. Чья-то будущая броня, может даже моя. Оглянувшись вокруг, стал снимать доспехи, ожидая, пока кузнецы закончат текущую заготовку.

Заготовка переместилась в горн, и, пожав мне руку, кузнец достал рулетку. Вряд ли там что-то точное, но для его целей достаточно. Измерил грудь, руки, ноги, плечи, длину рук и ног. Портные так тщательно не обмеряют, как старался Войцех. А после, хмыкнув, выдал вердикт:

— Не так уж и сложно будет, я опасался худшего.

— Ещё месяц назад я был намного больше. Похудел.

— Это называется — похудел? — хмыкнул он, ткнув пальцем в бицепс.

— Да. И планирую стать ещё меньше, так что хотелось бы, чтобы ты это учитывал.

— Насколько? — прищурился он, снова взяв в руки рулетку.

— Вот настолько, — продемонстрировал я, приложив пару пальцев к мышце.

Он поморщился и начал замерять заново. Мастера несло желание сделать идеально. Хотя, так-то, подобную разницу в габаритах можно в очень широких пределах регулировать стёганкой и одеждой. Но кто я такой останавливать его, особенно, когда подобное делается для меня?

Так что, стойко выдержав очередной раунд замеров, я спросил:

— А что с тесаком?

Войцех только хмыкнул и показал в угол, где, возле шлифовального круга, лежала заготовка.

— Рукоять будет простая, обмотаем пенькой и всё. Дерево у тебя долго не протянет.

Подойдя к тесаку, я подхватил его и нанёс пару ударов. Нелёгкий вышел, тяжелее моего старого. Толстая железка, которая скорее согнётся, чем сломается, что при такой толщине довольно сложно.

— Заточка будет по широкому углу, так что рубить им платки не сможешь, — предупредил меня мастер.

— Зато можно будет проламывать всё подряд и не бояться за лезвие, — понимающе хмыкнул в ответ.

— Именно. Тесак будет готов завтра, но доспехи — не меньше недели. Не раньше, — твёрдо, хоть и с сожалением, сжав губы, произнёс Войцех.

— Это и так очень быстро...

— Были старые заготовки, пошли в дело, — пожал он плечами.

Покивав, я стал надевать доспехи, кидая сожалеющие взгляды на тесак. И, цепляя наручи, поинтересовался:

— А есть щит? В последнее время без него никуда, слишком много лучников.

Усмехнувшись, он отошёл в другой зал, вернувшись через некоторое время с высоким каплевидным щитом.

— Дерево, покрыто бронзой. Пользуйся!

Взяв щит, я покрутил его в руках и, увидев специальный ремень, перекинул за спину. Раз уж я окончательно переквалифицировался с копейщика на меч — щит дело нужное.

— Благодарю! Пригодится.

Чувствуя надёжную тяжесть за спиной, я бодрой походкой отправился сначала на стену, проверить прогресс фортификационных работ, а потом выдвинулся в охрану — гонять отряды благородных. Стоит ещё разжиться арбалетом, и вообще всё станет хорошо.

Я только успел подняться на стену, смотря, как буквально на глазах растёт оборона города, когда ко мне подбежал запыхавшийся мальчик, громко крича:

— Бёрн, Бёрн, там наёмники в порту пристают!

Нахмурившись, спрыгнул вниз и побежал к порту. Наёмники — это может быть как плохо, так и хорошо. Город готов платить огромные деньги за обученных бойцов, особенно с опытом осад. Но если это благородные бросили покупное мясо, чтобы проверить нас на прочность, то может выйти крайне печально.

Я вчера сильно потратился, и к серьёзному бою не очень готов. Но, впрочем, вокруг столько народу, что выдержим.

Тем не менее, в порт я влетел, распугав окружающих, чтобы увидеть, как к одному из немногих оставшихся пирсов швартуется красавец-драккар. Довольно большой, окинув его экипаж быстрым взглядом, я насчитал не менее пятидесяти человек.

Спрыгнув на пирс, увидел, как следом за мной спускается два десятка бойцов, большинство из которых были на вчерашней зачистке. Они выстроились за моей спиной, какой-никакой строй. Я же замер, смотря на запрыгнувшего на пирс представителя отряда наёмников.

Идя к нему навстречу, я скривился, перебрасывая щит на руку. Остановившись напротив, посмотрел в глаза командиру. Маловероятно, что он может быть кем-то ещё в их ватаге.

Тот погладил заплетённую в косички бороду, кинул презрительный взгляд на толпу неумех позади меня и, усмехнувшись, бросил:

— Что-то, парень, тебя занесло далеко от дома, ты так не считаешь?

Я же пробежался пальцами по рукояти топора и, тяжело вздохнув, произнёс:
— Здравствуй, Свен.

Бывший охотник не атаковал, да и я не сильно тревожился. Думал, буду гореть ненавистью, но проблемы, стоящие передо мной сейчас, заставляют казаться личные обиды такой мелочью. Так что вместо выяснения отношений я просто криво усмехнулся и произнёс:

— Так же как и тебя занесло далеко от нашего леса или родных фьёрдов. Впрочем, у тебя теперь дом, это палуба под ногами, верно?

— Палуба всяко надёжнее, чем толпа деревенщин за спиной, — усмехнулся северянин, опираясь на копьё.

Оглянувшись назад, я поморщился и взмахнул рукой, отменяя тревогу. Свен, конечно, может напасть, но скверной от него не тянет, так что победить он не сможет. Надо просто узнать, что они тут забыли.

— Зачем ты и твой отряд тут? — спросил я, наблюдая, как часть народа с его корабля начинает перебираться на пирс.

Для атаки не строились, скорее, просто с любопытством оглядывались вокруг. А на что посмотреть тут было: порт напоминал собой развороченный муравейник, где тысячи людей что-то строили, копали, превращая набережную в твердыню.

— В столицу идём, был слух, что там есть работа, — пожал плечами северянин.

— У нас, как ты видишь, работа тоже имеется. Но согласитесь ли вы на неё?

— Бунтуете, как я слышал, — усмехнулся он. — Вы действительно собираетесь противостоять силам местной знати?

— А иначе начинали бы это всё? — обвёл я рукой стройку вокруг.

— Обучение ополчения, война на стенах против превосходящей выучкой гвардии с очень печальными шансами на успех. Я всё верно понимаю в том, что вы можете мне предложить? — хмыкнул северянин.

— Именно!

Он только покачал головой и, обведя глазами стройку, покачал головой:

— Это будет очень дорого!

— Как будто у нас есть выбор, — скривился я. — Но слишком много всё равно взять не выйдет, нам ещё продовольствие нужно на что-то закупать, когда мы выстоим.

— Золотой в день на одного бойца. Десять мне. Боевые дни втрое больше.

— Это грабёж! — раздался позади меня возмущённый голос.

Обернувшись, увидел знакомую сухощавую фигуру. Вцепившись рукой в остатки волос, мужчина продолжал сокрушаться:

— Это не стоит столько! Вы не заработаете таких денег нигде больше!

— Как будто у вас есть выбор, — покровительственно процитировал меня северянин.

— Мы даже не знаем, стоите ли вы столько, имеется ли у вас необходимый опыт, — бросил на меня вопросительный взгляд один из местных лидеров.

— Хм. А ведь и верно. Водить команду в лес — это не стены защищать. Сможешь ли ты, Свен?

— Учили в детстве. Защищать, но больше брать, — поморщился северянин.

— Во-о-от оно как... — протянул горожанин. — Значит, опыта у вас нет?

— Попробуйте найти кого-нибудь с опытом, — вскинул бороду кверху наёмник.

— Как ваз зовут? — спросил сухощавый, подойдя ближе и охватывая взглядом драккар. Внимательно так смотрел, пересчитывая весь личный состав, оценивая оружие и броню.

И даже не отвёл взгляда, когда северянин ответил:

— Свен.

— Я — Бартуш, глава гильдии ткачей и портных. Предлагаю пройтись, выпить чего-нибудь и обсудить, как бы нам прийти к взаимовыгодным условиям...

— Мои люди...

— Ничего страшного, подождут. Когда договоримся, мы займёмся их размещением, — мягко, немного вкрадчиво, произнёс, как я сейчас узнал, портной.

Даже немного стыдно, что я не знаю местную верхушку по именам, но, с другой стороны, мне раньше было не до того. Сейчас я шёл за ними, слушая говорливого горожанина и редкие ответы копейщика.

Разговор продолжился в заведении Беллы, где Свен стал потихоньку сдавать условия. Ну да, как я понимаю, на постоянный наём обычный боец его отряда стоит меньше серебряного в день. Так что поставленные им изначально цены были запредельны.

По мере разговора ставка снижалась, пока не упала до двух серебряных рядовому и до четырёх десятнику. Но вот за боевые северянин вцепился мёртвой хваткой, фиксируя ставку в два золотых в день. Плюс премии особо отличившимся бойцам и размещение с кормёжкой за счёт города.

Тут они ещё немного поспорили, пока не ударили по рукам. А после, выпив по кружке пива, ушли заниматься размещением его отряда. Работы у наёмников будет очень много.

— Думаешь, от них будет польза? — раздался вопрос от подошедшей ещё в разгаре торга Элеоноры.

— А? — вскинул я на неё задумчивый взгляд. — Да, будет! Свен умеет подбирать людей, просто жадный очень.

— Он из вашей деревни? И оказался в наёмниках? Как так, оно же менее выгодно.

— Его выгнали. Он бросил на съедение тварям одного из членов своего отряда. Но, на его беду, я выжил...

— Тебя? И ты согласился иметь с ним дело? — удивлённо подняла бровь девушка.

— У города нет выбора. Да и не трус он, плюс довольно умён.

— А если его перекупят? Ты же сам говоришь, жадный очень.

Я почесал шрам на щеке и равнодушно ответил:

— Тогда я его убью. О чём он прекрасно знает.

— Отличные поводы для верности: страх и жадность, — поморщилась принцесса.

— Знаешь, главное, что не трус. Большинство бы на его месте отказались, несмотря на любые деньги.

— Тебе лучше знать. Не мне же с ним в бой идти, — развела руками девушка.

— Что имеем, то имеем. В любом случае, это нам сильно поможет. Как там: «Лучше стадо баранов, возглавляемых львом, чем стая львов, возглавляемых бараном».

Она звонко рассмеялась немудрёной шутке. Поднявшись с места, провела ладошкой мне по голове, поправляя волосы, и спросила:

— Что у тебя ещё сегодня?

— Буду охранять строителей. А ты?

— Помогаю раненым. Оказывается, уметь шить и немного разбираться в устройстве организма достаточно, чтобы спасти людей...

— Хорошее дело, — кивнул я, вставая со стула.

Поцеловал её в макушку, подхватил шлем да щит и потопал в сторону стен. Свен, как закончит обустройство бойцов, сам меня найдёт. Будем думать, как лучше использовать его людей. Оставить их единым отрядом, бросая на самые опасные участки? Или рассредоточить, сделав его людей командирами десятков и сотен ополченцев?

Работа по обустройству обороны по-прежнему кипела. Довольно окинув взглядом растущие стены, перебрался на ту сторону рва и неспешно направился в сторону ближайшей деревни.

Уже через пару километров увидел несколько человек охраны из горожан. Прикрывшись щитами, они попрятались вдоль дороги.

Поздоровавшись с мужчинами, облегчённо вздохнувшими при моем появлении, присел на поваленное дерево чуть в стороне, смотря на дорогу. В обе стороны от нашего участка уходили жиденькие лесополосы. Сейчас там эпизодически работают несколько отрядов мужчин, устраивая ловушки. Ямы, колья, натянутые верёвки. Всё, чтобы не могли пройти всадники.

“Чеснока” бы накидать — скрученных железных колючек, но откуда такое сейчас взять? Весь металл и время кузнецов уходят на оружие. Делают ежей из кольев, но выкопанная яма даже коварней. И проще.

Свистнула стрела, пролетев надо мной. Чуть менее, чем в сотне метров, по дороге, гарцевала на конях группа в полдюжины всадников.

— Часто они так? — спросил я укрывшегося за щитом рядом бородатого ополченца.

— Очень. Налетят, выпустят несколько стрел, отойдут, ещё и меняются постоянно.

— И сделать вы ничего не можете...

— У них лошади, стреляют они лучше. Если подойдут ближе — встретим стрелами и копьями.

— Но они не подходят, — вздохнул я.

— Как видишь, — пожал плечами боец.

— Откуда они приходят?

— Из ближайшего села.

Я поморщился. Несколько часов пути, но отправлять туда некого, только самому идти. Можно и сейчас сорваться, догнать всадников и покрошить на куски. Но стоит ли? Тут нужно идти на деревню хотя бы отрядом в несколько десятков человек.

Расположив щит, чтобы прикрывал меня от стрелков, замер. Обстрел потихоньку продолжался, и благородные немного заигрались, подойдя ближе. А один и вовсе, гордо вскинув перья на шапке, поскакал в нашу сторону, натягивая лук.

Рядом тренькнули тетивы, и три стрелы полетели ему навстречу. Две прошли мимо, а одна попала в грудь его коню. Лошадь захрипела от боли и понеслась быстрее в нашу сторону. Усмехнувшись, достал топор и, прикрывшись щитом, пошёл ему навстречу.

Благородный соскочил с лошади и, перекатившись, рванул с пояса сабельку. В это время его друзья закричали и рванули вперёд, желая спасти своего товарища. Я же прикрывшись щитом от стрел, уверенно приближаясь к будущему трупу.

Что мне нравится в этом мире — так это то, что если имеются деньги на хороший доспех, то убить тебя становится очень сложно. Средства защиты немного опережают возможности нападения. Ещё несколько шагов, и я остановился перед ухмыляющимся врагом.

Молодой ещё парень, удаль в крови играет, глупо подставился сам и подставил весь свой отряд. Трое его друзей остановили коней и очень быстро стреляли мне за спину, не позволяя ополченцам вести ответную стрельбу. А ещё двое налетали, нацелив на меня пики.

Шаг в сторону и присесть на колено, отпуская рукоятку повисшего на темляке топора и перехватывая древко. Рванув его, я оставил всадника без оружия. Второй же просто пролетел мимо, так и не попав своим копьём. Приняв удар сабли на щит, я отпустил пику и, перехватив топор, ответил.

Удар сверху развалил его голову пополам, и, вырвав топор из расколотого черепа, я повернулся к разворачивающим коней всадникам. Повесив оружие на пояс, поддел носком сапога лежащую на земле пику, перехватывая её. Шаг в сторону, встречный укол, и всадник рухнул спиной на круп коня, получив наконечник в лицо.

А я, примерившись, метнул пику в спину пытающемуся убежать всаднику с саблей. Попал — тут было то всего метров пять. Затем бросился на лучников, подняв по пути пику, выпавшую из руки трупа с развороченным лицом. Три укола в шею и лица, чтобы не портить броню, и всё оказалось кончено. Они до последнего пытались стрелять, вместо того, чтобы попытаться бежать.

Подбежали ополченцы, стремясь поймать лошадей, пока не разбежались. Раненую придётся добить и пустить на мясо скорее всего. Ополченцы тут же отправили одного человека в город — организовывать транспорт для мяса. Ну и трофеи, конечно.

Я в этом празднике жизни не участвовал, продолжая сидеть и охранять. Да и лень мне. Через полчаса увели пойманных лошадей с навьюченными на них трофеями, увезли труп лошади. А для раздетых благородных прямо тут начали рыть общую могилу.

Ещё через полчаса, уже на трофейных лошадях, прибыл Свен и трое его людей. Спрыгнув на землю, северянин привязал лошадь дереву и подошёл ко мне.

— Ты тут, оказывается, наворотил дел, парень... — протянул он, присаживаясь рядом на бревно.

— Так получилось, — равнодушно пожал плечами.

Он помолчал, оглядывая пятна крови на траве, и с тяжёлым вздохом произнёс:

— Смешно. Я всю жизнь рвал жилы, чтобы заработать денег, вернуться домой и забрать то, что мне причитается. А тут вчерашний дурачок распоряжается целым городом...

— Так вперёд. Таких городов тут целая страна, приди и властвуй, — криво усмехнулся я.

Он оскалился в ответ, но после небольшой заминки спросил:

— Бьёрн, на что ты надеешься? Я тебя не первый день знаю, ты неглупый парень, книжек много читал. Понимаешь же, что подобные восстания никогда не заканчивались успехом? Даже если мы отобьём первый штурм и всё перерастёт в длительную осаду.

— В человеческую решительность ты не веришь? — хмыкнул я. — А если серьёзно, то я не верю в прочность этого государства. Оно существует до сих пор лишь потому, что это остров.

— А нам что с этого? — поднял бровь Свен — На то, чтобы закопать нас вместе с городом, у них ресурсов хватит, даже если после этого у них тут всё окончательно развалится.

— Тогда почему ты ещё тут? А не погрузился на корабль и не отчалил?

— Это зависит от того, что ты мне скажешь. Ты не ввязался в это, если бы не имел запасного плана.

— Может, надеюсь на удачу?

— Твоя удача велика, — совершенно серьёзно кивнул он. — Но этого будет мало.

— Восстания в других городах?

— Только если вы окажетесь настолько сильны, что передадите тут очень много благородных. Но это не с такими бойцами, а набирать бесконечно наёмников осаждённый город не сможет. И если ты надеешься на помощь местного населения, то зря.

Я пожевал губу и со вздохом кивнул:

— План есть. Не знаю, насколько выполнимый, но имеется способ превратить всю эту толпу в эффективную силу. Но для этого нужно, чтобы город продержался хотя бы полгода без меня.

— Ты хочешь опоить их всех зельями, что ли, и тренировать, как тренировался ты? — усмехнулся он.

— Открыть кому можно источник, заразить скверной... — задумчиво протянул я. — Знаешь, я в эту сторону даже не думал.

— Значит, ты планировал что-то иное? — хмыкнул он. — За несколько месяцев можно так сделать, но ты же в курсе недостатков такого пути?

— Толпа неуправляемых безумцев. Но я же пока держусь, возможно и они смогут...

— Не смогут. Не знаю, что ты такое, парень, но на твоём месте нормальный человек бы уже бегал по лесу. Это ненормально.

Я поморщился, но спорить не стал. Всё, что читал о влиянии скверны на людей, говорит о том, что он прав. Возможно, виновато то, что немалая часть моей памяти, она ведь не в нейронах мозга, судя по всему. Надеюсь, однажды узнаю, как подобное стало возможным, что набор воспоминаний оказался привязан к этому телу...

Впрочем, даже так я хожу по краю срыва. Но вариант, предложенный Свеном, отбрасывать я бы не стал. Мне всё равно будут нужны маги, чем больше, тем лучше. Встав, потянулся и, повернувшись к северянину, произнёс:

— Дай мне десяток дней, я попробую показать, на что я надеюсь в итоге.

— Хорошо. Но не затягивай, хочу знать перспективы, — прищурившись, погладил бороду копейщик.

— А самого штурма ты не боишься? Условия сложные...

— Нет, — отмахнулся он. — Город будет укреплён, население готово сражаться, а противнику кроме индивидуальной выучки похвастать нечем. Города штурмовать нужно уметь. Есть шансы.

Я кивнул и, бросив взгляд в сторону дороги, спросил:

— Устроим рейд на деревню? Надо бы осадить благородных.

— Не сегодня, — покачал головой он. — Мы справимся, но что нам делать потом с этой деревней? После того, как мы убьём там всю местную знать, им не останется другого пути, как идти с нами в город.

Поморщившись, окинул взглядом трупы и роющих могилу ополченцев. К стыду своему, о такой проблеме я не задумывался. А с другой стороны — это способ принудительно согнать в город деревенских с их запасами провизии и ещё увеличить количество потенциальных бойцов. Как, впрочем, и ртов. Что при осаде скорее минус...

— Я в город, найдёшь если что, — произнёс я.

И, дождавшись его подтверждающего кивка, отправился обратно. В голове у меня бродили разные мысли и непривычные сомнения. Когда от тебя зависит такое количество

людей, становится тяжело принимать решения. Некомфортно.

Зайдя на постоянный двор, посетил купальню и, сев за стол, невидящим взглядом уставился перед собой. Я знаю, на что рассчитывал, но получится ли у меня... Да и стоит ли? К чему всё это приведёт?

— О чем задумался? — улыбнувшись, спросила меня довольная Элеонора, присаживаясь рядом.

— Об оружии. И том, что оно может за собой принести.

— Оно нам поможет? — подняла бровь девушка.

— Не сразу, но да, поможет. Если будет, где развернуть производство и нужные мастера.

— Так в чём проблема?

А с другой стороны, это и так удивительно, что ничего подобного тут нет. Видимо, слишком велик упор человеческой мысли на возможное использование магии. Не я, так другой придумает что-то подобное. Так что, почесав в затылке, ответил:

— Сложно это.

— Ты справишься! — уверенно воскликнула принцесса.

Улыбнувшись на её поддержку, я поднялся, проговорив:

— Пойду, пройдуся.

Идти было не так уж и далеко, торговые ряды, а там одна небольшая лавочка, которую я заметил пару дней назад. Толкнув скрипнувшую дверь, вошёл внутрь.

— Закрыто, — раздалось из соседней, смежной комнаты.

— Я не покупать, — ответил, смотря на единственный, оставшийся на стене арбалет я.

Раздались шаркающие шаги, и ко мне, подслеповато шурясь, вышел всклокоченный старик.

— Тогда что нужно? Я занят.

— Где вы заказывали к нему ствол? — спросил я, показав пальцем на арбалет.

— А-аа, самострел... Хочешь купить? Шариками стреляет, если в голову попадёшь, наповал!

— Я про ствол спрашиваю.

— Смотри, какая работа тонкая!

Работа, и правда, красивая. Только вот старик оказался полностью глух, а больше никого нет — на работах все. Так что, сплюнув, я развернулся и потопал к Войцеху, оставив старика ворчать позади.

В кузнице всё было по старому, и, показавшись кузнецу, я вышел наружу. Жарко сегодня.

Через несколько минут он вышел ко мне:

— Что опять?

— Мне нужно, чтобы ты кое-что изготовил...

Объяснять пришлось не так уж и долго. Как оказалось, ствол для самострела делали в его кузнице. Правда мне требовалось нечто намного более крепкое. Устало обматерив меня, он попросил ещё неделю времени, и на этом я ушёл, оставив его в покое.

Ювелир. Текстиль. А у алхимика я и вовсе засел, смешивая кислоты и повторяя старые эксперименты.

— Зачем всё это, — недоумённо спросил меня мужчина лет тридцати, смотря, как я окунаю кусок ткани в кислоту.

— Кую оружие победы, — хмыкнул я, откладывая образец.

— Не похоже...

— Скажите, у вас не открыт источник?

— Простолюдинам нельзя, даже если есть способности, — покачал головой алхимик.

— А хоть кто-нибудь в городе есть? Неужели ни один человек не обошёл запрет? Мне даже не нужен сам человек, достаточно несколько заполненных маной камней.

— У меня есть.

— Отлично, — обрадовано кивнул я, продолжая работать.

Когда я лишь начал читать про местную артефакторику, надеялся соорудить что-то стреляющее чисто на ней. Теоретически, если сложить в ряд несколько воздействий, можно получить нечто достаточно мощное. Для личного пользования этого бы хватило.

Но для широкого распространения такая штука не подойдёт. Дорого, сложно, много возни с накопителями. Но просто поджечь порох коротким импульсом энергии, поданным через руну огня? Легко. Полностью избавляя меня от возни с капсулями или поровой полкой. Мне же даже не нужно придумывать что-то. Одна-единственная незамкнутая руна, кусочек серебра на гильзе, замыкающий её. Совместить и всё.

Самое простое, что может быть, описанное в местных книгах, как зажигалка для начинающего мага. Нужно только подобрать подходящий состав, правильно измельчить полученный химией продукт. И, если так подумать, то зачем мне гильза? Для себя, понятно, надо делать хорошо. А вот для демонстрации работы концепции и мощи совершенно не нужно усложнять.

Чем проще сделаю, тем лучше. Тем быстрее это смогут повторить горожане. А уж улучшить систему можно и без меня. Особенно, если я покажу и более сложно выполненный образец.

Воодушевлённо потеряв ладони, я закинул кусочек ткани в очередную смесь кислот. Так или иначе, уже поздно отступать. Выпустив этого джинна из бутылки, я поменяю многое в этом мире.

Да и хрен с ним. Магия и меч — это круто, конечно. Но магия и порох открывают намного более весёлые перспективы...

Нет эмоций и воли, есть лишь образы рун и ритуалов. Мысли, воля и страсти людей, которые их проводят. Покой, мощь свободно текущих по планете рек силы. Появление первого аватара и радость от возможности ощущать и наблюдать мир, полноценно мыслить.

На этом моменте я открыл глаза, просыпаясь. Вот что такое было быть богиней в этом мире? Пассивное наблюдение и работа с реальным миром только через аватаров? Хотя, показанный Фионой образ относился к глубокой древности, когда она едва осознавала себя.

Как мне кажется, хороший обмен на несколько сценок школьных дней. Но это ощущение податливой силы... Потрясающее чувство! Скверна ни в какое сравнение не идёт.

Вздыхнув, я сел на кровати, стараясь не разбудить принцессу. Тихо одевшись, вышел в общий зал постоянного двора. Позавтракал, несмотря на ночь, и вышел на улицу, двигаясь к стенам.

Город готовится к обороне: возводятся стены, разворачивается постоянный госпиталь, тренируется ополчение. И даже сейчас, глубокой ночью, стройка не останавливается ни на мгновение, используя яркий свет обеих лун. Нам остаются считанные дни до осады, нельзя терять ни минуты.

Знать скапливается в ближайших деревнях, и всё чаще происходят стычки с пытающимися прорваться к городу отрядами. Там Свен с несколькими десятками своих бойцов и тысячей ополчения. Последние пару дней было дождливо, иначе бы точно пытались сжечь хилые лесополосы, мешающие им прорваться к городу большими силами.

Удивительно, но основные земляные работы успели провести, и первый ярус стен из брёвен, между которыми засыпана земля, закончили. По большей части, закончен и второй, а местами и третий.

Для нападающих это будет выглядеть, как широкий ров, сразу за которым поднимается очень крутая и высокая стена склона, по которой очень сложно подняться. А, следом, стена из брёвен в два человеческих роста.

В кино такое не показывали, я всегда думал, что деревянные укрепления — это убогое варварство. Оказалось совершенно не так. Тараном разрушить такие стены не выйдет, да и как подогнать таран по такому склону и рву? Даже лестницы поставить нормально нельзя на таком уклоне.

Обстреливать требушетами? Ну, так дерево не камень, оно лучше амортизирует удары, а земля не даст проломить брёвна. Сжечь? С учётом дождей, дерево сырое, а местами и вовсе замазано глиной. Особенно там, где планируется лить кипяток, масло и фекалии.

И, самое смешное, горожане не стали делать ворота. Их просто нет. Всё сообщение города с внешним миром планируется в ближайшие месяцы только по реке. Так что осаждающих ждёт сплошное кольцо стен, ров и готовое к обороне население.

Повернув голову, в очередной раз усмехнулся от вида нескольких стоящих в дозоре на стене бойцов. Никогда не видел деревянных доспехов. Бред, казалось бы, но основная масса людей на стенах упакована именно в связанные тканями и верёвками доски. Кто-то щеголяет в конструкциях из кожи и дерева, у других есть части металла. А уж деревянные шлемы, так и вовсе...

Но любая защита не лишена смысла, так как основная атака врага будет осуществляться лучниками. Причём стрелы особой энергии уже нести не будут, и даже такая защита избавит

нас от огромного количества, минимум, легкораненых. Но выглядит это, конечно... Армия Буратино под руководством нескольких железных дровосеков. Сюрреалистично.

Бойцы шутили, улыбались, оглядывая гордыми взглядами титаническую стройку.

— Да они и на стены не поднимутся, на склоне всех положим, — донеслись до меня слова одного из ополченцев.

Я поморщился, услышав подобное шапкозакидательство. Но лучше так, чем отчаяние и пораженчество. Этому ещё придёт время, когда осада начнёт затягиваться. А пока же, пусть будет так.

Окинув взглядом стройку в последний раз, спустился со стены и отправился в свою мастерскую. По сути, небольшое здание в бывшем квартале аристократов. Зайдя внутрь, увидел по центру комнаты зажатый в деревянных тисках грубый, уродливый, оружейный ствол с несколькими кольцами вдоль него. Свои требования я снизил, больше не пытаюсь изготовить что-то индивидуальное и качественное.

Оружие будет дульнозарядное. Единственное, что доставило сложности — это гравировка руны в задней части. Дальше, при нажатии спуска, к ней подводится заряженный накопитель, и руна активируется, поджигая порох. Вот и вся сложность конструкции, а на десяток выстрелов накопителя должно хватить.

Если дело пойдёт, можно сделать даже патронную систему на подобной основе. Однако, когда закончили механизм, я понял, что зря со всем этим возился. Лучше было бы просто оставить отверстие и поджигать фитилём. Но в голове настойчиво сидело применение магии, и я избыточно усложнил конструкцию.

Хотя, на самом деле, сам я тут ни делал практически ничего. Гравировку нанёс ювелир, спусковой механизм — мастер по арбалетам. Сейчас, вот, приклад делает с ложем, куда это всё и будет интегрировано, а не так, возвышаясь набором запчастей, как сейчас.

Но оружие работает, пусть некоторые вещи ещё требуют экспериментов. Так что, растопив печку, поставил плавиться свинец. И, подхватив ножик, вышел на улицу, где на свету стал измельчать порох. Очень маленькими партиями, надев толстые перчатки.

Чувствую я, когда дело дойдёт до массового изготовления, кто-то точно останется, минимум, без пальцев. Но тут уже ничего не поделаешь, будут и большие взрывы, да и состав ещё требуется дорабатывать.

Полученный порох я стал отсыпать в бумажные пакетики, нормируя по весу. Надо определить достаточную насыпку, чтобы не разорвало ствол, но и получилось достаточно эффективно. Замерив десяток порций, подписал пакетики и отложил в сторону.

Подоспел свинец, который я аккуратно залил в формочку. Пришлось помучиться, подгоняя диаметр формы под диаметр ствола, но теперь подходит хорошо. Он, правда, немного неравномерный внутри, но сойдёт. Подрезал остатки свинца и, придиричиво оглядев полученные пули, довольно кивнул.

Посвистывая, вытащил стенд со стволом на улицу, где засыпал порох, вставил пулю и пыж, плавно утрамбовав всё шомполом. Пуля входила довольно плотно, что хорошо. Поместив ствол в деревянные тисках, подвёл ближе механизм курка, закреплённый на деревяшках. Вроде всё ровно. Проверил, ровно ли в мишень направлен ствол, и, отойдя подальше, дёрнул за примотанную верёвку.

Грохнуло, лязгнуло. И, радостно потеряв ладони, побежал к мишени.

— Есть! — довольно усмехнулся, смотря на пробитый насквозь кусок старой кирасы в пару миллиметров толщиной.

Пуля ушла глубоко в дерево, я даже не стал пытаться её вытащить. По всем параметрам мощность выстрела достаточная. Не знаю, насколько больше пороха выдержит ствол, и экспериментов проводить не собираюсь. Он у меня один.

Вечером, уже можно будет монтировать изделие всё в единое целое, а завтра показывать горожанам. Конечно, лучше было бы изготовить пушку, продемонстрировав эффект картечи, но это значительно дольше. Я и так еле успел.

Убрав всё со двора, я присел на ступеньку, смотря на мишень. Немного смешно, но я ведь ничего не изобрёл. Рецепт взрывчатого вещества подсмотрел в книге по алхимии, ствол, механизм, система воспламенения — всё исключительно местное. Просто нужно знать, в какую сторону смотреть, чтобы собрать всё воедино, и не лезть во всякие сложные магострелы.

Взяв листок бумаги, уселся на ступенях, рисуя примерный чертёж того, что бы я хотел получить в итоге для себя. Выходит простая однозарядная переломка, даже двухстволка будет сложной. В любом случае, хороший ствол нужно будет сверлить, особенно, если пытаться играть с нарезками.

В принципе, можно будет пробовать, но уже не сейчас. К тому же, оттуда начинает расти куча проблем, опять упираясь в местную металлургию. Может когда-нибудь потом я исследую, как сталь производится тут, и смогу вспомнить хоть что-то подходящее. А может быть и нет, кто знает?

Закрыв мастерскую, вернулся на постоянный двор, где стал облачаться в новые доспехи. Что сказать? Прекрасная броня. Составной нагрудник, наплечники, поножи, наручи, сапоги, шлем. Не знаю, как такой тип доспехов называли на Земле, но сидит достаточно удобно, практически не стесняя движений, хотя и тяжелый.

Из спальни, услышав шум, вышла зевающая Элеонора. И, помогая мне с доспехом, пожаловалась:

— Ничего не успеваю после госпиталя, даже на стене уже три дня не была. Что нового? Когда нам ждать нападения?

— Вечером собираются пускать воду в ров, так что, может, уже и сегодня, — вздохнул я.

— Опять раненые, — поморщилась она и, стараясь выбросить из головы надоевшие проблемы, переключить внимание, спросила: — А как там твоё чудо-оружие? Когда будешь показывать?

— Тоже вечером, как раз после запуска воды в ров планировал.

— Я приду! Надо же посмотреть, на что ты надеялся, влезая в эту авантюру... — протянула принцесса, помогая закрепить наплечник.

— Уже авантюра? — усмехнулся я, вешая на пояс тесак. — А раньше подумать не было времени?

— Я делала то, что должно. Как и ты. Теперь нам нужно нести ответственность за наши действия и выбор, — не поддержала она мою иронию, ответив совершенно серьёзно.

— Эх, принцесса... — протянул я. И, подхватив свой новый арбалет, добавил: — Нам с тобой уже в любом случае идти до конца. Но если всё будет совсем плохо, я хватаю тебя в охапку, и мы бежим.

— Горожане не убегут. А, значит, и нам нельзя! — уверенно отчеканила слова девушка.

— Горе ты моё, — тяжело вздохнул я.

Откуда она только такая правильная взялась? Обычно аристократы ведут себя проще, приземлённей, интересуясь лишь землями и деньгами. Книжное детство? Тем не менее,

поцеловав её на прощание, я отправился на линию обороны. И уже там по лестнице спустился в ров, из которого ещё по одной лестнице поднялся на другую сторону.

Повернувшись, окинул взглядом уходящую практически вертикально вверх насыпь и бревенчатый сруб над ней. По стенам сейчас ползали на лестницах десятки людей, обмазывая её глиной и мокрой грязью. Поджечь такое будет нереально, и даже если стрелять навесом зажигательными стрелами в город, не многое изменится.

Соломенные крыши все убрали, где можно обработав глиной или землёй. Мало того, что десяток метров внутри от стены города теперь чист от построек, так ещё и остальное обработано так, что, чтобы оно загорелось, нужен напалм или фосфор, но никак не зажигательные стрелы.

Вообще, начинаю понимать, почему крепости могли держаться в осаде месяцами и годами. Как вообще всё подобное штурмовать? Ров требуется засыпать, завалить чем-нибудь. И уже тогда можно подгонять осадные башни, если они у нападающих есть. И всё это под стрелами обороняющихся...

Хотя, если подумать, то за пару месяцев можно потихоньку подготовиться и обеспечить штурм. Но явно не сразу, рывком и сходу город не взять. Впрочем, посмотрим, как оно будет в действительности...

Уже через пару сотен метров от стен я наткнулся на первый пост. Несколько больших ростовых щитов, за которыми спрятался десяток лучников и арбалетчик. Таких пунктов впереди оказалось много, местами прикрывая и лесополосу. Свен сильно постарался за эти дни, организовывая ополчение, и даже скупердяи из местных согласны, что северянин стоит своих денег.

На моих глазах передний пост, контролирующий дорогу, начал отступать ближе к городу, приподняв огромные щиты из досок и медленно отступая. Стрелы свистели практически постоянно.

Перевесив щит на руку, я подошёл ближе, найдя взглядом матерящегося Свена. Глотнув воды, он сплюнул и, увидев меня, произнёс:

— Нужно отступать в город. Их слишком много. Ночью начали постоянно стрелять.

— Могу пройти вырезать несколько отрядов, а вы отойдёте.

Окинув взглядом поле за нами, он показал мне на отряд в паре сотен метров правее.

— Помоги парням, там совсем жарко.

Кивнув, я бегом бросился туда. В том месте, действительно, обстрел вёлся постоянно, не давая и носа высунуть из-за щитов. Один отряд противника подобрался метров на тридцать прямо по лесополосе, азартно обстреливая ополченцев.

Вытащив тесак и прикрывшись щитом, я подбежал к деревьям и тут уже пошёл шагом, внимательно смотря под ноги — нами же наставленные ловушки никто не отменял. Лучники сосредоточили огонь на мне, начиная отступать. А потом среди них поднялся закованный в полный доспех боец, со щитом и тяжёлой саблей в руках.

От него тянуло скверной. Так что когда он резко бросился на меня, я совершенно не удивился. Лишь выплеснул больше энергии и, шагнув вперёд, ударил навстречу. Лязгнул металл, и противник отлетел назад. Мой меч проломил ему щит и смял наплечник, но он бешено рыкнул и, отбросив обломки, обрушил на меня удар сабли.

Парировал тесаком, стремясь побережь щит. Ответил ударом сбоку. Лопнула сабля которой аристократ пытался парировать удар, смялся металл горжета, и он упал с наполовину перерубленной шеей. Подняв глаза, я увидел его улепётывающих товарищей, в

одного из которых прилетело несколько стрел. И одна удачно вошла в голень, заставив покатиться по земле.

Бросившись вперёд, я добил его ударом в голову и вернулся назад, где, подцепив труп благородного, потащил его к нашим. Ещё один боец будет хорошо экипирован, оборона станет легче.

Немного отдохнув за щитом, я выпил воды и направился к следующей сложной точке, а после и ещё. За моей спиной ополченцы отступали, активно отстреливаясь. Становилось очень трудно, враг постоянно наступал, возрастая в численности. Таскать трупы уже не очень выходило, всё чаще противники убегали, стоило им только меня заметить. Да и обстрел уж очень сильный.

Несколько раз меня встречали отряды, в том числе и усиленных скверной бойцов. Но хватило дюжины трупов, чтобы это прекратилось. Я бегал по полю, работая пугалом для зарвавшихся аристократов, и сам не заметил, когда наши силы, начали перебираться через ров, залезая наверх. А по аристократам начали стрелять уже со стен, давая возможность спастись ополченцам в поле.

Стоило мне и ещё десятку человек подняться наверх, как лестницу подняли, а от реки раздался грохот, и в ров, снося остатки дамбы, потекла вода.

Вот так, в отступлении и постоянном стрелковом бое, город и оказался в осаде. Совсем не так, как ожидал, основные силы ещё даже не появились.

Я просто отметил для себя, что моя помощь больше не требуется, спустился со стены, которую в нескольких местах ещё продолжали строить, прямо под стрелами, и, тяжело ступая, отправился на постоянный двор.

Сняв доспехи, расправил ноющие плечи. Тяжело. Скверна скверной, но подобный доспех не предназначен для постоянных пеших боёв. Умывшись тут же из бадейки, прошёл в спальню и завалился на кровать, где практически сразу уснул.

Проснулся я буквально через несколько часов. От голода. Так что пришедшая из госпиталя, осунувшаяся от усталости Элеонора увидела меня за заставленным снедью столом.

Обведя стол безразличным взглядом, она только и нашла сил спросить:

— Ты будешь показывать, что ты там придумал, сегодня? Или я могу идти спать?

Окинув взглядом с трудом держащуюся на ногах девушку, покачал головой.

— Завтра.

На что она лишь устало кивнула и, даже не имея сил на ужин, отправилась спать. Я же облачился в доспехи и пошёл на стену. За те несколько часов, что я спал, всё сильно изменилось: противник начал разбивать шатры, а ближе к городу, прикрытые деревянными щитами, лучники обстреливали стены, уже оборудовав полноценные позиции.

На мой взгляд, их тут собралось около тысячи. И постоянно прибывало ещё, увеличивая плотность огня. Стоило мне показаться в бойнице, как туда влетело пара стрел от увидевших блеск металла лучников. Рядом тренькнули тетивы, и вниз полетели уже наши стрелы.

Вздыхнув, я прошёлся по всей стене, смотря, как люди готовятся к обороне. Тут, вроде, терпимо, так что отправился на набережную, оценивая обстановку там. По моим ожиданиям, атака на реке будет первая. Дураков ломиться на стены нет, сначала они проверят этот путь, и уже потом начнут штурмовать в лоб.

Стены поднимались прямо из воды, во многих местах каменные или кирпичные, особенно в нижней своей части. Тут нам вообще повезло, остался каменно-кирпичный

фундамент, местами со стенами. Нападения с реки тут, видимо, когда-то боялись даже больше обычного.

Четыре метра высоты стена — если подогнать корабль и соорудить нечто вроде башни, наверно, можно перескочить. Да, на реке сложнее организовать нападение, нужны корабли, плоты и лодки, но тут хоть стена не такая монструозная, нет склона. Но посмотрим, Свен сказал, что хватит, а уж штурму с воды его должны были учить.

Так что, сделав полный круг, вернулся на стену, где, вскинув к плечу арбалет, несколько часов перестреливался с вражескими лучниками. Получалось не очень, если я кого и убил, то лишь чудом. Что поделат, отличным стрелком я никогда не был...

Жаль, что не успели сделать крышу над стеной. Защита от стрел, меньше перелётов в город, да и от дождя и ветра укрыться совсем не лишнее, тетива влаги не любит. Была бы полноценная крытая галерея — вообще хорошо. Но и так чудо, что мы почти успели закончить. Последний участок стены складывали уже под огнём, а если бы я не работал пугалом весь день, могли бы и не успеть.

Тем не менее — закончили. Может и галерею сделают, если будет на то время и перерыв в битве. А пока же, я вернулся в город, где в мастерской меня ждало уже собранное оружие. Проверив, зарядил и сделал несколько выстрелов.

Руки буквально чешутся взять карамульгук и пойти пострелять со стены по людям. Очень хочется. Но, тоскливо вздохнув, я отставил эту идею. Мало того, что точность у него никакая, так ещё и противники могут быстро и легко ухватить концепцию. Подобное лучше применять, когда будет хотя бы сотня стволов, и это сможет реально изменить исход битвы. А сейчас — глупость. Но хочется, да.

Тем не менее, оно работает. Завтра нужно будет отдать алхимику накопитель, пусть зарядят. До сих пор он боится показывать человека, открывшего источник. И, честно сказать, в аристократа, или что вероятнее, аристократку, я верю больше, чем в скрывающегося простолюдина.

Лезть я в подобный детектив глубже пока не буду, мне нужны эти накопители. Но Свену я алхимика сдал, чтобы присмотрели. Накопители накопителями, но возможные отравленные колодцы — это беда, которая накопителей не стоит. Не говоря уж о том, что он знает примерный рецепт пороха, и отпускать его из виду уже просто нельзя.

Ещё раз всё проверив в мастерской, я взял с собой пули, ружьё с порохом и отправился на постоянный двор, где мирно подремал до утра.

Никакие видения меня не беспокоили, во мне скверны не так уж и много, всё потратил за день, что накопил ранее. Так что, ещё до завтрака, я отправил посыльных с просьбой собраться местных лидеров и Свена во дворе моей мастерской.

— Закончил, всё же, — хмыкнула Элеонора, бросая любопытствующие взгляды на стоящий рядом со мной мешок.

— Доедим, пройдемся, и всё увидишь! — твёрдо ответил я, делая глоток воды и мимолётно жалея, что все мои запасы кофе остались в деревне.

— Жаль, кофе нет, — вздохнув, произнесла принцесса через мгновение.

Я рассмеялся и, в ответ на её поднятую бровь, пояснил:

— Только что думал ровно об этом же.

Она улыбнулась и, допив свой травяной чай, заразительно зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Пойдём уже?

Я кивнул и поднялся с места, захватив мешок с ружьём. Любопытно, как они отреагируют на подобную вещь. Это ведь знаковое событие.

Им было не менее интересно, что я такое мастерю, считая это нашей основной надеждой. Так что когда мы подошли, народ уже столпился во дворе. Прикрыв за собой калитку, оглядев любопытные и встревоженные началом осады лица, начал отвечать на приветствия.

Закончив пожимать руки и здороваться, разместил на мишени кусок кирасы. А следом, достав из мешка ружьё, начал его заряжать, сохраняя молчание на усмешки и вопросы собравшихся. Зарядив, вскинул его к плечу и выстрелил. Положив оружие на плечо, повёл рукой на мишень.

— Прощу оценить повреждения, господа.

В каждом, даже, казалось бы, взрослом и серьёзном мужчине, живёт пацан, любящий всякие опасные игрушки. Важные, степенные люди столпились возле мишени, уже сняв кусок кирасы и предавая её из рук в руки. А Свен, достав кинжал, пытался достать глубоко засевшую пулю.

Через пару минут у него получилось, и по рукам стал ходить ещё и кусок свинца. И даже Элеонора, увлечённая удивлёнными восклицаниями, помяла в руках кусок металла с рваной дырой посередине.

— Сколько магии на подобное нужно? — озвучил Свен главный вопрос, как только все оценили последствия.

— Магия тут используется, лишь чтобы поджечь взрывчатую смесь. При желании, это можно делать и вовсе без магии, — громко ответил я, чем вызвал ошеломлённое молчание собравшихся.

Магия... Давно уже к магам презрительное отношение, на фоне памяти и книг об их возможностях до катастрофы. Но даже так, вся научная мысль работает на магию. Как бы вернуть хотя бы часть личной мощи, отбрасывая кучу вариантов, кажущихся неинтересными, проблемными. Так вот и живут.

А вернее — жили. По-старому тут явно больше ничего не будет.

— Сколько мы можем таких сделать? — был первый вопрос общественности, выраженный сухощавым главой одной из местных гильдий.

— Не знаю насчёт начинки, но стволов — не так уж и много. Возможно, около сотни, дальше будут нужны поставки металла, — вместо меня ответил мужчине Войцех.

Сам кузнец, взяв в руки ружье, стал внимательно осматривать спусковой механизм. Хмыкнув, отдал мне оружие и спросил:

— Его можно делать больше? Твоя «не магия» справится?

— Даже нужно. Я изготовил личное оружие, а можно делать экземпляры крупнее, стрелять дальше, и не единой пулей, а множеством мелких.

— Можно попробовать? — поинтересовался задумчивый Свен, крутящий в руке пробитый кусок панциря.

— Конечно, — кивнул я, начиная заряжать ружье.

Одним северянином дело не ограничилось, попробовать захотели все, как стрелять, так и пробовать заряжать. Под моим руководством, разумеется. И только через несколько минут забавы Войцех полюбопытствовал:

— Сложно изготавливать этот твой порошок?

— Всё зависит от объёмов, но изготовить его в силах любой алхимик. Там нет ничего особенного, — пожал я плечами.

— Если мы вооружим подобным образом хотя бы несколько сотен наших людей, то сможем победить благородных даже в поле! — воодушевлённо воскликнул сухощавый портной.

— Скорее, тысяч, — криво усмехнулся усач.

— Витольд, когда ты перестанешь сомневаться во всём? Пять сотен, тысячу. Сколько нужно, столько и вооружим, — поморщился Бартуш.

— Насколько далеко оно бьёт? — тем временем, задал вопрос Свен.

— Вес пули, количество порошка. Но способно и на тысячи шагов, всё зависит от качества изготовления оружия. И металла, — ответил я северянину и, почесав в затылке, добавил: — Раз я вам показал образец и можно больше его не беречь, давайте проверим, что оно может?

Вытащив свой столик с тисками, я зарядил ствол большим количеством пороха. Навесил на мишень многострадальный панцирь, но уже подложил под него ещё кусок металла.

— Отходим! Наблюдаем! — громко оповестил я окружающих, отходя от стенда и разматывая привязанную к спуску верёвку.

Подождал, когда все отошли подальше, и выстрелил. Звякнуло, но, подбежав к мишени, я не увидел пробития второго слоя. Пришлось заряжать ещё.

На второй раз вмятина уже получилась намного сильнее. А когда я зарядил третий, во время выстрела от оружия ударил огонь в сторону.

— Твою мать! — раздалась рядом ругательства.

Войцех, подскочив к ружью, распустил тиски и стал внимательно осматривать повреждения. Подойдя ближе, я заглянул ему через плечо, увидев лопнувший по одному из мест кузнечной сварки ствол ружья.

— Если бы хорошую сталь, да ещё и сверлить заготовку... — протянул я.

— Можно и так хорошо сделать. Стараться надо, пробовать, — откликнулся кузнец.

— Это всё хорошо, господа. Но чем это поддержит нас сейчас? — произнёс все тот же усатый скептик.

— Можно отлить большой ствол из бронзы и обстреливать их позиции, — задумчиво почесал в затылке Бартуш.

— У нас для этого ничего не готово, нужно время. И бронзы мало, — скривился Войцех.

— Вам это не поможет, нужно много подобного вооружения, чтобы победить всех, кого бросят против вас, — Свен.

— Как мы можем его получить? — прищурилась Элеонора. — Я же правильно поняла, таким оружием можно побеждать закованных в лучшие доспехи аристократов? Силами бывших крестьян?

— Всё равно нужно учить, — ответил девушке Свен. — Думаю, примерно как арбалетчика, хотя убойность значительно выше. Но есть что-то общее. Вы лучше скажите, какова цена этих стрелял? Одного только железа вон сколько уходит.

— Не так много, — покачал головой кузнец. — Но да, всё равно дорого.

— Арбалет и близко не такой мощный, — хмыкнул портной.

— Бьёрн, скажи, зачем ты показал нам это именно сейчас? И чего хочешь добиться? — раздался вопрос северянина.

— Если получится наладить производство, то мы победим в этой войне. Никакая выучка аристократов не сдюжит против пуля, — пожал я плечами. — Единственное, чего я боюсь, так это того, что они начнут производить такое раньше с их ресурсами, и у нас не останется шансов совсем.

— Мы не сможем в осаждённом городе изготовить, сколько нам нужно, — задумчиво отметил лысый горожанин.

Я сжал губы, но, выдохнув, всё же согласился:

— Нет, не сможем.

— Тогда зачем всё это? — нахмурилась Элеонора.

— Мы можем победить, просто нужно решить вопрос с доставкой всего необходимого в город, — ответил девушке, прошёлся, подхватил ружьё и стал быстро, с жаром, говорить: — По реке можно выйти в море, а там уже купить сталь и всё остальное в любом месте на материке. Главное, отбить первый штурм, выиграть несколько месяцев на подобный поход. А там уже, получив необходимое оружие, отбросить врагов от города. Да, это месяцы, но это возможно!

— Звучит, как план с надеждой на удачу, — усмехнулся Свен.

— Другого у меня нет, — развёл руками я.

— Мы тебя слышали. И как только что-то станет понятней, обязательно это обсудим, — степенно пробасил усатый толстяк и, переглянувшись с остальными горожанами, направился на выход. Так вот, живо обсуждая новинку и даруемые ей возможности, они и покинули двор мастерской.

— Ты, правда, веришь, что подобное выйdet? — тихо спросила девушка, едва мы остались одни.

— Кто знает, — вздохнул я. — Но людям нужно хоть что-то, нельзя сражаться с целой страной без малейшей надежды на победу.

— А в реальности? Что тебе нужно, чтобы всё получилось? — прищурилась она.

— Маги, алхимики, кузнецы. Сотня грамотных человек, несколько лет времени, и мы

перевернём этот мир, — усмехнулся я.

— А сейчас-то что? — не приняла она моего шутливого тона.

— Мы будем сражаться. И побеждать.

— Целую страну? Силами одного города? — подняла бровку принцесса.

Я поморщился и раздражённо ответил:

— Если нужно, я сам за месяц убью весь цвет их армии. Мы устроим благородным такую бойню, что каждая знатная тварь трижды подумает, а стоит ли ему бросать свою обжитую деревеньку и ехать сюда умирать.

Элеонора подошла ближе, крепко обняла и шепнула на ухо:

— Спасибо за надежду.

Следом, коротко поцеловала, отстранилась, улыбнувшись, развернулась и, уверенно ступая, отправилась в госпиталь. Я, почесав в затылке, выдохнул:

— И что это сейчас было?

Усмехнувшись, убрал стол с тисками в мастерскую, так же, как и испорченное ружьё, которое потом нужно будет отнести кузнецу. После чего выдвинулся на постоянный двор, попутно лениво размышляя: может, нам завести свой домик тут? Или проще жить в гостинице? Это намного проще для города, да и нам с Элеонорой тоже проще, когда все бытовые проблемы лежат на налаженной системе персонала, которая не требует личного участия.

Доспехи на плечах, тесак на поясе, щит, арбалет, фляга с морсом. В таком вот виде я выдвинулся на стену после того, как собрался. Поздоровавшись с ополченцами, сел возле одной из бойниц, иногда посматривая наружу.

Я думал, что обстрел будет производиться постоянно. Но, нет. Атакующие и обороняющиеся бойцы попрятались в своих укреплениях, высовываясь только, чтобы выпустить стрелу в мелькнувшую мишень, но и всё. Обычно выстрел уходит в никуда с обеих сторон. Мы с высоты можем бить дальше и сильнее, но там бойцы более тренированные и меткие, что выравнивает ситуацию.

Пройдя по стене, подсчитал примерное количество врагов. Выходило, что уже сейчас они согнали сюда тысяч пять лучников. Увидел несколько длинных лестниц, а в тылу, судя по всему, стали собирать сразу две осадные башни. Не знаю, как они собираются тут их использовать, трап должен быть в длину больше десятка метров. Можно расстояние уменьшить, если засыпать ров. Но это в любом случае очень надолго, хоть и начинать следует уже сейчас.

Через пару часов отдыха на стене, я увидел к этому подвижки. Под прикрытием людей со щитами, они начали носить и сбрасывать в ров камни. Вот так, за пару месяцев, может, и получится сделать его достаточно мелким, чтобы можно было пройти.

Услышав крики справа, я повернул голову и сорвался на бег, мигом оказавшись на том участке стены.

— Твою же мать... — протянул, видя, как по реке идёт несколько кораблей, за которыми держалась армада из лодок, а местами и вовсе плотов.

На моих глазах корабли стать брать вправо, приближаясь к берегу. А, следом, оба прижались к стене в месте перехода основной стены в более низкую, речную. Раздались команды, начали приставляться лестницы. Оценив глубину, которая там не была очень большой, ударили топоры, пробивая днище, стремясь затопить судно прямо под стеной.

Защитники, конечно, тоже не отдыхали, постоянно обстреливая нападающих из луков и

арбалетов. Тем не менее, благородные, уперевшись вёслами в грунт, закинули верёвки с крючьями, фиксируя корабли у стены. Поставили на корме две тяжёлые лестницы, по которым, невзирая на качку, быстро поползли закованные в броню враги.

Лестницы попытались откинуть, но не смогли, очень уж их под крутым углом поставили, весом придавливая к стене. А на выстрелы из луков закованным в сталь фигурам было наплевать. Всё происходило очень быстро. Пока подтащили рогатки, которыми, уперевшись в лестницы, попытались их скинуть, там уже столько народу на них висело, что под такой тяжестью это не вышло.

Кричал матом кто-то из людей Свена, призывая бить копьями, и, благодаря тому, что крепкий, закованный в доспех мужик смог встретить атакующих ударами своего меча, они не прорвались сразу, дав время ударить копьями остальным. Но вот на втором участке штурма, где подобное выполнил второй корабль, остановить их было некому, и аристократы прорвались, спрыгивая на стену.

До тех пор, пока среди них не рухнули, в длинном прыжке со стены, двести кило мышц, стали и скверны. Свистнул тесак, снося голову одному, хрустнуло колено следующего, третьему кромка щита раздробила челюсть. Смятые шлемы, отрубленные руки, ноги, головы и кровь полетели во все стороны.

Запрыгнув на парапет, я встретил благородных уже на лестнице. Несколько ударов расчистили место, а потом я перерубил брусья, метнувшись к следующей лестнице, оставив за собой падающую вниз знать. Меня встретил кто-то, разогнанный скверной, но я, не разбираясь, ускорился на мгновение до предела, отрубив голову, проломив его поднятую в парировании саблю и руку.

Несколько ударов, и эта лестница упала вниз, блокируя возможность дальнейшего штурма. Найдя взглядом тяжело отбивающихся соседей, прямо по стене пробежал к ним. По мне били лучники, но прекрасные латы справлялись. Десяток ударов по людям с лестницами, и прорыв был купирован и тут.

Но и враги смогли преподнести сюрприз: когда я наносил последний удар, меня что-то мягко подтолкнуло в спину, заставив сорваться вниз. Рухнув в воду на чьи-то трупы, я прыгнул, вдавливая в ил тело в доспехах и оказываясь на корабле. Сориентировался и рванул к тройке человек, от которых чуял движение маны.

Навстречу мне устремился поток огня, направляемый одним из них. Но я просто прикрыл лицо щитом, протаранив первого своим телом. Два удара, пара срубленных голов, хрустнувший под стальным сапогом череп сбитого ранее. Запах крови туманил разум, скверна посылала в голову ощущение мощи и ярость. Я не стал этому сопротивляться.

Взревев от обуревающего меня бешенства, бросился на остальных благородных. Тесак проламывал щиты, разрывал тела, конечности и металл. Я с наслаждением крушил врагов, чувствуя, как сознание затягивает пелена кровавого безумия.

Враги лезли через борта с лодок, а я всё рубил, пока, в какой-то момент, не понял, что враги, вместо того, чтобы лезть под мой меч, сами бросаются за борт, а новые не стремятся попасть на занятый мной корабль. Встряхнувшись, прогоняя кровавое безумие, огляделся вокруг.

Вся палуба была усеяна порубленными телами и залита кровью. Я брезгливо переступил разрубленного надвое человека в лёгкой кольчуге и, собрав скверну, запрыгнул обратно на стену. Возможно, требовалось повторить подобное на втором судне.

Но, нет. Там всё было хорошо. Сосредоточившись на одном-единственном корабле,

ополченцы завалили его стрелами, а потом кто-то притащил котёл с горящим дёгтем и вылил вниз. Крики начавших гореть людей были музыкой для моих ушей!

Раздался стук сработавшей катапульты, и со стены прилетел здоровенный камень, удачно пробив одну из лодок на реке по центру. Несколько воинов, оказавшись в воде, вцепились в вёсла, стараясь остаться на плаву под весом доспехов.

Ещё несколько попытались залезть с лодок, используя закинутые кошки с лестницами, но не получилось. С боков их активно обстреливали со специально выдвинутых участков стены, а сверху встретили ударами копий и дубин.

Тут мы пока отбились. Быстро забравшись на основную стену, я попытался оценить обстановку на всём поле битвы.

— Ну ты и монстр стал! — восхищённо воскликнул подошедший Свен, хлопнув меня по плечу. — Порубил их, как свиней на бойне!

Я еле удержал взметнувшуюся в ответном ударе руку. И северянин, отскочив от меня, быстро произнёс:

— Спокойно! Я не враг.

Я выдохнул и, убрав тесак, на котором появилось несколько зазубрин, в ножны, произнёс:

— Думай в следующий раз, пред тем, как руки тянуть, — кинув взгляд вниз, спросил: — Что с этим делать будем?

Благородные, пригнав десятки плотов, перекрыли ими место впадения рва в реку и сейчас активно отправляли плоты дальше, стремясь полностью заполнить рукотворную протоку плотами. Так, чтобы перебраться через ров впоследствии не составило труда. Более того, у реки это уже получилось, и они начали переправлять штурмовые лестницы к стене.

Выходило, правда, не очень. На таком склоне разместить их очень сложно, а сверху летели стрелы и камни. И даже если подобное выходило, то на моих глазах двое парней Свена специальными рогатками вытолкнули лестницу, обвалив её назад. Выстрелила катапульта, и на нападающих обрушился град камней.

Ударило вонью, когда поднесли и опрокинули чан с кипящим дерьмом, а потом и ещё один. Снизу раздались крики обожжённых людей, кого-то вырвало. На этом малоприятном моменте штурм захлебнулся. Противник стал отходить от стен, бросая лестницы и подбирая своих раненых с убитыми.

Тем не менее, переправу из плотов они оставили, даже сумев её расширить на десяток метров. Вот только это ничего им не дало. Отступив назад, я спрятался за стену, задумчиво спросив северянина:

— Как думаешь, когда теперь повторят?

— С воды? Сомневаюсь. Будут пытаться перекрывать ров, делать насыпь, и организуют осаду по всем правилам.

— И не будут штурмовать, пока не сделают это всё? — недоверчиво поднял бровь я.

— Обязательно будут. Но осторожно, когда появится очередная «прекрасная» идея, вроде штурма с воды, — усмехнулся Свен.

— У них почти получилось...

— Лишь потому, что их пытались остановить вчерашние крестьяне и плотники, — покачал головой он.

— Тебе лучше знать, — пожал плечами. — Я буду в мастерской, зовите, если что.

Скверны опять мало. Что ни говори, но я не могу обеспечить своим источником

достаточно энергии на полноценные ежедневные бои, при которых действую столь далеко за пределами человеческих возможностей. Так что в мастерской я начал разбирать всю ту химию, что у меня есть, вспоминая основную работу мастера, из книги которого я подсмотрел рецепт пороха.

Приготовление необходимого раствора кислоты заняло у меня времени до глубокой ночи, но, в итоге, я получил необходимый продукт. Высыпав в колбу серые невзрачные кристаллы, стал ждать эффекта, концентрируясь на своём ощущении энергии.

Прошло почти полчаса, прежде чем я почувствовал начало высвобождения маны. Размеренно дыша, стал впитывать эту энергию, ощущая, как скверна жадно набросилась на новое топливо.

Неудивительно, что взрывчатка тут оказалась не нужна. Даже если сейчас ту энергию, что я впитываю, переливать в накопители, можно неплохо так разбогатеть, Драконы купят всё, что есть. Для этой цели взрывчатка вредна, слишком быстро высвобождается сила, неравномерно, сразу кристаллизуясь обратно. А вот такой вот постепенный процесс...

Через пару часов распад кристаллов закончился, а я приобрёл запас силы, достаточный для хорошего боя. Зло оскалившись, закинул ещё немного кристаллов и, дождавшись их растворения, поднялся со своего места, слыша в голове навязчивый шёпот. Вышел наружу, закрыл мастерскую и пошёл к стене, с трудом сдерживая бушующую внутри жажду разрушения.

Один из людей Свена только собирался что-то сказать, когда я поднялся на стену. Но побледнел и замолк, едва стоило ему увидеть мои затянутые тьмой глаза. Я же окинул взглядом поле за стеной, откуда, невзирая на ночь, продолжали лететь стрелы. Оскалившись, перепрыгнул стену и, на выдохе, вбил ноги в крутой склон, отправляя своё тело в новый прыжок.

Следом, сорвался на бег, преодолевая за секунды расстояние до шатров богатой знати. Вломившись внутрь одного, успел увидеть лишь расширенные в шоке глаза, прежде чем грудная клетка аристократа с хрустом костей вмялась внутрь от прямого удара ногой. Свистнул тесак, обезглавливая парня на соседнем лежаке, даже не успевшего проснуться.

А я уже бежал к следующей палатке, уменьшая армию вторжения ещё на несколько человек. Полетели стрелы, но доспехи и щит справлялся. Противники выбегали из своих шатров уже сами, объединяясь в группы. Зря они, так их только удобнее убивать.

Вот я ворвался в отряд в два десятка человек, многие из которых в броне, да ещё и алхимию приняли. Быстрые и сильные удары превратили мой щит за несколько секунд боя в обрубки, и пришлось взять тесак двумя руками, вкладывая ещё больше энергии.

Огромный выплеск энергии и я сорвался с места, выставив меч. Удар в руки, и позади разваливаются на части двое бойцов. Ещё рывок, и вот я посреди отряда лучников разрубаю первого из них пополам. Убивал сначала глядя в глаза, а потом и в спины, когда они побежали.

Позади мелькнула тень, и, развернувшись я чудом успел отбить летящее мне в голову копьё. Ещё парирование атаки. На третьем отбиве разломаченное дерево не выдержало, и закованный в отличные доспехи враг отбросил кусок древка копья, а на меня обрушились удары тяжёлой саблей.

Очень быстро. Сильно. И сабля у него хорошая, крепкая. Парировав несколько ударов, я атаковал в ответ. Враг увернулся или отбил. А его с боков начали подпирать люди, все под зельями и в тяжёлой броне. Я стал отступать, не желая втягиваться в подобный бой.

Воспрянувшие духом благородные обрушили на меня град ударов копьями и стрелами. А их лидер пошёл вперёд, пластуя воздух своей саблей. Не получалось отбивать всё, и по броне стали всё чаще проходить тяжёлые удары. Сжавшись и закрывшись тесаком, я стал отступать ещё быстрее, пока мы опять не остались один на один, с их усиленным бойцом.

Я чувствовал открытый источник врага, его питаемое скверной бешенство. Он силён, быстр, хорошо работает с энергией. Но, к сожалению, это не просто скверна, это не просто усилитель... И чем дальше, тем чаще каждый удар аристократа стал сопровождаться полным бешенства полужвериным рычанием.

Я же, наоборот, вспоминал зал родной качалки, мягкий диван, мечты о новой машине, школу и друзей, стараясь держать себя в ясном сознании. Мне пришлось подождать совсем немного, когда он стал контролировать себя ещё хуже. А, следом, пропустив мимо дикий, размашистый удар, составил короткую программу движения и отдал приказ скверне.

Свистнула сталь, и на траву упала его отрубленная по локоть рука, до сих пор держащая саблю. Ещё удар, от которого он закрылся наручем, смял металл вместе с костью. Следующий вошёл ему в шею сверху по диагонали, сминая сталь, круша ключицу, ломая позвоночник и заставляя голову повиснуть на куске шеи.

Ударив труп в грудь ногой, я вырвал завязший с искорёженным металле нагрудника тесак. С наслаждением потянул энергию, чувствуя, как собранная врагом скверна нехотя втягивается моей аурой. Немного, нет у меня времени на остальное. Окинув взглядом строй напротив меня, оскалился и, развернувшись, побежал к городу, не забывая на бегу убивать не успевших уйти с пути лучников.

Ров, склон и прыжок наверх, ухватившись руками за парашют стены. Перевалившись на ту сторону, опустился на землю, тяжело дыша. Лишь спустя пару минут, оклемавшись достаточно, чтобы подняться на ноги, встал и выглянул наружу.

Вражеский лагерь гудел, как развороченный улей. Несколько шатров весело пылали, раздавались крики о помощи. Довольно близко к стене подошёл тот самый отряд усиленных зельями благородных в хороших доспехах. Лениво отбивая саблями стрелы, они стояли, смотря на осаждённый город и о чём то переговариваясь.

Я запрыгнул на стену и, протянув руку, поманил их ладонью, но в ответ услышал только полные ярости крики. В меня даже не особо и стреляли, зная бесполезность этого дела. И, само собой, никто из них не рискнул забраться на стену.

А за моей спиной раздавался искренний громкий хохот ополченцев. И я, усмехнувшись, вскинул вверх покрытый кровью тесак, знаменуя удачную вылазку.

Такой вот он — средневековый пиар.

Осада оказалась на удивление скучным делом: после первого штурма благородные затихли, и вот уже неделю вся война сводилась к эпизодическим ленивым перестрелкам. Горожане же, в основной своей массе, после дикого напряжения сил на строительстве укреплений и вовсе были рады началу осады, воспринимая её, как отдых.

В некоторых местах стены возводились крытые галереи, давая дополнительную защиту городу и ополченцам. В спокойном темпе проводились тренировки ополчения, обещая уже через несколько месяцев вполне боеспособную пехоту. Без какого-то там большого личного мастерства, но строить это не очень и нужно.

Вооружения нужно больше. Жители осаждённого города подняли и раздели всех утопленников и убитых врагов при штурме, так что сейчас в кузнях жарко: ремонтируется и перековываются броня, оружие. Но благодаря этому всё больше ополченцев стали щеголять доспехами и сжимать в руках копья, трофейные сабли и луки. Чем дольше затянется осада, чем больше трофеев, тем более грозной силой будет становиться ополчение.

И в чём прелесть нашей ситуации: благородные, скорее всего, не будут втягивать в боевую учёбу и вооружать ополчение со своей стороны. По всем их прикидкам, сил должно хватить и так. А если обучить армию из смердов, то, что с ней потом делать, с учётом настроений в обществе?

Вздыхнув, я отставил флакон с кислотой, который держал в руках. Очередная подзарядка маной прошла успешно, и пришло время наводить шороху в лагере противника. Если выйдет, конечно...

В воду мягко вошли вёсла, и дракар Свена вышел на гладь реки, устремляясь в сторону врагов. Сейчас они отнесли свой основной лагерь до бывшей лесополосы и активно окапывались, окружая его различными ловушками.

Я гордо усмехнулся: эта оборона предназначена для одного меня. Сложно ожидать вылазок из города, когда в стенах даже ворот нет. Но, впрочем, а зачем, когда есть река?

Корабль, между тем, поравнялся с их лагерем и стал брать ближе к берегу. После прошлой моей вылазки северянин отвёл меня в сторону и тихо, чтобы не слышал никто из ополченцев, но с душой, обматерил. Если убрать весь мат, то суть его претензий сводилась к тому, что если бы акция была спланирована, то можно было нанести противнику намного больший вред. Что мы и планировали попробовать сейчас.

Я вынул тесак из ножен и глубоко вдохнул, насыщая кровь кислородом, а после легко перемахнул через стену. Короткий полёт, удар ногами в землю и следующий прыжок, перепрыгивая ров. Тем временем, в подходящее к берегу судно устремились сотни стрел, миглом превращая щиты из досок, которыми был укрыт десант и гребцы, в ёжиков. Корабль ткнулся носом в берег, а я, наконец, добежал и влетел во вражеских лучников, рубя тесаком направо и налево.

Стрелки побежали, не желая умирать, и как раз в этот момент от наших ударил залп из луков и арбалетов, положив ещё полтора десятка человек. Я рванул за убегающими, убив ещё пять врагов и отогнав остальных дальше.

Этого времени хватило, чтобы с корабля на берег бросилось три десятка ополченцев, начавших прямо на месте раздевать трупы и добивать раненых, или утаскивать тела к кораблю, если быстро обчистить их не получалось. Я же, подхватив самые далеко лежащие

тела, потащил их к нашим.

Таким образом, за несколько минут мы приобрели отличные луки, доспехи, оружие. Я внимательно смотрел, как последние бойцы поднимаются на корабль, а следом отходят от берега. Добыча неплоха, подобные рейды стоит устраивать чаще.

Но моему задору быстро настал конец, когда от лагеря ко мне устремилось три фигуры. Сжав крепче тесак, я глубоко задышал, подготавливаясь к бою. Наклонился, ногой вкапываясь в почву, чтобы получить больше опоры. И когда первый из закованных в сталь и усиленных скверной бойцов оказался в нескольких метрах, мир мигнул.

И я осознал себя летящим в землю без тесака в руках. Перекатившись через голову, развернулся, бросив взгляд на цель атаки. Мой меч вошёл в нагрудный панцирь, смял, разорвал местами броню, и в этом месиве из крови и металла — застрял. Инерция же была так велика, что я не удержал оружие в руках.

И всё бы ничего, но двое его товарищей атаковали. Я сдвинулся назад, спасаясь от диагонального взмаха саблей, к сожалению, вышло слишком медленно, и по груди проскрежетал клинок, сминая доспех. Следом, мне в шею пришёл удар от другого благородного, и я был вынужден пригнуться, только чудом пропустив смерть над головой. Смялся наплечник от скользящего удара, прилетело ещё раз в грудь. Рванувшись вперёд, я, всё же, сумел выхватить саблю из рук первого убитого мной бойца, благоразумно не пытаюсь выдернуть из искорёженного месива свой тесак, и парировал следующий удар.

Только для того, чтобы тут же броситься в сторону от атаки второго врага. Но это просто привело к тому, что его сабля прошла по смятому наплечнику, наконец, окончательно тот оторвав. Сместившись в сторону, я впервые смог нанести собственный удар.

Через мгновение паровать атаку, ответить. Отступить.

Сознание не успевало за своими и чужими ударами. Меня, как и моих врагов, вело только чутьё и понимание боя. Я постоянно отступал, старался двигаться так, чтобы меня атаковал только один. Времени на то, чтобы вложить больше энергии в атаку, ускориться, не было. Враги начали звереть, усиливаясь скверной ещё больше.

Смялся второй наплечник, резанула сабля по бедру, высек искры клинок, отбитый наручем. Противники, несмотря на всю ярость, методично атаковали, не позволяя себе сорваться. Выбрав момент, я удачно атаковал, проломив броню на бедре одного из знатных. Аристократ немного замялся, оставив на несколько мгновений меня один на один со своим коллегой. Что позволило мне провести атаку по ноге его товарища.

Это удалось ещё лучше чем у его товарища, из развороченного бедра брызнула кровь. Воспрянув духом, я уже спокойнее встретил атаки мене раненого, быстро отступая назад. Но противник на ловушку не повёлся, и не позволил мне отвести его от второго аристократа.

Наоборот, получив ранения, они оба стали вести себя рациональней, прикрывая друг друга и перестав за мной гоняться. В какой-то момент я смог сделать несколько шагов назад, остановившись над трупом первого врага. Наступив на него ногой, левой рукой, всё же, вырвал свой собственный тесак.

Сердце бешено стучало в груди, я быстро и тяжело дышал, пытаюсь хоть немного прийти в себя. Перекинув оружие в правую руку, я замер, собирая скверну на ещё один рывок. Длинный шаг вперёд, рубящий удар, парирование и удар с большим вложением скверны. Такой, что я при всём желании и сам не смог бы его увидеть.

На землю упала сабля, а аристократ выпучил безумные глаза на вывернутый под

уклоном, смятый кусок металла на месте наруча. Мой удар не отрубил ему конечность, а просто смял сталь вместе с костями и плотью. Его товарищ взревел и бросился на меня, бешено рубя саблей.

Собравшись, я спокойно уклонялся и отводил удары, посматривая на второго, подобравшего свою саблю в левую руку и тоже бросившегося в бой. Но получалось у него с оружием в левой руке не очень, да и я опять начал игру в постоянное передвижение, максимально экономно, не совершая особых эскапад изматывая раненых противников.

Их хватило ещё почти на минуту. Но, перед этим, я, всё же, пропустил удар в грудь, окончательно вскрывший доспех, стёганку и рассёкший мне грудь. Шагнув назад, я вложил больше скверны в сильный боковой удар, смявший шлем и сломавший шею аристократу.

Оставшись один на один с последним, парировал несколько его ударов, удачно сумев зацепить раненую руку. Боец вскрикнул и отвлёкся на сильную боль, и через мгновение тесак срубил ему голову.

Я рухнул на колени, оперевшись руками о воткнутой в землю меч, пытаюсь хоть немного отдышаться. Перед глазами всё потемнело, сильно болело в груди. А тут ещё вражеские лучники, увидев, что я ослаблен боем и доспехи сильно повреждены, стали поливать меня ливнем стрел.

Протянув руку, я поднял перед собой труп, не обращая внимания на хлещущую в лицо кровь из обрубка шеи. И стал быстро отступать к берегу, прикрываясь телом в доспехах. Трава под ногами сменилась песком, а там и водой. Над головой в сторону вражеских лучников понеслись стрелы с корабля.

Это дало мне возможность отступить дальше и, закинув труп на борт, запрыгнуть и самому. Ударили вёсла, и драккар сдвинулся дальше от берега, унося нас домой. Обстрел продолжался, но за поднятыми деревянными щитами было достаточно безопасно, да и прекратился он быстро, стрелы как-никак, не бесплатные.

На моих глазах безголовое тело сноровисто освободили от доспехов с одеждой и выкинули за борт, а добычу кинули в небольшую грудку железа и тряпок. Скривившись от боли, я снял доспехи, стёганку и, промыв рану из фляги, приложил к груди свёрнутую рубашку. Рассечение в одном месте оказалось глубже, чем я думал, возможно, придётся наложить несколько швов.

— Значит, ты не так уж и непобедим, — бросив взгляд на рану, произнёс один из солдат, поддержанный сочувственными возгласами остальных.

Я поморщился, но отвечать не стал. У благородных достаточно ресурсов, чтобы получить бойцов, сравнимых со мной. Другой вопрос, что я лучше управляюсь со скверной, всё же, опыт, полученный на грани срыва и больших объёмов заразы, ничем не перебить. Они могут лучше фехтовать, но я просто быстрее и сильнее.

А вот то, как легко местная знать готова идти на смерть, меня удивило. В бою они сражаются до конца и не боятся играть со скверной, зная, что обрекают себя на потерю разума или смерть. Им ведь нужно максимально быстро достичь моего уровня силы, а это практически гарантированный срыв.

Всё это обещает впереди довольно много подобных схваток. Уничтожать усиленных бойцов обязательно нужно, иначе один отряд легко захватит место на стенах. А без меня остановить подобных противников можно только огнестрелом.

Пока я предавался невесёлым размышлениям, наш корабль пришвартовался, а бойцы начали разгружать железо и выбираться сами. Оглядев свои побитые латы, я попросил

одного из наёмников:

— Доставьте их к Войцеху.

Дождавшись подтверждающего кивка, неспешно направился на постоянный двор, провожаемый взглядами горожан. По-разному они на меня смотрели: одни с заботой, другие со страхом или надеждой, некоторые женщины и вовсе краснели. Но, тем не менее, спустя десяток минут я уже был в купальне, отдавшись на откуп женским рукам.

— Твою мать, больно же! — шипел я, наблюдая, как Элеонора ловко, демонстрируя сильно выросшие навыки, делает несколько стежков на живом мясе.

— Всё уже. Не можете вы, мужики, боль терпеть, — усмехнулась она, перевязывая мне грудь. — Тебя можно вообще не штопать, завтра уже швы снимать придётся.

— Так быстрее заживёт, — поморщился, когда девушка задела рану.

— Лучше скажи, как так вообще получилось? Кто смог тебя ранить?

— Я не один со скверной балуюсь, у них тоже нашлись люди без мозгов, — усмехнулся я.

— Эти воины остались живы? — с тревогой спросила принцесса, завязывая последний узел на бинтах.

— Мертвы. Больше не угрожают ни мне, ни городу, — отрицательно качнул головой я. — Не беспокойся.

— Отлично, на твоём примере неоднократно видела, что может подобный боец, — она поёжилась, и, критически осмотрев повязку, полюбопытствовала: — Думаешь, смогут много таких воинов выставить?

— Они попробуют. Но на этом пути их ждёт много неприятных сюрпризов. Повторить мою силу так просто не выйдет, — зло оскалился я.

— Надеюсь... — с долей сомнения протянула принцесса.

— Всё будет хорошо, — легко улыбнулся, осторожно вставая с табуретки, чтобы не потревожить раны. — У меня есть план.

— Главное, чтобы мне не пришлось тебя зашивать каждый день, — бледно улыбнулась в ответ она.

— Иногда приходится идти на жертвы, — пожал плечами. — Буду стараться, чтобы их приносил не я.

Легко сказать, что «у меня есть план». Особенно, когда от него только некоторые намёки, во многом зависящие от случайностей. Но, тем не менее, на следующее утро я отправился в мастерскую — требовалось изготовить много пороха. А уже к вечеру у меня состоялся разговор с городскими главами гильдий об отправке корабля на материк.

По их словам, выходило всё не очень радужно. По реке, скорее всего, пройти можно будет, но вот выход в море жёстко контролируется портовым городом. У них были мысли, как договориться с местными гильдиями, но, всё равно, план вилами на воде писан.

Выслушав толстого усача Витольда, я постучал пальцами по столу и поинтересовался:

— Люди там поддержат бунт?

Мужчины переглянулись, и Бартуш неуверенно ответил:

— Им легче всегда было, чем нам: море под боком, всегда можно было уехать. Да и много наёмников и людей с материка бывает, благородные лютуют поменьше...

— То есть — нет?

— Поддержат, если не будет другого выхода, — поморщился Витольд. — И если мы покажем способность держаться и побеждать знать.

— И оттянем на себя достаточно сил, которые они могут собрать, — добавил сухощавый портной.

Я лишь выругался про себя. Прямо говорить никто не хочет, но в порту нужно организовать мятеж, иначе никакой торговли нам не светит. К тому же, есть ещё один вопрос, который стоит уточнить в связи с этим, так что я негромко осведомился:

— Где мы будем закупать еду, если не пробьём морскую блокаду? И на какое время нам хватит того, что есть?

— Сто дней. Закупать планировали в деревнях выше и ниже по течению, мелкими партиями, дорого, — ответил мне усач.

— Это ведь не сработает, да? Не продадут нам еду? — устало спросил я.

— За очень большие деньги продадут и благородные, из тех, что беднее остальных, — усмехнулся Бартуш.

— Но вот денег, чтобы покупать так годами, у вас нет, — хмыкнул Свен.

— Нет, — согласился с ним Витольд.

— Значит, воюем. А там решим вопрос и с портом, — вынес для себя решение я. — Свен, подготовь ещё рейд послезавтра.

— Тебе мало ран? — поднял бровь северянин.

— У нас нет выбора, — сплюнул слова я.

На этом совещание и закончилось, а я вернулся в мастерскую к своему пороху. Утром следующего дня принцесса сняла швы, а к вечеру принесли поправленные доспехи и ещё сильнее потяжелевший тесак. После боя количество и глубина зазубрин на клинке Войцеху не понравилось, и оружие сделали ещё крепче.

В день рейда, прямо с утра, зарядил дождь. И Свен, глянув на небо, отложил рейд на ночь, планируя воспользоваться даруемой тучами темнотой. Так что стартовали мы в потёмках, пользуясь сильным попутным ветром, практически бесшумно вышли на реку и против течения пошли к вражескому лагерю. Направившись на ту сторону окружения, где мы ещё не были.

Пользуясь темнотой, получилось дойти, не вызвав тревогу, почти напротив лагеря. И хотя к берегу мы приставали уже под крики тревоги, это не помешало ополченцам высадиться, составить строй и пойти стеной щитов и копий на лагерь.

Я в это время уже бегал среди позиций знати в поисках активных источников скверны. Именно так мне удалось убить двоих самых сильных, ещё до того, как они успели надеть доспехи. А там уже лишь перемещаться по тылам, и вырезать тех, от кого чувствовал усиление осквернённой маной.

Тем временем, та часть знати, что не побежала, дала бой, в который я практически не вмешивался, позволяя воевать ополченцам и людям Свена. Им нужны свои победы, боевой опыт. Я же вырезал лучников, и через десять минут всё было кончено — вынужденные постоянно ожидать нападения со спины, благородные пали под ударами ополчения и наёмников. Следом, наши раненые и убитые были отнесены на корабль, а лагерь разграблен.

Когда противник смог стянуть достаточно войск, мы уже грузились на драккар, не став связываться с превосходящими силами. Рейд оказался удачен, хоть и стоил нам пятерых убитых и десятка раненых. Настолько удачен, что на следующую ночь мы его повторили. Тут уже всё вышло намного скромнее, противник ждал атаки, но зато без потерь.

Потом, ещё через день, выйдя утром, и ещё, и ещё. Незаметно я стал привыкать к подобной войне. Иногда получалось хорошо, а в один день огонь лучников был настолько

плотный, что мы даже не стали приставать к берегу. В другой день аристократы притащили стреломёты, но я вырвался на берег, сумев обеспечить высадку. И мы смогли их захватить, что потом бурно вечером отмечали.

Военные будни летели быстро, хоть и кроваво. А во сне я опять был вынужден сражаться с лесной ведьмой, которая медленно, но уверенно потрошила меня на знания. Оценила огнестрел, увязала с этим многое из того, что видела в моих воспоминаниях раньше, и очень хотела узнать больше.

Что получал я? Видения тех времён, когда ещё была по-настоящему активна магия. Картины атакующих огнём драконов, рвущих армии монстров, заклинаний, стирающих целые деревни. Армии орков, бескрайние леса эльфов, красивейшие подземные города гномов. И бесконечное буйство магии, силы и свободы.

Прежде всего, индивидуальной силы творить, разрушать, изобретать, не будучи скованным необходимостью привлекать сотни и тысячи человек для каждого чиха. Сильный маг, он может очень много, а слабых Фиона мне не показывала. Да и не обращали они на себя внимания богини магии почти никогда.

Просыпаясь утром, чувствовал, как накатывает тоска. И сложно было понять, моя ли это грусть или сожаление бывшей богини. Кто знает? Она по-прежнему собирала армию, но сейчас тратила больше сил на то, чтобы ломать мой разум по ночам, желая вытянуть больше, пока я не умер. В бою или просто от окончательно севшего сердца.

А с ним лучше не становилось, всё чаще я выходил из боя, оставляя противника на ополченцев, чтобы дать себе передышку. Потери росли, враг встречал нас на берегу, пару раз попытавшись встретить на реке. Там я впервые увидел, как полностью сорвался аристократ.

Скачком выросла сила, скорость, а в транслируемых скверной образах не осталось ничего, кроме ярости. Но при этом сам бой сложным не был. Отправив ему через скверну ложный образ атаки, я ускорился выше уровня своей реакции и отрубил ему сначала ногу, а потом и голову. Даже в полностью одуревшем от скверны виде, я всё равно сильнее обычного сорвавшегося.

Забавно вышло через неделю, когда мы вышли на очередной рейд. Только собирались пристать к берегу, а среди аристократов завязалась мясорубка и без нас. Потерял разум ещё один благородный, его попытались мягко остановить, и он в ответ устроил бойню. Монстра, в итоге, подняли на копыя, но десятка три он убить и ранить успел.

Рейд тогда вышел довольно успешный, не по убитым врагам — по добыче. Но с каждым днем проводить атаки становилось всё сложнее: знать окопалась. Никаких больше шатров, только основательные избы и землянки, окружённые укреплениями лагеря. Да и на берегах реки выкопали валы с вбитыми в них кольями и частоколом.

Четыре последних рейда превратились в штурм укреплений, и мы потеряли четыре десятка человек, из которых дюжину убитыми. А ведь в набеги ополчение ходит хорошо вооружённое и в тяжёлой броне. Даже лучше, чем у большинства благородных. У нас достаточно трофеев, чтобы вылазки были обеспечены по высшему классу.

Вот и сегодня, смотря, как на корабль заносят два закованных в сталь трупа наших, поморщился и, повернувшись к северянину, негромко сказал:

— Думаю, с вылазками пора заканчивать.

— Согласен! — пытаюсь отдышаться после боя, ответил Свен. — От них уже больше вреда, чем пользы.

— Именно, — кивнул я.

Пройдя на нос корабля, уселся на скамью возле расчёта трофейного стреломёта и стал спокойно глубоко дышать, направляя скверну в область опять начавшего колоть сердца. Устал: физически от постоянного недосыпания, но сильнее морально.

Больше месяца потратил на эти рейды, постоянно воюя и убивая людей. Я стал сражаться лучше, да и эффект есть для общей обстановки. Благодаря рейдам никакого штурма в ближайшее время явно не планируется. Им было всё это время не до города. Нагнали крестьян, построили укрепления, но штурмовать? Нет. Горожане же ещё сильнее укрепили стены, построили крытую галерею поверху, запасли наверху множество камней и прочих подарков атакующим.

Брать город в лоб сейчас безумие. И это не считая больше чем полусотни ружей и двух небольших пушек, которые, всё же, умудрились изготовить кузнецы. Пока в бою это не использовалось, желая приберечь секрет, только в тренировках стрелкового отряда. Но если в атаку массово пойдут усиленные скверной бойцы, их встретят пулями и картечью.

Да, аристократы согнали под стены множество народу. Осаждающих точно больше десяти тысяч. И это несмотря на то, что за этот месяц тысячи полторы мы точно убили. Плюс всё более частые случаи срывов, вынуждающие их прекратить баловаться со скверной, всё равно против меня не помогает.

Они настолько попрятались в укреплениях, что от нас начали проскакивать корабли за провиантом, и удалось отправить команду на разведку в порт. Наш город действительно готов к осаде, лучше тут я уже не сделаю. Так что, вечером, когда мы собрались на очередное совещание, я мягко поинтересовался у мужчин:

— Как вы считаете, теперь можно отправляться в порт? Мы показали достаточно силы?

— Вполне, — усмехнулся Витольд. — Они поддержат нас, особенно если мы отправим к ним несколько сотен наших бойцов. Мы очень хорошо себя показали, аристократы не хотят идти под стены.

— Их тут убивают, а дома крестьяне готовы бунтовать, куда тут воевать идти, — хмыкнул Свен.

Я едва заметно усмехнулся и негромко произнёс:

— Значит, время нести огонь революции дальше!

Заканчивай с ним, мы узнали всё, что можно, — брезгливо поморщился высокий брюнет, смотря на прибитого к дереву за руки и ноги старика.

— Сам не хочешь позабавиться? Твоего брата тоже убили, — ответил ему полноватый парень в шапке с павлиньими перьями.

— Забавляться будем, когда нагоним ублюдков, — сплюнул брюнет.

— Как знаешь, Ажинай, — хмыкнул его собеседник и, повернувшись к пленному, воскликнул: — Смотрите, попробую красиво исполнить!

Встав перед деревом, где на гвоздях висел изрезанный и обожжённый старик, положил руку на саблю. Через мгновение, в одно размытое от скорости движение, рванул с пояса клинок и отсёк голову, спустя секунду упавшую рядом в траву. Стряхнув кровь, аккуратно спрятал саблю в ножны и гордо усмехнулся своим товарищам.

— Ты как всегда твёрд рукой, — кивнул Ажинай. — Что делаем дальше, друзья?

— Отправляемся в Бродно, его они никак не минут, попробуем найти следы там, — высказался их третий товарищ с длинными, лежащими на плечах волосами.

— Значит, ищем красивую темноволосую аристократку и здорового мужика со шрамом на щеке? Должно быть заметно, найдём, — кивнул брюнет.

На том и решили. Оставив тело гнить на дереве, аристократы переночевали на постоялом дворе и выдвинулись в путь. Прекрасные кони и отдых в комфортных тавернах позволили им уже через четыре дня оказаться в предместьях Бродно.

Однако, к их неожиданности, на постоялом дворе оказалось не протолкнуться от благородных. Даже лошадей пришлось привязывать возле забора, так как у коновязи не было места. Переглянувшись, друзья вошли в гудящий, переполненный зал харчевни.

— Тихо! — гулким басом оповестил толстый аристократ в очень богатом кафтане, — Он готов рассказывать!

За столом сидел бледный парнишка лет тринадцати, в рваных штанах и рубаше, но с дорогим шёлковым поясом, показывающим его происхождение. Оглядев собравшихся, тот сделал глоток из кружки и заговорил:

— Я — Гучуд, второй сын Дайра из Бродно. Несколько дней назад мы собрались в доме у моего друга Бортэ посмотреть на казнь. Старшие говорили, что кузнец посмел поднять руку на высшего. И за это его собирались посадить на кол. А у Бортэ окна как раз на площадь выходят, можно посмотреть.

Ажинай только хмыкнул. Дети обеспечили себе просмотр развлечения в первом ряду и комфорте. Но подросток продолжал говорить:

— Всё было хорошо, они уже были готовы начинать. А потом чернь начала бунтовать, — он вздрогнул, вспомнив эту картину, и невпопад добавил: — Мне уже потом рассказали, что это ожидалось, и мы были хорошо готовы покарать низших. Но всё пошло совсем не так...

Выпив воды, он обвёл глазами зрителей и, сморщившись, продолжил, выдавая уже немалую практику в рассказе этой истории:

— Чернь успешно резали. Скот ничего не мог сделать, а потом появился он... Чудовище. Монстр. Он резал и убивал высших десятками и сотнями. Я видел, как он отрубил голову лошади одним ударом, и им же убил всадника за ней!

— Ничего сложного под алхимией и с крепкой саблей! — громко высказался один из зрителей.

На него зашикали, прося помолчать, а толстый богач кивнул парнишке веля говорить дальше. Тот кивнул и продолжил речь:

— Он убил всех, кого послали. А потом я увидел, как монстр запрыгнул на крышу соседнего дома и убил лучников. Мама Бортэ велела нам всем бежать домой. Она и её брат охраняли нас по пути.

Парень сморщился и потёр глаза, скрывая слёзы.

— Их убили по дороге — подняли на вилы. Они своими жизнями дали нам возможность успеть добежать до квартала.

— А что потом? Вы собрались и утопили скот в крови? — нетерпеливо выкрикнул с места другой.

— Нас бы тут не было, если бы оказалось так, — осалил его толстый богачей.

— Несколько дней всё было тихо, — говорил, тем временем, парень, — а потом чернь пошла на штурм квартала. Я не видел ничего, матушка одела меня и сестру в то, что вы видите на мне. Сунула за пазуху пояс и велела бежать к реке, брать лодку и плыть как можно дальше от города.

— А где сестра? — спросило сразу несколько голосов.

Вот тут парень не выдержал и с выступившими слезами на глазах воскликнул:

— Убили её! Когда мы уже были на реке, стали стрелять из луков. В меня не попали, а ей в грудь и голову! — на этом парнишка громко, совсем по-детски разревелся.

— А потом богато украшенную лодку остановили возле деревни и нашли там его, обнимающего труп сестры и махающего поясом, — тяжёлым тоном оповестил собравшихся благородных богач.

— Не было ли при этом «монстре» темноволосой девушки? Аристократки? — на всякий случай громко спросил у паренька и собравшихся аристократов Ажинай. На удивление, тот смахнул слёзы и ответил:

— Старшие говорили, была. Они схватили кого-то из скота, запытали. Говорят, что появилась у них какая-то принцесса. Как выглядит не говорили.

— Это не могут быть они, — негромко произнёс полный друг брюнета. — Тут всё началось несколько дней назад, они не могли нас опередить настолько!

Но получилось это у него не настолько тихо, и сидевший недалеко над блюдом с мясом всадник услышал. И тут же живо поинтересовался:

— Вы из Вышгорода?

— Да, Ажинай сын Мунха, — представился брюнет. — Вы что-то знаете?

— Не много. Я возвращался с материка, и мы попали в сильный шторм уже практически на подходе к порту. После этого у нас на судне появилось двое: красивая девушка, совсем срамно одетая, и здоровяк, такой же босяк. Из особо приметного: у него был шрам на щеке и мышцы. Я подобного никогда в жизни не видел, в ширину он, как два меня! Да был дурацкий слух, что он, дескать, по воде бежал, когда в шторм попал.

Вокруг раздались ироничные возгласы и смешки, а вот богатый толстяк нахмурился и, повернувшись к Ажинаю, спросил:

— Зачем вы их ищите?

— Он убил моего брата в трактире Вышгорода, — сплюнул слова брюнет. — Мы нашли того, кто подвозил их после побега, разговорили, и вот мы тут.

— Судя по всему, вы их нашли, — усмехнулся толстяк и громко проговорил для всех собравшихся: — Насчёт бега по воде не знаю, не пробовал. Но то, что, возможно, перед нами чрезвычайно усиленный боец, мы должны учитывать.

— А что с городом? — спросил брюнет.

— Город готовится к осаде, роют ров и поднимают стены, — ответил ему один из благородных.

— Так давайте нападём! Чего ждём?

Восклицание друга Ажиная поддержал довольный гул собравшихся голосов. На что богач покачал головой и произнёс:

— Нас пока слишком мало. Но все, кто желает, можете нападать на них хоть сейчас. Мешайте им, убивайте чернь, не давайте работать!

— А что с расположением? Тут мы все не разместимся, — обвёл рукой трактир один из слушателей.

— Соседняя деревня в вашем распоряжении. Пользуйтесь, — равнодушно отмахнулся толстяк.

Народ загудел и потянулся на выход, желая как можно быстрее отправиться в деревню и занять лучшие дома. Однако им помешал возглас, раздавшийся от высокого краснощёкого парня в ярко-красном камзоле:

— Позвольте, это наша деревня, мы не давали своего разрешения! Вы же там всё попортите!

Его поддержало несколько других мужчин: встав рядом. Гордо вскинув подбородки, они положили ладони на сабли, демонстрируя, что их с места так просто не подвинуть.

— Войску нужно где-то жить, пока оно собирается, — как-то устало произнёс богач, оглядев местных.

— И что? Это наша земля, нам тут потом жить... — равнодушно ответили ему. — Собирайтесь в другом месте. Общего сбора высших не было, Император войну не объявлял. Мы в своём праве.

— Сколько вы хотите? — сплюнул на пол толстяк, брезгливо смотря на деревенских благородных.

— Тысячу золотых, — переглянувшись с остальными, назвал сумму краснощёкий.

Народ вокруг возмущённо загудел, а местные набычились, яростно смотря по сторонам.

— Вот ублюдки... — выдохнул полноватый товарищ Ажиная и, оглядев друзей, громко произнёс:

— Эй, кабан, я слышал, что ты скот трахаешь? И папка тебя сделал не от женщины? Что-то ты очень на низших похож. Может, хрюкнешь ещё что-нибудь, чтобы мы точно уверились в этом?

Местный покраснел от ярости, выхватывая наполовину саблю из ножен, и двинулся на обидчика.

— Тургэн, ты уверен? — тихо спросил их третий друг, отбросив назад длинные волосы и положив руку на свою саблю.

— Справлюсь, не впервой, — оскалился тот.

— Бои будет на улице, — прервал начавшуюся ссору всё тот же богач.

Краснощёкий бросил на него бешеный взгляд, но вышел наружу, где быстро образовался круг из зрителей.

Выглядящий довольно безобидно, полноватый Тургэн снял шапку и вышел в круг, мягко

поглаживая рукоять сабли на поясе. Правда, встав напротив соперника, он оказался на полторы головы ниже его, что вызвало насмешки друзей местного поединщика.

Изображая неуверенность, он стал потихоньку подходить к презрительно смотрящему на него сверху вниз парню, крутнувшему саблю, разминая кисть. Сделав шаг вперёд, обладатель красного кафтана обрушил диагональный удар на противника.

Вот только он не попал, а присевший в очень низкую стойку Тургэн рванул саблю из ножен, нанося свой любимый удар. Сделав пару быстрых шагов вперёд, он развернулся, бросив взгляд на противника.

Тот с шоком смотрел вниз. Клинок рассёк ему грудь до кости, кажется, сломав пару рёбер, и прошёл дальше, срезая кусок плоти с торса. Выглядела рана страшно, и, вместо того, чтобы продолжить атаку, боец стоял и смотрел на текущую кровь.

Но отойти от шока ему никто не дал: невысокий поединщик легко шагнул обратно, и отсечённая голова покатила по земле.

Вытерев кровь с клинка, Тургэн нашёл взглядом ещё одного местного, но не успел оскорбить и его, как раздался другой голос:

— Эй, ты, ребёнок свиньи, подотри слюни с рубахи!

Ещё один местный оглянулся и, тяжело вздохнув, потащил саблю из ножен, выходя в круг.

Тут бой вышел почти равный, хотя, в итоге, закончился также. Ажинай хлопнул друга по плечу, воскликнув:

— Красиво! Как всегда!

— Он был туп. Ничего сложного, — отмахнулся, тем не менее, польщённо усмехнувшись.

В круг, тем временем, вышел третий местный. Он победил. Вот только его товарищ наконец, поняв, к чему всё идет, растворился в толпе, провожаемый оскорблениями. А самому победителю тут же бросили новый вызов. Через минуту в пыль упала ещё одна голова.

К друзьям подошел крепкий парень из свиты богача и негромко произнёс:

— Оставайтесь тут, комнаты вам найдутся.

— Не зря ты дрался, — задумчиво бросил другу Ажинай, когда человек богача отошёл.

— Нам больше не придётся думать, где остановиться. Как удачно сложилось... — фыркнул Тургэн, стирая свежую кровь с сабли платком убитого им.

Благодаря поединку друзья смогли отдохнуть с дороги в трактире, и на следующее утро на лошадях выдвинулись к городу. Правда, уже на подходе к небольшой роще им встретилась компания всадников, сразу же предостерёгших новичков:

— В лес на лошадях не суйтесь, везде ловушки.

Поблагодарив, друзья переглянулись и стали надевать тетиву на луки. В сотне шагов перед ними виднелись щиты из досок, повторяющиеся через каждые несколько десятков шагов вправо и влево.

— В таком духе везде? — спросил брюнет, показав на щиты, за которыми укрылись вражеские стрелки.

— Да. Стреляют плохо, но их много. Начнём атаковать, ещё больше подтянется, телами завалят.

— Значит, будем убивать по одному, — кивнул в ответ длинноволосый мститель из Вышгорода.

Так они и проводили дни, беспокоя стрелами охрану, зачастую, весьма удачно. Подходили подкрепления благородных, всё чаще удавалось полностью уничтожить чернь в охране и совершить рейд до работников, убивая строителей.

Потихоньку среди высших поползли слухи о непобедимом войне, убивающем всех, кого видит. Но троице друзей никак не получалось увидеть врага в работе, вплоть до того дня, когда они начали сжимать кольцо вокруг города.

— Ох же мать... — присвистнул Тургэн показав на соседний холм.

Там, у них на глазах, погибал отряд лучников. Фигура в полном доспехе, сейчас залитом кровью сверху донизу, за несколько ударов сердца порубила на части десяток человек и быстро бросилась на следующий отряд.

— Отходим, парни, иначе мы следующие, — бросил Ажинай, со страхом смотря на учиняемую бойню.

Однако отходить не пришлось, мимо быстро пронеслись несколько закованных в полную броню благородных и набросились на врага. Не помогло. Через полминуты их трупы упали на землю, а фигура обвела взглядом поле боя и понеслась в другую сторону, где ополченцам приходилось хуже.

— И как мы должны с этим драться? Как мстить? — тихо спросил друзей брюнет. — Это же и не человек уже.

— Непобедимых нет. Рано или поздно кто-то примет больше алхимии и убьёт его, — сплюнул его длинноволосый друг.

Сжимая зубы от бессильной злости, они и смотрели, как прикрываемая одним монстром, бешено носящимся по всему фронту, чернь спокойно поднялась на стены. А в ров вокруг города хлынула вода, знаменуя собой начало осады.

В дурном настроении друзья в тот день вернулись на постоялый двор и напились, пытаясь заглушить собственные сомнения. Такого они не ожидали и не хотели. Вместо карательной акции парни уверенно втягивались в настоящую войну.

Дальше был штурм с воды. Воинам из Вышгорода повезло, они были в дальней лодке и не пострадали. Но при этом видели битву во всех подробностях: Как всё та же фигура устроила бойню на стене и корабле, полностью сорвав самый главный этап штурма. В этот день они напились опять.

Утром, стоило Ажинаю с гудящей после вчерашней попойки головой спуститься в общий зал, он увидел всё того же толстяка, перед которым кричал мужчина в полном доспехе:

— Он просто пришёл ночью и убил. Как с этим воевать? Сколько ни пей эликсиров, всё равно ублюдок сильнее! У меня парни скоро срывать начнут!

— Вы гвардия, это ваша работа, — тяжело вздохнул толстяк. — Он же как-то не срывается? Значит, ищите способ, как ему это удалось.

— Ай! С тобой бесполезно говорить, — сплюнул гвардеец и, резко развернувшись, взмахнув при этом плащом, вышел наружу.

— Столько проблем всего от одного бойца... — протянул толстяк, смотря ему вслед.

— Господин Тендзин, может, он в чём-то прав? Я был вчера под стенами, мы не можем остановить этого монстра.

— Остановим, в конце концов, это всего один человек. Как только они начнут голодать, подкупим прислугу и отравим, дай только время, — отмахнулся богач. — Уж чего, а времени у нас много. Не бывает городов, способных держаться посреди враждебной страны. Мы

победим, достаточно просто не бросать осаду.

— Думаете? — спросил парень, с надеждой подняв глаза на старшего аристократа.

— Не сомневайся. Бейся спокойно!

— Спасибо, — поклонился Ажинай.

И они бились. Хоть часто больше лопатой, чем луком или саблей, но выбора не было. Вылазки осаждённых происходили раз в несколько дней, они строили укрепления, а гвардия упивалась зельями, всё чаще и чаще отгоняя демона от остальных. Да, они платили за это своими жизнями, но удалось начать снижать потери среди обычных бойцов.

Укрепления, усиленные скверной воины, всё работало. Вот и сейчас их троица замерла на башне, обстреливая отходящий от частокола отряд. А перед воротами демон дрался с двумя гвардейцами.

— Удивительно! — завистливо воскликнул Тургэн. — Я не вижу их движений.

И это действительно так. Поднималась пыль, летели искры от столкновения металла, но понять в смазанных от скорости перемещениях ничего не получалось.

По крайней мере до того момента, пока из вихря не вылетело безголовое тело. Вдогонку за ним, явно спасая свою жизнь, выпрыгнул гвардеец в помятом шлеме. Перемахнув ворота одним прыжком, он замер, упервшись одной рукой в землю.

Демон его не преследовал, отступив назад и смешавшись со своим отрядом.

— Отходят!

Ажинай бросил взгляд на кричащего друга и перевёл его на гвардейца. Тот, скинув мятый шлем, тихо рычал, поднял на них затянутые тьмой глаза, в которых не было видно разума. Брюнет рефлекторно сделал шаг назад, опасаясь гвардейца.

Именно это его и спасло, когда, вскинув кверху голову, усиленный скверной боец, срывая связки, зарычал. А следом прыгнул к ним на башню. Хаган только начал поворчиваться к нему, взметнув длинные волосы, которыми он так гордится, невзирая на насмешки друзей, когда тяжёлая сабля сорвавшегося развалила его на две части, несмотря на неплохой панцирь.

Правая часть отлетела в Ажинай, заставив шагнуть назад и, оступившись, рухнуть с башни, увидев напоследок, как следующий удар вскрывает грудь Тургэна. Упал юноша плохо — на брёвна коновязи. Вспыхнуло болью в левой ноге, в рёбрах, а после приложило головой об землю.

Только немного оклемавшись, воин смог оценить бойню, что устраивал гвардеец. С ним никто не сражался, все старались спрятаться, сделать так, чтобы ему было лень ими заниматься. Прямо на глазах у шокированного высшего сорвавшийся вскрыл горло бойцу и, сделав пару жадных глотков, побежал дальше.

Пить, видимо, хотел, и в кровавом угаре не разбирая, что именно. А может и специально, кто знает этот искажённый разум? Брюнет застыл и не шевелился, боясь привлечь внимание. Даже в тот момент, когда бывший гвардеец ворвался в большую избу, где отдыхало две дюжины бойцов, и появился наружу через минуту, измазанный в крови сверху донизу. Остановился, повёл носом и метнулся в другой дом.

Шум короткого боя, а потом он вышел наружу и, разогнавшись, перепрыгнул через стену, в поисках лучшей добычи. Ажинай только выдохнул, поняв, что смерть сегодня прошла мимо.

Как он узнал после, ослабевшего от траты силы безумца добила тройкой гвардии. Сам же парень через два дня уже ехал на телеге в Вышгород, вместе ещё с несколькими

ранеными. Сломанная нога, рука и рёбра не давали ему возможности продолжить воевать. Дорогая алхимия вся уходила на гвардейцев, способных хоть как-то сдерживать демона.

Парень был рад. Возвращаться под стены Бродно он больше не хотел. Месть за брата? Ради этого он уже потерял друзей, выкинуть ещё и свою жизнь? Кому от этого станет лучше? Всё, что хотелось молодому аристократу — это оказаться дома, обнять мать, сестёр и, наконец, расслабиться. Победят и без него.

Родной город встретил раненого воина запахом моря, тёплыми объятиями причитающей матери, криками сестёр и рукопожатием отца. И вдоволь навоевавшийся парень расслабился, позволяя выпитому зелью быстрее восстановить организм.

Он отдыхал. Правда, в отличие от времени до войны, больше с книгой в руках или разговорами с отцом о хозяйстве и политике, чем на весёлых пьянках с друзьями. Единственный раз он позволил себе напиться, лишь когда рассказал родичам мёртвых друзей о судьбе их сыновей.

Купил себе полную броню и набор боевой алхимии. На это его сподвиг один с диалог с отцом, когда они сидели вечером возле камина с вином в руках. Тогда он спросил старшего родича:

— Как думаешь, на что надеются бунтовщики? Одни, в осажденном городе, на острове, где никто не сможет им помочь.

— Не знаю, — отрицательно покачал головой тот. — На помощь извне?

— Так ведь неоткуда ей появиться. На реке только деревни и Вышгород, а мы не пропустим к ним наёмников. Да и даже если они пройдут, на сколько людей им хватит денег и на какой срок?

— А с чего ты взял, что они на что-то надеются, сын? Весь их выбор — это умереть в бою или просто умереть. Чернь загнана в угол, а в такой обстановке даже крысы будут сопротивляться. Всё правильно делают наши, полгода или год осады — и они начнутдохнуть от голода.

— Вроде всё верно... — с сомнением протянул парень. — Но не похожи они на тех, кто уверен в собственной гибели: слишком рационально сражаются. Добывают снаряжение, пропускают через бои максимальное количество народу. Как будто к чему-то готовятся.

— Единственное, что они могут — это атаковать нас, в попытке обеспечить себе выход к морю, — предположил отец и, усмехнувшись, добавил: — Пусть попробуют, очень смешно выйдет.

— Смешно тут никому не будет, отец. Особенно, если они бросят против нас свою тварь скверны.

— Да перестань, — отмахнулся мужчина. — Мы можем выставить тысячу воинов сходу, без подготовки. А если дать время собраться, то и намного больше.

— Ты не видел, как это бывает, — только и покачал головой сын.

Они ещё поспорили в тот вечер, но, в итоге, парень купил себе новый доспех. И потихоньку начал тренировки, сбросив налёт благодати и покоя.

Первым звоночком стало прибытие в город большой ватаги орков. Три с лишним сотни здоровых, обвешанных оружием клыкастых мужиков. Официально они остановились на отдых, пополнение припасов и ремонт кораблей.

Прогуливаясь по улицам, слишком часто Ажинай стал ловить на себе полные ненависти взгляды. Чернь вдохновилась примером Бродно, и уже пропало несколько высших. Пьяные одиночки выходили из таверн и больше их никто не видел. Стража искала, но как-то лениво,

что само по себе было показательно, раньше в подобном случае перевернули бы весь город.

Пару дней парень провёл как на иголках, заставляя укреплять имение, проверять ставни и засовы, старался не отпускать никуда мать и сестёр одних. Но в тот момент, когда забил тревожный колокол, неожиданно для себя полностью успокоился.

Неспешно надел доспехи, опоясался саблей и колчаном, натянул тетиву на лук, подхватил мешочек с зельями и вышел во двор. Суетились отец и мать, с любопытством по сторонам смотрели младшие сёстры.

— Что слышно? — спросил юноша отца.

— Прискакали всадники, говорят от Бродно к нам идут два корабля.

— Схожу, посмотрю, — кивнул воин и, неспешно ступая, отправился к реке.

Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как поднимается цепь на реке, перекрывая путь паре судов. Начался обстрел лучниками, стали разноситься команды, заскрипела поворачиваемая катапульта. Но слишком долго, и корабли, игнорируя обстрел, приняли вправо, подходя к берегу.

Следом, с первого корабля в высоком прыжке взвилась фигура в знакомом доспехе, обрушившись на берег. И тут же метнулась в сторону катапульти, убивая всех встреченных по пути. Несколько десятков человек не смогли остановить монстра, как и обслуга катапульти.

Оглянувшись вокруг, молодой аристократ бросился в сторону кораблей, крича по пути:

— Не дайте им высадиться! Всеми мёртвыми богами заклинаю!

Его услышали. Правда, к сожалению, с обеих сторон, и сразу три стрелы отскочили от доспехов. Бросившись в сторону, он спрятался за колодезцем и стал посылать стрелы в заскрипевшие днищем по песку корабли. Собравшиеся на берегу аристократы составляли строй щитов, копий и мечей, готовясь встречать незваных гостей.

Может это малодушно, но Ажинай, несмотря на хорошие доспехи, лезть в строй не планировал. Слишком часто он уже видел, что бывает с такими плотными построениями, когда атакует тварь скверны.

К несчастью для защитников, так вышло и тут. Бессильно осела катапульта с перерезанными канатами, а в тыл строю влетел этот ублюдок. Отдельных ударов было не видно, только эффект в виде льющейся рекой крови, смятых разорванных тел и отрубленных конечностей. За минуту набережная оказалась завалена полусотней тел. Не выдержав подобного опустошения, благородные дрогнули, отступая.

Их место на берегу заняло полторы сотни бойцов. Печатая шаг, тесным строем, под прикрытием своих лучников и щитов, выдвинувшихся в город.

Сам же юноша бросился домой, желая опередить наступающих. Ворвался во двор, тяжело дыша, и, найдя взглядом отца, щеголявшего неплохим панцирем, шлемом и саблей в руках, крикнул:

— Хватай мать с сёстрами и уходим в порт! Они скоро будут тут!

— Тут сотни бойцов! Справимся! — уверенно ответил тот.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, дурак! — сорвался на крик сын. — Он убьёт их тут так же, как порубил всех наших лучших воинов там.

Сплюнув, побежал в дом. Где, не слушая крики матери и отца, забежал в кабинет и, рухнув на пол, ударом латной перчатки вскрыл тайник с деньгами. Схватив мешок с монетами, вломился в комнату к сёстрам, воскликнув:

— Мы уходим!

Не слушая возражений, не давая время на сборы, взял за руки и потащил на выход.

Мать за его спиной спорила с отцом, но, в итоге, со словами: “Он там был, он лучше знает!” — забрала у Ажиная девочек и побежала за ним, оставив мужчину на подворье одного в компании попрятавшихся слуг.

Юноша только порадовался, делая крюк по улицам к порту.

— Почему не напрямик? — быстро спросила его мать.

— Орки. Не доверяю.

В городе раздавались крики, где-то уже поднимался дым. Но юноша прорвался в порт, где, заметив большой торговый корабль, быстро повёл семейство к нему.

Места были. Капитан засыпал его вопросами о ситуации в городе. Однако, услышав про бунт и корабли из Бродно, нахмурился и стал отдавать приказы, веля отчаливать от пристани. Он явно что-то знал, судя по скорости реакции.

— А как же муж... — потеряно протянула мать, смотря на берег.

Ажинай посмотрел на мать, на сестёр, бросил взгляд на сходни и не мог принять решение. Сбежать вместе с женщинами — трусость. Правильная, логичная, но трусость. Монстр не сможет в одиночку победить всех. Да и бросать отца нельзя. Но и женщинам без мужского пригляда будет очень тяжело...

Точку в его размышлениях поставила самая младшая сестра. Подёргав его за ремешок доспеха, она подняла на него свои огромные серые глаза и недоумённо спросила:

— Братик, а где папа?

И все правильные мысли вымело из головы. Выдохнув, он тихо сказал сестре:

— Я вытащу его. Экономьте деньги. Мы вас найдём! — быстро поцеловав ничего не понимающих сестёр, обняв плачущую мать, он развернулся и пробежал по сходням на берег.

В последний раз оглянувшись на родню, юноша, матерясь про себя, побежал домой. Звуки боя раздавались по всему городу. Он мельком увидел, как десяток орков убивает троих высших, но останавливаться не стал. Тут ничем не помочь, только бесславно умереть.

Только где-то по краю сознания пробежала мысль, что он совершенно правильно опасался этих наёмников, не просто так они оказались в городе.

С проходом к дому возникли сложности: в парке, отделяющим их квартал от низшего города, кипел бой. Оценив обстановку, Ажинай послал стрелу в открытую шею орка, порадовавшись удачному попаданию, и, сделав ещё несколько выстрелов, оказался среди отряда лучников, занявших крышу одного из домов.

Демона видно не было, так что битва проходила более-менее предсказуемо. Для него качество доспехов отряда из осаждённого города сюрпризом не стало, в отличие от других стрелков.

— Да твою мать, откуда у черни деньги на такую броню? — выругался лучник рядом, чья стрела в очередной раз отскочила от вражеских доспехов.

— Сняли с наших трупов под Бродно, — сумрачно ответил ему юноша и посоветовал: — Бей орков, они проще.

Сам, отправив несколько стрел, ранил ещё одного. Звонко отскочила от нагрудника арбалетная стрела, а снизу слышались крики. Лучники оркам не понравились, начали штурмовать их дом. Понадеявшись на парней внизу, Ажинай продолжал стрелять.

В бою среди орков выделялась рослая фигура в хорошей броне, уверенно крушащая строй высших. Обитатель степей явно был под алхимией, судя по силе ударов, что он раздавал своим мечом. Против него выдвинулись усиленные бойцы, и с той стороны

ситуацию удалось остановить.

Силы были примерно равны, но к благородным потихоньку со всего города стягивались подкрепления. Люди бежали с семьями, спасаясь от охватившей улицу кровавой вакханалии. Все мужчины становились в строй, и даже многие женщины стреляли из луков у них за спинами, после того, как их дети оказывались в безопасности.

Наступление черни завязло. Даже наёмники им не помогли, не дали они необходимого численного перевеса. В груди юноши затеплилась надежда, что уж в этот раз у них всё получится. Будет честный бой, в котором они, наконец, покажут своё превосходство и выучку.

И тем больнее было увидеть, как с дальней крыши в толпу защитников прыгнула залитая кровью фигура с тесаком в руке. Взлетела высоко в воздух чья-то отрубленная голова, и благородные стали быстро умирать. Пятеро. Десяток. Два десятка. Ублюдок торопился, оставляя за собой много кричащих от боли раненых. Но свою роль тарана он сыграл. А когда прорвался сквозь ряды в тыл, Ажинаю уже всё стало ясно.

На глаза навернулись слёзы бессильной ярости. Сейчас бы гвардейцев, накачанных скверной до упора, они хоть немного могли его сдерживать. Но без них? Битва медленно, но верно, превращалась в резню. Внизу в занятом доме шум боя стал раздаваться всё ближе. Пальцы юноши поскребли пустой колчан. Поморщившись, он взялся за мешочек с алхимией.

Сила. Заживление ран. И редкое снадобье на органы чувств и координацию. Один за другим, он открывал флаконы и глотал. Зашумело в голове, а мир вокруг стал немного замедляться. Методично он снял и упаковал тетиву, закинул лук в налуч и повесил за спину.

Вытащил из ножен саблю и подошёл к лестнице вниз. Прошёл один пролёт, вышел в коридор. Два человека и один орк, прикрылись щитами и, работая копьями и ятаганом, медленно двигались по коридору, отгоняя перед собой двоих благородных с саблями.

Несколько шагов, парирование копья, бросок вперёд и укол над щитом в лицо. Мёртвое тело отлетело назад, а по доспехам звякнул удар копья, но безобидно. Рубящий удар смял стальной горжет и рассёк горло. Парировать ятаган.

По оскалившему клыки наёмнику прилетело от товарищей, и он был вынужден отвлечься. Удар по ноге, подрубая колено, и колющий в открытый в крике рот. Оглянувшись назад, парень увидел, как с крыши спускаются трое лучников, доставая сабли. Так их стало шестеро. Ажинай подобрал тяжёлый щит, и они пошли на прорыв из дома.

Ещё четверо врагов в холле проблемой не стали. Но как только они вышли во двор, им пришлось пробиваться сквозь врагов. Щит принимал удары, а рука, усиленная скверной, разила врагов. Сминая металл доспехов, прорубая щиты. Колющий удар, и вот они оказались посреди своих, пробившись сквозь вражеский строй.

Юноша, выбрав момент, огляделся вокруг и громко, срывая горло крикнул:

— Все отходим в квартал!

Как ни странно, его послушались, и его крик понёсся дальше, транслируемый десятками голосов. Людская масса начала сдвигаться назад. А сам молодой аристократ прикрывал соседей своими доспехами, щитом и атаковал. Только с радостью в один момент заметив, что рядом оказался отец, колющим ударом вогнавший саблю в шею орка.

— Ты был прав, сын! Спасибо, что вернулся. Горжусь тобой, — произнёс мужчина между атаками и парированием.

Ажинай собрался ответить, но его отец, бросив взгляд налево, через мгновение рванулся на юношу сбоку, отбрасывая в сторону. Спустя пару ударов сердца, тесак ублюдка скверны

прорубил и смял кольчугу, разрывая плоть и ломая рёбра. Отлетевший в сторону мужчина умер ещё до того, как упал на мостовую.

Молодой аристократ только и успел, что подставить щит под следующий удар. Окованные металлом доски разлетелись трухой, а лезвие продолжало свой путь, сминая наруч, дробя кость руки, а следом металл наплечника и нагрудник.

Ажиная бросило вниз, руку и плечо стегануло болью. Чудовище над ним стальным вихрем прошлось по их отряду, оставляя после себя мёртвых и раненых, да ушло дальше. Юноша же остался лежать на земле, смотря на мёртвое тело отца.

В голове было полностью пусто. Лишь через несколько секунд он понял для себя одно: защищать в этом городе ему больше некого. Тем временем, наступая парню на ноги, прошла вражеская пехота, тесня остатки обороняющихся. Они оставили его за спиной, благодаря искорёженному, залитому кровью доспеху, посчитав мёртвым. Дальше тянуть нельзя.

Вскинувшись с брусчатки, юноша бросился бежать. Не разбирая дороги, во всю даруемую скверной силу, он стрелой пролетел охваченный хаосом город и взлетел на кусок ремонтируемой городской стены, спрыгнув с неё на поле.

Он плохо помнил дальнейшее. Сколько-то он ещё пробежал, потом просто шёл, пока не оказался в одной из небольших деревенок, снабжающих город. Выбрав большой дом с шёлковыми занавесками на окнах, он вломился внутрь, с облегчением увидев выскочившего, положив на эфес сабли руку, аристократа.

Всё, на что хватило сил у задыхающегося измученного юноши, перед тем, как он упал, потеряв сознание, это прохрипеть:

— Вышгород потерян!

Очнулся Ажинай только на следующий день. Сел на кровати и, бросив взгляд на левую руку, скривился. Ниже локтя его конечность заканчивалась бинтами, хотя больно уже не было. Принятое зелье восстановления позволило пройти основной части заживления достаточно быстро.

Обессиленно рухнув на подушку, он поднял взгляд на побелённый потолок. Весь его мир рухнул. Брат и друзья мертвы. Отец, островок уверенности и стабильности, тоже. Накатила ярость на несправедливость, на скотского монстра, поломавшего всю жизнь. Хотелось медленно рвать его на куски, лучше зубами. Видеть полные ужаса и боли глаза.

Кровавые мечты юноши прервали позывы организма, и, поднявшись с кровати, он, покачнувшись, отправился искать туалет.

Его пребывание в деревне не затянулось надолго. Он несколько раз рассказал собственную историю хозяину и его домочадцам, починил искорёженную броню. И уже через пять дней, тепло попрощавшись со спасшими его людьми, шёл по дороге, рассчитывая прибиться к какому-нибудь каравану до столицы.

Именно туда должны были прибыть его мать с сёстрами. Парень о многом думал, пока выздоравливал. Душа требовала мести, а разум — позаботиться о сёстрах и матери в незнакомом городе. При том, что месть представлялось чем-то невыполнимым, сделать выбор оказалось несложно.

Убить чудовище в бою? Многие пробовали, ни у кого не вышло. Как ни накачивайся алхимией, всё равно эффект один — смерть! Противостоять стихии нельзя, ненавидеть её глупо и бесполезно. Нужно строить свою жизнь заново.

Именно с такими мыслями юноша шёл в столицу. Ему повезло, уже к вечеру он встретил попутный караван, с которым калеке оказалось путешествовать куда проще. Одной

рукой даже огонь развести сложно.

Его рассказы об осаде и боях в Вышгороде встречали множество вопросов и обсуждений среди благородных на вечерних стоянках и приёмах пищи. А также полные злобы и надежды глаза черни. Ажинай всё чаще стал замечать подобное. Чем сильнее по стране шли слухи об уже двух падших городах, тем наглее становились низшие.

Просто тупой скот, не способный ни на что полезное, кроме как на самые тяжёлые работы. Нет у них способности к осмыслению мира и творчеству, не дали боги при рождении. И вот это вот убогое нечто стремилось уничтожить высших. Не понимая, что после этого, неспособные договориться между собой для любого дела большого, они просто сдохнут.

Но ничего, он позаботится о сестрах, а потом отправится обратно под стены Бродно. Монстр не может быть сразу везде и, значит, когда защитники ослабнут от голода, где-то они прорвутся на стены. А потом вырежут всю эту чернь, и прижмут её опять к ногтю во всей стране. И всё будет как прежде!

Но до столицы он не добрался. Во время отдыха на большом постоялом дворе, во двор начали втекать всадники. Не менее полусотни, в дорогой броне. А следом, на белом коне, в окружении ближней свиты, въехал молодой парень под трепещущим на ветру императорским флагом.

Поднялась большая суета, Ажинай, сплюнув, подхватил свою похлёбку и перебрался в самый угол обеденного зала. И просто смотрел, как расположились охрана и свита, а потом вошёл и сам принц.

Раньше, до войны, он бы обязательно постарался обратить на себя внимание. Выделиться. Постараться попасться на глаза, сделать карьеру. Сейчас же ему наплевать. В последний раз, когда он выделился из толпы, это стоило ему отца. Хотя, слушая мельком разговоры высших вокруг, он поймал себя на мысли, что суждения их его смешат. Не видели они ещё настоящего боя.

— Это глупость! Всех, кто там осаждают эту чернь, надо бить плетьюми! Как можно было не взять город, в котором только скот? — пробился особенно громкий возглас с соседнего стола.

Этого уже юноша не выдержал, сплюнул, и громко произнёс:

— Идиот.

За соседним столом повисла тишина, и потом тот же голос вкрадчиво спросил:

— И кто это такой умный нашёлся?

Ажинай смерил безразличным взглядом высокого лысого парня, вставшего с лавки, и равнодушно ответил:

— Какая тебе разница? Я там был, как и в Вышгороде, знаю, о чём говорю. А ты просто дурак, который не понимает что несёт.

— Готов ответить за свои слова?

Парень покраснел от охватившей его ярости, что при идеально обритой лысине выглядело даже немного комично. Усмехнувшись, Ажинай, отставил миску и, поднявшись навстречу, ответил:

— Легко.

В голове у него пронеслось, что он так и не придумал систему, позволяющую крепить на культу щит. Да и самого щита нет. В следующих боях это нужно обязательно поправить, повысить собственную боеспособность. Предстоящего поединка воин почему-то совсем не

боялся, не получалось после всего пережитого воспринимать это серьёзно.

— Да ты калека! — с разочарованием произнёс его соперник, увидев пустой заклёпанный наруч вместо левой руки.

— На тебя хватит! — сплюнул однорукий.

— Довольно!

Разнёсся по залу уверенный голос. Повернувшись, юноша про себя вздохнул. Вот тебе и нежелание привлекать лишнее внимание. Но уж слишком задела эта глупость, унижающая всех, кто сражался под стенами.

— Значит, говоришь, был там и там? — заинтересованно спросил принц. — Интересно. Расскажи.

Лёгким взмахом руки он указал на место за своим столом. Юноша не стал отказываться, в свою очередь, с любопытством смотря на принца. Длинные светлые волосы до плеч, около двадцати лет, уверенный взгляд карих глаз. Выглядел он, скорее, как типичный аристократ континента, чем представитель высших с островов.

Ажинай же, хлебнув вина из предложенного ему слугой бокала, стал неспешно рассказывать, что он видел и в чём участвовал. Затянулось это надолго, парень успел и перекусить, закончив уже совсем под вечер.

— Говоришь, сражаться бесполезно, как со стихией? — задумчиво произнёс принц, поглаживая чисто выбритый подбородок.

— Вы, наверное, не поверите, пока не увидите. Никто не верит, — вздохнул калека.

— Посмотрим, — усмехнулся принц и, на мгновение задумавшись, приказал: — Ты едешь с нами под Бродно, расскажешь моим людям, как этот «монстр» сражается и что видел более подробно. Свободен.

Юноша поклонился, не став перечить. И только про себя помолился всем мёртвым богам, чтобы твари скверны не было в осаждённом городе. Такую цель, как принц, он точно не пропустит, и все плюсы быть полезным важному лицу мигом превратятся в минусы.

Тем не менее, утром ему выдали лошадь, и воин занял место в строю, внимательно слушая разговоры на привалах и наблюдая ежедневные тренировки двух десятков гвардейцев. Особенно его смущали пятеро — значительно сильнее остальных. И мощь их с каждым днём уверенно росла.

Ажинай ничего не скрывал, рассказывая всё, что помнил о том, как дрался боец из черни, и его снаряжении. Но от гвардейцев старался держаться подальше. Слишком свежи были воспоминания, чем подобное может закончиться. Смерть друзей иногда до сих пор снится по ночам.

Он, всё-таки приспособил щит для левой руки, став чувствовать себя уверенней. Хотя до слёз жалко, что лук ему в руках больше не держать, теперь только рубить и колоть. Ещё и желательно в пешем строю.

А тем временем, они, наконец, прибыли в лагерь под Бродно. С момента ранения тут стало ещё больше укреплений. Настолько, что в лагерь их отряд вели специальные проводники, обводя мимо ловушек.

Встречать их вышел сам Тендзин, легко поклонившись принцу. Увидев Ажинай среди свиты, почти незаметно, кивнул и ему.

— Что тут у вас? — спросил принц, как только спрыгнул с коня. — Когда будет штурм?

— Последние дни тихо. Штурмовать не планируем, — пожал плечами толстяк.

— Я не думал, что тут так... — окинув взглядом стены города и укрепления вокруг,

протянул принц.

— Зачем ты прибыл? Возглавить осаду? — не стал ходить вокруг да около глава лагеря.

— Может быть. Но главное, до нас дошли слухи о человеке, который возглавляет город с той стороны. Я прибыл их подтвердить или опровергнуть.

— Переговоры? — недоверчиво поднял бровь Тендзин.

— Скорее, вразумление, если всё окажется так, как мы слышали, — криво усмехнулся принц.

Ажинай же потихоньку отвёл коня от свиты и, найдя взглядом одно из немногих из знакомых лиц, негромко спросил:

— Монстр не появлялся последние дни?

— Нет. И как мы слышали, он был занят в другом месте, — хмуро ответил ему знакомый высший. Увидев культу на месте руки, спросил: — Как я понимаю, там вы его тоже не остановили?

— Нет, — сплюнул в пыль юноша.

На душе у него отлегло, и он со спокойной совестью отправился размещаться в лагере, гадая, что будет впереди. Главное, чтобы принц не решил устроить штурм в честь своего прибытия. Юношу устраивала и спокойная осада, пока в городе не кончится еда, при которой ему желательно быть подальше от важных людей.

Впрочем, через несколько дней он стоял на корме судна, медленно идущего по реке в сторону города, и проклинал свою удачу, давшую ему место в свите принца. Под флагом императорской фамилии, кое-где и покрашенный в те же цвета, корабль полз навстречу другому судну, двигавшемуся от города.

На переделанном торговце находилась вся прибывшая гвардия, сейчас рассредоточившаяся по палубе. Это бы могло остановить даже монстра скверны черни, с учётом того, что у четырёх человек белки глаз уже затянуло тьмой. На корабле, медленно идущем к ним навстречу, видно было всего полдюжины человек, стоящих на носу.

Всё остальное пространство их корабля было закрыто деревянными щитами, за которыми иногда мелькали люди. Может, около полусотни. Вряд ли больше. Без своего карманного чудища это не будет проблемой для свиты принца.

Тем временем, корабли поравнялись. Гвардейцы кинули канаты с кошками, подтягивая борта, друг к другу. Принц, облачённый в полный доспех и с щитом в руках, сделал несколько шагов, подойдя к борту.

С той же стороны подошла девчонка в лёгком шлеме и бригантине по фигуре. Принц медленно поднял забрало, показывая своё лицо. И, тяжело вздохнув, произнёс:

— Значит слухи не врал, сестра.

— Ты меня узнал? Удивительно. Мы почти десять лет не виделись, Дан, — усмехнулась аристократка.

Вообще, на взгляд Ажинай, семейное сходство было налицо, особенно улыбка у них оказалась очень похожа. Но юноша окончательно перестал что-либо понимать в происходящих событиях. Каким образом принцесса оказалась в этом городе? Да ещё и на стороне черни?

— Чего тебе не хватало, Элеонора? Зачем ты начала всё это? — спросил принц, махнув рукой в сторону города.

— Оно началось без меня. Я просто оказалась здесь по пути к вам, — изобразив намёк на улыбку, ответила принцесса.

— Теперь я тут. Тебе стоит сделать шаг, и всё будет как раньше! — горячо произнёс блондин.

— А Люди? — негромко спросила девушка, кивнув на город.

— Люди? Они убили там всех людей. Сейчас это просто рассадник ублюдков, который нужно выжечь, иначе не будет покоя в нашей стране!

— Вот именно поэтому и случилось то, что случилось, — вздохнула принцесса. — Нельзя было обращаться с подданными подобным образом.

— Это просто чернь. О чём ты, сестра? Всё же хорошо было, пока ты не возглавила их. Я только не понимаю, зачем? Чего тебе не хватало?

— У меня убили отца. Ты знаешь? — поморщившись от его слов, невпопад поинтересовалась она, оглядев свиту принца. Особенно внимательно наиболее усиленных скверной бойцов.

— Слышал. Прими соболезнования. Но всё же? Мы бы подобрали тебе хорошего мужа, родила бы ему детишек. Хотя это и нелегко, ты же знаешь, в этом поколении мы должны мешать кровь по-другому.

— И я тут не к месту. Знаю, — кивнула она.

Ажинай про себя только хмыкнул. Найти пару на южном материке нелегко, они богаты, и небольшой по меркам их империи остров не стоит принцессы. Но нужно, иначе внешность детей императорского дома станет уже совсем не та.

— Устроить тебя мы сможем в любом случае, — отмахнулся принц. — Просто переходи к нам на корабль!

Она легко усмехнулась и негромко произнесла:

— Это сложно, Я не пройду консумацию. Так что не видать мне кучи детишек от местного «высшего».

Последнее слово, она произнесла с явно видимым отвращением, сделав на нём акцент.

Принц же сморщился, окинув её удивлённым взглядом:

— Что? Со скотом?

— Вы боитесь его, как подзаборные шавки. Вы построили всё это — она обвела рукой лагерь осаждающих, — благодаря страху перед одним человеком. Показывая, что вы всего лишь жалкая высокомерная плесень в ярких тряпках перед лицом настоящей силы!

Её поддержали довольные возгласы среди мужчин за спиной. Она вздохнула и закончила:

— Мы победим. Острова станут лучше. А «высшие» будут стёрты с полотна истории!

— Недаром вашу семью прижимали со времён катастрофы, — сплюнул принц. — Ничего не осталось от рода и государства, а самомнение как будто вы до сих пор правите Империей.

Он окинул презрительным взглядом Элеонору и посмотрел на своих людей, потихоньку занимающих места вдоль борта и готовых перепрыгнуть на чужой корабль. Сморщившись, добавил:

— И мать такая же, как ни выкорчёвывай из неё это. «Так неправильно», — с издёвкой, процитировал он. — А как прижало, ты мигом побежала на острова. Что, у такого великого рода больше не нашлось друзей?

— А все друзья — они, как вы. Беспольные, ничего не решающие в своей стране. «Императорский род», тьфу. Ни одного важного закона за последние пятьдесят лет протолкнуть не смогли. Пустое место с доходом среднего баронства на континенте.

Они замолкли, яростно сверкая друг на друга глазами. Ажинай усмехнулся, уж очень в этот момент они были сильно похожи.

Принц первым нарушил тишину, вздохнув, тяжело проронил:

— Нора, ты же понимаешь, что я не могу оставить тебя тут. Это смерть правлению нашей семьи. Город будет взят и разрушен, и всё будет закончено. Ты просто бесславно умрёшь.

— Вышгород тоже? И те города, что последуют за ним? — усмехнулась ему в лицо девушка. — Признай уже, что ваша система глубоко прогнила и неэффективна. У вас нет будущего. Лучше бегите на континент, пока мы не пришли за вами.

Блондин покачал головой и с сожалением протянул:

— Ты безумна... Жаль, что так вышло...

Она же оглянулась назад, посмотрела на своих сопровождающих, потом на готовых к атаке гвардейцев и негромко попросила:

— Не надо, брат. Нам есть, чем ответить. Пожалей мать...

— Бьёрн сел на корабль к материку неделю назад. А там его ждёт разгневанная бывшая богиня магии. Он не вернётся.

Слова принца ударили её, так что она даже отступила на шаг. А он, высокомерно усмехнувшись, продолжил:

— Ты думаешь, мы не способны узнать, кто нам противостоит? У тебя нет ничего, кроме высокомерия и этого охотника, сестра. И даже ребёнка он тебе не оставил. У тебя нет будущего, кроме как рожать детей, от кого мы прикажем!

Она прищурилась и твёрдо ответила:

— Уходите. Будем воевать.

А после отвернулась, показывая, что разговор закончен.

— Вот только ты — не будешь!

Сплюнув слова, принц, рванувшись вперёд, перепрыгнул сцепленные борта кораблей и, схватив её за плечи одной рукой, второй приставил нож к горлу. Замерли гвардейцы, ожидая приказа. Однако чернь на её корабле наоборот отступила, а толстый усатый мужик и вовсе встал на одно колено.

Ажинай лишь фыркнул. Низшие, они совсем как скот. Ни чести, ни достоинства. В мертвенной тишине прозвучали на удивление спокойные слова девушки, которая повторила:

— Не надо, брат.

— Заткнись, полоумная, — сплюнул он, заставляя её отступать спиной на свой корабль.

Перебираясь через борт сам, а потом заставляя и её, он был вынужден ослабить нажим на горле, чтобы не зарезать. Дальнейшее произошло быстро: оттолкнувшись ногами от борта, девушка ударила его спиной, заставив, пошатнуться и потерять равновесие. Нож звякнул о доспехи, не причинив вреда, а Элеонора развернулась лицом к брату.

Шаг вперёд. И один единственный выверенный удар неизвестно когда выхваченным кинжалом. Никто не ожидал подобного. Прежде всего принц. А девушка же, чётко выдернув из глазницы упавшего трупа нож, сделала шаг назад. А следом, рухнула на палубу, сворачиваясь калачиком.

Гвардия моментально бросилась на чужой корабль. Но как принцесса и говорила, им действительно нашлось, чем ответить. Раздался грохот, и по палубе пронеслась невидимая смерть, разрывая и отбрасывая тела. После, ещё одна частая серия хлопков.

Ажинай что-то сильно толкнуло в живот. И он, опустив голову, увидел ровную дыру в

доспехе. Ещё прогрохотало, ударяя в грудь. Рухнув на палубу, он смотрел, как на чужом корабле из-за щитов выступает чернь с дымящимися стволами в руках.

— А ты говорила, зачем пушки... — послышался сварливый голос толстяка, встающего с палубы. — Да вот затем!

— Твою же мать! Это был мой брат. И я его! Сама! Всё было слишком быстро. Я не хотела!

— Это война, принцесса, — сочувственно произнёс другой голос.

— И у неё есть законы. Мерзкие законы... — тоскливо протянула Элеонора.

Последнее, что услышал Ажинай из Вышгорода, как она глубоко вздохнула и холодным уверенным голосом громко приказала:

— Нам ещё рано показывать пушки всему миру. Добейте выживших, соберите тела и уходим!

Лёгкий морской бриз нёс приятную прохладу, в руке лежал стакан с чем-то ягодным. Сделав глоток, я откинулся обратно на моток каната, прикрыв соломенной шляпой лицо. Корабль шёл на материк, а я растянулся на корме в одних штанах, подставив грудь солнцу.

За спиной осталась кровавая зачистка города, которую я вряд ли захочу когда-либо вспоминать. Вышгород больше, чем Бродно, а нас всего четыре сотни, вместе с орками. Потом к кровавому угару подключилось и население, но начинать всё это пришлось нам. Штурмовать дома, убивая разбежавшихся группами благородных, после того, как мы победили в основном сражении.

Двое суток, с перерывом на короткий сон, я только и делал, что вламывался в чужие дома, подавлял сопротивление и уходил, оставляя закончить начатое остальным. И только когда убедился, что ситуацию не обратить вспять, смог нормально поспать.

Потом два дня обсуждений, и быстрый почтовый кораблик, неудачно для себя зависший в порту, был вынужден нести одного-единственного пассажира на континент. Свен остался подготавливать город к обороне, высказав матом всё, что он думает о моём желании покинуть острова в это время.

Однако, собранная Фионой толпа тварей всё больше, и ждать уже нельзя. К тому же, тут с обороной намного проще, чем в Бродно. Состояние стен значительно лучше, как и количество подготовленных бойцов. Несколько сотен наёмников, при поддержке формируемого ополчения, способны остановить под стенами большую силу. Помимо того, наёмники будут и ещё, Вышгород, как порт, может себе это позволить.

Блокада морского города — это что-то из области фантастики на данном уровне развития морского дела, без пушечного вооружения на судах. Отобьются. И смогут наладить сообщение с Бродно, отправляя туда еду и всё, что потребно для изготовления пороха.

Я получил возможность полноценно отдохнуть и подумать о том, куда меня занесла череда событий и что делать дальше. Точнее, как именно делать — с тем, что делать, уже всё понятно. Вся моя свобода выбора закончилась в тот момент, когда я устроил резню на площади. Я вписался за тысячи людей, и, хочешь или не хочешь, но мне тащить этот воз, вне зависимости от того, сколько мне времени осталось самому.

Пришлось отдать рецепт пороха городскому алхимику, теперь уже он пытается улучшить состав и разработать рецепт состава для капсулей. Несколько зарисовок улучшения оружия я тоже оставил, на будущее. Справятся.

История с городским алхимиком и его контактом с магом из благородных разрешилась довольно просто. Да, женщина. Благородная. С открытым источником. Вот только они уже были пять лет как женаты и с двумя детьми. Всё равно, разумеется, за ним особый пригляд, но, в конце концов, это не так уж всё и важно.

Как только ополченцы начнут активно воевать огнестрельным оружием, рано или поздно состав повторят. Местная алхимия, а вместе с ней и просто химия, развита очень хорошо, хоть и смотрела всегда в сторону магии. Это не говоря о том, что придётся привлекать много людей, когда объёмы производства сильно возрастут, кто-то обязательно продаст секрет, или он у него будет выпытан.

Хотя наладить производство оружия и пороха — займёт годы, за которые, при желании, можно захватить полмира. Да и вообще, оружие — это будущее финансовое благополучие

города и, вероятно, основная статья дохода, так что в кузницах сейчас кипит творческая мысль.

Есть рисунки, в том числе патронов, и даже принципа работы автоматического оружия. Этого хватит им на годы трудов и экспериментов. И я больше не особо переживаю за то, что город окажется взят, особенно после того, как проломил блокаду. Несколько поставок кислоты, хлопка, стали и свинца, а дальше ополченцев ничего не удержит.

Я сделал всё, что мог для города, это понимает в том числе и принцесса...

Тяжело вздохнул под лежащей на лице шляпой. Отпускала меня домой Элеонора с большим скрипом, слезами и криками за закрытой дверью спальни, чтобы, не дай боги, никто не увидел. Но, мой уход уже давно решён, так что ничего она не изменила. Единственное, о чём я жалею, что не смог оставить ей ребёнка.

При моём заражении скверной опасно иметь детей, ничего хорошего от этого не родится, по крайней мере, так было написано во всех книгах, что я читал. Могу лишь надеяться, что с Элеонорой и городом всё будет хорошо, как бы там у меня в будущем не сложилось.

Собранные лесной ведьмой силы уже не дают возможности ждать дальше. Хотя Фиона до последнего вытягивала из моей памяти всё, что могла. Что уже получается у неё не очень. Я привык, научился сопротивляться, показывая не то, что нужно.

Впрочем, сейчас сплю спокойно. В последних боях потратил скверну до минимума и не пытаюсь больше восполнить переработкой кристаллов. Только вчера, через столько дней, те запасы, что восполняет мой источник, пошли в наполнение резерва. До этого всё тратилось на восстановление тела. Два дня боёв далеко за гранью тяжело мне дались.

— Господин, к вечеру будем в порту, — оповестил костлявый, но при этом пузатенький капитан почтового кораблика.

Я на это только приподнял соломенную шляпу от лица и легко кивнул, показывая, что услышал. Спешить некуда, успею ещё в каюту, где под гамаком меня ждал тюк с доспехами, походными мелочами и стоящим возле стены тесаком.

Вечером, как и обещал капитан, корабль прибыл в порт, и я стоял на пирсе, облачённый в полный доспех. Остановился на крупном постоялом дворе и через трактирщика договорился о транспорте до деревни. Так что утром возле ворот постоялого двора, меня ждала повозка, запряжённая тремя лошадьми.

Долговязый молодой парень, окинув взглядом мои полные доспехи, дескать лишняя тяжесть, вздохнул и кивнул на тюк сена в возке позади него. Усмехнувшись, я занял своё место, держа шлем в руках. Легонько взмахнув кнутом, кучер скомандовал лошадям трогаться.

На мягкой копне сена должно меньше трясти, однако же нет, на кочках подбрасывало так, что я только удивлённо смотрел на возницу, задницу которого защищал только тонкая мягкая набивка. Как он жив вообще до сих пор?

Трактирщику я заказывал самый быстрый экипаж, что он найдёт в городе. Добавив, что деньги значения не имеют. И получил, что заказывал!

Повозка скрипела металлом и деревом, залихватски свистел возница. А лошади летели над землёй, иногда выдавая как бы ни больше, чем пятьдесят километров в час. Моё желание подремать на сене быстро испарилось, а руки вцепились в борта телеги.

Удивительно быстро. Возница иногда пускал их шагом, давая отдохнуть, поил и сытно, дорого кормил на постоялых дворах. За день мы прошли четыре дневных перехода. И могли

бы быстрее, если бы кучер не берёг своих лошадок, как зеницу ока. Не удивительно, до этого я думал, что подобные скорости возможны только под алхимией.

Однако же, нет. Правильная упряжь, хорошо подобранные лошади, крепкая телега с надёжными колёсами. А если бы можно было менять лошадей в пути... Но до этого тут пока экономика не развилась. Кое-где есть такие маршруты, как я читал, а в старой Империи их было ещё больше, но не здесь и не для тройки лошадей.

Тем не менее, засыпал я с воодушевлением, рассчитывая, что у меня появится время на подготовку к бою в деревне. Лошади несли повозку вперёд, и с каждым километром приближения к лесу я чувствовал, как скверна во мне разрастается, щедро питаемая на изрядно подросшем внутреннем источнике.

Чем ближе мы были, тем меньше я тратил своей собственной энергии на каждое действие, и тем больше приходило извне. Ночью ко мне пришли видения скверны. Я смотрел с высоты драконьей шеи на десятки различных тварей, сотни гоблинов и ещё одного дракона. Всё это было собрано вокруг ядра, и с выплеском скверны, который ощутили собранные твари, из него выступила затянута во тьму фигура с рассыпавшимися по плечам длинными волосами.

Глубоко вдохнув лесной воздух, Фиона, мягко ступая, подошла к ближайшим зарослям паутинки, протянула руку, и растение стало обивать её, формируя броню. Найдя взглядом ящера, глазами которого я смотрел вокруг, она улыбнулась и произнесла:

— Время ответить за всё, Бьёрн.

По скверне вокруг неё пробежала волна, и меня выбило обратно в тело. Открыв глаза, я лежал, смотря в потолок, обдумывая увиденное. Идти им от средоточия скверны три-четыре дня. Я успею. Хотя финальный отрезок придётся бежать самому.

Но всё равно утром я высыпал перед завтракающим возницей горсть золотых и негромко проговорил:

— Нужно быстрее. Деньги не важны.

Тот замер, загипнотизированный видом золота перед ним. Протянул руку, взял четыре монеты и отодвинул остальное. Подняв на меня взгляд, твёрдо вымолвил:

— Будет быстрее. Но лошадей я загонять не буду, деньги того не стоят. Не устроит скорость, верну золото.

— Главное, хоть немного быстрее, — пожал я плечами, сгребая монеты обратно.

И мы ускорились. Вечером на постоялый двор прибыли, пройдя пять дневных переходов, так же, как и на следующий день. Лошади тяжело хрипели, но уставший возница не отходил от них ни на минуту, добавляя что-то в корм и воду, обтирая, отпаивая своих животных. Да и спать он лёг на конюшне, присматривая за ними постоянно.

Мне в голову приходили видения шествующих по лесу тварей. Они были всё ближе и ближе, и я узнавал знакомые места. Вот в поле зрения попала первая ночная стоянка, которую я оборудовал для путешествия с магистром Ингельвином.

Сроки стали понятны, и утром я сидел, как на иголках, пока возница запрягал лошадей. Но молчал. Торопить парня не было смысла. Хотя, когда мы уже были готовы трогаться, я негромко произнёс:

— Сегодня последний день. Вечером уже сможешь отправляться по своим делам или обратно.

— Мы же не доедем до места, — нахмурился парень.

— Дальше я добегу сам, — криво усмехнулся я.

— Как знаешь, — пожал он плечами и, взмахнув кнутом, воскликнул: — Пошли, родные!

Я откинулся назад, прикрыл глаза и сосредоточился на скверне. Силы скопил достаточно, поэтому скользнуть в пелену видений сложности не составило. Правда, короткая картина прущей по лесу орды практически сразу закончилась ментальным ударом от бывшей богини.

Впрочем, я узнал всё, что хотел, так что расслабленно выпил воды, сумев даже задремать, несмотря на тряску и скорость. Уже ближе к полудню мою дрёму нарушило зыбкое видение, на котором мелькнула стена деревни. Открыв глаза, я поморщился и приказал вознице:

— Тормози. Теперь я сам.

Вышел, проверил снаряжение и стал снимать сапоги, повесив их на шею. Продышался и, под удивлённым взглядом парня, бросился вперёд. Вдох, выход, направляя скверну в мышцы, а потом просто составляя программу движения.

После определённого предела мощности скверна больше не усиливает мышцы, а работает, скорее как контактный телекинез, тело становится марионеткой приложенной силы. Внятно выраженный, визуально оформленный приказ скверне — и происходит движение. Правда, к этому нужно привыкнуть, иначе каждый импульс закончится разорванными мышцами и связками.

Именно так я могу двигаться далеко за пределами собственной скорости реакции. А также, благодаря богатому опыту работы в таком режиме и адаптировавшемуся организму, побеждать всех, кого против меня бросали благородные на островах. То, что они делают инстинктивно, уже за гранью срыва, я совершаю полностью осознанно.

В те моменты, когда у меня есть на это время, конечно — чаще всего скорость боя такова, что остаётся положиться только на рефлекс и инстинктивное усиление. Впрочем, и в этом случае мой контроль силы лучше всех. Если не считать лесную ведьму, разумеется.

Тело практически легло параллельно земле, проламывая воздух, за спиной взлетала поднятая пыль. Босые ноги вгрызались пальцами в грунт, бросая тело вперёд. А я всё добавлял энергии, поднимая скорость.

Дорога по краям зрения слилась в неразличимую полосу, отматывая десятки километров пути. Бег сменялся ходьбой, потом опять бегом и короткой остановкой, на которой я быстро перекусил и продолжил забег.

Страшно не успеть. Скорость росла всё сильнее, быстрее, чем требовалось даже, чтобы бежать по воде. Вокруг потянулись знакомые места, сбросив скорость, пошёл, восстанавливая дыхание. Хотелось бежать, срывая связки и дыхание, лишь бы успеть к деревне первым.

Однако, вместо этого, я, присев на пень, надел сапоги и глубоко дышал, подготавливаясь к бою. Поднялся и уверенно пошёл к селению: сотня метров, две, впереди раздался звериный рёв, крики, а следом закончился подлесок, и глазам предстало поле битвы.

Три здоровенных древня подходили к замковому рву, позади, в тылу, держались два дракона. Сотни три обычных гоблинов, полсотни троллей, несколько десятков шаманов, управляющих парой сотен простых лесных тварей. И там, позади всего этого, знакомое подавляющее присутствие бывшей богини.

Повея носом, я нашёл возле неё ещё одну сильную ауру с привкусом тлена и безумной

жажды: Фиона где-то нашла ещё одного вампира.

Но есть и хорошие новости: деревня полностью пуста, а значит, в данный момент все в замке. Не я один балуюсь скверной, достаточно людей, которые смогли предвосхитить такое крупное и главное, длительно планируемое нападение. И орде придётся штурмовать набитый опытными людьми замок.

Тесак выскользнул из ножен, а сами ножны я отстегнул и бросил в траву. Они мне не понадобятся, будут только мешать.

Подняв клинок, стал ускоряться, выбрав целью скопление шаманов. Я много сражался с тех пор, как впервые оказался в лесу, и сейчас предстоит показать всё, чему научился. Спасение в скорости — они даже не должны понять, что их убило, и не успеть попробовать переключиться с управления животными на меня.

Разгон, прыжок, ещё один, рубануть, убирая с пути тролля, и вот я уже среди шаманов. Один взмах мечом, следующий, метнуться вбок, ещё два трупа, рывок вперёд, походя, снося левой рукой череп гоблинскому колдуну скверны. Наклон параллельно земле, прыжок, взмах меча, падает срезанная голова, и разваливается на две неровные части другая цель.

Сместиться, ещё раз, не давая сосредоточиться на мне, прикрываясь телами от Фионы и остальных шаманов. Составление программы движения, старт!

Мир мигнул, а за спиной упало четыре удобно расположенных для атаки тела. Долю секунды на ориентацию, и мир мигнул ещё раз. В сторону отлетает гоблин со снесённой локтем башкой, но меня там уже нет, рывок, и три удара тесаком прикончили шаманов в зоне видимости.

Воздух вокруг пропитался запахом крови и скверной. О, сколько вокруг силы, втекающей в ауру, наполняющей тело мощью и злобой. Нет больше голодного пайка, тьма начинает окутывать доспехи, тесак, и всё равно ещё остаётся.

Рывок, три удара, щедро брызнувшая в лицо кровь. Разум затягивает сладкая пелена ярости, ощущения собственной силы и власти. Но — не сейчас, безумие нужно оттягивать. Впитывая разлитую вокруг энергию, продумал схему движения и отдал приказ скверне. Несколько трупов, мигнувший мир, и вот я оказался перед пятиметровым древнем.

Удары тяжёлым тесаком крошили пропитанное тьмой мутировавшее дерево. В каждый удар, не скупясь, заливал силы, отрубая конечности, толщиной в половину длины лезвия. Дрогнула земля, когда рухнуло огромное тело, а сильный удар расколол ствол, рассекая центральный нервный узел.

Найдя взглядом ещё двоих, я пронёсся рядом, отрубая опорные конечности, и, развернувшись, бросился в толпу наступающих гоблинов и тварей. Каждое движение несло смерть: раздавленные грудные клетки, выпотрошенные тела, отрубленные конечности. Всё знакомо и привычно.

Тесак лягнул, парированный натянутым тьмой полуторным мечом. И тут же на меня обрушился град ударов от атаковавшего вампира. Мельком окинул взглядом сухопарое тело в старой кольчуге и северного дизайна шлеме, из-под которого блеснули натянутые кровавой тьмой глаза.

Очень быстрый и сильный враг. Один его удар вскользь пройдя по наплечнику, заставил меня пошатнуться, а сталь протестующе заскрипеть. Но силы вокруг столько, что уже через долю мгновения я ответил, взорвавшись серией атак. Голова, ноги, торс, голова, левая рука.

Последний удар получился, и на землю полетела кисть в латной рукавице. А я не останавливался, продолжая бить. Но слишком увлёкся, оставаясь на одном месте, и меня

окатила волна агонии, направленной несколькими шаманами позади.

Тело хотело, подвывая от боли, свернуться на земле, но разум составил программу движения и отдал приказ скверне. И вот я уже среди них, разрубая первого шамана в поясе, чисто на инерции движения. Ещё несколько ударов, и смещение в сторону, бросив взгляд на шатающегося вампира, тоже попавшего под атаку шаманов.

Тем временем, несмотря на все мои усилия, орда монстров достигла рва. Подтащились недобитые древни, сплетая тела и становясь живым мостом, по которому к стене потекла волна тварей. Небо затянула жужжащая туча, и на стоящих наверху защитников обрушились изменённые скверной насекомые.

Зазвучал мат, прорвавшись даже сквозь шум битвы и рёв мутировавших зверей. Спустя десяток секунд в воздухе поднялась мелкая водяная взвесь, через мгновение вспыхнувшая. Все стены залило огнём, обдав пламенем сталь брони бойцов, а вниз дождём стали падать сгоревшие насекомые.

Я прыгнул вверх, осматривая поле боя. И таки смог заметить пятерых гоблинов, управляющих этой тучей насекомых в паре сотнях метров левее. И всё бы хорошо, но их прикрывала драконья туша, что может доставить проблему.

Рухнув на землю, прямо на гоблина, раздавив череп в процессе, вырвал ногу из кровавого месива и бросился на прорыв. Пришлось прорубаться сквозь плотную толпу, беспрестанно орудуя тесаком. В воздухе висела поднятая моими ударами кровавая взвесь, оседающая на доспехах, лице, мешая дышать.

Вместе с ней впитывалась и сила, больше, чем у меня когда-либо было. Каждый лёгкий удар приобретал неостановимую силу. Тесак сносил по несколько тел за раз, не останавливаясь и не разбираясь, перерубил тело пополам или просто вспорол мясо.

Хорошо. Но нужно ещё быстрее! Мир слился в череду картинок, когда я намечал следующее движение. За спиной оставались десятки тел, пока впереди не осталась драконья туша. Вбив ноги в землю, чувствуя, как разваливаются сапоги, влил в движение огромное количество силы и выстрелил себя вперёд.

Зажатый в обеих руках тесак больно ударил в ладони. А я оказался среди шаманов, оставляя позади драконью тушу с двухметровой раной, вспоровшей грудь и брюхо, выпустив кишки.

Несколько ударов, и трупы шаманов разлетелись по сторонам. А я уже был среди простых тварей, выкашивая их ряды.

Больше скорости! Это единственное желание, что я вбивал в скверну, щедро втекающую в меня беспрестанной рекой. И древняя, искажённая последней волей умирающего бога сила, ответила. Мир вокруг стал замедляться.

Я засмеялся...

Схватив левой рукой гоблина за шею, оторвал ему голову вместе с куском позвоночника и, продолжая смеяться, обрушился на толпу тварей передо мной. Жадно слизнув попавшую на лицо кровь, сильным ударом снизу разрубил на части тролля. А потом и ещё двух.

Мощь и ярость переполняла! Прорубаясь сквозь толпу, я не заметил, как оказался под стенами замка, отрубая бошку здоровенному волчище. Больше крови, больше силы!

Медленные хрупкие враги летели в стороны, по частям или со страшными ранами. Мелькнула кольчуга атакующего вампира. Но он стал слишком медленным и слабым. Тесак вошёл ему в плечо, сминая кольчугу, тело под ней, ломая кости, прошёл дальше, разрывая стальные кольца и выходя у бедра.

Половинки тела остались позади, высвободив ещё больше силы, и жатва продолжилась. Тела мешались под ногами, на крови и внутренностях можно было поскользнуться. Но найдя взглядом сидящую на драконе ведьму, я шагнул в том направлении, начиная прорубать себе путь.

Лесные твари, гоблины, шаманы, ничего не могло остановить меня. Срубив голову очередному троллю, я почувствовал попытки транслировать через скверну чужую волю. Не останавливаясь, подхватил из мёртвой руки гоблина копьё и одним движением отправил его в помеху моему пути.

Сила броска оказалась так велика, что стоящего в трёх десятках шагов шамана пробило насквозь, и копьё вылетело со спины. Были ещё попытки, но для меня они казались такими невнятными, медленными, существующими в другом временном темпе. Не соответствующими текущей скорости восприятия.

Как и всё вокруг. Вот гоблин медленно открывает глаза, перед тем, как тесак делит его на верхнюю и нижнюю часть в поясе, поворачивают головы соплеменники, не успев понять, что по ним чертит кровавую полосу клинок.

Разум всё глубже погружался в пелену безумия, лишь изредка выхватывая окружение и прокладывая путь к цели. Пока, наконец, передо мной не оказалась огромная туша. Ударивший по лапе тесак остановился в покрывающей дракона тьме, и, не выдержав удара, согнулся под острым углом.

Отбросив негодный больше меч, ударом ладони надломил треснувшую кость окончательно, и прямо предо мной оказалась грудная клетка припавшего к земле из за сломанной ноги ящера. Удар ладонью, как копьём, вошёл в грудь, и рывок обратно выломал наружу ребро. Удар левого кулака сломал ещё одно.

Драконья кровь заливает лицо, глаза, попадает в рот. Не выдержав искушения, делаю глоток. Сверху прилетает удар когтей: сдвинувшись в бок, ударом латной перчатки дроблю кости на лапе, рывок вперёд, и ладонь выдирает кусок сердца у бьющейся в агонии огромной туши.

Кровь. Сила. Бесконечная ярость. Бросок в толпу врагов, ударом руки снося голову троллю, и дальше! Хватать тела, рвать их на куски, жадно глотая кровь. Последней сценой, которую я запомнил, было, как подхватил за ноги и руку гоблина: лёгкое движение, и разорванное пополам тело окатило меня кровью.

Скверна внутри взвыла тёмным огнём, обволакивая сознание, проникая в самую суть души и тела. Не осталось больше Бьёрна, лишь машина, алчущая крови, смертей и силы. Без ограничений, бесконечно!

И над полем битвы, пронёсся рев, в котором больше не осталось ничего человеческого, лишь жажда убийства.

Эрна смотрела со стены, закусив губы, на то, что творилось внизу. Она не ожидала увидеть такое когда-либо.

О нападении было известно за несколько дней. Слишком большая концентрация тварей от многих перекрёстных видений у местных «нюхачей». Подобного нападения ещё никогда не было, так что, как только пошло движение общей массы атакующих тварей, всё население перебралось в замок, подготавливаясь к обороне.

Сидели друг у друга чуть ли не на голове, но другого варианта нет, удержать деревню не выйдет. И когда орда выкатилась из леса, на стене раздались маты, проклятия, кто-то даже молился.

Впрочем, страх не мешал взводить баллисты, натягивать тетиву арбалетов и луков. А самой Эрне готовить накопители маны, кислоту, яд и огненное зелье. Ну а потом на поле боя появился Бьёрн, и получилось то, что она сейчас наблюдала.

Волна насекомых доставила сложности, но заготовка с распылением огненной смеси в воздухе дала своё. Дальше, наступление тварей захлебнулось, остановленное одним-единственным человеком.

— Во даёт! — восхищённо присвистнул рядом Эрхард, когда упал на бок со вспоротым брюхом один из драконов.

Залитая кровью фигура, перемещаясь почти незаметными глазу рывками, оставляла за собой порубленные тела. Свистнули баллисты, подловив хорсу под стенами, били лучники и арбалетчики. На импровизированный мост, составленный из тел огромных тварей, вылили огненной смеси, и снизу раздались полные боли визги.

— Он выбивает шаманов и самых сильных тварей, — нахмурился Густав. — Не рассчитывает, что его хватит надолго?

— Его не хватит, — покачала головой Эрна, вцепившись побледневшими пальцами в парапет бойницы.

— Пока так не скажешь, я даже отсюда чувствую, как он скверну впитывает, — хмыкнул баронский маг.

— Это только половина проблемы, — тоскливо проговорила девушка.

— Вампира на части! Одним ударом! — недоверчиво крикнул один из наиболее остроглазых бойцов барона.

Под стальной вихрь, тем временем, втягивались всё новые твари, ведомые волей древней богини, пытаясь измотать и ослабить Бьёрна. Но тот как будто ничего не замечал, перемалывая созданий скверны, более того, начал сдвигаться в сторону леса, где верхом на драконе застыла затянута в броню из побегов фигура.

Через десяток ударов сердца мёртвый дракон завалился набок, заставив лесную ведьму отступить дальше в лес. Бьёрн же врубился в тварей, разрывая их на части голыми руками.

— Почему он не атакует суку? — недоумённо спросил один из солдат.

— Он не в себе, — поморщившись, ответил ему Густав.

Вторя его словам, над сражением пронёсся рев, а Эрна вскрикнула, прижав руки к груди и вцепившись зубами в кулак.

— Всё. Сорвался, — сплюнул Альберт, и громко приказал: — Если он пойдёт на нас, стреляйте, окажется на стене — бегите!

Между тем, орда, лишившись шаманов, стала разбредаться. Часть монстров поедала павших, другие атаквали соседей. Только гоблины продолжали атаковать, древняя программа живого оружия, приправленная приказом, не давала им сдаваться.

Густав, тем временем, поморщился, вцепившись в рукоять меча. Мужчина перед боем принял ряд зелий, так что сейчас хорошо ощущал скверну. Даже со стены ощутив желание встать на колени, он оповестил окружающих:

— Она пытается взять его под контроль!

Бьёрн действительно замер на мгновение, окружённый трупами гоблинов. Повёл вокруг безумными глазами и исчез, оказавшись возле ведьмы, одним ударом руки отправляя её в полёт на десяток шагов. Он бил и бил, а в стороны летели куски побегов, которыми она пыталась атаковать, беспрестанно отступая.

— Она его к нам ведёт, тварь! — скрипнул зубами баронский алхимик.

— Вы же хотели с ней договориться, господин Альберт, — не преминула уколоть его Эрна.

— Готовь ману. Если твой брат бросится на замок, то останавливать его придётся нам с тобой, — стегнув девушку злым взглядом, приказал Альберт.

Бывшая богиня ускорила, всё чаще уходя от ударов, а не только принимая их на затянутые тьмой руки и побеги. Однако она не успела догнать скорость врага. Сильный удар ногой в грудь отбросил её к самому рву, и, тут же, не давая и мгновения передышки, Бьёрн оказался рядом и стал избивать.

Фиона атаквала одним из своих управляемых побегов, но он оказался перехвачен ладонью, и её бросило под мелькнувший кулак. Она закрылась рукой, но даже на стене было слышно, как хрустнула кость. Впрочем, списывать со счетов лесную ведьму рано: скверна пришла в движение, а перед бывшей богиней магии загорелась тёмным пламенем руна.

Бьёрна как будто огрело дубиной, отбрасывая на три десятка шагов. Но он, затянутый тьмой и облитый кровью, поднялся и бросился обратно. Его опять отбросило. И ещё раз.

Потом он замер в низком старте, зарываясь ногами в землю. И спустя долю мгновения оказался рядом с ней, пропустив атаку магией сбоку. Фиону унесло в сторону от удара ногой. Удар, ещё удар. Воздушная волна с её стороны, вышла слабая, откинув его едва на несколько шагов. А вот прилетевший в ответ кулак, сломал ей и вторую руку.

Она закричала, и, уже ненаправленным ударом силы, вырвавшим остатки травы вокруг лесной ведьмы, отбросила его опять. Воин перевернулся в воздухе, оказавшись на ногах, зарычал, готовясь к рывку. Однако, вместо нападения недоумённо опустил голову вниз, вцепившись рукой в доспехи на груди, как будто пытаясь сорвать их с себя. Сделал несколько шагов по направлению к Фионе, запнулся и рухнул на землю.

Больше он уже не встал.

— Брат! — закричала Эрна, оглядываясь вокруг безумным взглядом.

Ров и поднятый подъёмный мост не давали возможности спуститься.

Внизу, тяжело ступая, бывшая богиня подошла к телу охотника. Остановившись над ним, замерла.

— Стреляйте же, не дайте суке его добить! — крикнула Эрна, выхватывая из-за спины арбалет и взводя рычаг.

— Она не собирается его убивать, успокойся, — Густав положил ладонь на ложе арбалета, не давая наложить стрелу. И, внимательно смотря вниз, спросил девушку: — Что с ним?

— Скорее всего, сердце. Что она хочет с ним сделать, что ты чувствуешь в скверне? — быстро спросила она.

— Она его лечит?! — удивлённо воскликнул кузнец.

— Мне нужно туда! — твёрдо бросила девушка, бросаясь к воротам.

Кузнец с трактирщиком переглянулись и последовали за ней. А Альберт бросился к барону, крикнув:

— Это наш шанс!

Тот, оглядев столпившихся во дворе воинов, кивнул и крикнул:

— Опускайте мост, добивайте остатки! Богиню не трогать!

Что было завуалированным разрешением попутно начать собирать трофеи. И как только мост рухнул на землю прямо на трупы тварей, по нему вперёд проскакала тяжёлая конница с копьями наперевес, а следом шёл ошестинившийся копьями строй, закованной в полную броню пехоты.

Эрна сразу же бросилась к брату, а за ней шли барон с алхимиком и Эрхард с Густавом. Фиона не удостоила их и взглядом, положив ладонь на грудь Бёрну. Правая рука, сломанная сильнее, так и висела вдоль бедра.

Вблизи было видно, насколько ей досталось. Весь доспех представлял собой месиво, с местами проглядывающей белой кожей, покрытой огромными синяками. Но, при этом, она продолжала заниматься Бьёрном, только и проговорив:

— Если вы нападёте, я перестану качать кровь. Не отвлекайте.

Эрна, рухнув на колени рядом с телом, сжала в руках накопители, посылая волны магии, в попытке оценить состояние. Не получалось. Скверна полностью забивала все попытки хоть что-то сделать и понять.

— Разрыв сердца, — соизволила просветить её лесная ведьма.

Девушка сжала губы, смотря на тело остановившимися, начинающими наполняться слезами, глазами. Но, встряхнувшись, повернулась к Фионе и спросила:

— Что можно сделать? Ты же не просто так его лечишь?

— Я не вылечу подобное здесь. То, что вы называете скверной, не может подобное.

— Здесь? — уцепилась за оговорку Эрна.

— Готовьте свои кристаллы. По команде начнёте напивать руны, — коротко ответила бывшая богиня.

Убрав ладонь с груди лежащего на земле тела, она поднялась и шагнула к мосту. Протестующе заскрипел один из полуживых древней, когда ударвишие от неё отростки вонзились в него, перекачивая скверну и питательные вещества.

На глазах, доспех восстановился, а потом она подступила ближе и отростки ударили в землю, формируя вокруг неё клетку. На участках стремительно темнеющей и отмирающей древесины начали проявляться руны.

— Зачем он вам? Что в нём такого ценного, что вы спасаете ему жизнь? — задал вопрос барон.

— И зачем было нападать, если вы всё равно не собирались его убивать? — дополнил его алхимик.

Она проигнорировала их вопросы, сосредоточившись на рунах, часть из которых засветилось красным светом, наливаясь искажённой маной. И лишь показала магам пальцем на несколько рун, повелев:

— Наполняйте силой. И принесите несколько тел тварей посильнее.

Оглядев руны, снова наклонилась над телом, поддерживая в нём жизнь.

Густав сжал зубы, смотря, как баронские солдаты подносят запрошенные тела тварей. Атаковать бывшую богиню никто не собирался, несмотря на приведённую ею орду, остатки которой сейчас добивали и потрошили на реагенты. Страшно нападать, все видели, что она на равных сражалась с тем, во что превратился Бьёрн.

Бывшая богиня магии, тем временем, отвлеклась от почти не дышащего тела, вытащила у него из ножен кинжал и, резанув палец, прошлась им по рунам, оставляя на них кровавые разводы. Да и что за руны...

Ведьма игнорировала многие необходимые построения, активируя фигуры, которые ни у кого не работали со времён катастрофы. К ней все эти ограничения, как видно, не относились.

— В стороны, если хотите жить, — приказала Фиона.

Руны засветились разом, и сидящую на колене возле Бьёрна волшебницу затянуло тьмой, вытягивая скверну из всего вокруг. В том числе и из самой Фионы и лежащего тела. Силы требовалось много, но хватило. Небольшая сфера черноты на секунду вспухла тёмным пламенем и исчезла с поля боя.

Внутри же, бывшая богиня вцепилась в тело, ощущая, как рвётся граница миров и вокруг раскрывается демонический план, принимая новых гостей. Скверны осталось совсем немного, но она уже и не нужна.

— Как же хорошо... — протянула женщина, ощущая, как вокруг текут реки маны. Бледные, слабые, лишь слабая тень того, что было когда-то.

Ей этого достаточно. Покорная воле сила втекала в неё, оборачиваясь огнём, выжигая остатки скверны. Всего несколько минут ей понадобилось, чтобы уже чистая, насколько она может быть на демоническом плане, энергия наполнила её ауру.

Отвалился с кожи доспех из мёртвого изменённого растения, сила впитывалась в тело, лежащее на красном песке, выжигая заразу и там. Это не заняло много времени, слишком много скверны вытянуло из него перемещение.

Следом, их обоих накрыл яркий белый свет высшего исцеления. Заживали сломанные кости, рассасывались шрамы. Однако лежащему перед ней воину силы воздействия не хватало. Рассасывались рубцовые ткани, восстанавливалось сердце и сосуды. Но общий износ организма всё равно, как у старика. Парень сполна заплатил за силу. Ту, что он имел. Раньше.

Закончилось действие заклинания, и Фиона пошевелила пальцами, заставляя остатки своей брони трансформироваться, становясь коротким платьем. Поморщилась, чувствуя внутри жалкие остатки маны. Потоки силы совсем скудны, вытащив из них силу на исцеление, теперь предстояло долго копить.

Сила копилась, лежащий на земле человек, чьи знания обещали сократить время выполнения плана на столетия, зашевелился. Фиона провела пальцем по идеальной коже на щеке, где после исцеления не осталось и следа шрамов.

Как же хочется оторвать ему сейчас голову... Но сначала она изымет из этой головы всё, что может представлять ценность, уже магией, а не костылями скверны. Стоит лишь накопить ещё немного маны. Жалко, что пришлось потратить столько силы на лечение, но...

Богиня ещё раз провела рукой по гладкой щеке. Это того стоило. Да и не получится из мертвеца вытащить всё, что нужно, это займёт время.

Тело перед ней зашевелилось, и она только собиралась продлить его сон, когда рядом с

ней пошёл рябью воздух, и перед ней соткался фиолетовый шар, подёрнутый туманной дымкой. Над красной пустыней пронёсся странный искажённый голос существа, давно забывшего, как говорить.

— Зачем ты пришла?

— Нужна сила, — коротко ответила она бывшему богу, выбравшему совсем другой путь самосохранения.

— Уходи. Тут нет места тебе.

— Жди. Нужна сила.

— Уходи.

Фон маны вырос, а от фиолетовой сферы потянуло яростью.

— Уходи!

Фиона поморщилась, она узнала ауру: древний бог одного из племён кочевников, даже в лучшие годы не отличался умом. А тут, под влиянием нестабильного мира, и вовсе потерял последние остатки здравомыслия. Но магии набрал много, сила от него буквально льётся в окружающий мир, повышая общий фон.

Часть бездарно уходящей энергии она впитывала, но воевать с ним сейчас не выйдет, особенно в этом теле. Идиот не знает слов «договориться», слишком боится за свою драгоценную силу и не желает делиться и толикой. Да и просто слишком безмозглый.

Её разум быстро перебирал варианты решений: сражаться не получится, остаётся только бежать. Между тем, в воздухе запахло грозой, божок явно собирался атаковать.

— Ухожу! — выплюнула слова она, хватаясь за Бьёрна и концентрируя силу для перехода.

Энергии мало, выход будет неизвестно где, но никаких вариантов нет, убогий божок сейчас ударит. Будь у неё больше времени и, самое главное, если бы не пришлось собирать столько силы для высшего исцеления, заявив о себе на огромные пространства...

Пришлось крепко прижаться к облитой кровью броне, оказавшись лицом к лицу с парнем. Бьёрн же открыл глаза и с издёвкой улыбнулся. Он явно пришёл в себя достаточно давно, чтобы понимать что происходит.

— Везучий ублюдок! — прошептала Фиона, начиная перенос их в обычный мир.

Больше книг на сайте - Knigoed.net